

**БЕСЕДЫ
ОБ ЭКОНОМИКЕ**

ТОМ VII

2020, Москва

БЕСЕДЫ ОБ ЭКОНОМИКЕ • CONVERSATIONS ABOUT ECONOMY • 经济访谈录
ТОМ VII
2020

**БЕСЕДЫ
ОБ ЭКОНОМИКЕ**

The Free economic society of Russia
Conversations about Economy

俄罗斯自由经济协会刊物
经济访谈录

ВОЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО РОССИИ

БЕСЕДЫ ОБ ЭКОНОМИКЕ

ТОМ VII

The Free economic society of Russia
Conversations about Economy

俄罗斯自由经济协会刊物
经济访谈录

ВОЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО РОССИИ

2020, Москва

Под редакцией С. Д. Бодрунова

Крупнейшие экономисты России обсуждают самые актуальные проблемы. В «Беседах об экономике» собраны наиболее интересные дискуссии, прошедшие в ВЭО России. Идеи, анализ и оценки, изложенные в книге, нередко становятся частью различных государственных программ развития.

В книге дан глубокий экскурс в историю работы Императорского Вольного экономического общества, приведены мнения видных зарубежных ученых, рекомендованы издания по темам бесед.

«Беседы об экономике» — научно-популярное издание для широкого круга эрудированных читателей.

© ИНСТИТУТ НОВОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ (ИНИР) ИМ. С. Ю. ВИТТЕ, 2020

© С. Д. БОДРУНОВ, 2020

ISBN 978-5-00020-070-4

БЛАГОДАРНОСТИ

Редакционный совет,
Редакционная коллегия,
Научный совет выпуска,
Группа выпуска

ИСКРЕННО БЛАГОДАРЯТ

За активное содействие реализации идеи серии «Бесед об экономике»

- Контрольное управление Администрации Президента Российской Федерации,
- Комитет Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по бюджету и финансовым рынкам,
- Комитет Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по экономической политике,
- Комитет Государственной Думы Российской Федерации по финансовому рынку,
- Комитет Государственной Думы Российской Федерации по образованию и науке,
- Министерство промышленности Российской Федерации,
- Научно-экспертный Совет при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации,
- Уполномоченного при Президенте России по правам предпринимателей,
- Российскую академию наук,
- Академию общественных наук Китайской Народной Республики,
- «Российскую газету»,
- телеканал «Общественное телевидение России»,
- телеканал «Санкт-Петербург»,
- телепередачу «Дом "Э"» на телеканале ОТР,
- телепередачу «Промышленный клуб» на телеканале «Санкт-Петербург»,
- Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП),
- Общероссийскую общественную организацию «Деловая Россия»,
- Торгово-промышленную палату Российской Федерации,
- Международный комитет Вольного экономического общества России,
- Фонд центрально-азиатских исследований Кембриджского университета,
- Государственный Пекинский университет,

а также

за организационное содействие и поддержку в проведении мероприятий Вольного экономического общества России, в рамках которых состоялись беседы,

- Российскую академию наук,
- Дом ученых Санкт-Петербурга,
- Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
- Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
- Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет),
- Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
- Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина,
- Уральский государственный экономический университет,
- Институт нового индустриального развития (ИНИР) имени С. Ю. Витте.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

С. Д. БОДРУНОВ

Президент ВЭО России, директор Института нового индустриального развития имени С. Ю. Витте, президент Международного союза экономистов, эксперт РАН, д. э. н., профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

В. С. АВТОНОМОВ

Научный руководитель Факультета экономических наук НИУ «Высшая школа экономики», член-корреспондент РАН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)

А. Г. АГАНБЕГЯН

Заведующий кафедрой экономической теории и политики РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, академик РАН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)

А. Г. АКСАКОВ

Член Правления ВЭО России, председатель Комитета Государственной Думы ФС РФ по финансовому рынку, президент Ассоциации региональных банков России, к. э. н., доцент (г. Москва, Россия)

А. В. БУЗГАЛИН

Вице-президент ВЭО России, член президиума Международного союза экономистов, директор Института социэкономике МФЮУ, заслуженный профессор МГУ им. М. В. Ломоносова, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ

Вице-президент ВЭО России, министр по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии, член Координационного совета Международного союза экономистов, академик РАН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)

М. К. ГОРШКОВ

Член Президиума ВЭО России, директор Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, академик РАН, д. ф. н. (г. Москва, Россия)

Р. С. ГРИНБЕРГ

Вице-президент ВЭО России, вице-президент Международного союза экономистов, научный руководитель Института экономики РАН, член-корреспондент РАН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)

В. И. ГРИШИН

Вице-президент ВЭО России, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)

А. А. ГРОМЬКО

Член Президиума ВЭО России, член Координационного совета Международного союза экономистов, директор Института Европы РАН, член-корреспондент РАН, д. полит. н. (г. Москва, Россия)

А. А. ДЫНКИН

Вице-президент ВЭО России, председатель Международного комитета ВЭО России, вице-президент Международного союза экономистов, президент ФГБНУ «Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН», член Президиума РАН, академик-секретарь Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН, академик РАН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)

С. В. КАЛАШНИКОВ

Член Президиума ВЭО России, член Президиума Международного союза экономистов, первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по экономической политике, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)

А. Н. КЛЕПАЧ

Член Правления ВЭО России, заместитель председателя правления (главный экономист) Внешэкономбанка, заведующий кафедрой макроэкономической политики и стратегического управления экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, заслуженный экономист РФ, к. э. н. (г. Москва, Россия)

И. А. МАКСИМЦЕВ

Член Правления ВЭО России, ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, д. э. н., профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

А. В. МУРЫЧЕВ

Член Президиума ВЭО России, исполнительный вице-президент Общероссийской общественной организации «Российский союз промышленников и предпринимателей», председатель Совета Ассоциации региональных банков России (Ассоциация «Россия»), д. э. н., к. ист. н. (г. Москва, Россия)

А. Д. НЕКИПЕЛОВ

Вице-президент ВЭО России, директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН, д. э. н., профессор

(г. Москва, Россия)

Р. И. НИГМАТУЛИН

Член Правления ВЭО России, научный руководитель Института океанологии РАН им. П. П. Ширшова, член Президиума РАН, академик РАН, д. ф.-м. н., профессор (г. Москва, Россия)

Г. Х. ПОПОВ

Председатель Сената ВЭО России, почетный президент ВЭО России, председатель Координационного комитета Международного союза экономистов, академик РАЕН, д. э. н., профессор

(г. Москва, Россия)

Б. Н. ПОРФИРЬЕВ

Член Президиума ВЭО России, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, академик РАН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)

С. Н. РЯБУХИН

Вице-президент ВЭО России, вице-президент Международного союза экономистов, первый заместитель председателя Комитета по бюджету и финансовым рынкам Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, д. э. н. (г. Москва, Россия)

Я. П. СИЛИН

Член Президиума ВЭО России, президент Уральского отделения ВЭО России, ректор ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет»,

д. э. н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)

Д. Е. СОРОКИН

Вице-президент ВЭО России, председатель Научного совета ВЭО России, руководитель департамента экономической теории ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ», член-корреспондент РАН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)

М. А. ЭСКИНДАРОВ

Вице-президент ВЭО России, ректор ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», академик Российской академии

образования, заслуженный деятель науки РФ, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)

В. М. ЮРЬЕВ

Член Президиума ВЭО России, председатель Тамбовского регионального отделения общественной организации ВЭО России, научный руководитель

ТГУ им. Г. Р. Державина, депутат, первый заместитель председателя Тамбовской областной Думы, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д. э. н., профессор (г. Тамбов, Россия)

Ю. В. ЯКУТИН

Вице-президент ВЭО России, член Президиума Международного союза экономистов, председатель Совета директоров, научный руководитель ЗАО «Издательский

дом «Экономическая газета», научный редактор русской классической библиотеки «Экономика и духовность», заслуженный деятель науки РФ, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)

Е. Г. ЯСИН

Действительный член Сената ВЭО России, научный руководитель Национального исследовательского университета Высшая школа экономики,

директор Экспертного института при Российском союзе промышленников и предпринимателей, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. А. САВИН

Шеф-редактор деловых приложений к «Российской газете», член Правления ВЭО России (г. Москва, Россия)

А. Н. ПРОКОФЬЕВ

Шеф-редактор журнала «Вольная экономика», член Правления ВЭО России (г. Москва, Россия)

И. Е. БАРСУКОВ

Член Правления ВЭО России, директор Института развития управления ГБОУ ВПО Московской области «Академия социального управления» (АСОУ), доцент кафедры управления АСОУ, к. э. н. (г. Москва, Россия)

А. В. БОБИНА

Член Правления ВЭО России, заместитель директора — руководитель Департамента по научным конференциям и всероссийским проектам ВЭО России, к. т. н.

Р. С. ГОЛОВ

Член Президиума ВЭО России, заведующий кафедрой «Менеджмент и маркетинг высокотехнологичных отраслей промышленности» ФГБОУ ВО «Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)», член экспертного совета по высшему образованию при Комитете Государственной Думы по образованию и науке, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия)

А. А. ЗОЛОТАРЕВ

Вице-президент ВЭО России, президент Санкт-Петербургской региональной общественной организации ВЭО России, член Президиума Международного союза экономистов, исполнительный директор Института нового индустриального развития имени С. Ю. Витте, исполнительный вице-президент Союза промышленников и предпринимателей Санкт-Петербурга, к. э. н. (г. Санкт-Петербург, Россия)

А. Ю. МАНЮШИС

Член Правления ВЭО России, ректор Международного университета в Москве, заслуженный работник Высшей школы РФ, д. э. н. (г. Москва, Россия)

М. А. РАТНИКОВА

Вице-президент ВЭО России, директор ВЭО России, вице-президент, исполнительный директор Международного союза экономистов, доктор экономики и менеджмента (г. Москва, Россия)

В. В. СМАГИНА

Заместитель председателя Тамбовского регионального отделения ВЭО России, член Президиума ВЭО России, проректор — главный ученый секретарь Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, почетный работник высшего профессионального образования РФ, д. э. н., профессор (г. Тамбов, Россия)

Л. Н. УСЕНКО

Член Президиума ВЭО России, председатель Ростовского регионального отделения ВЭО России, заведующая кафедрой анализа хозяйственной деятельности и прогнозирования ФГБОУ ВПО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», заслуженный деятель науки РФ, д. э. н., профессор (г. Ростов-на-Дону, Россия)

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ

С. Д. БОДРУНОВ

Главный редактор

Д. Е. СОРОКИН

Главный научный редактор серии «Беседы об экономике»

**А. В. БУЗГАЛИН, С. Ю. ГЛАЗЬЕВ,
М. В. ЕРШОВ, С. В. КАЛАШНИКОВ,
А. Ю. МАНЮШИС, О. Н. СМОЛИН,
С. Н. РЯБУХИН, В. Т. РЯЗАНОВ,
А. А. ШИРОВ, Ю. В. ЯКУТИН**

ГРУППА ВЫПУСКА:

Главный редактор — **Сергей Бодронов**
Арт-директор серии — **Егор Морозов**
Редакционный директор — **Маргарита Ратникова**
Шеф-редактор — **Андрей Прокофьев**
Редактор — **Марианна Маркелова**
Редактор-супервайзер — **Алексей Савин**
Концепт-редактор — **Галина Никитина**
Переводчик — **Василий Краснопёров**
Дизайнер — **Артём Чистяков**
Препресс — **Тимофей Ковтун**
Фоторедактор — **Вячеслав Кочураев**
Контрольный редактор — **Наталья Медведенко**

Фото — фотографии предоставлены пресс-службой ВЭО России, фотобанк Shutterstock

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I

ДО КОРОНАКРИЗИСА

БЕСЕДА 1 СТР. 18

Год прошёл: что дальше?

БЕСЕДА 2 СТР. 58

Цели устойчивого развития в России

БЕСЕДА 3 СТР. 80

Цифровое будущее сельского хозяйства

БЕСЕДА 4 СТР. 92

Эра большой нефти. Конец близок?

БЕСЕДА 5 СТР. 112

Будущее ВТО

БЕСЕДА 6 СТР. 122

Демографическая ситуация в России

БЕСЕДА 7 СТР. 136

Цифровое благополучие

ЧАСТЬ II

КОРОНАКРИЗИС

БЕСЕДА 1 СТР. 150

Российский бизнес: остаться в живых

БЕСЕДА 2 СТР. 184

На линии огня: здравоохранение не будет прежним?

БЕСЕДА 3 СТР. 198

Социальная диагностика: какие проблемы обнажила пандемия

БЕСЕДА 4 СТР. 208

Как изменится образование

БЕСЕДА 5 СТР. 226

Откроет ли пандемия новые возможности развития?

БЕСЕДА 6 СТР. 242

Пандемия меняет бизнес: кто выживет в новой экономике?

БЕСЕДА 7 СТР. 254

Усилятся ли зелёный тренд в экономике?

ЧАСТЬ III

ПОСЛЕ КОРОНАКРИЗИСА

БЕСЕДА 1 СТР. 272

Внимание, перезагрузка: как настроить нацпроекты заново

БЕСЕДА 2 СТР. 328

Достаточно ли поддержка промышленности в условиях кризиса?

БЕСЕДА 3 СТР. 340

Руслан Гринберг: «Придется довольствоваться "прозябательным" трендом»

БЕСЕДА 4 СТР. 348

Влияние коронакризиса на мировую финансовую систему

БЕСЕДА 5 СТР. 360

Какие проблемы возникли в транспортной отрасли из-за коронакризиса

БЕСЕДА 6 СТР. 372

Как пандемия повлияла на общественные настроения

БЕСЕДА 7 СТР. 384

Как изменится рынок труда после коронакризиса

БЕСЕДА 8 СТР. 396

Как спасти российскую экономику

TABLE OF

PART I

BEFORE THE CORONA CRISIS

CONVERSATION 1 p. 18

A year has passed. What's next?

CONVERSATION 2 p. 58

Russia's Sustainable Development Goals

CONVERSATION 3 p. 80

Digital Future of Agriculture

CONVERSATION 4 p. 92

The era of big oil. The end is near?

CONVERSATION 5 p. 112

The future of WTO

CONVERSATION 6 p. 122

Demographic situation in Russia

CONVERSATION 7 p. 136

Digital wellness

CONTENTS

PART II

THE CORONA CRISIS

CONVERSATION 1 P. 150

Russian business: Staying alive

CONVERSATION 2 P. 184

Under fire: will healthcare ever be the same?

CONVERSATION 3 P. 198

Social diagnostics: the problems the pandemic exposed

CONVERSATION 4 P. 208

How education will change

CONVERSATION 5 P. 226

Will the pandemic open up new development opportunities?

CONVERSATION 6 P. 242

The pandemic changes business: who will survive in the new economy?

CONVERSATION 7 P. 254

Will the green trend in the economy intensify?

PART III

AFTER THE CORONA CRISIS

CONVERSATION 1 СТР. 272

Rebooting the national projects

CONVERSATION 2 СТР. 328

Does industry get enough support in the times of crisis?

CONVERSATION 3 СТР. 340

Ruslan Grinberg: "We'll have to make do with a "muddle along" trend".

CONVERSATION 4 СТР. 348

The impact of the corona crisis on the global financial system

CONVERSATION 5 СТР. 360

Problems emerging in the transport sector due to the corona crisis

CONVERSATION 6 СТР. 372

How the pandemic changed the public moods

CONVERSATION 7 СТР. 384

How the labor market will change after the corona crisis

CONVERSATION 8 СТР. 396

Saving Russia's economy

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

«Идеальный шторм», по выражению некоторых коллег, который обрушился на мир в начале года, спутал все карты прогнозистов. Мы готовились к росту, к успешной реализации нацпроектов, строили планы, выработывали рекомендации. И тут...

Нынешняя обстановка в мировой экономике беспрецедентна, по крайней мере за последние десятилетия. Мы находимся в сложнейшей ситуации. Международный союз экономистов совместно с Конференцией Организации Объединенных Наций по торговле и развитию, ЮНКТАД, представил в России новый доклад. Он называется «От глобальной пандемии к благосостоянию для всех: как избежать еще одного упущенного десятилетия». Назывались колоссальные цифры спада мирового ВВП: от 5% до 7%. Для сравнения, говоря о беспрецедентности: спад в мире в период прошлого глобального кризиса, 2009 года, был менее 1% ВВП.

Кроме того, важно сказать, что в этот кризис действуют многие факторы уязвимости, а именно – снижение спроса на энергоносители, снижение предложения и спроса, разрыв цепочек стоимости,

сокращение мировой торговли на целых 18,5% во втором квартале 2020 года. Практически во всех крупных экономиках по итогам года прогнозируется рост безработицы. Растет также закредитованность стран, что может повлечь за собой сползания в долговой кризис. Ситуация осложняется еще одним фактором, который раньше не был настолько важным, – фактор неопределенности, который сейчас сильно влияет на состояние дел. Неизвестно, когда, как, чем закончится пандемия.

Так что ситуация очень сложная. Но я думаю, что, несмотря на масштаб бедствия, мы понимаем – и, наверно, многие со мной согласятся, – что текущий кризис можно рассматривать в том числе и как возможность обновления национальных экономик, улучшения их структуры. В частности, в том же докладе ЮНКТАД рассматривался этот вопрос, и он звучал так: как не потерять время, а использовать возможности, которые дает кризис для достижения целей устойчивого развития, провозглашенных Организацией Объединенных Наций? В нынешних условиях это вопрос острый и архиважный.

Может показаться, что эта стая черных лебедей – пандемия, цены на нефть, экономический кризис –

перечеркнула все, о чем мы говорили до их «налета». Но они, уверен, рано или поздно, улетят – а вот проблемы, которые мы обсуждали, останутся, и многие даже усугубятся: и низкие темпы роста, и состояние науки, и демография, и реализация национальных целей – возьмите любую из них, и даже при скромном анализе станет понятно, что она сохраняется. Не будем далеко ходить за примерами: на недавней экспертной сессии Координационного клуба академик Б.Порфирьев говорил о необходимости связности нацпроектов – почти теми же словами, что и до коронакризиса.

Да, сейчас на нас накатила вторая волна пандемии, но правительство пока воздерживается от таких мер, как строгая самоизоляция, или локдаун. Будем надеяться, что эта удар этой волны окажется слабее первой и позволит нам заниматься насущными делами восстановления нашей экономики.

Этот том «Бесед об экономике» мы разделили на три части: до пандемии, пандемия и после пандемии. Определенные материалы не совсем соответствуют жанру бесед – это, скорее, конференции, круглые столы с выступлениями экспертов, но мы решили взять несколько таких материалов, чтобы задать

тон, основную идею каждой главе. Кстати, во время пандемии Вольное экономическое общество России продолжало активно работать, так как спрос на научные, экспертные заключения резко повысился в условиях определенной растерянности – как я уже сказал, такого мир не видел многие десятилетия.

Часто говорят: кризис – время возможностей. Нынешний кризис в этом смысле особый – это, я бы сказал, эпоха возможностей. В частности, возможности перевести нашу экономику на новые, высокотехнологические рельсы, создать промышленность нового уклада, экономику знаний, вложиться в человеческий капитал. Занять на этом повороте достойное место в мировом экономическом и геополитическом пространстве. Будем надеяться, что Россия пойдет именно по этому пути.

Сергей Бодрунов,
главный редактор серии,
профессор, д. э. н.

DEAR READERS!

The “perfect storm,” as some of my colleagues put it, that hit the world at the start of the year has confused the forecasters. We were preparing for growth, for the successful implementation of the national projects, we made plans, worked on recommendations. And then ...

The current situation in the global economy is unprecedented, at least in recent decades. We are in a very difficult situation. The International Union of Economists jointly with the United Nations Conference on Trade and Development, UNCTAD, presented a new report in Russia. It's titled “From a Global Pandemic to Wealth for All: Avoiding Another Lost Decade.” The colossal figures of the decline in global GDP were reported: 5% to 7%. For comparison, speaking of unprecedentedness: the global decline during the most recent 2009 crisis was less than 1% of GDP.

In addition, it is important to say that many vulnerabilities are at work in this crisis, namely, a decrease in energy demand, a decrease in supply and demand, a break in value chains, a decline in world

trade by as much as 18.5% in the second quarter of 2020. Growth of unemployment is forecasted in almost all big economies by the end of the year. The countries' debt burden is also growing and may entail the risk of slipping into a debt crisis. The situation is aggravated by another factor that was not as important before as it is now – the factor of uncertainty which now strongly influences the state of affairs. It is not known when or how the pandemic will end.

So, the situation is very difficult. But I think that, in spite of the scale of the disaster, we understand – and, probably, many will agree with me – that the current crisis can be viewed, among other things, as an opportunity to remodel national economies and improve their structure. In particular, the UNCTAD report addressed this issue, and it was put like this: how to avoid wasting time by using the opportunities offered by the crisis to achieve the sustainable development goals proclaimed by the United Nations? Under the current circumstances it is a pressing and crucial issue.

It might seem that the flock of black swans – the pandemic, oil prices, the economic crisis – has destroyed

everything we had discussed before it appeared out of nowhere. But I am sure that sooner or later the black swans will go away – but the problems that we had discussed will remain, and many of them will even get worse: low growth rates, and the state of science, demography, and the implementation of national goals – take any of them, and even a modest analysis will make it clear it will persist. We can quickly find an example: at a recent expert session of the VEO of Russia Coordination Club Academician of the Russian Academy of Sciences B. Porfiriyev spoke about the need for the national projects to be interconnected in almost the same words as before the coronavirus crisis.

Yes, the second wave of the pandemic has swept over us but the government has so far refrained from such measures as strict self-isolation or lockdown. Let's hope that the impact of this wave will be weaker than that of the first one and will allow us to deal with the urgent matters of rebuilding our economy.

We have divided this volume of The Conversations on Economics into three parts: pre-pandemic, pandemic and post-pandemic. Certain materials do not quite

correspond to the conversational genre – they are, rather, conferences, round tables with expert reports, but we decided to use some of those materials in order to set the tone, the leitmotif of each chapter. By the way, during the pandemic, the Free Economic Society of Russia continued to work actively, since the demand for scientific and expert opinions increased sharply in the conditions of confusion – as I said, the world has not seen a situation like this in decades.

It is often said: a crisis is a time of opportunity. In this sense the current crisis is special – it is, I would say, an era of opportunities. In particular, the opportunity to put our economy on new high-tech rails, to create a new mode of industrial production, a knowledge-based economy, and to invest in human capital. To win a worthy place on the global economic and geopolitical arena at this turn of events. Let's hope that Russia will follow that path

Sergey Bodrunov,
Editor-in-Chief of the Series,
Professor, Doctor of Economics

ДО КРОНАКРИЗИСА

ЧАСТЬ I

ДО КРОНАКРИЗИСА

ГОД ПРОШЁЛ: ЧТО ДАЛЬШЕ?

ЦЕЛИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В РОССИИ

ЦИФРОВОЕ БУДУЩЕЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

ЭРА БОЛЬШОЙ НЕФТИ. КОНЕЦ БЛИЗОК?

БУДУЩЕЕ ВТО

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В РОССИИ

ЦИФРОВОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ

ГОД ПРОШЁЛ: ЧТО ДАЛЬШЕ?

Абалкинские чтения от 5 февраля 2020 года

СОБЕСЕДНИКИ

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России, президент
Международного союза
экономистов, директор
Института нового
индустриального развития
имени С. Ю. Витте, д. э. н.,
профессор

Андрей Николаевич Клепач,
член Правления ВЭО России,
главный экономист
Внешэкономбанка

Дмитрий Евгеньевич Сорокин,
вице-президент ВЭО России, член-
корреспондент РАН, д. э. н.,
профессор

Сергей Юрьевич Глазьев,
вице-президент ВЭО России, член
Коллегии (министр) по
интеграции и макроэкономике
Евразийской экономической
комиссии (ЕЭК), академик РАН,
д. э. н., профессор

Наталья Владимировна Орлова,
главный экономист, руководитель
центра макроэкономического
анализа Альфа-банка

**Владимир Дмитриевич
Миловидов**,
руководитель Центра социально-
экономических исследований
Российского института
стратегических исследований,
д. э. н.

**Леонид Маркович
Григорьев**,
главный советник руководителя
Аналитического центра при
Правительстве Российской
Федерации, ординарный профессор,
научный руководитель
департамента мировой
экономики, к. э. н., профессор

**Антон Викторович
Данилов-Данильян**,
сопредседатель «Деловой России»,
заместитель председателя
Общественного совета
Минпромторга РФ,
председатель Экспертного совета
Фонда развития промышленности

**Владимир Алексеевич
Сальников**,
руководитель направления
анализа и прогнозирования
развития отраслей реального
сектора Центра
макроэкономического анализа
и краткосрочного
прогнозирования, к. э. н.

**Руслан Семёнович
Гринберг,**
вице-президент ВЭО России,
научный руководитель
Института экономики РАН,
член-корреспондент РАН, д. э. н.,
профессор

**Александр Владимирович
Данильцев,**
директор Института торговой
политики НИУ ВШЭ, д. э. н.,
профессор

**Василий Игоревич
Богоявленский,**
член Правления ВЭО России,
заместитель директора
Федерального государственного
бюджетного учреждения науки
Институт проблем нефти и газа
РАН (ИПНГ РН),
член-корреспондент РАН, д. т. н.

**Роберт Искандрович
Нигматулин,**
член Правления ВЭО России,
научный руководитель
Института океанологии РАН
им. П. П. Ширшова,
член Президиума РАН,
академик РАН, д. ф.-м. н.,
профессор

**Владимир Михайлович
Давыдов,**
член Правления ВЭО России,
научный руководитель
Института Латинской Америки
РАН, президент Ассоциации
исследователей
ибероамериканского мира,
заместитель председателя
Национального комитета
по исследованию БРИКС,
член-корреспондент РАН, д. э. н.,
профессор

**Александр Владимирович
Бузгалин,**
вице-президент ВЭО России,
директор Института
социэкономки «Московского
финансово-юридического
университета МФЮУ»,
заслуженный профессор МГУ
им. М. В. Ломоносова, д. э. н.

**Михаил Владимирович
Ершов,**
член Президиума ВЭО России,
главный директор Института
энергетики и финансов, профессор,
д. э. н.

**Виктор Меерович
Полтерович,**
член Правления ВЭО России,
заведующий лабораторией
математической экономики
Центрального экономико-
математического института
РАН, академик РАН, д. э. н.,
профессор

**Елена Борисовна
Ленчук,**
член Правления ВЭО России,
директор Института экономики
РАН, д. э. н., профессор

**Александр Дмитриевич
Некипелов,**
вице-президент ВЭО России,
директор Московской школы
экономики МГУ
им. М. В. Ломоносова, академик
РАН, д. э. н., профессор

Алексей Анатольевич Громыко,
член Президиума ВЭО России,
директор Института Европы
РАН, член-корреспондент РАН,
д. полит. н.

Бодрунов: Уважаемые коллеги! Рассаживайтесь. Я рад приветствовать вас в стенах Дома экономиста, Вольного экономического общества России. Неделю назад мы встречались здесь же, в этом месте, в этот же час на заседании Отделения общественных наук Российской академии наук, совместном заседании с экспертным советом Вольного экономического общества России. Не буду повторяться, скажу только, что, наверное, все мы знаем: по данным Минэкономразвития, рост составил 1,4%, по данным Росстата, только что уточненным, — даже 1,3%, прогнозы были где-то ближе к 2%. Но, вероятно, закономерно будет спросить, что год грядущий нам готовит, куда мы будем двигаться дальше.

Вы знаете, мы говорили со многими экспертами о возможном двухпроцентном экономическом росте на следующий 2020 год. Мне кажется, здесь есть как некие оптимистические ожидания, так и некий недоучет, возможно, излишний пессимизм, если учитывать те вещи, которые произошли после всех этих обсуждений. Смена кабинета — наверное, мы понимаем, почему она происходит и что ожидать от нового кабинета. Мы ждем акселерации экономического роста; кроме того, может быть недоучтенный эффект регуляторной гильотины, эффект от инфраструктурных проектов, от национальных проектов, которые необходимо тоже ускорять. Может быть, законодательство в защите капитальных инвестиций, капитальных вложений, другие меры стимулирования деловой активности могут дать какой-то позитивный эффект. Я хотел бы, чтобы мы сегодня это все детально, подробно обсудили.

Докладчиком у нас будет Андрей Николаевич Клепач — один из ведущих экономистов страны, хорошо понимающий ситуацию. Мы дадим Андрею Николаевичу 20, 30 минут.

Сорокин: Договорились на 25.

Бодрунов: Замечательно. У нас такая традиция в Экономическом обществе — давать от 20 до 30 минут докладчику. Уважаемые коллеги! Я позволю еще раз поприветствовать вас в этом зале и предоставляю слово Андрею Николаевичу Клепачу.

Клепач: Спасибо, Сергей Дмитриевич. На самом деле сейчас сказать о том, как сложится экономическое развитие, может быть, сложнее, чем это было до Нового года, потому что, я практически уверен, будут существенные изменения в экономической политике именно с акцентом на повышение эффективности выполнения нацпроектов, и ускорение темпов экономического роста. Предугадать, какие решения будут приняты, сложно, хотя определенный пакет мер, который обсуждался, начинает вырисовываться, ясен.

Мы все знаем, что официальный прогноз Министерства экономического развития и бюджет базируются на том, что цены на нефть существенно снижаются. Условно говоря, с 64 долларов за баррель за прошлый год, если брать прогноз МЭР, до 53 в 2024 году. При этом с бюджетом всё хорошо, он профицитный, но за счет существенного ограничения расходов. Наше видение ближе к консенсус-прогнозу, хотя консервативнее. Оно исходит из того, что цены на нефть снизятся в текущем году. Мы это, собственно говоря, сейчас и наблюдаем, но не будет провала, а дальше всё-таки возобновится определенный рост — 59 или, может быть, дальше цены выйдут на 65, 60 с лишним долларов за баррель. То есть это другая картина, и она более благоприятна для экономического роста и бюджета, чем то, что заложено в прогноз.

При этом есть развилка, по которой ясности еще меньше, — это какие объемы добычи и экспорта нефти и других углеводородов Россия сможет поставлять, присоединившись к ОПЕК. У нас до конца марта действует соглашение об ограничении объемов добычи, но этот прогноз исходит из того, что мы после марта всё-таки из этого ограничения выйдем. Почему? Потому что многие проекты, которые сейчас запускали нефтяные компании, так или иначе связаны с существенным увеличением объемов добычи, и падение на старых месторождениях не компенсирует тот рост, который предполагается в ближайшие годы. В то же время последние заявления и переговоры президента с монархом Саудовской Аравии говорят о том, что Россия или ОПЕК+ скорее будет придерживаться этих ограничений, даже с учетом ожидаемого падения, собственно говоря, оно и началось. Поэтому здесь тоже есть неопределенность, и она существенна и для темпов роста, и для экономики в целом. Понятно, что это существенно влияет на курс рубля.

Может быть, вкратце опять же по мировой экономике. Многие эксперты ждут, что пик пандемии пройдет уже в марте, но тем не менее сейчас и масштабы, и потери больше — это может продлиться. Мы видим, что это начинает сказываться, по-видимому, на мировых ценах на нефть и на ряде других сырьевых товаров, то есть к снижению может добавиться где-нибудь 2 доллара за баррель, а может и больше, и меньше. Сейчас сложно сказать. Это зависит от продолжительности спада. Торможение китайской экономики возможно: если у них было ожидание порядка 6%, то в этих условиях может быть 5,8%. Естественно, это окажет понижающее давление на цены.

При этом есть существенные возможности для ускорения роста, которые не были использованы раньше, — это 8 с лишним, почти 9% средств, которые должны были быть использованы по нацпроектам, перешедшим на текущий год. Более того, значительная часть того, что было перечислено в декабре, естественно, работать не начало, и сейчас идет восстановление или возврат значительной части даже перечисленных денег по федеральным проектам. Прибыли и остатки на счетах предприятий высоки. Как известно, многие компании резко увеличили дивидендные выплаты, хотя оттока капитала нет, то есть он резко снизился, всё равно это ресурс, который не инвестируется, а тем не менее может потенциально превратиться в инвестиции.

Теперь — что можно выделить или какие изменения назревают. Во-первых, Послание Президента всё-таки подразумевает достаточно серьезный социальный пакет. Окончательные цифры мы увидим в мае, когда будут вноситься поправки в закон о бюджете, но то, что на днях заявляли, — это 4 с лишним триллиона.

Меры стимулирования инвестиций. Есть важный, известный законопроект о поддержке инвестиций, который внесен в Государственную Думу.

И опять же вопрос эффективности реализации нацпроектов. Здесь некоторая оценка пакета, и то не всего, социальных мер, которые содержатся в Послании, связанных с материнским капиталом, выплатами, увеличением выплат на детей от трех до семи лет. Что это даст не только для роста ВВП, по нашей оценке, где-то до 0,3 процентных пункта даже в 2020 году и 2021-м, хотя опять же многое будет зависеть от правил, и пока до конца правила того, как будет выплачиваться материнский капитал и прочее, неясны, то есть это некоторая оптимистическая гипотеза.

При этом, что очень важно, это не только серьезный, значимый фактор с точки зрения динамики доходов населения и динамики ВВП, но это серьезно может повлиять на сокращение бедности. Поскольку у нас, по опросам, примерно 8–9% домашних хозяйств относятся к бедным. Эти меры данную цифру могут существенно снизить, как минимум на 1 процентный пункт.

В какой-то мере этот социальный пакет, предложенный президентом, очень сильно изменил ту конструкцию, которая была раньше заложена в прогноз МЭР и в бюджет, который, по сути дела, базировался на том, что в 2020 году у нас существенно ограничится потребительский спрос, не сильно вырастут доходы населения. И отсюда была идея, что, зажав население, мы получим скачок в инвестициях. Я не считаю, что эта идея была правильной, но тем не менее сейчас та логика, которая следует из Послания Президента, другая, и мы получаем серьезный социальный пакет, который так или иначе на потребительском спросе, на доходах существенно скажется.

Второй вопрос, который здесь возникает и на который нет ясного ответа, — это всё-таки что с нашим любимым бюджетным правилом? С одной стороны, у нас такая догма: бюджетное правило не меняется, не отменяется, с другой — по факту, если брать бюджет, который принимали в 2019 году, начиная с 2020-го, его уже несколько модифицировали, миллиардов на 500, и это, соответственно, отразилось в создании инвестиционного фонда, который отражен в Бюджетном кодексе, в увеличении заимствований. Сейчас подтверждается, что бюджетное правило меняться не будет, бюджет остается профицитным.

Я уже сказал, у нас предстоит индексация бюджетникам в октябре, соответственно только при низкой инфляции это дает небольшой реальный рост. Это опять же возвращение долга по денежному довольствию военнослужащих, повышение индексации пенсий.

По снижению процентных ставок — опять же здесь, скорее, вопрос не в том, что денег мало и нужно увеличить объемы инвестиций, потому что очень большие средства и в бюджетной системе, и в банковской, которые не инвестируются. Это вопрос более агрессивного снижения процентных ставок, и есть достаточно много вопросов, связанных со смягчением рисков, или пруденциальной, политики. Не в смысле прощения вывода денег, а в смысле облегчения кредитования и распределения рисков между заемщиками и кредиторами.

Что касается ипотеки. Было много оценок о том, что трудно выйти на целевое значение 120 миллионов квадратных метров вводимого жилья. Основная трудность не в строительстве, поскольку мощности есть и в цементной промышленности, и по строительным организациям. Основная проблема в том, кто это купит?

Дополнительные вложения в транспортную инфраструктуру. Здесь первый вопрос — чтобы вообще была какая-то ясность с этими вложениями. Даже не хочется вспоминать так называемую ВСМ, которая до сих пор стоит в плане, причем в версии Москва — Казань, но, как известно, принято решение, что будет Москва — Петербург. С другой стороны, никакого внятного решения и финансирования не началось. Так еще как минимум два года проводить проектно-изыскательские работы. На самом деле будет этот проект, не будет или он снесется куда-нибудь к 2024 году и дальше, что с ним происходило уже несколько раз. Поэтому хочется надеяться, что какая-то ясность здесь возникнет. То же самое — платная дорога Москва — Казань, по которой работы и финансирование не начались, хотя тоже есть в плане, потому что не договорились в конце прошлого года, какой участок до конца финансирует бюджет. Я надеюсь, что как раз новое Правительство первое, что сделает, — это определится по этим ключевым проектам.

На самом деле, чтобы не просто получить ускорение, как у нас бывало в 80-е годы при советской власти, а действительно прийти к устойчиво высоким темпам роста в долгосрочной перспективе, нужны еще достаточно серьезные системные решения. Может быть, первый вопрос в том, что у нас вообще вся политика — от выборов до выборов. Но надо всё равно запускать проекты, которые ориентируются на долгосрочную перспективу, на 10, 15 лет. Я уж не говорю про китайцев с их планом до 2050 года. Нам хотя бы 7, 10, 15 лет.

Второе, этот вопрос тоже многократно обсуждается, но ни одного решения нет, — это единый стандарт благосостояния или общие принципы оплаты за одинаковый труд в разных регионах. Возможно, что сейчас начавшееся обсуждение новых подходов к зарплате, пока, правда, учителей и врачей, хоть как-то уменьшит ту чрезмерную дифференциацию, которая есть. Применительно к науке это пока вообще не обсуждается. Опять же про вложение в развитие человеческого капитала — все за, но даже если брать нацпроекты, оно не превысит относительно ВВП показатели 2008–2010 годов, поэтому здесь нужны новые принципиальные решения, но тогда это и другая бюджетная конструкция.

Сорокин: Спасибо, Андрей Николаевич. Коллеги, переходим к нашей дискуссии. Мы начинаем с выступления академика Глазьева.

Глазьев: Многие присутствующие знают, что у меня более оптимистический взгляд на наши возможности роста, чем даже у Андрея Николаевича, и эти возможности не сильно зависят от внешних факторов, в том числе таких важных, как динамика цен на нефть, в том смысле, если даже цены на нефть растут на мировом рынке, то сверхприбыль, как известно по бюджетному правилу, до экономики дополнительно не доходит, а разрешение нефтяникам не продавать валютную выручку в обязательном порядке создает ситуацию, когда чем больше цены на нефть, тем больше денег остается на валютных счетах и тем более у нас становится государственных и квазигосударственных резервов, у нас больше капитала, но эта сверхприбыль как источник инвестиций для развития не очень-то используется.

Я убежден, что сегодня у нас существует только одно серьезное ограничение для развития — это денежно-кредитная политика, искусственно созданный дефицит кредитных ресурсов для инвестиционных целей. При том что денежные власти говорят о профиците, но мы все понимаем, что профицит связан только с тем, что в силу повышенных процентных ставок и всевозможных постоянно ужесточающихся требований к залогам и так далее, плюс залоговое рейдерство, которое процветает в последние пять лет, делает для большинства предприятий реального сектора займы государственных банков крайне дорогими, опасными, и именно это и вызывает искусственный профицит на фоне катастрофической нехватки инвестиций даже для устойчивого развития.

Я думаю, что у нас реальные темпы роста, потенциально возможные исходя из объективных ограничений, существенно выше, чем 5%, поскольку и по основному капиталу у нас свободные производственные мощности довольно большие — порядка 40%, и по трудовым ресурсам нет ограничений благодаря Евразийскому союзу, и по неквалифицированным, и по квалифицированным, в первую очередь с Украины. У нас нет ограничений по природным ресурсам, нет ограничений по интеллектуальным ресурсам хотя бы потому, что наши с вами рекомендации практически никто не востребует, а талантливая молодежь уезжает по-прежнему десятками тысяч за рубеж.

Главный вопрос — как связать имеющиеся ресурсы. Как раз этим должна заниматься денежно-кредитная политика. Именно деньги связывают излишние ресурсы в процессе производства. Существуют два пути, я бы сказал, для этого: один путь туманный и сложный, с непонятными результатами, и второй путь — простой и ясный. Правительство и власть у нас предпочитают идти сложным путем. Бесконечные разговоры про улучшение бизнес-климата, про защиту прав инвесторов, наивная надежда на цифровизацию — всё это сложные пути, потому что мы видим, что, несмотря на существенное увеличение рейтингов нашей страны, инвестиции наших партнеров по Евразийскому союзу не приходят. То же самое касается макроэкономической стабилизации. Уже несколько лет у нас достигнуты цели по снижению темпов потребительских цен, однако роста инвестиций при этом не происходит. И так же цифровизация идет, но эффекта мы особого от этого не наблюдаем.

За этими общими фразами на самом деле нет никакой целенаправленной политики. И подчас получаются парадоксальные вещи, когда ставится задача, допустим, ускорения экономического роста, а налоговый маневр, который предпринимает правительство, ухудшает условия для экономического развития, причем довольно-таки существенно. И прогнозы, которые мы сегодня имеем от органов власти, в основном инерционные, исходящие из того, что в принципе ничего меняться не будет.

Поэтому, во-первых, мне кажется, нужно прекратить эти безумные операции Центрального банка по стерилизации профицита ликвидности. У нас уникальный Центральный банк, он убыточный, во-первых, и правительство еще не получает от права на денежную эмиссию; во-вторых, он изъял из экономики сегодня в чистом виде 5 триллионов рублей и не собирается их отдавать, судя по трехлетней программе денежно-кредитной политики. Эти изъятые деньги следовало бы направить не через снижение ключевой ставки, потому что в настоящий момент денежные власти искусственно завышают доходность спекулятивных операций на рынке. Исходя из кредитных рейтингов России сегодня доходность наших облигаций должна была бы быть в три раза ниже, чем она фактически есть. А главная причина — искусственное завышение доходности через операции Центрального банка на рынке, которое выгодно только тем, кто занимается «керри-трейдом», то есть международным спекулянтам. Я берусь утверждать, что у нас главный бенефициар проводимой денежной политики — это международные валютные спекулянты, которые, несмотря на санкции, прекрасно ощущают себя на российском финансовом рынке.

Поэтому я думаю, что исходя из этого искусственного барьера, который создан денежными властями между финансовым и реальным секторами, нужно пробивать просто такие целевые каналы с помощью целевых инструментов рефинансирования. Технология хорошо известна. У нас такие инструменты были. Рефинансирование коммерческих банков под малый и средний бизнес по льготной ставке, под проектное финансирование. Можно снижать процентную ставку существенно, не на полпроцента, а до 2–3%, связывать это со специальными инвестиционными контрактами, со стратегическим планированием, с другими формами государственно-частного партнерства. И тогда можно рассчитывать на то, что мы свяжем те избыточные сегодня резервы, которые фактически присутствуют.

Сорокин: Спасибо, Сергей Юрьевич. Руководитель центра макроэкономического анализа Альфа-банка Орлова Наталья Владимировна.

Орлова: Я хотела бы поделиться тем, как ситуация на следующий год выглядит с позиции частного бизнеса.

Прошлый год был для бизнеса потерян годом, потому что ожидания роста за счет нацпроектов не были реализованы. Прошлый год оставался достаточно сложным из-за внешней санкционной повестки. Но с начала этого года, мне представляется, с точки зрения внутреннего расклада ожиданий ситуация выглядит лучше, потому что новое правительство, как оно воспринимается рынком, в большей степени настроено реализовать то бюджетное финансирование, которое уже заложено, то есть это вопрос того, что ожидания наконец могут быть реализованы. Поэтому в этом аспекте, мне представляется, появился оптимизм.

Правда, с точки зрения изменения прогноза видим, что мы входили в этот год с прогнозом около 1,7%. Сейчас очень многие аналитики двигают прогноз ближе к 2%, но в основном это переоценка роста за счет социального пакета. По большому счету это ожидание, что мы опять будем расти на потреблении. И всё равно есть большие сомнения, что нацпроекты, допустим, на уровне регионов удастся полностью реализовать. Мне кажется, эта уверенность по поводу финансирования нацпроектов касается в большей степени федерального бюджета, настроя федерального правительства.

Второй момент — по поводу Центрального банка. К сожалению, в ситуации, когда мы ждем больших расходов правительства или такого, как было обещано,

бюджетного финансирования, Центральный банк, конечно, будет вынужден эти бюджетные риски инкорпорировать в свою политику. И в этом смысле это сокращает потенциал снижения процентной ставки. Процентная ставка, я думаю, в ближайшую неделю будет 6%. Но дальнейшее снижение в таких условиях выглядит ограниченным.

Кроме того, конечно, Центральный банк еще функционирует в очень сложных внешних условиях, потому что, напомню, в 2019 году произошло радикальное изменение политики Федеральной резервной системы (ФРС). В начале 2019 года все думали, что ставка будет расти, а на самом деле произошло три снижения.

Из-за ситуации в Китае растут ожидания дополнительного смягчения на конец этого года, но на самом деле это тоже ожидание, которое очень чувствительно к новостям по вирусу, сиюминутной информации. Возможно, ФРС опять вернется к более жесткой риторике. Безусловно, Центральный банк России должен считаться с тем, что этот внешний фактор стал гораздо менее предсказуемым. Ситуация, когда ФРС, как в начале 2019-го, за месяц изменила риторику с обещания, что она будет повышать ставку, до обещания снижения, достаточно беспрецедентно, поэтому мы не можем с уверенностью прогнозировать внешний фон.

В Китае обсуждается замедление роста до 4,5%. Я не могу сказать, что это консенсусный прогноз, но мне кажется, что замедление может оказаться не в пределах процентного пункта, а более значительным.

Теперь я хотела сказать еще по поводу нашей внутренней ситуации как человек, соприкасающийся с финансовым сектором. Совершенно согласна, что взгляд на факторы, за которые отвечает государство, на 2020 год стал лучше. Поддержка маткапитала создает основание для ожидания дополнительного ипотечного роста, для роста в строительстве, возможно, будут траты из Фонда национального благосостояния. Здесь вопрос, насколько мультипликатор частного сектора отрезонирует.

Пока, к сожалению, по итогам прошлого года мы видели, что спрос на корпоративные кредиты замедляется. В прошлом году рынок вырос всего на 1%, продолжалось сокращение валютного кредитного плеча, то есть российским банкам компании погасили 15 миллиардов долларов, это такая же сумма, как в 2018 году. К сожалению, несмотря на то что объем долга сокращается, темп его сокращения пока не замедляется, я говорю про номинальный, а если мы будем смотреть в процентах, то даже ускорется.

По внешнему долгу — у нас они более 300 миллиардов долларов. Есть еще значительные возможности для погашения долга. Поэтому, к сожалению, создается впечатление, что компании сейчас предпочитают направлять свои прибыли на погашение кредитного плеча, хотя оно и так небольшое: у нас процент охвата ВВП — 50%, корпоративный долг с 2013 года фактически не изменился, но мы не видим никакого аппетита на дополнительное кредитование. И в целом я хочу сказать, что в банковском секторе такой консенсус отчасти связан с санкционными рисками, в условиях санкций физические лица, конечно, являются более привлекательными клиентами, там не существует санкционных рисков.

Сорокин: Кроме отдельных лиц.

Орлова: Да. Но в масштабах 47 миллионов это не очень существенно, а на корпоративном рынке — серьезная тема. Здесь с точки зрения динамики банковского сектора у банков нет большого желания стимулировать рост корпоративного кредитования в силу санкционных рисков. Санкционные риски сейчас не усиливаются, но они не ушли с повестки дня. И мы понимаем, что лучший сценарий для нас на 2020 год — что просто не будет эскалации санкций.

Поэтому основной взгляд финансового сектора — на розничные кредиты. И хочу сказать, что на 2020 год как подтверждение этой тенденции на сокращение кредитного плеча предстоят большие погашения корпоративных еврооблигаций — почти в три раза больше, чем в 2019 году, и мы в конце 2020 года можем оказаться в ситуации, когда рынок корпоративных еврооблигаций станет очень-очень небольшим. И это в каком-то смысле будет ограничивать приток иностранного капитала на российский рынок, потому что фактически единственным ликвидным активом у нас останутся ОФЗ. И тогда действительно, возвращаясь к докладу Андрея Николаевича, у нас основным инвестором в экономике должно стать государство, потому что по умолчанию иностранный капитал, конечно, будет идти в ликвидные рынки.

Сорокин: Леонид Маркович Григорьев.

Григорьев: Пока радикально не изменится, пока совсем радикально не изменится баланс на рынках, нефть мы будем как-то удерживать, видимо, еще год-другой; чем дальше, тем меньше определенности в разумных колебаниях цены. И это, конечно, совершенно выдающееся достижение — превратить в ОПЕК в Global Public Good. Это всё тоже теперь вошло в историю.

Второе: по рецессии. Я непрерывно отбиваюсь от рецессии. Главное, пытаюсь уговорить людей, что единственный настоящий шанс влезть в рецессию — это уговорить себя на рецессию, запугать себя до последней степени. С этой стороны ползет вирус, с той стороны где-то какие-то долги, все знают, что мы сидим на долгах, но вроде как сидим довольно комфортно, потому что, напомним, стоимость обслуживания гигантского американского долга — где-то 2% ВВП, а при Рейгане, когда он был примерно вдвое меньше, было 4 с лишним процента ВВП. Поэтому пока нет инфляции, пока нет проблемы обслуживания долга, нет взрыва с этой стороны.

Мировые инвестиции. Я выписал статью специально в декабре в «Вопросах экономики»: практически мир несколько снизил инвестиции и норму накопления после великой рецессии, и нет никакого скачка. Кстати, это означает, что мир не инвестирует в решение глобальных проблем: ни в бедность, ни в климат — просто-напросто не делает этого. Поэтому нет скачка ставок, нет классического цикла сырья, пока все финансисты сходятся в том, что рецессии не видно. Напомню, что финансовых шоков всегда в два раза больше, чем рецессий. Поэтому финансовый шок 2008 года был на большом пороге, он практически снес теорию реального цикла, но финансовый шок — это триггер.

Про инвестиции в нашей стране. Я хочу обратить внимание, что инвестиции у нас не идут, хоть ты тресни. Ни при каком климате: правительства меняются, центральные банкиры меняются, процентные ставки были высокие, стали низкие, потом опять высокие, инфляция, а инвестиции не идут. Граждане, мы провели такой «транзишен», при котором предприятия не инвестируют. Всё остальное — это танцы вокруг этого факта. Причем надо разделять: один инвестиционный климат у крупных компаний, государственных, полугосударственных, частных по собственности, но полугосударственных по принятию решений, еще сильно зависящих от бюджетных; другой климат у обыкновенного средне-частного бизнеса; третий — у мелкого; у них у всех разные факторы, они по-разному инвестируют, но главное — они должны хотеть это делать. Сейчас у нас климат, в котором собственнику выгоднее брать ренту и экономить на чем можно и пересидеть или вообще гонять деньги с малого рынка, с дешевых ставок, на крупные.

По потреблению то же самое. Нет никакого потребительского рынка. Совершенно разные потребительские рынки у верхних 20%, у середины и у нижних. Верхним уже ничего не хочется, лишь бы от них отвязались. Они не

будут покупать второй, третий автомобиль. То же самое с квартирами. Надо быть очень осторожными. У нас треть жилья, мы подсчитали, построена в XXI веке. Очень неплохая ситуация — четверть миллиона частных домов в год со средним размером 135 метров. Это очень приличная ситуация. Вы не можете туда просто так спихнуть, как правильно говорит Андрей Николаевич, еще полмиллиона квартир. Кому они нужны? Не решая эти проблемы, мы только замучаемся с борьбой вокруг ставок процента и дополнительных средств.

Сорокин: Спасибо, Леонид Маркович. Член-корреспондент Российской академии наук Алексей Громько.

Громько: Я хочу остановиться на нескольких вопросах, которые были затронуты напрямую или вскользь.

Во-первых, я хочу сказать о том, что красной нитью выступления, по-моему, прошла мысль о том, что не всё так плохо, как кажется, но намного хуже, чем надо. Философия такая.

Так как речь не идет всё-таки, насколько я понимаю, в ближайшие годы о значимой перестройке структуры нашей экономики, повисает вопрос о том, промышленная политика у нас есть или ее нет. Я помню, как на «Примаковских чтениях» в прошлом году один из ключевых министров нашего правительства на вопрос из зала, а что у нас с промышленной политикой, сказал — я слышал собственными ушами: «Вы что, из советского времени? Какая промышленная политика? Мы создаем общие транки для бизнеса». Я был поражен. Например, по искусственному интеллекту кто-нибудь слышал о государственной промышленной политике? Я помню, было заседание одного комитета в Госдуме, где участвовали профильные замминистра ряда министерств, и задали вопрос: «Вы знаете, какие целевые статьи в бюджете направлены на государственную политику в сфере искусственного интеллекта?» Замминистра не ответили на этот вопрос. Я помню, как на президиуме РАН пару лет назад обсуждался вопрос о робототехнике в медицинской хирургии и говорилось о том, что нельзя идти по пути закупки робота «Да Винчи», у нас есть свои разработки, но государство должно этому помочь. На днях я смотрю репортаж, как отчитываются у нас о ситуации в здравоохранении и заявляют о том, насколько у нас подскочила закупка «Да Винчи». «Да Винчи» — роботы, которые делаются в США.

Был слайд про барьеры, и там была такая фраза: «Из-за высокой неопределенности». Два слова об этой высокой неопределенности. Андрей Николаевич это затронул, но здесь можно еще два слова сказать. Существует в том числе высокая неопределенность по экстерналии. Например, какие в ближайшие 3–4 года могут быть новые региональные или межрегиональные конфликты? Или уже по существующим: какова вероятность, что где-то произойдет сильная эскалация или появятся санкционные режимы, которые могут повлиять на экономическое развитие нашей страны?

Здесь есть много тех, кто считает, что с санкционными режимами в ближайшие 2–3 года станет лучше. Скорее всего, большинство думает, что станет хуже. Или использование недобросовестной конкуренции — думаю, здесь ситуация тоже станет хуже. Например, «Северный поток — 2». Ведь было ясно, что санкции на трубу, на эти корабли из Швейцарии будут наложены. Мы обсуждали это два года. Почему за эти два года не была проведена модернизация нашего судна, которое оказалось в декабре прошлого года на Дальнем Востоке, на Сахалине. А чего же его не модернизировали? Это к вопросу о стратегическом мышлении, что когда его нет, то его нет.

Или «Зеленая сделка», так называемая «Зелёная сделка» Евросоюза. Мы же с вами прекрасно знаем, что новая Еврокомиссия заявила о себе как о геополитической Еврокомиссии, и это впервые в истории, и они будут использовать огромные вложения в эту сферу и вводить протекционистские меры на своих внешних границах для усиления своего конкурентного преимущества и против США, и против Китая, и против России.

И еще блок вопросов, затронутых Андреем Николаевичем. Он говорил немножко о бедности и социальном неравенстве. У нас в стране часто можно слышать: «Ну что вы хотите? Чтобы мы были похожи на развитые страны? Мы же еще вот такие, сякие». Но по паритету покупательной способности мы же на шестом месте в мире. Это что, маленькая экономика, с маленькими доходами? Мне кажется, что решение вопросов по бедности, по нашему социальному неравенству до сих пор по сути нашим государством рассматривались как какой-то тормоз на пути ускорения экономического роста, как некое бремя для госбюджета. Все разговоры об экономике, основанные на знаниях о важности социального, человеческого капитала в основном, насколько я это вижу, оставались разговорами. Вы знаете, социальные расходы в нашем ВВП — это 11,6%. А во всех странах, с кем мы хотим быть наравне, они в несколько раз выше.

Была сказана фраза о бюджетном федерализме. Воз и ныне там. Я напомним о том, что последнее выступление Евгения Максимовича Примакова в клубе «Меркурий» было посвящено бюджетному федерализму. С тех пор прошло уже три года. И коррупция — это слово не прозвучало. Я думаю, это очень сильный фактор в том, насколько наша экономика в следующие 3–5 лет будет расти или медленно, или быстро.

Сорокин: Антон Викторович Данилов-Данильян. Антон Викторович — председатель Экспертного совета Фонда развития промышленности.

Бодрунов: И я добавлю, что Антон Викторович долгое время возглавлял экономическое управление Администрации Президента России.

Данилов-Данильян: В первую очередь я буду говорить, что мы ожидаем от следующего года в сравнении с прошедшим. Ответ со стороны нефинансового бизнеса: ничего. Все те пять основных тенденций, которые мы имели в прошлом году, несмотря на смену правительства, сохранятся.

Первое: денежно-кредитная политика Центрального банка, о которой здесь говорил Глазьев, на самом деле сильно не влияет ни на что, и двухпроцентный рост НДС практически никак не сказался на таргете по инфляции. Реально влияют располагаемые денежные доходы граждан. В последние шесть лет они стагнируют. Даже если они чуть-чуть подрастут в следующем году, это ни на чем не скажется.

Второе: у нас идет сокращение числа малых и средних компаний при том, что растет доля и количество индивидуальных предпринимателей и микропредприятий. Если за рубежом число компаний от микро до самых крупных — это пирамида, то у нас, простите, всё больше и больше напоминает расплывшуюся женскую фигуру. И пока мы не видим никаких причин, чтобы это остановилось. Это означает, что то, о чем говорил Леонид Маркович Григорьев, сохранится в полной мере, потому что нет причин, которые эти три группы как-то будут сглаживать между собой. Средние будут вымываться, крупные примерно на месте сохранятся, нижние — всё больше и больше станут увеличиваться.

Третья тенденция — наступление госсектора. Если раньше, лет пять назад, это происходило путем поглощения государственными компаниями, корпорациями, в следующие год-другой — их дочками, сейчас активно вошли в фазу внучки. И это происходит уже совсем незаметно, но очень быстро и эффективно. Среди самых значительных, наверно, действий прошлого года — это поглощение Ростехом единственной крупной частной станкостроительной группы СТАН. То, что не давали частной группе, тут же выделили уже части Ростеха, и ситуация там быстро начала нормализовываться. И какую подотрасль ни возьми из пятисот основных промышленных, всюду одна и та же картинка, в том числе побуждаемая требованиями государства к крупным государственным компаниям развивать инновационные проекты, а самый простой способ что-нибудь развить — это не сделать что-нибудь у себя, а купить существующее, и этот позыв будет лишь усиливаться.

Четвертое: неопределенность сохранится. Под неопределенностью мы понимаем неопределенность трех видов: неопределенность по спросу, неопределенность по экономической политике и административно-силовое давление, неопределенность собственного будущего у инвесторов, у компаний. И по спросу вряд ли что-то серьезно изменится, даже несмотря на все те усилия государства, о которых говорил Андрей Николаевич, в плане государственных инвестиций — быстро их не развернуть, значит, следующий год вряд ли будет отличаться от предыдущего. Административно-силовое давление сохранится. Здесь пока ничего не делается, чтобы это как-то пресечь. Регуляторная гильотина — это не силовое давление, это контрольно-надзорное, это несколько иное, это проще. Здесь надежды кое-какие есть.

И самое последнее: мы не ориентированы на рост уже хотя бы потому, что у нас различные режимы налогообложения, из-за них, как только компания достигает определенного предела, она перестает расти и начинает дробиться. Если мы с этим ничего не сделаем, то у нас вряд ли что-то получится.

Сорокин: Спасибо, Антон Викторович. Я уже объявил: академик Некипелов Александр Дмитриевич.

Некипелов: Первое: конечно, у нас в экономике очень много системных проблем, и о них коллеги говорили. Но при этом необходимо к ним подступаться и их решать. Мне кажется, что, если мы сейчас будем говорить о том, что пока мы их не решим, не будет возможности вообще

ничего сделать по всем другим направлениям, мы займем очень неконструктивную позицию, примерно такую, которая у нас была все эти годы транзита. Сколько лет прошло с 1992 года? Уже под 30, мы добились макроэкономической стабилизации, теперь заявили о том, что наконец макроэкономическая стабилизация достигнута, сейчас будем добиваться роста. Еще 30 лет будем добиваться роста по этой логике. Кроме всего прочего, в первое десятилетие 2000-х годов, хотя особых преимуществ системного плана, структурного плана у нашей экономики не было, но это была экономика, которая развивалась достаточно динамично, с высокими темпами инвестирования.

По денежно-кредитной политике. Я очень давно недоумевал, зачем в стране формировать такие валютные резервы и международные резервы. Я помню, в свое время, когда еще на заседаниях правительства допускались выступления приглашенных, а мне приходилось от Академии наук там участвовать, Герман Оскарович Греф с гордостью сказал, что у нас начали расти валютные резервы, и вот уже 200 миллиардов с лишним, и я спросил: «Герман Оскарович, какие резервы нужны нашей стране, по Вашей оценке?» Он так немножко замылся и сказал: «Миллиардов 300». Меня, честно говоря, никогда не убеждали аргументы, в соответствии с которыми в условиях неопределенности внешней среды, ситуации, в которой находится страна, нужна подушка безопасности, потому что даже в наиболее острые моменты, я уверен, что мы далеко не самым оптимальным образом действовали. Мы за полгода 200 миллиардов долларов из резервов израсходовали. Можно, конечно, считать, что это будет происходить регулярно и придется такими темпами расходовать резервы.

Я сегодня всё больше и больше прихожу к тому выводу, что на самом деле все эти резервы — инструмент, без которого нынешняя макроэкономическая стабилизация просто невозможна. Когда Центральный банк действует достаточно консервативно, снижая процентную ставку и вообще проводя всю денежно-кредитную политику, то я понимаю его. Этот огромный профицит ликвидности в значительной степени является результатом высокой процентной ставки, которая существует в стране. Предприятия, у которых масса денег на счетах, не инвестируют их, и правильно делают, потому что в любом учебнике финансового менеджмента можно прочесть о том, что отдача от основного капитала должна быть выше, чем от оборотного. Если у вас наоборот, то инвестировать могут только филантропы. Но я также уверен, что если в этой ситуации просто снижать процентную ставку,

снять ограничения, о которых говорил Сергей Юрьевич, трудно представить, что это не повлечет подрыв той самой макроэкономической стабильности, о которой мы говорили, потому что и деньги пойдут на валютный рынок, и инфляционные процессы не могут не начаться в этой ситуации.

Мне кажется, ключевая проблема заключается в том, что мы ничего не меняем в ситуации, когда против страны применяются санкции разного рода. Мы совершенно несвоевременно сняли ограничения, по крайней мере, формально сняли ограничения по капитальным статьям. У нас ведь в среднем 65 миллиардов долларов приходится в последние лет 15 поддерживать чисто активов текущих статей платежного баланса. Да, цифры оттока капитала по линии частного капитала колеблются, они то увеличиваются, то уменьшаются. А 65 миллиардов нашей чистой кредитной позиции по отношению ко всему миру каждый год практически постоянны. Посмотрите, это больше триллиона долларов за 15 лет. Поэтому мне кажется, что выход из этой ситуации состоит не в резком смягчении денежно-кредитной политики, он не состоит в том, чтобы просто начинать пытаться пускать деньги по отдельным каналам проектов, потому что деньги не остаются в этих каналах, они всё равно потом расходятся по всей экономике, а ключевой вопрос сегодня заключается в том, чтобы их вывести — продавать валютную выручку. Нужно снижать спекулятивную составляющую. Нас должна интересовать не столько ситуация, какая будет ликвидность акций корпоративного сектора: сегодня все эти вещи могут казаться очень симпатичными, но не имеют ровно никакого отношения к попаданию денег в реальный сектор экономики.

Сорокин: Спасибо, Александр Дмитриевич. Академик Полтерович Виктор Меерович.

Полтерович: Я много лет изучаю страны экономического чуда, пытаюсь понять, что нам нужно делать для того, чтобы быстро развиваться. Обнаруживается, что эти успешные страны, несмотря на различие в культурах, во времени, в обстоятельствах, использовали очень близкие институты и благодаря этому добивались успеха. Речь идет о таких разных странах, как послевоенная Япония, как франкистская Испания или современная Малайзия. Поскольку времени сейчас практически нет, я хочу в течение оставшихся у меня шести минут просто наметить основные препятствия, которые мешают нам развиваться. Это является некоторым выводом из изучения опыта успешных стран.

Первое препятствие носит институциональный характер. У нас нет законченной системы управления проектами или системы индикативного планирования. В самое последнее время в России проходила очень масштабная реформа управления проектной деятельностью. Был создан соответствующий совет при Президенте, президиум совета, проектные офисы и много-много всякого всего, но, тем не менее, эта система не заработала по-настоящему. И здесь несколько причин. Одна из них состоит в том, что не решен фундаментальный конфликт, который решали все страны экономического чуда для того, чтобы добиваться успеха, — конфликт между Министерством финансов, задачами роста и Министерством экономики. Об этом писали очень многие историки. Последние изменения, которые у нас здесь произошли в составе правительства действуют, на мой взгляд, в очень правильном направлении, но до конца всё-таки этот конфликт не решают.

Второе препятствие носит идеологический характер. Мы всё еще полагаем, что основное направление вмешательства государства в экономику состоит в развитии инфраструктуры. По существу, все национальные проекты в широком смысле этого слова носят инфраструктурный характер. Нет ни одного проекта, который был бы направлен на совершенствование технологий. Даже проект, касающийся цифровой экономики, не тот, который должен был бы быть. А ведь в этом на самом деле — совершенствовании технологий, заимствовании и создании новых технологий — именно в этом корень роста. Таким образом, без преодоления вот этого идеологического препятствия мы дальше двигаться не сможем, а как только мы начинаем об этом думать, возникают вопросы, связанные с развитием национально-инновационной системы, с развитием науки, в частности, с созданием цепочки от фундаментальных исследований к практическому применению. В этой цепочке у нас совершенно не хватает отраслевых институтов, которые необходимо создавать.

Третье препятствие культурного характера — это проблема доверия. До тех пор пока мы не преодолеем взаимное недоверие, повсеместное недоверие граждан к государственным институтам и к бизнесу, бизнеса к государству, государства к бизнесу — до этих пор быстрый рост недостижим. Решение этой проблемы связано с решением и тех вопросов, которые я упоминал перед этим. Речь идет о вовлечении широкого круга агентов, в том числе гражданского общества, в процессы принятия решений, и речь идет о социальной политике и политике снижения неравенства. На самом деле мы так и не решаемся всё еще на внедрение прогрессивного налога на доходы физических лиц, а без этого двигаться вперед очень сложно.

И наконец, четвертое препятствие, конечно, состоит в правильном выборе международной политики. И этот вопрос очень сложный, а поскольку мое время закончилось, я только скажу, что мы должны, на мой взгляд, стремиться к союзу с Европой. И именно этот союз может дать нам необходимые ресурсы для того, чтобы развивать технологии и развивать торговлю, которая нам необходима.

Сорокин: Спасибо, Виктор Меерович. Директор Института экономики Елена Борисовна Ленчук. Что-то у нас сегодня с гендерным перекосом как-то не очень получилось. Меня обвинят, что я супротив европейских ценностей.

Ленчук: Я остановлюсь на таких важных моментах, которые сегодня уже затрагивались.

Прежде всего, в условиях отсутствия стратегии социально-экономического развития на долгосрочную перспективу, которая определяла бы нашу модель развития на предстоящий 10–15-летний период, мы живем в таких контурах развития, которые определяются на среднесрочный прогноз. Майский Указ Президента, инаугурационный указ 204 — уже здесь мы видим некую нестыковку. Если смотреть на Указ и те цели, которые он определяет, прежде всего это обеспечение прорывного научно-технологического и социально-экономического развития, которое будет реализовываться через 12 проектов, — это зависит от наращивания ресурсной базы и ресурсных возможностей. И прежде всего такая возможность зависит от общих темпов экономического роста.

В первую очередь, на мой взгляд, речь должна идти о структурных изменениях, структурных сдвигах, которые могут обеспечить наращивание темпов экономического роста. Мы на прошлом заседании говорили: речь должна идти о возрождении реального сектора экономики, потому что именно в реальном секторе формируются предпосылки для экономического роста. И в общем такое возрождение реального сектора экономики должно происходить за счет технологической модернизации и внедрения самых передовых технологий и инноваций. И сегодня ни для кого не секрет, что именно научно-технологический фактор определяет конкурентоспособность и процветание тех или иных стран.

Сегодня модно говорить о цифровой экономике, но это и есть процесс внедрения во все сферы экономической деятельности самых передовых, прорывных технологий. У нас же сегодня цифровизация больше сводится к госуправлению, к использованию в финансовой сфере, довольно

активно и успешно используются у нас цифровые технологии в фискальной области, а если говорить о промышленности, то здесь стоит очень много вопросов и здесь использование новых технологий тормозится. Я полностью соглашусь с Алексеем Анатольевичем Громыко, который сказал, что необходимо проводить соответствующую промышленную и прежде всего технологическую политику.

На прошлом заседании Абел Гезевич Аганбегян тоже отмечал, что сегодня у нас нет ни одного нацпроекта, который затрагивал бы реальный сектор экономики. У нас в стране нет никакой ясной технологической политики. Нацпроект «Наука» вообще не затрагивает вопрос технологий, а занимается совершенно непонятными вопросами наращивания публикационной активности, инфраструктурных проектов. А кто определяет ключевые технологии? Минэкономразвития не определяет, Минпромторг не определяет. Если брать Министерство науки и высшего образования так, как оно существует, и эффективные менеджеры, которые там сидят, вряд ли они способны определить технологический вектор развития страны. У нас есть стратегия научно-технологического развития, там тоже о технологиях фактически ничего не сказано.

Заканчивая, я хочу сказать, что без научно-технологической политики, промышленной политики невозможно сформировать новую модель развития, потому что в век научно-технического прогресса и четвертой промышленной революции фактически нет альтернативы курсу на инновационное развитие, поэтому на этих вопросах, мне кажется, необходимо акцентировать внимание.

Сорокин: Спасибо, Елена Борисовна. Академик Нигматулин Роберт Искандрович.

Нигматулин: В последние несколько месяцев группа наших ученых готовит рекомендации по развитию экономики, экономического роста, и основные пункты этих рекомендаций — на прошлой встрече академик Аганбегян о них рассказал, я сейчас на них останавливаться не буду. Но я бы сказал про еще один момент, который не затрагивался: у нас очень дорогое сырье. У нас бензин, в стоимость которого заложена нефть, примерно в два с лишним раза дороже по паритету покупательной способности, чем в Америке. Это тоже сильнейший тормоз в развитии нашей экономики, потому что всё основано на сырье.

В последнее время я всё больше и больше думаю, что у нас есть сильнейший экономический тормоз, к которому мы пришли за последние 30 лет, и в том числе за последние 20 лет, когда страной руководит нынешний президент.

Вот несколько цифр. У нас прирост ВВП на рубль инвестиций в основной капитал — два. На рубль два. В РСФСР было четыре. Мир — от трех до пяти. Это качество руководства экономики. Затраты ВВП на ликвидацию катастроф и так далее — в мире 0,5% ВВП, у нас — 1,4%. В три раза больше. Это опять же качество руководства и качество нашего народа.

Мы так давили наше образование, так его совершенствовали, что пришли к такому состоянию, что это становится сильнейшим тормозом, и мы быстро никакого экономического роста не достигнем.

Нужно отказаться от давления на науку. Мы тратим на науку 1% ВВП. Но мир-то тратит 2–3. И всё время хотим что-то реорганизовать, перестроить ученых в рамках этих же денег, чтобы они стали более продуктивно работать. Вот эти все требования публикационной активности, планирование по публикационной активности — это же абсолютнейшая глупость и вздор, который исходит от власти. И это, я еще раз подчеркиваю, сильнейший экономический тормоз во всех наших планах. Это будет нас тормозить, и никакого роста 5% в ближайшие 10–15 лет мы не достигнем. Нужны инвестиции в экономику знаний, важно, чтобы экономикой знаний и наукой, организацией науки руководили специалисты, а не бухгалтеры, как у нас в последние годы делается, иначе мы не достигнем экономического роста.

Сорокин: Коллега Гринберг Руслан Семёнович, член-корреспондент и прочее и прочее.

Гринберг: У нового правительства есть какой-то шанс. Я имею в виду прежде всего такого человека, как Андрей Белоусов. Всё-таки он не идеологический человек, и, может быть, наш президент разрешил ему провести какие-то эксперименты с государственно-частным партнерством и со значимыми инфраструктурными проектами. Я по-прежнему считаю, что при любой политике, при хорошей или плохой, наша страна находится в такой ситуации, что для того, чтобы даже не то что ускорить рост, а просто прекратить стагнацию, из которой трудно выходить, как говорил Абел Гезевич, труднее, чем из рецессии, это правильно, я не знаю ни одного прецедента такого выхода, но, по-моему, всё-таки нет никакой альтернативы государственным инвестициям и пресловутым ГЧП, об этом уже столько было сказано. На самом деле этого ничего не происходит. Происходит то, что я называю двойной имитацией. Правительство имитирует успех, а бизнес имитирует провалы, потому что нельзя имитировать успех — как только ты заговорил о том, что у тебя всё хорошо получается, за тобой приходят.

Теперь я хочу сказать, что в этом смысле нет никакой альтернативы одному очень примечательному высказыванию Алексея Улюкаева перед тем, как с ним случилась беда, он очень уверенно произнес такую фразу, что риски от государственных инвестиций намного меньше, чем отсутствие всяких инвестиций. И это золотые слова. Потому что думать об инвестиционном климате, коррупции — сколько уже можно говорить на эту тему, я вообще не знаю. Понятно, что принципиально должна измениться, конечно, экономическая политика. Думаю, что есть какая-то надежда на Андрея Белоусова, и даже у меня есть надежда на Мишустина, поскольку время собирать камни, время разбрасывать камни, и он научился очень хорошо собирать деньги, пора тратить деньги. Теперь у него задача их тратить.

Теперь о рисках. Виктор Дмитриевич говорил об идеологическом препятствии. Я хочу сказать, что вся экономическая политика России — это идеологически обусловленное препятствие. Несмотря на то что во всём мире две утопии уже умерли — утопия директивного плана и утопия свободного рынка, но у нас она очень живучая и, судя по всему, не хочет сдаваться. А это, конечно, берет свое начало еще с начала 90-х годов, где очень в моде была доктрина естественных конкурентных преимуществ: что ты можешь продать, то и делай прямо сейчас и всегда, а то, что временно у тебя не получается, не можешь продать, мы тебе это завезем. И надо сказать, что это всё проходит. Поэтому, когда сейчас говорят о промышленной политике или о каком-то ободряющем целелеполагании, я считаю, что, может быть, мы многое упустили. Не могу себе представить, как можно заменить потребительские товары Китая и инвестиционные товары Европы.

И здесь возникает вопрос: что делать? Есть две школы мышления. Одна говорит, что всё-таки нужно смягчать денежно-кредитную политику. Но я соглашусь с Некипеловым здесь в том плане, что мы абсолютно специфическая страна на мировой карте, поскольку так называемое количественное смягчение, печатание денег, если говорить грубо, — это прерогатива развитых стран, нормальных стран. И я хочу сказать, что это срабатывает там. Если бы не было печатания 80 или 90 миллиардов долларов в месяц в странах Запада, то тогда бы там была рецессия, а сейчас есть какой-то рост, и даже выше, чем у нас, в три раза.

У нас же что происходит? У нас, если взять нашу экономику, она совершенно непригодна для подобных мер, потому что печатание денег автоматически приведет к инфляции, или покупке импортных товаров, или вкла-

дыванию их в иностранные деньги. Если бы я был на месте Путина, в теперешней ситуации я бы тоже копил деньги. Копил бы деньги на черный день. Правда, для многих он уже наступил, но всё равно бы копил, потому что непонятно, что нужно делать, потому что всякий частный бизнес, конечно же, абсолютно парализован, а мантра правящего дома в стране по-прежнему направлена на то, чтобы постепенно уходить из экономики. Когда ты спрашиваешь этих людей, которые руководят экономикой, вообще страной: «А что надо делать?» — они говорят: «Надо уходить государству из экономики». Это, конечно, абсолютно бесперспективно.

Сорокин: Спасибо большое, Руслан Семёнович. Владимир Михайлович Давыдов, член-корреспондент Российской академии наук.

Давыдов: Я обратил внимание на одну фразу Андрея Николаевича: для того чтобы краткосрочный прогноз, может быть, даже среднесрочные оценки были корректными, их нужно поместить в долгосрочную перспективу.

Думаю, что это очень конструктивная мысль, и в этой связи хотел бы обратить внимание на то событие, которое оказалось малозаметным, но на самом деле оно имеет стратегическую важность для нашего развития. Под занавес правительства Медведева был ратифицирован Парижский договор, Парижское соглашение по климату. Не совсем понятно, почему правительством, а не парламентом, почему мы ждали четыре или почти пять лет, прежде чем это сделалось. Мы очень долго думаем. И сейчас совершенно очевидно, что мы ведем развитие в долг по большому счету, причем в долг перед будущими поколениями, с одной стороны, а потом — огромный социальный долг. И у нас есть бомба замедленного действия. Вопрос в том, когда эта бомба начнет функционировать.

Я думаю, для того чтобы подтвердить мои соображения, нужно обратиться к опыту Европы. Мы говорили о том, что у нас будет экспорт. Может быть, он будет 2–3 года, но если речь идет о наших отношениях с Евросоюзом, которые Виктор Меерович считает предпочтительными, то там внедряется зеленое законодательство, причем очень интенсивно. Об этом говорят наши переговорщики из МИДа, которые имеют дело с тематикой устойчивого развития, глобального потепления: будет совершенно дискриминационная ситуация по отношению к нам.

Готовятся серьезные налоги, серьезные санкции для тех, кто неспособен перейти на низкоуглеродное производство и смежные производства. Если говорить

о структуре нашей экономики, то мало стран, которые сопоставимы с нашими высокоуглеродными производствами. Кроме того, мы пытаемся выйти на коне атомной энергетики, на том, что у нас газ, который менее токсичен. Но в мировой практике нет аналогичного отношения к нашей ядерной энергетике и нашей газовой энергетике. Конечно, на азиатских и, может быть, латиноамериканских рынках это не будет особенно сказываться, но на ключевом направлении нашего развития это очень серьезный вызов.

Думаю, что речь идет не о расширении и диверсификации. Мы неспособны произвести диверсификацию. Коллеги говорили о состоянии накопления, об инвестиционном потоке здесь много говорилось, я не берусь судить, но это совершенно не обеспечивает императива диверсификации обновления нашей экономики. На это нужны триллионы и триллионы долларов.

Еще одно обстоятельство. На самом деле у меня их три, не знаю, успею ли я сказать. Мы экономисты-изоляционисты. Я внимательно слушал Андрея Николаевича. У нас анализ ведется по показателям конъюнктуры, которые характеризуют экономическую ситуацию. Но ведь сейчас это невозможно. Мне кажется, нужно сделать прорыв в другом направлении — измерять социальное настроение. Я чувствую, что мне надо завершать, сделаю только одну ссылку. 27 декабря в «Российской газете» появилась целая полоса с результатами социологических исследований. Обратите внимание на эту статью. Там три позиции. Какой вывод: нужны перемены, считает российский народ, нужна справедливость и нужно доверие, которого нет. Еще одно обстоятельство, очень интересное, которое напоминает ситуацию латиноамериканских стран: после президента самое большое доверие армии.

Реплика: Не после. До президента.

Давыдов: Нет, после. У президента выше. Во всяком случае, это свидетельство того, что в массах по результатам недоверия есть надежда на сильную руку, на руку армии. Вот такова ситуация сейчас и в Латинской Америке.

Сорокин: Да, опыт Латинской Америки нам это подсказывает. Всё. Спасибо большое. Я не могу не дать слово заместителю директора Института проблем нефти и газа, члену-корреспонденту РАН Богоявленскому Василию Викторовичу.

Богоявленский: В прошлом году установлены очередные рекорды добычи углеводородов. В Арктике растет добыча нефти и газа. Не буду останавливаться на деталях, но, конечно, история 50 лет принесла нам массу негативных моментов, о которых я уже не раз писал, в том числе катастрофа Кумжинского месторождения. Конечно, газовая промышленность и чище, и безопаснее с точки зрения добычи. Хочу сказать также, что добыча угля в Арктике несравнимо тяжелее, гораздо чаще происходят взрывы при выбросах газа. И так, растет добыча, хотя, вы видите, на шельфе несколько упала. По газу мы растем достаточно активно. Замечательно развивается проект «Ямал СПГ». Я его мониторию, 10 раз был там в разное время, и вот статистика загрузки на танкер — 20 миллионов тонн на СПГ. Всё работает как часы, поверьте мне, очень хорошо. Но необходимо совершенствовать технологии, чем мы, собственно, занимаемся. Мы являемся абсолютными лидерами по алмазам. 29% добычи мировых алмазов — это Россия. Я сам удивился, когда это всё раскопал. Но при этом вы видите, как мы уродуем природу, в первую очередь арктическую. И нефтью, и газом мы природу тоже достаточно изуродовали, это нам предстоит устранить в будущем.

Бузгалин: Первая ремарка: мне посчастливилось вести интереснейший семинар по сравнению логики Гегеля с логикой «Капитала» Маркса. К концу этого семинара остались только два человека, которым это было интересно. Один из них — главный докладчик на сегодняшнем круглом столе Андрей Клепач, вторым был Андрей Белоусов. Если бы эти люди взяли руководство правительством в 90-е годы, я думаю, сейчас мы жили бы в другой стране. Но сейчас надежды на то, что что-то серьезное изменится в связи с изменением нескольких человек, у меня нет.

Мне кажется, очень важно говорить о системе экономических отношений институтов, ставить диагноз нашей экономике и уже потом использовать какие-либо цифры для того, чтобы говорить о том, как можно количественно отобразить серьезные качественные проблемы и изменения, которые необходимы.

Я берусь утверждать, это не мое утверждение, это утверждение мировых величин. У нас с этой очень важной темой выступает Сергей Дмитриевич Бодрунов, измерять ростом ВВП экономику бессмысленно в сегодняшних условиях. Нужны другие качественные индикаторы. Они есть. Это тезис № 1.

Тезис № 2: главная проблема сегодняшней российской экономики — это препятствия в развитии (не в росте, а в развитии), связаны не с финансовой системой и не с теми или другими соотношениями макроэкономических индикаторов. Главная причина — это сложившаяся система общественных отношений, экономических отношений институтов.

Коротко это можно назвать так: олигархический бюрократический капитализм полупериферийного типа. Что такое «полупериферийный» — иллюстрации не требуются. Что такое «олигархический бюрократический»? Власть принадлежит именно этому социальному слою. Существующая система соотношений и правил игры ему выгодна, он в этих условиях получает главный контроль за богатством, доходами и потоками властных полномочий. Соответственно, если мы хотим выйти из стагнации, нам надо изменить распределение богатства, властных полномочий и доходов, иначе ситуацию изменить нельзя. На этом я заканчиваю.

Сорокин: Я предоставляю слово директору Института торговой политики Высшей школы экономики Александру Владимировичу Данильцеву.

Данильцев: Несмотря на то что я не знаю, можно ли считать Россию с точки зрения экономической теории экспортно-ориентированной экономикой, но реально она экспортно-зависимая, это так. И поэтому это, конечно, важный вопрос. И что хотелось бы отметить, скорее всего, внешние экономические условия для поддержания нашего роста и развития не улучшатся. Будет хорошо, если они не будут ухудшаться. Поэтому здесь у меня точка зрения, скорее, такая пессимистическая.

Здесь были показаны некоторые прогнозы развития экспорта, решение задач, связанных с национальными проектами. Я бы ориентировался на средний вариант либо ниже среднего, если не сказать хуже. Почему? Потому что мы все знаем, что происходит замедление экономического роста в мире, но сейчас, может быть, будет чуть-чуть лучше. Этому много причин. Я, наверно, не буду углубляться. Там и снижение инвестиций называют, и снижение доверия к политике и регулированию торговли и экономики в целом, и слабый потребительский спрос, и пресловутые торговые войны.

Но что бы хотелось сказать? Из такой стагнации или спада могут вывести два пути. Первый — это ликвидировать причины. Но причины вряд ли можно будет ликвиди-

ровать, потому что они — системные. Второй путь — это появление некоего локомотива, драйвера, то есть таких решений, нововведений и секторов, которые даже в неблагоприятных условиях всё равно являются привлекательными и могут создать стимулы для инвестирования. А мы не видим их сейчас, к сожалению. На мой взгляд, их нет. Мы все говорим с большим энтузиазмом о цифровизации, использовании цифровых технологий, искусственного интеллекта. Но на самом деле ведь пока всё это способствует только более эффективному использованию существующих технологий, подходов и производств. Пока это не стало самостоятельным сектором существенным. И на краткосрочном горизонте, особенно в следующем году, скорее всего, это не даст ощутимого эффекта. А что касается российской позиции, то здесь, мне кажется, мы не в самом хорошем положении, но почему? Потому что мы не самые конкурентоспособные и в условиях низких темпов развития мировой торговли, естественно, вытеснять будут прежде всего нас с нашей продукцией, будь то товары или услуги. Конкуренция резко усиливается. Это связано и с ростом протекционизма, и с усилением дискриминационного фактора.

И наконец, что может быть неким смягчающим фактором? Это пресловутые цепочки, то есть сформировавшиеся взаимоотношения между производствами, компаниями, экономикками, которые так или иначе поддерживают существующие взаимосвязи и мешают их разрушению и деградации. А мы как раз в этом компоненте достаточно слабы. Если, конечно, не брать статистику, которая показывает, что у нас все неплохо за счет того, что используются наши энергетические сырьевые ресурсы, но в реальных производственных, технологических цепочках, которые сложно заместить, мы действительно представлены не очень здорово. Поэтому я полагаю, что нас ждут не очень веселые времена в этой области.

И в заключении. Здесь упоминалось о роли многосторонних договоренностей ВТО и других механизмов. В этой ситуации мне представляется, что они крайне важны. Просто нет времени углубляться. Почему? Потому что все остальные механизмы — рискованны. Возьмем хотя бы проблемы договоренности между Китаем и США. Крайне рискованное мероприятие. Почему? Потому что понятно, что это носит дискриминационный характер и бьет по другим участникам торговли.

Ершов: Несколько соображений на тему доклада и нашей дискуссии. Чрезмерно мягкая политика в развитых странах и чрезмерно жесткая политика у нас привела к тому, что и у них, и у нас деформировалась связь между реальной экономикой и финансовой сферой. Смотрите, что мы наблюдаем и у них, и у нас: фондовые индексы бьют рекорды и в их случае, и в нашем случае, а экономика и у них, и у нас еле-еле растет. Обычно корреляция была более живой: реальный сильный рост экономики и сильный рост фондовых индексов как иллюстрация реального сектора. Сейчас ни там, ни здесь этого не демонстрируется.

В нашем случае есть еще один маленький нюанс: наши фондовые индексы, мы знаем, быстро растут из-за того, что нашими компаниями выплачиваются максимально высокие дивиденды. Возникает риторический вопрос: хорошо, привлекательность акций становится, естественно, более высокой из-за такой дивидендной политики, но не подрывают ли компании таким образом основу для своего будущего роста? Если я как компания выплатил большой дивиденд своим акционерам, а не инвестировал снова в себя, в мои будущие промышленные активы, значит, мои перспективы на будущее будут более блёклыми.

Следующий момент: мы говорим о том, что в этих же условиях финансовые, денежно-кредитные инструменты подрывают свою эффективность. В развитых странах на протяжении длительного периода — отрицательные ставки, но это ни к чему, по сути, не приводит. У нас ставки начали снижаться, к счастью, и многие из нас за это дело, естественно, выступают, но будет ли положительный эффект?

Проблема стала более комплексной. Если мы лечили больного, образное сравнение, горячим чаем долгое время вместо уколов пенициллином, то когда мы наконец сделали укол пеницилина, то больной уже не так реагирует, как должен был бы реагировать, потому что укол надо было делать год назад, болезнь стала более сложной.

Предположим, я — наш российский коммерческий банк, ставка стала ниже нормы рентабельности, пофантазируем, 3%, эффективность проектов, которые я финансирую, 5%, то есть я могу себе позволить деньги взять. Но буду ли я их брать, даже если мне дает их ЦБ?

Значит, я взял деньги под эту ставку, я произвел свой проект с более высокой эффективностью, но спрос на продукцию уже отсутствует, поэтому я понимаю, что тариф-то — большой.

Деньги есть. И неспроста же те самые 30 триллионов рублей на счетах реального сектора в наших банках, которые не идут в экономику, потому что компании понимают, что хорошо, они будут их брать, а куда продавать? Так что это комплексная, многомерная проблема. И чрезмерная мягкость, и чрезмерная жесткость как в их случае, так и в нашем — плоха. Соответственно, такие условия, которые сейчас у нас сложились, предполагают, что надо уже быть готовым к тому, что не только меры денежно-кредитной политики и, как правильно сегодня звучало, меры бюджетной политики, меры всех форм регулирования и стимулирования промышленной политики, денежной трансмиссии должны быть использованы, чтобы хоть как-то направлять деньги в те сферы, которые можно было бы развивать. Нужно быть к этому готовыми. Проблема стала более ёмкой. Заболевание стало более сложным. И в их случае это их проблема, но и в нашем, к сожалению, эта проблема имеет место.

A YEAR HAS PASSED. WHAT'S NEXT?

Based on the materials of the Abalkin Readings of February 5, 2020

***Andrey Nikolaevich Klepach,**
Member of the Board of the VEO Russia, Chief Economist
of Vnesheconombank*

In fact, it is now more difficult to say how the economic development will proceed than it was before the New Year, because I am almost sure there will be significant changes in the economic policy with an emphasis on improving the efficiency of the implementation of the national projects and accelerating economic growth. It is difficult to predict what decisions will be made, although a certain previously discussed package of measures is starting to take shape.

We all know that the official Ministry of Economic Development forecast and the budget are based on the fact that oil prices have been decreasing significantly. Apparently, from 64 last year, if we take the Ministry of Economic Development forecast, to 53 in 2024. At the same time, everything is fine with the budget, it has a surplus albeit at the expense of a significant expenditure limitation. Our vision is closer to the consensus forecast, although it's more conservative. It is based on the assumption that oil prices will be declining throughout this year. As a matter of fact, we are now observing this, but no slump will occur and later on a certain growth will resume - 59 or, perhaps, prices will go even further. to 65, 60-odd dollars per barrel. This is quite a different picture, and it is more favorable for economic growth and for the budget than what is being predicted.

At the same time, there is a fork, on which there is even less clarity – how much oil and other hydrocarbons Russia will be able to produce and export after joining the OPEC. Until the end of March, we have an agreement on limiting production volumes, but this forecast is based on the fact that after March we will no longer be subject to this limitation. Why? Because many of the projects that the oil companies have launched are contingent, in one way or another, on a significant increase in production volumes, and the decline in the old fields will not be compensated by the growth that is expected in the coming years. At the same time, the latest statements and negotiations between the President and the monarch of Saudi Arabia indicate that Russia or OPEC Plus will rather adhere to the limitations even taking into account the expected decline, which, in fact, has already begun. Therefore, there is an uncertainty here as well, and it is significant for both growth rates and the economy as a whole. It is clear that it significantly affects the exchange rate of the ruble.

Concerning the world economy. Many experts expect that the peak of the pandemic will pass in March, but still both the scale and the losses are greater now, and it may last longer. We see that it appears to affect the global prices for oil and a number of other commodities, i.e. prices may fall by additional \$2 per barrel, or more. Or less. It's hard to say now. It depends on the duration of the decline. The slowdown of the Chinese economy is possible: if they had an expectation of about 6%, then in these conditions it could be 5.8. Naturally, this will put downward pressure on prices.

At the same time, there are significant opportunities for accelerating growth that were never used before – I mean the 8 plus percent, almost 9%, of the funds that should have been used for the national projects and that carried over to the current year. Moreover, a significant part of what was transferred in December, naturally, did not start to work, and now a significant portion of the funds transferred under the national projects is being returned. Businesses' profits and account balances are high. As you know, many companies have sharply increased their dividend payments, and there is no capital outflow or, let's say, it has dropped sharply; anyway, it's a resource that is not being invested, but it still can potentially be turned into investment.

Now what can be pointed out? In other words, what changes are in the making? Firstly, the President's Address implies a rather serious social package. We will see the final figures in May, when amendments to the budget law will be made, but what was announced the other day amounted to over 4 trillion.

Investment incentives. There is an important, well-known investment support bill that has been submitted to the State Duma.

And again, the question of the effectiveness of the implementation of the national projects. Here is an assessment of the package, and not the entire package, of the social measures mentioned in the Address, related to maternity capital, to payouts, to an increase in payments for children aged 3 to 7. How it will not only affect GDP growth – according to our estimates, up to 0.3 percentage points as early as 2020, and in 2021, although, again, a lot will depend on the rules, and the rules according to which the maternal capital will be paid are still unclear, so it's some kind of an optimistic hypothesis.

At the same time, importantly, it is not only a serious and significant factor in terms of the dynamics of household incomes and GDP growth, it can also seriously affect the reduction of poverty. According to surveys, approximately 8-9% of Russia's households are poor. Those measures can significantly reduce the scale of poverty, by at least 1 percentage point.

To some extent, the social package proposed by the President, has greatly changed the structure on which the forecast of the Ministry of Economic Development and the budget were previously based. The forecast was, in fact, based on the premise that our consumer demand will be significantly limited, and incomes of the population will not grow much in 2020. And hence the idea that by squeezing the population, we would secure a leap in investments. I do not think this idea was correct, but, nevertheless, the logic that follows from the President's Address is different, and we are receiving a serious social package which will, one way or another, significantly affect consumer demand and income.

The second question that arises here and that has no clear answer is: what about our beloved budget rule? On the one hand, there's a dogma: the budget rule shall not change, it shall not be canceled, on the other hand, in fact, if we take the budget that was adopted in 2019, starting in 2020 it has already been somewhat modified, by some 500 billion, and, accordingly, it was reflected in the creation of an investment fund as reflected in the budget code, and in an increase in borrowings. Now it has been confirmed that the budget rule will not change, and the budget remains in surplus.

As I have already said, government employees' salaries will be indexed in October, and accordingly, only with low inflation will this give an actual slight growth. There will again be a debt on salaries of military servicemen, and an increase in the indexation of pensions.

As for lowering interest rates, again, the question here is not that there is not enough money and it's necessary to increase the volume of investments because large amounts of funds in both the budget system and the banking system are not invested. This is the question of lowering interest rates more aggressively, and there are quite a few issues related to mitigating the risk policy or the prudential policy. Not in the sense of forgiving the siphoning off of money, but in the sense of facilitating lending and distribution of risks between borrowers and lenders.

As for mortgage. There have been many estimates that it will be difficult to reach the target of 120 million square meters of new housing. The main difficulty is not in construction, since there is capacity both in the cement industry and in construction organizations. The main problem is who will buy the houses?

Additional investments in transport infrastructure. The first question here is that there should be some kind of clarity with those investments. I don't even want to recall the so-called high-speed rail, which is still in the plans as a Moscow–Kazan railroad; as you know it has now been decided there will be a Moscow–Petersburg railroad. On the other hand, no clear decision has been made and no funding has begun. So, it will take at least 2 more years to carry out design and survey work. It is not known whether this will materialize; perhaps it will be postponed to 2024 or beyond, which has happened to it several times already. Therefore, I would like to hope for some clarity in that department. The same is true for the proposed Moscow–Kazan toll road. The project has not been financed and the work on it has not started yet, although it is also in the plans; at the end of last year no agreement was reached on which of the road sections will be completely financed by the budget. I hope that the new Government will decide on those key projects as a matter of priority.

In fact, in order not to just get an acceleration as we were able to do in the 1980s under the Soviet regime, but to attain sustainable growth in the long term, we still need serious systemic solutions. We should take into account that our politicians have plans only for periods between elections. But we still need to launch projects that focus on the long term, 10, 15 years. I'm not talking about the Chinese with their plans for 2050. We need to plan for at least the next 7, 10 or 15 years.

The second issue has also been discussed many times, but no solution has been proposed - a unified standard of welfare or some general principles of payment for the same work in different regions. It is possible that the ongoing discussion of new approaches to salaries of doctors and schoolteachers will somehow reduce the excessive differentiation that exists. With regard to science, the question has not yet been discussed at all. Again, everyone is in favor of investing in the development of human capital, but even if we take the national projects, it will not exceed the 2008–2010 figures relative to GDP, so new fundamental decisions are needed here, but then we will need a different budgetary structure.

ЦЕЛИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В РОССИИ

По материалам программы «Дом Э», ОТР, 2 мая 2020 г.

СОБЕСЕДНИКИ

*Леонид Маркович Григорьев,
главный советник руководителя
аналитического центра
при Правительстве Российской Федерации,
профессор*

---

*Сергей Николаевич Бобылёв,
заведующий кафедрой экономики и природопользования
экономического факультета
Московского государственного университета
им. Ломоносова, профессор, д. э. н.*

---

*Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России,
президент Международного союза экономистов,
директор ИНИР им. С. Ю. Витте, д. э. н.,
профессор*

Бодрунов: Здравствуйте, коллеги! Сегодня я предлагаю поговорить о целях устойчивого развития. В 2015 году Организация Объединенных Наций приняла повестку дня в области устойчивого развития до 2030 года. Программа состоит из 17 целей, направленных на ликвидацию нищеты, сохранение ресурсов планеты, обеспечение благополучия. Будут ли достигнуты цели устойчивого развития, которые поставлены Организацией Объединенных Наций? Разговор, в общем-то, не абстрактный. Это история о каждом из нас, о возможности иметь достойную, хорошо оплачиваемую работу, получить качественное образование, квалифицированную медицинскую помощь. Сегодня мы обсуждаем цели устойчивого развития и пути их достижения. В гостях у нас специалисты, которые хорошо могут нам эту тему осветить.

Бодрунов: Цели, которые поставила ООН, — хорошие цели, благородные?

Бобылёв: Цели замечательные.

Бодрунов: Достижимые?

Бобылёв: У нас часто обсуждают так, будто это что-то такое абсолютно новое, невероятное. На самом деле это развитие прежних целей. С 2000 по 2015 год были цели развития тысячелетия. И главная цель была очень благородная — развитие человеческого потенциала. Эта программа кончилась в 2015 году. И мировое сообщество в лице ООН решило, что хорошо было бы их продлить. Там было 8 целей развития тысячелетия, сейчас их 17. Добавлены в основном экономические и экологические цели. По структуре там трехуровневая система: цель, задача, индикатор. Это практически всё то же самое. Так что это такой наследник, так сказать, ооновской системы, подхода к системе индикаторов устойчивого развития. Россия, кстати, в лице нашего президента подписала этот документ в сентябре 2015 года в Нью-Йорке.

Бодрунов: В России в 2020 году мы должны представить так называемый добровольный национальный обзор по достижению целей устойчивого развития.

Бобылёв: Его как раз представляет структура, где трудится Леонид Маркович.

Бодрунов: Леонид Маркович, тогда поясните.

Григорьев: Все привыкли, что устойчивое развитие — это что-то такое экологическое.

Бодрунов: Видимо, потому, что это — новое в повестке дня.

Бобылёв: В мире и в России все считают, что важны только экономика и ВВП, больше ничего.

Григорьев: Да, это это уже национальная специфика. Всё-таки в мире исторически это была экология. В целях тысячелетия появилась бедность, и отчитались в основном снижением бедности в Китае и Индии. Они снизили бедность к 2015 году успешно. Хотя должен сказать, что с тех пор прибавилось 2 миллиарда человек и сейчас прибавится

еще 2 миллиарда, и в основном в бедных странах. То есть не исключено, что надо возвращаться к целям тысячелетия и смотреть, сколько бедных, потому что там мизерные нормы, конечно, 1,9 доллара — для абсолютной и 5,5 — для относительной бедности, но я думаю, что по 5,5 мы точно накопили лишний миллиард-другой. Поэтому, я бы сказал, даже по тем целям, строго говоря, отчитались, но выполнено в мировом масштабе не очень много.

Но главное, что цели устойчивого развития всё-таки намного шире. И там есть раздел по институтам. Там появился полноценный климатический вопрос. То есть вот эти 17 целей — это на самом деле некая рамка, в которой каждая страна пишет сама (это очень важно). То есть ООН не выставляла нам конкретные цели.

Бодрунов: Нет каких-то требований и так далее.

Григорьев: Нет. Требование простое: определите сами, что вы хотите сделать. В принципе, до 2030 года. А добровольные доклады пишутся таким образом: вот мы были в таком-то состоянии на 2015 год, мы приняли такие-то решения двигаться туда-то, и как мы движемся в этом направлении. Поэтому наш доклад будет сделан таким же образом. Его делают мои коллеги. Они запустили 17 рабочих министерских групп по каждой цели, собрали со всех материалы и сейчас их дорабатывают. Думаю, к лету это будет сделано. И я думаю, этот добровольный доклад будет представлен в ООН на Генеральной ассамблее где-нибудь осенью нынешнего года. То есть работа проводится. И чисто организационно есть поручение от вице-премьера, это уйдет в конечном итоге в МИД, и МИД это представит. То есть процесс идет совершенно самостоятельно, потому что реализация национальных целей идет в основном в национальных проектах и по указам президента.

Бобылёв: Надо еще похвалить Росстат. Росстат создал платформу по целям устойчивого развития.

Бодрунов: Ругают. Всем не нравится статистика.

Бобылёв: В декабре они издали тоненький доклад ключевых индикаторов для целей устойчивого развития, так что наш бедный Росстат пытается за всё правительство...

Григорьев: Не нравится не статистика, а не нравится, про что она говорит. Статистика не виновата. Если корова доится на 3 тонны, а не на 10, виновата не статистика.

Бодрунов: Виновата корова и тот, кто с ней работает, а не статистика.

Григорьев: Был старый анекдот про губернатора в 1990-м: закупили голландских коров, которые у голландцев доились на 10–12 тонн, а у нас — на 3, потому что зависит от коров. В конце концов губернатор не выдержал и сказал: «Коровы, у вас только два выбора — либо вы даете молоко, либо вы даете мясо».

Бодрунов: Уважаемые коллеги, я могу сказать, что в этом году нашему экономическому обществу исполняется 255 лет, поэтому мы вспоминаем деятелей Императорского ВЭО. Сегодня это Павел Корф, он был президентом Императорского ВЭО в течение 10 лет и вплотную занимался одной из проблем, которая была актуальна и тогда, — проблемой нищеты. Он первый, кто поднял эту проблему на уровень национального самосознания.

Бобылёв: Сергей Дмитриевич, можно тоже дополнить, что мой учитель академик Тихон Сергеевич Хачатуров, который возродил еще при советской власти ВЭО, Вольное экономическое общество, — он еще в Трудах ВЭО 1987 года писал про устойчивое социально-эколого-экономическое развитие.

Бодрунов: Да, и академик Хачатуров, и многие другие специалисты, которые были в разные времена в ВЭО, проблеме устойчивого развития уделяли очень серьезное внимание, потому что у нас, как правило, в составе ВЭО серьезные экономисты, которые прекрасно понимают важность устойчивости развития, прогресса и так далее, многих других факторов. Но вот то, что именно проблема нищеты как проблема социально-экономическая, в экономическом и социальном плане очень важная — это было действительно впервые заявлено Павлом Корфом.

Барон Павел Леопольдович Корф

Один из сыновей директора Аракчеевского кадетского корпуса, родился в 1837 году. Получил образование в Пажеском корпусе в Санкт-Петербурге. В 1854 году поступил на военную службу, в 1860-м вышел в отставку. В 1884 году барон Корф был избран президентом Вольного экономического общества и оставался на этом посту в течение 10 лет. Возглавив общество, Павел Леопольдович в декабре того же года сделал доклад в Императорском Вольном экономическом обществе о российской хлебной торговле на европейском рынке, предложил обсудить причины снижения экспорта зерна и пути восстановления прежнего объема поставок русского хлеба за границу. В результате дискуссии была сформирована особая комиссия, которая, изучив в деталях сложившуюся ситуацию, подготовила ряд докладов, изданных отдельной книгой. Павел Леопольдович активно способствовал развитию сельскохозяйственной

науки и опытнического дела. В годы его президентства были организованы опытные поля в селах в Харьковской, Екатеринославской, Орловской и других губерниях. Барон Корф поддержал идею учреждения в Вольном экономическом обществе наград в память выдающихся деятелей общества. Так, в 1886 году были установлены именные медали имени Бутлерова за достижения в области пчеловодства и имени Зарубина по землемерному делу, в 1887 году — в честь Ходнева за активное участие в деятельности общества и имени Миддендорфа за успехи в животноводстве. Как предводитель дворянства Павел Леопольдович Корф оказывал устойчивое влияние на земскую деятельность. Он разграничил сферу деятельности уездной и городской управ. Будучи активным деятелем земства, Корф допускал введение крупнейших собственников в земские учреждения, в выборные органы местного самоуправления без обязательной в этом случае процедуры голосования на земских собраниях. Павел Леопольдович также уделял большое внимание проблеме нищеты среди населения и борьбы с бедностью. В 1863 году он открыл сеть эмеритальных касс. Благодаря таким страховым учреждениям участники эмеритальных касс и их семьи обеспечивались пенсиями

и пособиями за счет фондов, образованных путем обязательных отчислений из зарплаты служащих. По сути, это был первый государственный опыт создания пенсионного капитала на принципах накопления и сбережения личных средств граждан. Именно эти принципы после значительного перерыва уже в 90-е годы XXI века были возвращены в отечественную практику социальной защиты в виде современных моделей государственных и частных пенсионных фондов. По его настоянию в губернии началось планомерное улучшение шоссейных дорог, регулярно проводились инвентаризация и оценка городского имущества. Барон Корф заботился также об осушении болот, ввел добровольное земское страхование, открыл курсы учителей, организовал первые съезды врачей и учителей, отпускал средства на ветеринарию и строительство заразных барачков, образовал общество взаимного кредита. В 1874–1875 годах барон Корф был председателем Шлиссельбургской и Санкт-Петербургской губернских управ. В 1878 году избран городским главой Санкт-Петербурга. Предложил поставить в городе памятники Александру I и Александру II. Павел Леопольдович Корф умер в 1913 году, оставив существенный вклад в истории Вольного экономического общества.

Бодрунов: Итак, уважаемые коллеги, мы остановились на том, что у нас среди ключевых целей устойчивого развития есть проблема бедности. Это одна из главных тем Послания Президента Федеральному Собранию, которое было недавно оглашено. И проблема бедности, и проблема устойчивого развития — это связанные вещи. Да и Нобелевскую премию в последнее время присудили за некое такое условное лекарство от бедности. И мне кажется, что в этом плане очень важно понимать, что мы тоже должны эту задачу ставить перед собой как одну из самых важных. Скажите, в Вашем докладе, который Вы готовите, этой проблеме Вы уделяете внимание?

Григорьев: Безусловно. Но давайте мы всё-таки определимся с рамками. Что такое бедность в мире? Абсолютная бедность — это люди, которые живут меньше чем на 1,9 доллара в день, грубо говоря 700 долларов в год. 700 долларов в год на человека — это абсолютная бедность. 5,5 долларов в день — это относительная бедность. Есть страны, где 40% населения в относительной бедности, в абсолютной бедности — меньше. Каждая страна сама ставит эту планку. В России, по нашим внутренним планкам, на 1994 год 50% оказалось ниже черты бедности. Оттуда мы дошли, по-моему, примерно до 10%.

Бодрунов: Сейчас называются цифры от 19,5 до 21 миллиона человек.

Григорьев: Примерно 12–13% сейчас. Несколько процентовросло за время кризиса. Но всё-таки у нас по паритету покупательной способности 25 000 долларов на человека. Это страна не бедная. Мы очень неравномерны, поэтому у нас есть бедность...

Бодрунов: Да, есть регионы победнее.

Григорьев: И по регионам, и по людям, но, в принципе, страна не бедная, и какого-то такого откровенного голода в стране нет. Не говоря уже о том, что, как не велик Росстат, сколько еды в стране производится, недооценивают раза в полтора.

Бодрунов: Но у нас значительная часть экономики вообще в теневом секторе.

Григорьев: Что обычно в теневом секторе? В теневом секторе во всем мире транспорт, все частные перевозки, строительство и продовольствие, потому что всё остальное более-менее поддается учету. Поэтому по бедности задача поставлена правильно, потому что она и видна статистически, но, в принципе, в бедность обычно попадают три категории людей — это одинокие старики, инвалиды и многодетные семьи. То есть прежде всего многодетным семьям надо помогать на детей. По помощи инвалидам в России много чего сделано.

Бодрунов: Да, и делается много чего.

Григорьев: Да, в этом смысле проблема частично решена. Но экономический рост автоматически не решает проблемы бедности. Что точно установлено — проблемы большого неравенства в мире не рассасываются.

Бодрунов: Более того, усугубляются в некоторых ситуациях.

Григорьев: Тут есть одна хитрость. Так называемый зонтик Кузнецца — это теорема 1956 года.

Нобелевскую премию Кузнецу правильно дали, но зонтик не работает. Но он не работает с другой стороны: общество во всех странах перераспределяет ресурсы самым бедным, а вот верхняя часть общества всё равно богатеет, то есть неравенство увеличивается не снизу, а сверху. Поэтому с этим ничего сделать пока не удалось.

Бодрунов: Не совсем зонтик получается.

Григорьев: Он такой вывернутый на ветру в обратную сторону.

КРИВАЯ КУЗНЕЦА

Гипотеза о том, что в странах, стоящих на ранних ступенях экономического развития неравенство доходов сначала возрастает, но по мере роста снижается. Гипотеза была впервые выдвинута 29 декабря 1954 года экономистом Саймоном Кузнецом и представлена в виде перевернутой U-образной кривой.

Бодрунов: Финансовый ветер слишком сильный.

Бобылёв: Еще важный момент, когда мы говорим про бедность. Что такое устойчивое развитие? Это сбалансированное развитие социальных, экономических, экологических компонентов. И мне кажется, когда мы говорим вообще про человека, очень важно говорить о качестве жизни. Что такое благосостояние? У нас обычно имеют в виду только материальное — как раз бедность. А социальная компонента, а образование, а здоровье, а экологическая компонента?

Григорьев: Школы и кружки.

Бобылёв: Может ли богатый человек...

Бодрунов: Свободное время — это основное богатство, как его провести — саморазвитие.

Бобылёв: Марксизм боролся за свободное время, теперь мы не знаем, чем его занять. Может ли богатый человек, здоровый, с высоким уровнем образования, у которого окна на свалку и который живёт в грязном городе, считать, что он нормально живет? Так что это, мне кажется, тоже очень важная цель устойчивого развития — попытаться...

Бодрунов: Когда этому человеку захочется, чтобы за окном была не свалка, а что-то еще, пусть этот богатый человек посодействует тому, чтобы свалки не было. Я знаю примеры, когда люди за свой счет... Помните, было время, когда только началась перестройка и подъезды расписанные, грязные. И мне встречались молодые люди, в то время

начинающие предприниматели, которые за свой счет красили эти подъезды, потому что ремонт в квартире они уже сделали, а в подъезд не войти.

Григорьев: Вы правы, но всё-таки это не системное решение.

Бодрунов: Конечно, согласен.

Григорьев: Во всяком случае, я могу сказать, может быть, важную вещь, которая, кстати, могла бы стать темой какой-то из передач. Я немножко знаком (жена этим немножко занимается) с тем, что в городе Москве особенно огромная частная благотворительность. Не государственная. Люди собирают деньги, причем быстро, на то, на другое, масса студентов, молодых людей в это ввязана. Есть огромный сектор индивидуальной благотворительности, где люди жертвуют колоссальным количеством времени.

Бодрунов: Я знаю десятки, сотни таких людей.

Бобылёв: Да. Сергей Дмитриевич прав, что цель 10 направлена как раз на ликвидацию...

Бодрунов: Неравенства между странами и социальными стратами.

Бобылёв: Так что это одна из капитальных целей.

Бодрунов: Для этого человеку надо перестраивать свое мышление, свой мозг.

Григорьев: Тут надо иметь в виду: когда ООН ставит первую цель, там стоит даже не бедность, там стоит цель — голод ликвидировать. Это мировая проблема. А у нас десятая — неравенство. Это другое.

Бодрунов: Кстати говоря, это совсем неплохо, если для нас голод — не самая главная проблема.

Бобылёв: Но всё-таки.

Бодрунов: Я всё это понимаю. Тем не менее если мы говорим о достижении целей, то, наверно, необходимы какие-то показатели.

Григорьев: Доклад — это всё-таки отчет о проделанной работе.

Бодрунов: Больше отчет.

Григорьев: Да, это в принципе отчет. Поэтому берется 2015 год, какие мы были в 2015-м, подписали, что мы делаем, что мы сделали, куда примерно пришли и примерно куда собираемся двигаться. Это, конечно, не отчет о конечном направлении. Все страны делают по-разному. У одной страны 60 показателей, у другой — 20.

Бобылёв: ООН — свыше 200.

Бодрунов: Да, там очень много показателей.

Григорьев: Там трехуровневая система — это 13 целей, 169 задач и 400 с чем-то показателей. У немцев, по-моему, 65 показателей. У них есть отдельно экология Северного моря, отдельно экология Балтийского моря.

Бодрунов: Я думаю, что, может быть, это и правильно, потому что там разная экология и могут быть разные задачи.

Григорьев: То есть каждая страна делает разным образом.

Бобылёв: Вообще есть четыре подхода к измерению устойчивости. Мы берем интегральные индикаторы. Самый известный в мире — это индекс человеческого развития и индекс Сбербанка — скорректированные чистые накопления. Есть система индикаторов. То есть мы имеем в виду, когда говорим о целях устойчивого развития, классическую систему индикаторов. Есть частные специальные индикаторы. Мой любимый индикатор — показатель энергоёмкости. За ним для России стоит бездна всего — экономические проблемы и социально-экологические. А есть в последнее время, кстати, в целях это тоже есть, показатель на основе социологических исследований. Самый популярный — в 2019 году вышел доклад «Индекс счастья». Насколько к нему можно относиться хорошо, не знаю, но мне кажется, что это всё равно попытка уйти от показателя ВВП.

Григорьев: Давайте конкретно. В ВВП 50–55% — это личное потребление по структуре. В Китае — меньше 40%, в США — около 70%. Вы можете выкинуть ВВП, но у вас потребление...

Бодрунов: Согласен. Зачем выкидывать ВВП?

Григорьев: Госрасходы 20–25% — куда вы их денете? Что вы будете выкидывать из ВВП, чтобы не мерить?

Бодрунов: Я об одном — о том, что абсолютизировать ВВП как некий показатель нашего благополучия не следует.

Григорьев: Мы должны четко знать ограничение.

Бодрунов: И когда мы говорим, что выросли на 2,3%, а Германия на полпроцента, то я улыбаюсь и говорю: ребята, давайте посмотрим структуру этого роста, посмотрим на самом деле, кто от чего отталкивался, какая база и что это добавило бургеру или нашему гражданину. Действительно, не только в плане еды или питья, но в плане социальных услуг и в плане других вещей.

Бобылёв: Начало 2000-х — сумасшедший рост цен на нефть, и была иллюзия, что у нас всё классно, а потом цены рухнули...

Григорьев: Это по номинальным оценкам. По паритету мы всё-таки стоим очень прилично, попадаем к развитым странам.

Бодрунов: По паритету мы хотим вообще попасть в пятерку.

Григорьев: То, что мы хотим, это другое дело. Но мы по расчетам, не нашим, по тем расчетам, которые делают международные организации, находимся где-то в группе близко к Испании, Италии, Польше, к этой категории стран. А у нас всё равно по паритету покупательной способности — на десятку больше, чем у Китая, Бразилии, вдвое больше, чем в ЮАР, в три раза больше, чем в Индии.

И поскольку упомянули энергию, одно замечание. В мире на 7 с половиной миллиардов человек примерно миллиард живет без электричества и 3 миллиарда — без водопроводной воды на кухне. Вот проблема. Вы можете делать что угодно, вам понадобится ВВП, чтобы налить им воды в кастрюли на кухне.

Бобылёв: Зависит от того, как считать. За что я люблю индекс человеческого развития, мы там гораздо ниже, например, Белоруссии, еще каких-то стран. Индекс человеческого развития агрегирует три показателя: ВВП, уровень образования и здоровья. И это, наверно, более разумно. Может ли страна, где люди живут намного меньше, чем в той же Черногории, рассчитывать...

Бодрунов: Считать, что она достигла устойчивого развития.

Григорьев: Зато у нас как интересно, а у них такая тоска.

Бобылёв: Целиком согласен.

Бодрунов: Уважаемые коллеги, мир стремительно меняется. Россия не может догнать развитые страны по различным параметрам ВВП. Нам необходимо совершенствовать свои экономические институты, большую роль играет достижение целей устойчивого развития, целей, в том числе установленных Организацией Объединенных Наций. И, конечно, для нас это в каком-то смысле ориентир, мы должны думать о том, чтобы к этому ориентиру приближаться по разным параметрам, не только по показателям ВВП. И здесь, мне кажется, можно найти золотую середину между ВВП и измерением человеческого счастья, и будет ли это счастье достижимо при повышении ВВП.

Уважаемые коллеги, я благодарю вас за ваше участие в нашей сегодняшней беседе. Всего доброго! До новых встреч! Успехов вам и благополучия!

ДО КРОНАКРИЗИСА

SUSTAINABLE DEVELOPMENT GOALS IN RUSSIA

Based on the TV show House E, OTR, May 2, 2020

INTERLOCUTORS

Leonid Markovich Grigoriev,
*Chief Advisor to the Head of the Analytical Center
under the Government of the Russian Federation,
Professor*

Sergei Nikolaevich Bobylev,
*Head of the Department of Economics and Environmental
Management of the Faculty of Economics,
Lomonosov Moscow State University,
Professor, Doctor of Economics*

Sergey Dmitrievich Bodrunov,
*President of the VEO of Russia,
President of the International Union of Economists,
Director of the S.Yu. Witte INID,
Doctor of Economics, Professor*

Bodrunov: Dear colleagues! I suggest we discuss today the sustainable development goals. In 2015, the United Nations adopted the 2030 Agenda for Sustainable Development. The program consists of 17 goals aimed at eradicating poverty, preserving the planet's resources, and ensuring prosperity. Will the sustainable development goals set by the United Nations be achieved? The discussion is not abstract after all. It's a story about each of us, about the opportunity to have a decent, well-paid job, a quality education, and decent medical care. Today we are discussing sustainable development goals and ways to achieve them. Our guests are specialists who can enlighten us on this topic.

Bodrunov: Are the goals set by the UN good and noble ones?

Bobylev: The goals are wonderful.

Bodrunov: Are they achievable?

Bobylev: We often discuss it as if it is something absolutely new and incredible. In fact, it's a development of the previous goals. From 2000 to 2015, there were the Millennium Development Goals. And the main goal was very noble – the development of human potential. That program ended in 2015. And the global community represented by the UN decided that it would be good to extend those goals. There were 8 Millennium Development Goals, now there are 17. What was added were mainly economic and environmental goals. In terms of structure, there is a three-tier system: goal, task, indicator. It's pretty much the same. So, it's all inherited, so to speak, from the UN system, from the approach to the system of indicators of sustainable development. By the way, Russia, represented by our President, signed that document in September 2015 in New York.

Bodrunov: In Russia, we must submit a so-called voluntary national review on achieving the sustainable development goals in 2020.

Bobylev: It will be submitted by the institution where Leonid Markovich works.

Bodrunov: Leonid Markovich, please explain.

Grigoriev: Everyone is used to the idea that sustainable development is something ecology-related.

Bodrunov: Apparently because it's a new item on the agenda.

Bobylev: Both in Russia and abroad, everyone believes that only economy and GDP are important, and nothing else.

Grigoriev: Yes, it's already become a national trait. After all, historically, ecology came first for the rest of the world. The Millennium Goals added poverty, and the results were achieved mainly through the reduction of poverty in China and India. They successfully reduced poverty by 2015. Although I must say that 2 billion people have been added since then and another 2 billion will soon

be added, and mainly in poor countries. That is, it is possible that we'll have to return to the Millennium Goals and see how many poor people there are, because the standards are meager, of course, \$1.9 for absolute poverty and \$5.5 for relative poverty; I think that based on \$5,5 we have definitely accumulated an extra billion or two. Therefore, I would say, even on the goals that have been reported not very much has been accomplished on a global scale.

But the main thing is that the goals of sustainable development are much broader. And there is a section on institutions. And a full-fledged climatic issue appears there. Those 17 goals are in fact a kind of framework within which each country writes its own program (this is very important). It means the UN has not set specific goals for us.

Bodrunov: There are no specific requirements and so on.

Grigoriev: No. The one requirement is simple: determine for yourself what you want to do. In principle, until the year 2030. And voluntary reports should be written this way: we were in such and such state in 2015, we made such and such decisions to move in such and such direction and how we are moving in that direction. Therefore, our report will be delivered in the same way. My colleagues are writing it. They launched 17 ministerial working groups for each goal, collected materials from everybody, and now they are being finalized. I think it will be done by summer. And I think that this voluntary report will be presented to the UN at the General Assembly sometime this fall. So, this work is being done. For the purely organizational standpoint, there has been a directive from Deputy Prime Minister, the results will ultimately be submitted to the Foreign Ministry, and the Foreign Ministry will present them. The process is completely independent, because the implementation of the national goals mainly proceeds within the framework of the national projects based on presidential decrees.

Bobylev: We also need to praise Rosstat. Rosstat has created a platform for sustainable development goals.

Bodrunov: Rosstat is being criticized. No-one likes statistics.

Bobylev: In December, they published a thin report on key indicators for sustainable development, so our poor Rosstat is trying for the entire government...

Grigoriev: It's not statistics I dislike, it's what it says. Statistics is not to blame. If a cow produces 3 tons of milk instead of 10, statistics is not to blame.

Bodrunov: It's the cow who's to blame and the milkmaid who milks it, not statistics.

Grigoriev: There was an old joke about the governor in the 1990s: they bought Dutch cows which produced 10-12 tons of milk for the Dutch, and 3 tons for the Russians, because it depended on the cows. In the end the governor broke down and said: "Cows, you have only two choices – either you give milk or you give meat."

Bodrunov: Dear colleagues, I can say that this year marks the 255th anniversary of the Free Economic Society, so we are remembering the leaders of the Imperial VEO. Today it is Pavel Korf, he was the President of the Imperial VEO for 10 years and was closely involved in dealing with one of the problems that was relevant even then – the problem of poverty. He was the first to raise this problem to the level of national self-awareness.

Bobylev: Sergei Dmitrievich, let me also add that I was taught by Academician Tikhon Sergeevich Khachaturov, who revived the Free Economic Society during the Soviet era. In the VEO's 1987 proceedings he wrote about sustainable socio-ecological and economic development.

ЦИФРОВОЕ БУДУЩЕЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Современные технологии сейчас быстро и активно приходят в сельское хозяйство. Это и цифровизация производственных процессов, и искусственный интеллект, и те же дроны. Смогут ли эти инновации повысить продуктивность сельскохозяйственного производства и качество продукции, а с ним и качество жизни населения?

По материалам программы «Дом Э», ОТР 1 декабря 2019 г.

СОБЕСЕДНИКИ

Надежда Владимировна Орлова,
заведующая отделом экономики инноваций в сельском хозяйстве Института аграрных исследований Высшей школы экономики, член Экспертного совета Минсельхоза России по Федеральной научно-технической программе развития сельского хозяйства

Александр Владимирович Труфанов,
технический директор компании «АгроДронГрупп»

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России,
президент Международного союза экономистов,
директор ИНИР им. С. Ю. Витте,
д. э. н., профессор

Бодрунов: Уважаемые коллеги, я взял цифры известной компании McKinsey, которая проанализировала, что же делается с цифровизацией, с автоматизацией сельского хозяйства в мире, и посмотрел, на каком месте там Россия. Как вы думаете, на каком?

Орлова: Где-то в середине.

Бодрунов: А Вы как думаете?

Труфанов: Я думаю, ближе к концу.

Бодрунов: Вот, вы неправы. У нас — четвертое место по потенциалу автоматизации сельского хозяйства.

Труфанов: По потенциалу, может быть.

Орлова: Мы говорим о текущем положении.

Бодрунов: Я не зря задал такой вопрос, потому что потенциал и сегодняшняя ситуация, наверное, всё-таки немножко разные вещи. И в этой связи скажите, пожалуйста, какие глобальные цифровые тренды будут влиять на российский аграрный сектор в ближайшем будущем? Что сделать так, чтобы мы этот потенциал смогли использовать?

Труфанов: Для того чтобы внедрять цифру в сельское хозяйство, нам нужна соответствующая техника. Я не зря сказал, что мы находимся всё-таки ближе к концу на данный момент. Да, потенциал у нас намного выше, чем у кого-то другого, кто уже давно использует технику точного земледелия в сельском хозяйстве. Так вот, недостаток техники точного земледелия и является тем самым потенциалом.

Бодрунов: То есть радоваться нам рано, да?

Труфанов: Как раз этому можно радоваться.

Бодрунов: Радоваться тому, что есть потенциал.

Труфанов: Да, потенциал есть. А сегодняшний уровень сельского хозяйства совсем неплох.

Бодрунов: То есть это немножко выглядит так: я в школе двоечник, но потенциал, что я буду получать четверки, пятерки, есть.

Труфанов: Я сказал бы, не двоечник, а троечник.

Бодрунов: А как вы полагаете, какие тренды к нам придут?

Орлова: В этом Россия не сильно отличается от мира. И надо понимать, что существующее сельское хозяйство в России — это очень современная отрасль. И она развивается год от года. И, судя по тому, какое количество продукции мы производим на внутреннем рынке, поставляем на экспорт, можно сказать, что мы создали одну из очень успешных отраслей в российской экономике. Естественно, как любая конкурентоспособная отрасль, она будет внедрять инновации, самые разные, в том числе всё, что касается цифровых технологий, если это будет добавлять либо какие-то преимущества контроля, экономии, быстроты или еще чего-то. Это не только касается так называемого умного гектара и оцифровки земель.

Бодрунов: Об этом мы поговорим сегодня.

Орлова: Это очень важная программа. Мы, наверное, впервые за много лет понимаем, что у нас реально происходит с землей, как она управляется, кто ею владеет, как она обрабатывается. Это уже за собой повлекло целый набор мер, связанных с эксплуатацией земли, с оценкой ее стоимости. Это касается и всех технологических этапов производства продукции, начиная с того, что есть проекты

по оцифровке производства, когда камеры, искусственный интеллект контролирует, что происходит на агрокомплексе. Это очень удобно, потому что можно снижать уровень менеджерского контроля. Наконец, продажа продукции в России и в мире — создание так называемых маркетплейсов, электронных систем, которые продают продукцию от производителя до конечного покупателя.

Бодрунов: И которые отслеживают всё это...

Орлова: Да, и прослеживают происхождение, хранение продукта и так далее. Это одни из самых востребованных сервисов и, в общем-то, крупнейших проектов, которые есть. Есть и узкие специфические сектора, связанные с исследованиями, генетикой, учетом генетики поголовья. Нельзя представить себе подобные сервисы без очень больших информационных цифровых систем, которые всё это хранят, учитывают, рассчитывают. И поэтому, наверное, в какой бы сегмент сельского хозяйства, на первый взгляд, очень консервативной отрасли, мы ни посмотрели, мы везде будем видеть эту самую цифру.

Бодрунов: То есть цифровизация — это наиболее глобальный, важный тренд автоматизации процессов в сельском хозяйстве, повышения его эффективности на сегодняшний момент. Мне сегодня хочется поговорить немножко и о другом. Я не зря пригласил Вас, Александр Владимирович, на сегодняшнюю нашу беседу. Я бы хотел, чтобы Вы пояснили, у Вас название компании очень интересное — «АгроДронГрупп». Чем именно вы занимаетесь?

Труфанов: Мы используем беспилотные летательные аппараты для того, чтобы мониторить и видеть реальную ситуацию на поле. Поэтому мы «АгроДрон». Используем различные беспилотные летательные аппараты — летающее крыло, коптеры, в последнее время конвертопланы. Но основное, что является поставщиком информации, — это, конечно, та полезная нагрузка, которую можно поставить на беспилотный летательный аппарат. Как правило, это камеры. Они поставляют информацию, после анализа которой уже можно принять определенное решение, влияющее на эффективность дальнейших действий в сельском хозяйстве.

Бодрунов: Получается, можно так помечтать, вместо агронома может быть электронный агроном, который получает электронную информацию с носителя.

Труфанов: В общем-то, да...

Бодрунов: Вы говорите о сложных системах передачи и анализа данных? Эти данные могут дальше обрабатываться в компьютерах?

Труфанов: Это искусственный интеллект, совершенно верно.

Бодрунов: Искусственный интеллект, который включается в инфраструктуру обработки поля и так далее. То есть сегодняшнее сельское хозяйство — это его перспективное применение.

Труфанов: В данном случае речь идет об обработке образов.

Бодрунов: Пшеница пожухла или еще зеленая стоит. Конечно, я утрирую для общего понимания картины.

Труфанов: Но еще есть и спектральные образы тех растений, которые находятся на полях. Вот как раз эти образы и говорят о том состоянии, в котором находятся растения.

Бодрунов: Созрела пшеница или нет.

Труфанов: Ну, это уже к концу, но перед этим есть более важные этапы, которые должны привести к созреванию этой самой пшеницы...

Бодрунов: И это тоже спектральный анализ позволяет?

Труфанов: Конечно.

Бодрунов: Это очень важно. Можно относиться к этому делу с некоторой долей юмора, но это очень серьезная агротехническая задача, которая решается средствами современных технологий.

Труфанов: Да. Но мы являемся только поставщиками информации. На всё, что происходит дальше, мы повлиять никак не можем.

Бодрунов: Это специализация не вашей уже компании.

Труфанов: Совершенно верно, далее уже не наше. Мы делаем экспертное заключение, предоставляем его потребителю, и он сам принимает решение, что ему делать. Он может ничего не делать и оставить как есть. А вот если он использует эту информацию, ну, тогда у него есть потенциал повысить свою производительность.

Бодрунов: Уважаемые коллеги, на мероприятии Вольного экономического общества, нашей Экспертной сессии обсуждалось создание первого в России Агробиотехнопарка для содействия развитию инноваций в сельском хозяйстве. В том числе шло обсуждение нового проекта Минсельхоза «Цифровое сельское хозяйство». Вы немножко начали упоминать сегодня это в разговоре. Я бы хотел сказать, что там три принципиальных решения есть: это умная ферма, умное поле и умная теплица. Красиво звучит...

Орлова: Но она действительно умная.

Бодрунов: Как эта программа в принципе работает и к чему приведет внедрение интернета вещей, больших данных в отрасль?

Орлова: Это приведет к тому, что, во-первых, будет понятно происхождение продукта от и до и потребитель будет иметь более качественную информацию. Это приведет к оптимизации экономики производства в части выращивания, селекции, генетики, оценки урожайности, обработок. То есть это будет сокращать издержки на каждом цикле производства и, естественно, приводить к увеличению экономического эффекта. Сейчас мы № 1 в экспорте пшеницы, но при этом фактически не экспортируем продукцию перерабатывающей промышленности. Мы постепенно начинаем экспортировать, например, мясо птицы. И я думаю, что эта тенденция экспорта будет расти. Я уверена, что в ближайшее время значительно вырастет экспорт продукции так называемого органического земледелия, потому что принят соответствующий закон. И, соответственно, в силу того, что у нас очень большая территория и достаточно экологически чисто, мы можем стать хорошим поставщиком такой продукции на европейский рынок, на рынок Азии. И, естественно, здесь нужно будет постоянно отслеживать на каждом этапе, что происходит с этой продукцией. А то, что вы сказали про Агротехнопарк, — это очень правильная инициатива, потому что это касается и цифровизации любых других научных разработок для сельского хозяйства. У нас существует в настоящее время разрыв между наукой и конечным потребителем. Очень часто мы делаем очень неплохие технологии на уровне лабораторий института.

Бодрунов: Да, а массового внедрения нет.

Орлова: У нас нет возможности апробировать и доказать производителю, что эта технология действительно эффективна. Нужны такие зоны, которые государство будет поддерживать в части промышленных испытаний, потому что у производителя задача массово производить экономически выгодную продукцию.

Бодрунов: На эксперименты времени у него нет.

Орлова: Да, он не может на себя просто брать эти риски. Хотя многие крупные компании сейчас это делают.

Бодрунов: Очень важное замечание: должна быть создана такая инфраструктурная точка, где интересы тех, кто разрабатывает, и тех, кто внедряет, сходятся.

Орлова: Конечно.

Бодрунов: Риски, связанные с этим, должны быть как-то интегрированы, и кто должен разрубить gordiev узел? Кто должен поддержать такие проекты? В первую очередь государство.

Орлова: Во всех странах — это кооперация между государственными программами и бизнесом. И наше государство, наверное, в первый раз в постсоветской истории принимает очень значимые усилия в этой области.

Бодрунов: Эти усилия, на мой взгляд, очень разумные.

Орлова: Да. Они очень разумные. Например, программа цифровизации сельского хозяйства — гигантская программа. Первый раз сделали умный гектар, провели оцифровку земель, впервые стало понятно, что у нас вообще с землей происходит. Дальше пошли умные фермы, умная теплица. Дальше пошли программы. Вот Федеральная научно-техническая программа развития сельского хозяйства.

Бодрунов: В которой Вы, кстати, эксперт.

Орлова: В том числе. В каждой подпрограмме есть отдельный блок, который связан с цифровизацией. Нет ни одной подпрограммы, где бы данные технологии не требовались. Естественно, на это предусмотрены меры поддержки. Я надеюсь, что в перспективе 3–5 лет это даст хороший рывок и мы перестанем быть просто экспортером сырья, мы перейдем к экспорту более сложных продуктов переработки, каких-то производных и так далее. Я считаю, что потенциал для этого есть.

Бодрунов: У меня возникла небольшая дискуссия с одним из участников Экспертной сессии уже после ее завершения. Он из такой старой гвардии: мне вот за шесть десятков перевалило, а ему несколько больше... Он послушал и сказал, что мы не раз уже слышали об экспорте пирожков от мамы к бабушке через посредничество

Красной Шапочки. Придет Серый волк и всё равно всех съест. Мне кажется, что для того, чтобы волк не съел, надо быть на уровне тех, кто бежит быстрее волка, кто может представить информацию о том, какая это продукция, какой это пирожок и где находится бабушка, и знает, как это правильно, грамотно сделать...

Орлова: Такая же аллегория: волков бояться — в лес не ходить. Коллега сегодня привел пример по поводу дронов и оцифровки земель. Я знаю очень практический прикладной пример в Ставропольском крае. Ставропольский край — один из крупнейших экспортеров пшеницы, как мы знаем. Они ориентированы на европейские стандарты технологий. Они очень жестко соблюдают всю агротехнику. И у них с урожайностью всё, в общем-то, очень хорошо.

Бодрунов: И с качеством продукции, что важно.

Орлова: И качество, естественно, да. Дронами просто облетают поле, делают схему того, как устроен этот участок, и понимают, скажем, что система орошения должна быть немножко по-другому устроена, потому что здесь у нас склон, здесь у нас водичка затекает. И просто переставляют вот эти самые оросительные системы, получив повышение урожайности на 30% после этого. Вот это просто на том, что сделали цифровой макет.

Труфанов: Это называется цифровая модель рельефа. И сделали распределение водотоков, возможно, экспозицию склонов...

Орлова: Да, всё верно.

Труфанов: Именно так, да. Это как раз наша технология, мы этим и занимаемся.

Бодрунов: Я хотел сказать в связи с этим, что вообще проблема цифровизации — это не только проблема компьютерной технологии, софта какого-то и искусственного интеллекта. Это еще и проблема инфраструктуры. Как эту информацию добыть, как ее обработать, как использовать эту информацию...

Труфанов: Да, именно так.

Бодрунов: Вот переставили, как Вы говорите, точки полива культуры — и всё, пожалуйста, пошел другой урожай.

Орлова: То же самое касается всех систем. Например, умный агроном. Провели мониторинг, дальше этот фермер или главный агроном хозяйства на свой телефон получил рекомендации, что надо сделать: у вас здесь того-то не хватает, тут у вас рискованный прогноз погоды, в связи с этим просим вас провести такие-то мероприятия.

Труфанов: Да. Это называется «система поддержки принятия решений».

Бодрунов: Так называемый подсказчик.

Орлова: И этот подсказчик может интегрироваться с прогнозами погоды, с метеостанциями...

Труфанов: Он обязательно должен интегрироваться.

Орлова: С прогнозами мониторинга...

Бодрунов: Это хорошо. А что же препятствует у нас развитию технологий в сельском хозяйстве? Что тормозит инновационный процесс, как Вы представляете?

Труфанов: Я так думаю, что есть всё-таки некоторая консервативность мышления. Люди предпочитают работать старыми, дедушкиными методами, проверенными еще во время доисторического материализма. И очень скептически относятся к внедрению чего-либо нового, пока не получают наглядное доказательство эффективности использования.

Орлова: Возвращаемся к Агробιοтехнопаркам и промышленным испытаниям, которые они могут прийти и посмотреть.

Труфанов: Именно поэтому, я знаю точно, все химические предприятия, которые занимаются поставкой химии для сельского хозяйства — удобрений, гербицидов, пестицидов, — имеют опытные поля, договоры с теми, кто занимается промышленным производством растительной продукции, и эти люди все приходят, и им, как правило бесплатно, показывают, чего можно добиться с помощью данных технологий. Но вот здесь есть как раз и обратная сторона медали. Вот то, что мы в 2017 году получили рекордный урожай и экспортировали очень много зерновых, их чистота, наверное, на порядок выше и лучше того, что есть за рубежом. «Пчелыдохнут».

Бодрунов: Вы интересную вещь заметили...

Труфанов: А у нас к полю подвозят ульи, и пчёлы собирают нектар именно с тех чистых полей.

Бодрунов: По роду деятельности я еще Международный союз экономистов возглавляю, мне часто приходится ездить за рубеж, на научные конференции, встречи с коллегами и так далее. Сидишь в каком-нибудь немецком отеле, включаешь канал, идет немецкая реклама для русскоговорящих. И часто рекламу слышишь сначала с некоторым удивлением, а потом уже и с гордостью...

Труфанов: Продукция российского производства...

Бодрунов: Да, говорят: экологически чистая продукция из России. И даже я слышал такую рекламу: грибы по старинному русскому рецепту. Очень часто упор делается на то, что чистая продукция. Особенно напирал на то, что получено из российского чистого сельскохозяйственного сырья с применением передовых немецких технологий обработки.

Труфанов: Переработки, да.

Бодрунов: То есть когда мы говорим о качестве продукции, то одно из перспективных направлений — вот эту самую переработку, эти самые пирожки печь у себя начинать и продавать туда качественный пирожок.

Орлова: И именно поэтому, собственно говоря, Владимир Владимирович у нас в Послании, выступая перед Федеральным Собранием, попросил разработать экологический стандарт и дать определение, что такое «экологический», что такое «био», что такое «органик» и как эту систему отслеживать. Опять же цифровизация, к ней возвращаемся. И ровно сейчас Росстандарт занимается тем, что совместно с профильными союзами разрабатывает порядок вот этой оценки, стандартизации и контроля качества продукции.

Бодрунов: Это очень важный момент, который замечен нашим правительством, нашими властями, потому что пока бренд России как производителя экологически чистой сельскохозяйственной продукции в мире ценится высоко, нам нельзя его упустить. Спасибо вам, уважаемые гости. Я был счастлив с вами сегодня побеседовать. Всего доброго, до новых встреч.

ДО КРОНАКРИЗИСА

ЭРА БОЛЬШОЙ НЕФТИ. КОНЕЦ БЛИЗОК?

По материалам программы «Дом Э», ОТР, 11 апреля 2020 г.

СОБЕСЕДНИКИ

Константин Васильевич Симонов,
генеральный директор Фонда национальной
энергетической безопасности, первый проректор
Финансового университета при Правительстве России,
кандидат политических наук

Василий Игоревич Богоявленский,
член правления Вольного экономического общества
России, заместитель директора Института проблем
нефти и газа Российской академии наук,
член-корреспондент РАН, д. т. н.

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России,
президент Международного союза экономистов,
директор ИНИР им. С. Ю. Витте,
д. э. н., профессор

Бодрунов: Новые технологии перекраивают международную торговлю. Не исключено, что со временем мир откажется от углеводородов и перейдет на возобновляемые источники энергии. Кроме того, эре большой нефти в России давно предсказывают скорый конец. Чем это грозит российской экономике? Есть ли у нас возможность для маневра? Мир входит в период так называемого четвертого энергетического перехода. Это, вероятнее всего, в полной перспективе отказ от ископаемых источников энергии и переход к возобновляемым источникам энергии. Может быть, там есть еще какие-то очень важные нюансы, которые тоже повлияют на развитие этой самой ситуации. Согласно прогнозу Института аналитических исследований Российской академии наук, добыча нефти в России может начать сокращаться уже в 2020–2025 годах. Есть и более серьезные прогнозы. Сокращение нефти может быть до 2035 года, до 2040 года может дойти. У нас сейчас примерно 560–570 миллионов тонн, может сократиться до 410–480 (есть разные прогнозы) миллионов тонн. Существенное сокращение. Есть ли новые технологии, которые могут отсрочить эту эру конца большой нефти?

Богоявленский: Я думаю, слухи о том, что эра нефти и газа близка к завершению, несколько преувеличены. Конечно, происходит некоторое замещение. Мы видим, в Москве появились электробусы, и они достаточно широко стали применяться, и все, честно говоря, этому рады. Мы все помним, что в Крыму испокон веку основным общественным транспортом были троллейбусы, это было сделано именно с экологической целью, а не для того, чтобы экономить углеводороды. И конечно, мир направился в путь, во-первых, к оптимизации использования углеводородов, всё больше используется газ, меньше начинают использоваться жидкие углеводороды в транспорте, то есть очевиден переход на газообразное топливо или на гибриды, электромобили.

В Норвегии, например, уже принято решение, что в 2025 году прекратят все продажи бензиновых и дизельных двигателей и будут только электромобили. Сейчас государство идет на то, чтобы создать специальные льготы для покупателей электромобилей. При этом Норвегия — одна из самых крупных нефтегазовых держав. Мне пришлось много с ними работать и бывать там много раз. Норвегия вообще удивительно грамотно и прагматично выстраивает всю свою политику, начиная с эры нефти. Раньше это была, можно сказать, удаленная европейская провинция, в основном ловила рыбу, а сейчас и в Европе, и в мире достаточно серьезное место эта держава занимает. И тем не менее, вы видите, они уже давно задумались о замещении нефти. Там, например, существует финансовый фонд, который приобретает различные активы по всему миру. Это в том числе различные заводы, подчас отнюдь не связанные с нефтью и газом. То есть они думают о завтрашнем дне, и правильно делают. Боюсь, у нас такого прагматизма не хватает.

Бодрунов: Есть ли у нас новые технологии, которые позволят нам...

Симонов: Я бы развил то, что сказал Василий Игоревич. Он был еще корректен, на мой взгляд. Он сказал, что слухи несколько преувеличены, но, правда, в конце призвал нас быть готовыми, настороже. На самом деле я лично считаю, что не просто преувеличены слухи о конце углеводородов, а мы имеем дело с самым настоящим самосбывающимся прогнозом. Когда вы слышите прогнозы, что к 2030 году нефть перестанет быть товаром, уголь мы уьем первым, потом уьем нефть, потом уьем газ, и весь мир перейдет на солнечно-ветряную энергию, вы сталкиваетесь с классическим видом самосбывающегося прогноза, когда сам прогноз пытается повлиять на ваше поведение и стать способом изменения реальности.

Возьмем цифры за последние 10 лет, потому что я 10 лет слышу про конец эры углеводородов. Если бы слышал это с появлением девочки Греты, это одна история. Вы помните, 10 лет назад говорили, что углеводороды заменят биотопливо? Это было общим прогнозом. Все говорили: биотопливо... Бренсон летал на самолете с кокосовым топливом, и все это показывали. Капитализация компании, кстати, выросла у него в три раза за последнее время за счет этих пиар-историй. Он якобы заправлял кокосовым топливом свой самолет, и все говорили: «Елки-палки! Скоро будем летать на кокосовых, бог знает на каких видах биотоплива». И это было основным прогнозом. Сколько сейчас биотопливо занимает места в мировом энергобалансе? Да, его производят, никто с этим не спорит, но потом, правда, выяснили, что биотопливо означает сокращение производства продуктов питания, что начали расти цены на продовольствие неожиданно. А как неожиданно, если вы занимаетесь ерундой? И за последние 10 лет потребление в мире угля выросло на 8%, потребление нефти — на 15%, а потребление природного газа — на 30%. Поэтому как раз все эти истории с Парижским соглашением по климату являются способом нерыночной дискредитации углеводородов.

Бодрунов: Константин Васильевич, конечно, с одной стороны, я Вас как нефтяника могу понять. И наверное, в душе я с Вами согласен, что на сегодняшний момент нам, россиянам, очень не хочется от этой самой эры большой нефти отходить, потому что она не только в Норвегии, она и наш бюджет пополняет.

Ну хорошо, не сейчас эра большой нефти закончится, через 20 лет, через 30, через 40, но всё равно мировой тренд не остановить и прогресс всё равно заставит нас посмотреть в эту сторону. Следовательно, нам надо тоже думать о диверсификации нашей экономики. Поступления от нефти уже сейчас начинают потихонечку приседать и прогнозы тоже не очень благоприятны в этом плане. Как нам перестраиваться, как Вы думаете? Всё-таки не отказываясь от того, что у нас сегодня есть. Надо быть идиотом, чтобы отказать от этой курицы, несущей золотые яйца. И я с Вами здесь соглашусь, что спешить с этим делом, бежать впереди паровоза тут тоже не следует, но надо бежать хотя бы параллельно паровозу.

Симонов: Я бы темы конца эпохи нефти и диверсификации нашей экономики несколько разделил бы. Объясню почему. Потому что я уже сказал, что 10 лет я слышу про то, что скоро закончится нефть. Идея диверсификации возникла не потому, что у нас стали бояться, опасаться конца нефти, а идея была в другом, что мы боялись постоянного падения цен на нефть, то есть этих скачков.

И тогда стали говорить: мы сидим на нефти, цена упала, и всё, у нас сразу коллапс, провал, денег нет; нам надо диверсифицироваться, чтобы не зависеть от мирового рынка нефти, от цен, которые мы не контролируем. Но потом с этим возникла идея стабфонда, заработали в тучные времена, в плохие времена потратили, потом снова вернулись. Но еще раз повторяю, сама идея возникла не потому, что боялись, что закончится нефть. Поэтому я подчеркну свою мысль: пока растет человечество, я имею в виду физически число людей растет, пока идет урбанизация, пока развиваются транспортные средства, несмотря на все эти автомобили, если посмотреть текущую статистику, без углеводородов сегодня мировая энергетика не способна функционировать.

Бодрунов: Этот аргумент принимается. А что касается диверсификации?

Симонов: Возьмем Соединенные Штаты Америки. Соединенные Штаты Америки добывают нефти, между прочим, больше, чем мы. Соединенные Штаты Америки добывают газа, между прочим, больше, чем мы. И никто в Соединенных Штатах не говорит: «Какой кошмар! Какие мы идиоты!» А у нас же так говорят: «Мы в XXI веке, а всё еще добываем нефть. Какие мы дураки!»

Бодрунов: Экономику России и Соединенных Штатов сравнивать нельзя. У них доля нефти не так велика, как у нас, и поэтому естественно, что на них она не влияет.

Симонов: Правильно. Золотые слова. Абсолютно верно. То есть Соединенные Штаты на самом деле в гораздо большей степени сырьевая страна, чем мы. У нас очень часто присутствует мысль, что новая экономика должна обязательно возникнуть на руинах старой. И поэтому когда говорят: «А давайте мы нефтегазовую отрасль вообще уничтожим, и тогда у нас появится какая-то новая экономика» — что за ерунда?

Бодрунов: Я с Вами абсолютно согласен и считаю, что это абсолютно правильно. Действительно, прилив капитала должен прийти из тех отраслей, которые сегодня у нас приносят доход, в те отрасли, которые принесут доход в будущем. Но для этого не надо разрушать то, что сегодня есть.

Богоявленский: Я в нефтегазовой отрасли работаю уже скоро, наверное, полвека, и все эти почти полвека я помню разговоры, которые Константин Васильевич пом-

нит 20 лет. То есть когда я еще был студентом, нам преподавали и постоянно говорили, что скоро нефть будет заканчиваться и так далее. И надо сказать, это как раз очень сильно подогревалось политиками. Я присутствующих не имею в виду. Но был такой американский ученый Хабберт, который достаточно логично рассуждал и, в принципе, был прав, но он кое-что не учитывал. Во-первых, он предсказал завершение эры нефти в Соединенных Штатах. Он чуть ли не с точностью до одного года за 15 лет до выхода на максимум добычи нефти в Соединенных Штатах предвидел, что начнется снижение, это произошло где-то в 1970 году. Это достаточно логично, потому что каждое месторождение — есть начальная стадия, есть пиковая добыча, есть падающая добыча. То есть функция, если посмотреть по годам, она похожа на колокол. Так он это и называл.

И если говорить в целом о стране или в целом о мире, это совокупность большого количества месторождений, но все вместе они всё равно рано или поздно формируют вот этот колокол. То есть падение — оно неизбежно. Вопрос — когда.

Так вот, на самом деле в Соединенных Штатах на суше сейчас добыча падает. Она на самом деле растет за счет сланцевых месторождений. Это вообще никто не мог учесть.

Бодрунов: Да. Никто не мог предугадать и предусмотреть.

Богоявленский: Вот что интересно. Мы часто что-то такое говорим, прогнозируем, когда закончится, но появляется некоторое новое явление, можно сказать, новая технология, которая пересматривает запасы, пересматриваются ресурсы. Например, где-то 50 лет назад ресурсы нефти оценивались примерно в 100 миллиардов тонн. Сейчас они оцениваются в 600.

Бодрунов: Да. Хотя, казалось бы, столько лет мы качаем, качаем.

Богоявленский: И плюс смотрите: на всех тех слухах, к чему мы в последние годы пришли? Не к дефициту, а, наоборот, к профициту. У нас сейчас переизбыток на самом деле получается. Но, к сожалению, этот переизбыток происходит за счет чего? Не за счет того, что мы открываем очень много крупных месторождений. По всему миру открываются в основном мелкие месторождения. Это порядка 1 миллиона тонн нефтяного эквивалента по нефти или миллиард кубометра газа. И гиганты типа Газпрома, «ЭксонМобил» и другие компании — их такие месторождения не радуют, они уже привыкли работать с крупными месторождения-

ми, особенно наши российские гиганты. Но это объективная реальность, потому что сначала поисковый процесс шел — это подобно тому, как ловят рыбу: находятся большие месторождения, это был 1950, 1980 годы.

Бодрунов: Ловись, рыбка, большая и маленькая.

Богоявленский: А сейчас судьба уже уготовила нам мелкие. И в поиске больших месторождений мы вынуждены уходить в океан, на глубоководье, в такие сложные регионы, в том числе и в Арктику.

Бодрунов: Вольному экономическому обществу, которое я представляю как президент, в этом году 255 лет. Оно все свои годы занималось тем, что называлось бы сегодня диверсификацией экономики, то есть постоянно настаивало на том, чтобы и экспорт был, чтобы и пенька была, и промышленность была, и сельское хозяйство было, и так далее и так далее. Почему? Потому что все эти вещи очень важны. И я сейчас предлагаю посмотреть сюжет об одном из наших президентов Императорского Вольного экономического общества — принце Петре Георгиевиче Ольденбургском. Его деятельность была направлена как раз на создание, я бы сказал, такой сбалансированной структуры народного хозяйства или хозяйства в то время.

Принц Пётр Георгиевич Ольденбургский

За несколько дней до Бородинской битвы у принца Георгия Петровича Ольденбургского и супруги его Великой княжны Екатерины Павловны родился сын, названный при крещении Константин Фридрих Пётр. Кровь Романовых текла в жилах принца как со стороны отца, так и со стороны матери. Среди его знаменитых предков — императоры Павел I и Николай I, знаменитая Жозефина Богарне и король Пруссии Фридрих Вильгельм III. Своего отца Пётр Ольденбургский совсем не запомнил. Мальчику было всего 4 месяца, когда его отец, занимавший пост главного директора путей

сообщения Российской империи, умер от тифа, подхваченного при осмотре военного госпиталя. В 8-летнем возрасте Пётр потерял и мать. Воспитанием мальчика занимался его дед, а когда Петру Георгиевичу исполнилось 18, принц прибыл в Петербург, где его ждали головокружительная карьера и признание. Император Николай I радушно встретил своего родственника, зачислил на службу в Преображенский полк и предоставил имение в Петергофе. В 1899 году он уже командовал ротой. В следующие 5 лет дорос до генерал-лейтенанта, а весной 1835 года занимался обязанностями начальника военно-учебных заведений. Бойко

Богоявленский: Сейчас наше углеводородное будущее выглядит гораздо более оптимистично, чем 20 лет назад и тем более 50 лет назад. То есть сейчас гораздо меньше таких, я бы сказал, спекуляций, что эра нефти заканчивается, хотя периодически всё равно это звучит. Но вместе с тем я могу сказать, что мы вступаем во время или, можно сказать, даже в эпоху уже трудноизвлекаемых ресурсов и запасов нефти. То есть они становятся дороже в добыче.

Бодрунов: Рано или поздно возобновляемые источники энергии могут стать дешевле.

Богоявленский: Солнечная энергия уже становится рентабельной сейчас.

Симонов: Там тоже масса нюансов, связанных с солнечной генерацией, потому что там всё равно зашиваются субсидии — просто специально делается так, что как будто это выгодно.

Бодрунов: Вашу позицию мы понимаем.

Симонов: Знаете, в чем еще парадокс? Когда говорят про электромобили, выясняется, что нужны определенные виды металлов, концентрация которых в мире еще более серьезная, чем по той же нефти. То есть там масса нюансов возникает.

продвигаясь по военной карьерной лестнице, Пётр Георгиевич всё же отказался от нее и ушел на гражданскую службу. В России остро не хватало чиновников, обладающих юридическим образованием, и принц сам разработал проект училища правоведения, сам его финансировал, приобрел за миллион рублей здание на углу набережной Фонтанки и Сергиевской улицы и стал попечителем юридического училища. После явного успеха в области образования ему охотно начали поручать опекунство. Благодаря деятельности принца Ольденбургского возникли приют и детская больница, названные в его честь, женский институт принцессы Ольденбургской Свято-Троицкая община сестер милосердия, несколько больниц и воспитательный дом в Санкт-Петербурге. С особой теплотой Пётр относился к Мариинской больнице, по сей день функционирующей на Литейном проспекте в Северной столице. В 1840 году

принц Пётр Ольденбургский стал президентом Вольного экономического общества и, как всегда, подошел к порученному ему делу с большой ответственностью и инициативой. В этот период в России развернулось обсуждение путей освобождения крестьян от крепостной зависимости, и члены общества приняли активное участие в решении этой злободневной проблемы. Под руководством принца Ольденбургского общество прилагало усилия к улучшению сельскохозяйственного производства, различного рода ремесел, распространению знаний о последних достижениях науки и лучшем опыте в сельскохозяйственной деятельности. Из значительных событий в жизни общества в тот период надо отметить также предпринятые инициативы Петра Ольденбургского таких инноваций, как переезд в новый дом, принятие нового устава, организация сельскохозяйственных выставок, получивших фактический статус общерос-

сийских, улучшение работы опытных ферм и училищ, организация двух новых комитетов, грамотности и политэкономии. В этот период укрепились и упрочились связи с императором, нужные для решения дел общества, а также улучшились и умножились его отношения с правительственными учреждениями. Даже будучи человеком в возрасте, справившим 50-летний юбилей своей государственной службой, удрученный недугами и неспособный без посторонней помощи подниматься по лестницам, принц продолжал посещать вверенные ему учреждения, занимался текущими делами и живо интересовался всем, что подлежало его ведению. Его императорское высочество Пётр Георгиевич Ольденбургский, российский военный и государственный деятель, член Российского императорского дома, оставил неизгладимый след в российской истории и жизни Вольного экономического общества.

Бодрунов: С другой стороны, я могу привести другой пример. Сейчас в прессе появилась информация о том, что появились новые разработки, уже много разных вариантов разработок — это и какие-то гибкие пленки, и прочие вещи, которые позволяют прямо ту же солнечную энергию тут же превращать в электроэнергию, то есть хранить ее не надо.

Симонов: Прогноз ученых в 1967-м вы знаете, про какую энергию говорит? Что в Советском Союзе будет мезонная энергия. Мы сейчас живем в 2020 году. Вы видите эту мезонную энергию? Все эти прогнозы, когда вы читаете: «Ой, вы знаете, скоро у нас будет солнечный коммунизм, бесплатная солнечная энергия, пленочку наклеил на стекло и сиди в умном доме, по интернету заказывай продукты». Последняя ремарка. Василий Игоревич правильно говорил, с одной стороны, что, действительно, энергия дорогая будет по добыче, но мы знаем по той же сланцевой индустрии, что постепенно технологии-то и там не стоят на месте, и себестоимость снижается. Сланцы начались при 150 долларов за баррель, а сейчас они рентабельны уже при 45.

Бодрунов: 45, да.

Богоявленский: И даже 35.

Симонов: Да, по некоторым сведениям, даже и ниже.

Бодрунов: У Василия Игоревича информация более точная. Он постоянно следит за ценами на мировом рынке нефти и газа.

Богоявленский: У нас Финансовый университет следит за ценами.

Бодрунов: Подводя небольшой итог нашей беседы, если мы говорим о том, что сегодня эра большой нефти заканчивается, то эта ситуация, на взгляд наших сегодняшних экспертов, несколько преувеличена.

Богоявленский: Мы сейчас с вами сидим, я уж не хочу тут по персоналиям, но вокруг нас и на нас многое сделано из нефти. И вот в этом направлении тот же Менделеев как раз и говорил, что сжигать нефть — это то же самое, что топить ассигнациями. Он имел в виду, что надо выделять все элементы, которых там сотни, и они гораздо более ценные, чем сама энергия, которую мы используем.

Бодрунов: Сегодняшняя тема у нас — это, конечно, энергетика, поэтому мы не говорим о других ценных вещах, которые будут из нефти, газа и других, водородов и так далее.

Симонов: Химия сейчас тоже очень популярна. Это, кстати, тоже к вопросу о диверсификации. Пожалуйста. Нефтехимия, газохимия.

Бодрунов: Да, я и хотел сказать об этом, что всё-таки мы понимаем, что экономику надо диверсифицировать, но не за счет того, как мы с вами сошлись во мнении, что нужно прекращать наращивать инвестиции в нефтегазовый сектор, потому что он тоже развиваться должен и должен давать нам еще многие годы серьезные доходы. Но в то же время действительно нужно думать и о диверсификации экономики за счет роста других секторов, за счет того, что выросла общая экономика и в целом, и в том числе новые современные направления технологического развития в России. Это очень важно на самом деле. И мы периодически в наших передачах и говорим о росте, необходимом в сельском хозяйстве, и о машиностроении, и о станкостроении, и так далее. Только в этом случае экономика может быть по-настоящему устойчивой. Очень важно понимать, что наступила эра и возобновляемых источников энергии. Эта эра тоже, наверно, будет развиваться, поэтому в это тоже надо вкладываться, и, наверно, мы должны тоже об этом думать при решении проблемы энергетической безопасности России, обеспечении нашего народного хозяйства дешевыми и доступными источниками энергии и так далее.

Симонов: А мы вкладываемся. Вы знаете, что в России есть целая программа развития возобновляемой энергетики. Между прочим, их включили в программу, в так называемый ДПМ — договор на поставку мощности, государство обеспечивает им гарантированный возврат инвестиций под гарантированные проценты. Всё это уже происходит. А все ли знают, что уже платят за зеленую энергетику? Потому что эти инвестиции включены в тариф на электроэнергию, хотя, может быть, людям до конца это не объяснили. Давайте спросим у людей, согласны они с этим или нет.

Бодрунов: Мы должны понимать, что нефть, нефтегазовая отрасль приносят сегодня не только большие доходы, но и являются одним из факторов устойчивости экономики России, поэтому в этом плане нужны, конечно, инвестиции и сюда. Но с другой стороны, если есть понимание, что прогресс неостановим, что необходимо всё-таки заниматься и другими источниками энергии, на это тоже надо работать, на это направление тоже надо затачивать свое внимание и инвестировать. И вы правы, что и такие программы сегодня есть. Я ко всем такого рода прогнозам и таким опросам населения отношусь очень аккуратно. Если объяснить, что это нужно для ваших детей, это стоит три копейки, все согласятся, наверное, а если сказать, что вам это нужно сейчас, а нам сейчас это не надо, значит, все откажутся. Поэтому здесь такой сложный вопрос, но тем не менее жизнь покажет. Поживем — увидим, какие тенденции победят. Но мне представляется, что на сегодняшний день говорить о том, что эра большой нефти уже подходит к концу, преждевременно. Согласны?

Симонов: Согласен.

Богоявленский: Абсолютно согласен.

Бодрунов: На этом я хочу закончить. Благодарю вас за ваше внимание, коллеги. Всего доброго! До новых встреч! Успехов!

ДО КРОНАКРИЗИСА

THE ERA OF BIG OIL. THE END IS NEAR?

Based on the TV show House E, OTR, April 11, 2020

PANELISTS:

Konstantin Vasilyevich Simonov,
*General Director of the National Energy Security Fund,
First Vice-Rector of the Financial University under
the Government of Russia,
Candidate of Political Sciences*

Vasily Igorevich Bogoyavlensky,
*Board Member of the Free Economic Society of Russia, Deputy
Director of the Institute of Oil and Gas Problems of the Russian
Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian
Academy of Sciences, Doctor of Technical Sciences*

Sergey Dmitrievich Bodrunov,
*President of the VEO of Russia,
President of the International Union of Economists,
Director of the S.Yu. Witte INID,
Doctor of Economics, Professor*

N

Bodrunov: New technologies are reshaping international trade. It is possible that over time the world will abandon hydrocarbons and switch to renewable energy sources. In addition, the era of big oil in Russia has long been predicted to end soon. How does this threaten the Russian economy? Do we have room for maneuver? The world is entering a period of the so-called fourth energy transition. Most likely, in the long run it will mean abandoning fossil energy sources and transitioning to renewable energy sources. Maybe there are some other important nuances that will also affect this scenario. According to the forecast of the Institute for Analytical Research of the Russian Academy of Sciences, oil production in Russia may start to decline as early as 2020–2025. There are also more serious predictions. Cuts in oil production may last until 2035, even until 2040. We now produce approximately 560-570 million tons, and the production can be reduced to 410-480 million tons according to various forecasts. A substantial reduction. Are there any new technologies that could delay the end of the big oil era?

Bogoyavlensky: I think the rumors that the era of oil and gas is nearing its end are somewhat exaggerated. Of course, there has been some substitution. We see that electric buses have appeared on the streets of Moscow, and they are being widely used and, to be honest, everyone is happy about it. We all remember that trolleybuses were the main type of public transport in Crimea since time immemorial; it was done precisely for an environmental purpose and not in order to save hydrocarbons. And, of course, the world is headed on a path, firstly, to optimize the use of hydrocarbons, gas is used more and more in transport and liquid hydrocarbons less and less, i.e. the transition to gaseous fuel or to hybrid vehicles is obvious.

In Norway, for example, it has already been decided that in 2025 all sales of gasoline and diesel engines will stop and there will be only electric vehicles. Now the government is going to introduce some kind of special benefits for buyers of electric vehicles. At the same time, Norway is one of the largest oil and gas producers. I used to work with them a lot and I visited the country many times. Overall, Norway has been surprisingly competent and pragmatic in building its policy, starting with the oil era. Before that, it was, one might say, a remote European province, its economy mainly based on fishing, and now it occupies a prominent place in Europe and in the entire world. And yet, you see, they have long thought about replacing oil. They have, for example, a financial foundation that has been acquiring various assets around the world. Those include various factories, sometimes quite unrelated to oil and gas. They think about tomorrow, and they are doing the right thing. I am afraid we probably lack such pragmatism.

Bodrunov: Do we have new technologies that will allow us ...

Simonov: I would elaborate on what Vasily Igorevich said. It seems to me he was expressing himself in a rather mild language. He said that the rumors were somewhat exaggerated but at the end, however, he urged us to be ready, to stay on guard. In fact, I personally believe that the rumors about the end of the hydrocarbon era are not just exaggerated, but what we are dealing with is simply a self-fulfilling forecast. When you hear forecasts that by 2030 oil will cease to be a commodity, you kill coal first, then you kill oil, and then gas, and then you switch to solar and wind energy. So, you are faced with a classic type of self-fulfilling forecast, when the forecast itself tries to influence your behavior and become a way of changing reality.

Let's take the figures for the last decade, because I've been hearing about the end of the hydrocarbon era for the last ten years. Had I first heard this when that girl Greta appeared, it would have been a different story altogether. Do you remember 10 years ago they said hydrocarbons will be replaced with biofuels? This was the common forecast. Everybody talked about biofuel... Branson flew his plane which ran on coconut fuel, and everyone showed it. His company's capitalization, by the way, has tripled in recent years due to PR. His plane allegedly ran on coconut fuel, and everyone said: "Wow! Soon we will be flying on coconut fuel or God knows what other type of biofuel.» And that was the prediction at the time. But what place do biofuels occupy now in the global energy balance? Yes, they are being produced, no one can argue with this, but it turns out that biofuels production leads to a reduction in food production, and food prices suddenly went up. How unexpected! And over the past 10 years the world's coal consumption has grown by 8%, oil consumption has grown by 15%, and natural gas consumption has grown by 30%. Therefore, all those stories with the Paris Agreement on climate change are a way of discrediting hydrocarbons by non-market means.

ДО КРОНАКРИЗИСА

БУДУЩЕЕ ВТО

Всемирная торговая организация находится в кризисе, ей необходима срочная реформа, заявил еврокомиссар по торговле Фил Хоган. Есть ли будущее у этого органа? Что принесло России членство в ВТО и чем нам грозит крах этой организации?

По материалам программы «Дом "Э"» «Конец консенсуса: есть ли будущее у ВТО» от 18 апреля 2020 года

СОБЕСЕДНИКИ

Алексей Павлович Портанский,
профессор факультета мировой экономики и мировой политики «Высшей школы экономики»,
ведущий научный сотрудник ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, к. э. н.

Сергей Александрович Афонцев,
заместитель директора ИМЭМО
им. Е. М. Примакова РАН,
член-корреспондент РАН,
д. э. н., профессор РАН

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России,
президент Международного союза экономистов,
директор ИНИР им. С. Ю. Витте,
д. э. н., профессор

Бодрунов: Всемирная торговая организация состоит сейчас из 164 стран. Россия 17 лет добивалась права войти в нее. В 2012 году мы стали полноправным членом ВТО. Прошло всего восемь лет, и сегодня многие говорят о том, что Всемирная торговая организация находится в глубоком кризисе, что наступил конец консенсуса. В чем источники этого кризиса?

Портанский: Я хотел бы напомнить, что Всемирная торговая организация — это третий Бреттон-Вудский институт. Первые Бреттон-Вудские институты — это был Международный валютный фонд и Международный банк реконструкции и развития. Решение было принято в 1944 году на Бреттон-Вудской конференции, и оба эти института уже начали функционировать сразу после войны. Что касается третьего института, то на его создание ушло почти полвека. Появилась Всемирная торговая организация, соглашения уругвайского раунда были подписаны только в апреле 1994 года. То есть оказалось, что создание третьего института — это...

Бодрунов: Задача непростая.

Портанский: Задача очень сложная. Однако появление этого института и его существование, конечно, явились серьезным достижением стран, которые вели переговоры. Можно сказать, что это самое крупное событие в международных экономических отношениях в XX веке. Почему? Мы помним, сколько стран создавали ООН — 50. Здесь было более 100 стран, они договорились совместно о правилах, об их выполнении, создали структуры по контролю за выполнением правил и структуру по разрешению споров. Членам организации по результатам Уругвайского раунда удалось создать такие эффективные структуры, как контроль за выполнением принятых обязательств и система разрешения споров. В этом смысле ВТО стало уникальной организацией. Но сегодня говорят, что ВТО стало жертвой своего успеха. Успех — это эффективность, наличие правил, наличие системы контроля за выполнением правил. Почему это так эффективно работало с самого начала? Да потому, что ВТО до сих пор принимает решения на основе консенсуса. Но консенсус — непростая вещь. Когда было генеральное соглашение о тарифах и торговле, 50–60 стран и большинство из них развитые, все друг друга знали и они за чашкой чая легко договаривались.

Бодрунов: Да, относительно.

Портанский: Относительно, да. Сегодня, когда из 164 стран-членов большую часть составляют развивающиеся страны, достичь договоренности, консенсуса стало практически невозможно. Как правило, какая-то маленькая и гордая страна блокирует путем консенсуса предлагаемые решения, но не предлагает ничего взамен. Это неконструктивное поведение. Уже давно стоит вопрос о реформировании ВТО, но только в 2018 году, в конце лета Европейский союз представил впервые свою концепцию реформирования. Обсуждение проблемы реформирования в ВТО еще не началось. Пока есть предложения и позиции сторон, которые очень далеки друг от друга, в особенности позиция США и позиция Китая, двух главных акторов в глобальной экономике и торговле. От них все будет зависеть.

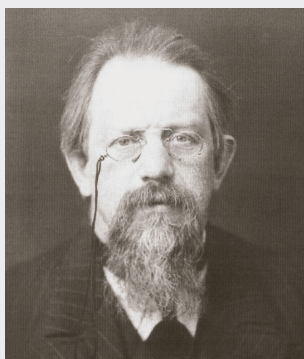
Что касается кризиса. В последние два года всем было известно, что в органе по разрешению споров ВТО, ключевом элементе всей системы, назревает сложная ситуация. Вкратце: внутри органа по разрешению споров находится апелляционная инстанция или апелляционный орган. Как в любом суде есть апелляция. Апелляционная инстанция играет очень важную роль. Когда панель арбитров выносит

решение, что какая-то страна является проигравшей, а другая выиграла, проигравшая немедленно обращается в апелляционный орган. По регламенту апелляционного органа там должно быть семь судей. Орган не может работать, если там меньше трех судей. Уже два года назад было известно, что к концу 2019 года заканчиваются мандаты у двух судей и остается только один. Естественно, страны стали предлагать кандидатуры на замену.

Бодрунов: Все были заблокированы.

Портанский: Да. И Соединенные Штаты в данном случае заняли абсолютно неконструктивную позицию. Они заблокировали попытки заменить судей до самого конца. О причинах можно говорить отдельно. Они выдвигали критику в отношении функционирования апелляционной инстанции, что слишком затягивается период рассмотрения, неточно соблюдаются правила и так далее. Дело в том, что США глубоко недовольны торговой политикой Китая и некоторых других развивающихся стран. Суть заключается в том, что эти страны, когда присоединялись к ВТО (Китай — в 2001 году), они присоединялись со статусом развивающейся страны. Он такой неформальный, но все-таки дает некие поблажки. Сегодня Соединенные Штаты говорят: «Они уже стали развитой страной, экономика такая же, как американская. Откажитесь от этого статуса». Но они не отказываются. Китай, Южная Корея, Сингапур, Индия. Вот в чем корень недовольства американцев. И поэтому 9 декабря прошлого года на последнем генеральном совете ВТО генеральный директор Роберту Азеведу, бразилец, объявил о том состоянии, в котором находится апелляционный орган, и о том, что это действительно означает кризис. Кстати, это произошло в канун 25-летия ВТО. Вот такой подарок к юбилею. Тем не менее ВТО продолжает функционировать. Идет очень настойчивый поиск решения в данной ситуации. Рассматриваются разные варианты. Это на уровне конфиденциальных переговоров, но промежуточное решение будет найдено непременно. Конечно, одновременно ищут и постоянное решение, но постоянное решение должно обязательно вовлекать Соединенные Штаты. Промежуточное решение может заключаться в том, что будет создан апелляционный орган без участия США. Такое сейчас не исключается. Этот орган просто не сможет рассматривать те споры, в которых участвует США.

Бодрунов: В этом году нашему экономическому обществу, которое эти проблемы внешней торговли и торговли вообще постоянно рассматривает на протяжении всей своей истории, 255 лет. Такая у нас длинная, большая история. У истоков у нас стояла Екатерина Великая, она издала указ, по которому было создано это общество. И многие великие деятели России были не просто активными членами, но и президентами ВЭО, руководителями правления ВЭО, президиума и многих других инстанций нашего экономического общества. Вот один из таких великих людей — Петр Струве, член Императорского ВЭО, известный политический деятель. В свое время он оказал очень большое влияние на формирование как раз внешнеторговой политики России.

Петр Бернгардович Струве

Российский политический и общественный деятель второй половины XIX и начала XX века, является одной из ключевых и ярчайших фигур русской общественной мысли. Он родился в 1870 году в дворянской семье немецкого происхождения. Петр Бернгардович Струве изначально учился на естественном отделении физико-математического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. В 1890 году перевелся на юридический факультет. Также он обучался в Москве, Киеве и Вене. За время обучения в университете не раз публиковался

со статьями на общественные, экономические и политические темы в российской и европейской периодике. По окончании университета в 1894 году выпустил свое первое крупное исследование «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России». Публикация поставила 24-летнего автора в ряд крупнейших экономистов страны. С 1895 года Петр Струве являлся неизменным членом Императорского Вольного экономического общества. За этот период в обществе активно обсуждался проект денежной реформы в России, пересмотр таможенных тарифов, а сам Струве поднимал вопрос о направлении экономического развития России. Позднее он вел активную общественную деятельность, выступал против неограниченного самодержавия. В 1901 году за участие в студенческих демонстрациях в Казани был сослан в Тверь, откуда отправился в Европу. За годы, проведенные за границей, познакомился с трудами современников,

изменил политические взгляды с социал-демократических на право-либеральные. На фоне революционных событий 1905 года возвращается в Россию, пользуясь амнистией, дарованной ему лично другим не менее выдающимся членом Императорского Вольного экономического общества Сергеем Вите и участвует в образовании партии конституционных демократов. В своей работе «Великая Россия» Струве сформулировал одну из своих главных идей — приоритетность внешней политики по отношению к политике внутренней. По его мнению, экономическое и политическое будущее страны должно было быть связано с наращиванием влияния России и в мире. По сути, он предсказал создание международных экономических союзов и организаций. Активно участвовал в общественной жизни страны и в работе Императорского Вольного экономического общества. Преподавал в университетах Европы. Умер в Париже в 1944 году.

Бодрунов: В чем состоит императив всей этой ситуации?

Афонцев: Я бы сказал, что главным императивом в настоящее время является поддержание нормальной деятельности Всемирной торговой организации перед лицом тех вызовов, которые перед ней стоят.

Бодрунов: Хотя бы чтобы она работала.

Афонцев: Хотя бы чтобы она выполняла то, что предусмотрено ее уставными документами, то, что на протяжении последних десятилетий делали созданные в рамках этой организации органы. Первый и самый очевидный вызов ее деятельности — это позиция Соединенных Штатов Америки, которая де-факто блокирует эффективную работу ВТО под предлогом того, что ВТО не выполняет некоторые свои функции, которые, с точки зрения администрации Трампа, она должна выполнять применительно к сдерживанию торговой политики Китая. В этом отношении нынешний кризис в деятельности ВТО — это продолжение той линии на торговую войну, которая выбрана администрацией Трампа. В этих условиях говорить о продуктивном диалоге по поводу будущей деятельности ВТО можно будет только в том случае, если фаза острой войны между США и Китаем в торговой сфере как минимум не будет реализована, а как максимум будет отступать. В этом отношении, конечно, высказаны оптимистичные комментарии в связи с заключением соглашения об урегулировании торговых противоречий между США и Китаем. Но здесь не надо обольщаться, потому что, если вы посмотрите текст этого соглашения, там на 10 обязательств Китая приходится меньше одного обязательства Соединенных Штатов. Как показывает практика, китайское руководство в такие игры не играет. Это соглашение всеми признается в качестве временного, в качестве паллиатива для выигрыша времени и поиска более конструктивных решений. Надеяться на то, что оно будет выполнено так, как написано, не приходится.

Второй большой вызов — это менее очевидная, но в долгосрочной перспективе крайне важная тема экологического протекционизма. Если раньше мы говорили о том, что в роли источника инноваций

в протекционистской политике выступают в основном развивающиеся страны, которые шли по традиционному треку — сельское хозяйство, трудоемкие товары, услуги и так далее, то потом к ним присоединились Соединенные Штаты под лозунгом защиты американской промышленности. Теперь в ряды протекционистов встает Европейский союз под лозунгом зеленой экономики, под лозунгом низкоуглеродного, а может быть, и безуглеродного производства и с угрозами введения пошлин против товаров, которые производятся с использованием технологий, в ЕС считающихся не зелеными. Опыт у ЕС есть — это применение химического регламента РИЧ, когда европейцы блокируют поставки тех химических продуктов, которые произведены с технологиями, считающимися европейцами экологически плохими. Являются они таковыми или не являются — это большой вопрос, но опыт протекционизма по произвольным мотивам здесь у Европейского союза есть. И с учетом того, что в настоящее время производство зеленых или экологически дружественных товаров поднимается Европейским союзом на щит как один из главных ресурсов повышения конкурентоспособности европейской экономики, логично ожидать, что поднявший щит поднимет и меч.

И наконец, не надо сбрасывать со счетов традиционные аргументы в пользу протекционизма, которые выдвигают развивающиеся страны, в первую очередь Индия. Индия в последние месяцы испытывает достаточно жесткие проблемы с внутренней экономикой. Можно напомнить, что именно из-за проблем в индийском финансовом секторе у нас группа развивающихся стран по прошлому году росла не так быстро, как все ожидали. И в этих условиях логично ожидать, что индийское руководство от своих традиционных протекционистских подходов не откажется.

Портанский: Я бы еще добавил все-таки про Соединенные Штаты. Когда Дональд Трамп пришел на пост президента, его администрация однозначно заявила о позиции защиты торгово-экономических интересов, и если эта защита потребует нарушения правил ВТО, то они не остановятся перед нарушением правил. Мы уже были свидетелями того, как Соединенные Штаты ввели пошлины на сталь и алюминий с 1 июня 2018 года. Это было сделано в нарушение правил ВТО. Семь государств подали жалобу в ВТО, и мы среди них. Потом стало девять государств. Поэтому позиция Соединенных Штатов по-прежнему будет проблемой в возможном реформировании, но здесь главное, я бы повторил, добиться какого-то сближения позиций Китая и США, что сделать будет сложно.

Бодрунов: Что все-таки, с Вашей точки зрения, принесло России сегодняшнее ВТО и чем нам грозит кризис, крах этой организации?

Портанский: Переговоры о присоединении России к ВТО были завершены в 2011 году. С августа 2012-го мы стали полноправным членом. Идея состояла в том, что мы, модернизируя свою экономику, получим свободный доступ на рынки и будем зарабатывать не только на сырье, но и на экспорте готовой продукции. Сегодня мы модернизацию так и не провели. К структурным реформам так и не приступили. ВТО не дало нам то, на что мы изначально рассчитывали. Да, ВТО принесло нам избавление от дискриминационного доступа на рынке, но здесь выигрыш не такой большой.

Афонцев: Я бы сказал, что разочарование, которое испытывают многие эксперты по поводу ВТО, связано с тем, что изначально возлагались неправильные надежды. Считалось, что эта организация открывает рынки. Да, она открывает рынки, когда в рамках очередного раунда переговоров принимаются многосторонние решения о снижении барьеров. Но в действительности ВТО регулирует использование инструментов торговой политики суверенными государствами и позволяет другим суверенным государствам защищать свои интересы.

Если мы говорим о задачах краткосрочного характера, надо напомнить, что именно благодаря членству Российской Федерации в ВТО мы не получили после 2014 года тех санкций, которые применяются против стран, не состоящих в ВТО. В этом отношении оговорка о защите национальных интересов не только позволяет нам остаться в стороне от использования оппонентами самых острых инструментов торговой политики, но и позволяет нам самим использовать механизмы реагирования на те инструменты, которые используют оппоненты. В частности, именно благодаря этой оговорке мы можем использовать ответные меры, принятые в 2014 году против стран, которые ввели санкции против нас.

Бодрунов: А если эта организация все-таки потерпит крах?

Афонцев: Как правило, когда режим терпит крах, выигрывает самый сильный.

Бодрунов: Американцы.

Афонцев: Естественно. И китайцы. Тогда, если мы говорим о том, что в последние годы против китайской продукции в разных странах мира принимались десятки мер, направленных на проведение антидемпинговых расследований, введение компенсационных пошлин, специальных защитных мер на основании правовой базы, созданной ВТО. В случае краха режима ВТО правовая база для этого исчезнет и либо начнется торговая война уже между этими странами и Китаем, либо Китай будет принимать такие меры, которые позволят обходить соответствующие защитные инструменты.

ДО КРОНАКРИЗИСА

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В РОССИИ

Численность населения России продолжит сокращаться — в этом эксперты единодушны. Как выбраться из демографической ловушки, реально ли увеличить рождаемость с помощью расширения экономических мер поддержки семьи, могут ли трудовые мигранты перекрыть естественную убыль населения и какие проблемы нам предстоит решить, чтобы использовать иммиграцию как демографический ресурс?

По материалам программы «Дом Э», ОТР, 25 апреля 2020 г.

СОБЕСЕДНИКИ

*Анатолий Григорьевич Вишневский,
директор Института демографии
«Высшей школы экономики»,
профессор, доктор экономических наук*

---

*Алексей Раक्षा,
независимый демограф*

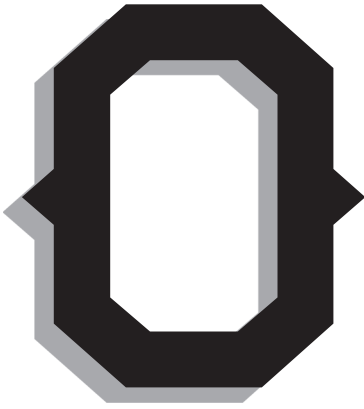
---

*Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России,
президент Международного союза экономистов,
директор ИНИР им. С. Ю. Витте,
д. э. н., профессор*

Бодрунов: Одна из основных проблем России — демографическая, и, к сожалению, универсального ее решения не существует. Сегодня мы говорим о том, как выбраться из демографической ловушки. Один из демографических вызовов — низкая рождаемость. Как Вы считаете, расширение экономических мер поддержки семьи, анонсированное президентом в Послании Федеральному Собранию — могут кардинально изменить ситуацию? Реально ли решить проблему деньгами?

Ракиа: Материальные стимулы могут изменить ситуацию с рождаемостью. Вопрос радикальности этих изменений лежит в плоскости затрат. Но давайте условимся, что у нас развитое, христианское общество, европейская культура. В таких странах рождаемость в среднем не больше двух детей на одну женщину. Вероятно, пока это наш предел.

Достичь результатов можно с помощью очень больших денег, но для этого необходимо работать по двум направлениям — социальная семейная политика и демографическая политика. Маткапитал — это демографическая политика, и те меры, которые были озвучены 15 января, в будущем будут снижать рождаемость, потому что спустя несколько лет эти меры приведут к дестимуляции рождения вторых детей, что очень важно для нашей страны. До сих пор к востоку от линии Хайнала в России рождаемость первенцев достаточно молодая, ранняя по меркам развитых европейских христианских стран, и проблем с этим гораздо меньше, чем со вторыми и тем более с третьими детьми.

Вишневецкий: Я согласен с коллегой — материальные вливания ничего не дадут. Понимаете, идеология материальной помощи семьям завязана на том, что существует глубокое убеждение — люди не рожают детей, потому что у них нет денег. Хотя всем известно, что эти процессы начинаются с благополучных слоев населения, у которых денег как раз хватает. Дети — это экзистенциальная ценность. Про деньги тут можно говорить в третью очередь. Поэтому я думаю, эти меры неэффективны. В чем их опасность — они дестабилизируют процесс рождаемости, потому что реакция населения такая: «когда вводят меры — в этот момент давай родим». А потом провал. Получается такая пила. Мы это много раз видели. Я иногда привожу слова писателя Андрея Платонова: «Ребятишки — дело непокупное».

Бодрунов: Снижается ли в России младенческая смертность и как это может повлиять на демографическую ситуацию?

Ракша: Младенческая смертность у нас до сих пор остается в среднем в несколько раз выше, чем в передовых странах.

Бодрунов: Да, несмотря на то, что некоторое снижение произошло.

Ракша: Снижение большое и достаточно быстрое. Но дело в том, что сейчас младенческая смертность низкая — умирает меньше 0,5% детей, и она превращается в социальный индикатор уровня жизни. К демографии это имеет мало отношения и ни на что не влияет.

Бодрунов: Несмотря на то что за последние 8 лет продолжительность жизни в России увеличилась в среднем на 8 лет, по данным Росздравнадзора, и впервые в истории превысила 73 года, мы по-прежнему отстаем от развитых стран по этому показателю. Как сократить это отставание?

Вишневский: Главные резервы, в частности снижение младенческой смертности, почти исчерпаны. Что касается повышения. Росздравнадзор лукавит. Да, она выросла по сравнению с тем дном, на которое упала. Известно, что в развивающихся странах продолжительность жизни растет быстрее, чем в развитых странах, а в самых слаборазвитых — еще быстрее, чем в развивающихся. Россия когда-то, в 60-е годы, была на траектории развитых стран, но сошла с нее. Когда в развивающихся странах продолжительность жизни повышалась, у нас она снижалась. Так что да, сейчас продолжительность жизни растет, но это не тот рост, которым может гордиться Россия. Если бы мы были какой-нибудь азиатской или латиноамериканской страной, тогда да.

Бодрунов: Все-таки в чем резервы роста продолжительности жизни? Как нам сократить это отставание? Вернуться на ту траекторию, о которой Вы говорите?

Ракша: У нас есть специфические российские проблемы. Во-первых, это смертность от несчастных случаев, отравлений и травм, то есть внешних причин. Во-вторых, смертность от сердечно-сосудистых заболеваний, особенно у мужчин трудоспособного возраста. И оба этих класса причин смертности связаны с потреблением крепкого алкоголя. К сожалению, это наша беда. По разным оценкам, потребление крепкого алкоголя сокращает жизнь в среднем на пять лет.

Вишневский: Минздрав как центральное ведомство, которое несет ответственность за наше здоровье, за продолжительность жизни, очень любит ссылаться на то, что им достался такой народ, который пьет, и с этим ничего не могут сделать.

Ракша: Есть такое.

Вишневский: Стратегия Минздрава не понятна. У нас действительно очень высокая возрастная смертность. Я подсчитал, что за благополучные годы с 2010-го по 2016-й в России умерли 4 миллиона 148 тысяч мужчин в возрасте от 20 до 70 лет. Если бы у нас была возрастная смертность Франции, то умерли бы всего 2 миллиона 888 тысяч, то есть на 70% меньше. И когда акцент в демографической политике переносится на рождаемость, я думаю, это делается из-за недооценки ключевой проблемы.

Бодрунов: Россия нуждается в людях. Могут ли трудовые мигранты перекрыть естественную убыль населения? Какие проблемы надо нам решить для того, чтобы использовать этот фактор?

Вишнеvский: У нас с 1993 года идет снижение численности населения, и даже несмотря на присоединение Крыма, все равно нас меньше, чем было в 1993 году. За это время население США выросло на 80 миллионов человек — на 30%. Безусловно, обеспечить прирост населения России, допустим, к 2035 году, как того требуют известные документы, без миграции невозможно. Беда в том, что у нас нет миграционной стратегии. В лучшем случае говорят о рынке труда, его требованиях, о том, что мигранты должны быть высококвалифицированные. Нам нужны миллионы мигрантов. Где вы возьмете миллионы нобелевских лауреатов?

Ракша: Это сильно зависит от доходов населения. В России средняя зарплата в долларах ниже, чем в Китае, чем в любой стране Европы. О каком качестве мигрантов может идти речь? Фактически это люди, которые культурно и исторически привязаны к России. Но если бы они были полностью свободны в выборе, они вряд ли поехали бы в Россию, к сожалению. Самое печальное в том, что вся остальная Европа развивается, особенно Восточная, из-за того, что она вошла в Евросоюз, и все больше мигрантов едут туда. К сожалению, мы на этом рынке малоконкурентоспособны. Большой, качественной миграции у нас не будет до тех пор, пока уровень развития экономики не будет приближаться к западным странам. У нас есть программа переселения соотечественников, и это, наверно, лучшее из того, что было до сих пор сделано. По ней к нам приезжают около 100 тысяч человек в год. Кроме того, у нас миграция учитывается плохо. Мы точно не знаем, сколько у нас людей уезжают, а сколько приезжают. Сколько приезжают, мы знаем лучше, а сколько уезжают — хуже, потому что эти люди часто не снимаются с миграционного учета, продолжают у нас числиться. Мы можем это понять только косвенным образом, изучив статистику прибывших таких стран, как Германия, США, Британия. По этой статистике получается, что Россию каждый год покидает на 100 тысяч человек больше, чем по нашей статистике. Из этих людей примерно 40 тысяч человек с высшим образованием. Это утечка мозгов. Она усилилась после 2014 года, потому что курс рубля упал, зарплаты упали и экономические перспективы стали невнятные.

Вишневский: Проблема утечки мозгов существует, но это не демографическая проблема. Пусть об этом позаботятся рынок труда и система образования. А Россия нуждается в людях. И не сегодня, а в будущем. Нужны люди, которые сюда приезжают, чьи дети ходят в русские школы, вырастают как российские граждане и вливаются в население. Демографическая проблема — это то, что пустеет азиатская часть страны. У нас же есть внутренняя миграция. Все, кто может, уезжают из Азии в Европу, Москву, Питер, Краснодарский край. Территория России самая большая в мире, 17 миллионов квадратных километров, и она пустая.

Ракша: Посмотрите на Канаду, там живут в основном в стокилометровой полосе вдоль границ США. У нас, к сожалению, колоссальное количество неудобных, холодных земель — болота, тундра, горы.

Бодрунов: Но в Канаде тем не менее принимают мигрантов, и там население растет быстрее, чем в США.

Ракша: У них высочайший уровень жизни.

Вишневский: Высочайший уровень жизни не свалился на них, они же его и создали.

Ракша: Безусловно. Плюс у них грамотная миграционная политика. Балльная система. Они могут себе позволить отсеивать мигрантов по четким социально-экономическим критериям — знание языка, образование, научные работы, профессия. То же самое касается Австралии. Эти две страны, я считаю, обладают практически идеальной миграционной политикой, и поэтому там нет проблем этническо-политических, как в Европе, например. Потому что Европа пустила беженцев сейчас, и люди недовольны.

Вишневский: Недовольство миграцией есть везде, и в США. На этом играют политики. Но опять же это не демографический вопрос. Одно дело — суждение обывателя, а другое — объективное понимание ситуации. То же самое и в России. У нас неблагоприятное отношение в целом к миграции, его никто специально не измеряет, но мы знаем, что мигрантов не любят, и это демографическая проблема. Либо мы смиряемся с тем, что население России сокращается, территории пустеют, а пустые территории рядом с огромными населенными странами — это не самое лучшее, что можно иметь. Мы недооцениваем рост близких нам приграничных стран, таких как Иран или Турция. Сейчас в этих двух странах численность населения больше, чем в России. Проблема в том, что меняется соотношение демографических масс в мире и в том числе вокруг России. Равнодушно относиться к тому, что население России сокращается, нельзя. Но надо понимать, что резервы ограничены. Единственный ресурс — миграция, об этом надо думать.

Бодрунов: Уважаемые коллеги, в заключение я хотел бы процитировать Послание Президента Федеральному Собранию: «Сбережение и приумножение народа — высший национальный приоритет. Наша историческая обязанность — выйти из этой самой демографической ловушки». Речь идет о том, что нужно менять нашу демографическую политику. Демографическая проблема — это проблема и экономическая, и социальная, это проблема сохранения нашей страны.

ДО КРОНАКРИЗИСА

DEMOGRAPHIC SITUATION IN RUSSIA

The population of Russia will continue to decline – experts are unanimous in this. How to get out of the demographic trap, is it really possible to increase birth rate by expanding economic measures to support families, can labor migrants compensate for the natural decline in the population, and what problems should we solve in order to use immigration as a demographic resource?

Based on the TV show House E, OTR, April 25, 2020

PANELISTS:

Anatoly Vishnevsky,
*Director of the Institute of Demography
at the Higher School of Economics,
Professor, Doctor of Economics*

Alexey Raksha,
Independent Demographer

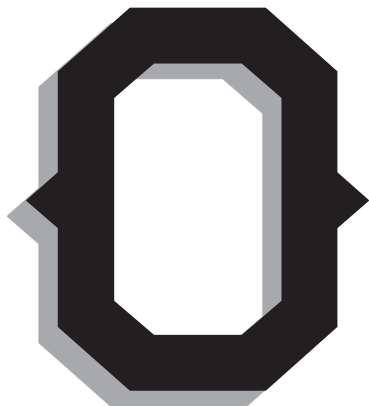

Sergey Dmitrievich Bodrunov,
*President of the VEO of Russia,
President of the International Union of Economists,
Director of the S.Yu. Witte INID,
Doctor of Economics, Professor*

Bodrunov: One of the main problems in Russia is the demographic problem, and, unfortunately, there is no universal solution to it. Today we are talking about how to get out of the demographic trap. One of the demographic challenges is low fertility. Do you think the expansion of economic measures to support the family, announced by the President in his Address to the Federal Assembly, can radically change the situation? Is it realistic to solve the problem with money?

Raksha: Material incentives can make a difference in fertility. The question of whether these changes will be radical depends on how much will be spent. But let's agree that ours is a developed, Christian society, European culture. In such countries, the average birth rate is no more than two children per woman. This is probably our limit for now.

It is possible to achieve certain results with the help of a lot of money, but in such event, it is necessary to work along two lines – social family policy and demographic policy. Maternal capital is a demographic policy, and the measures that were announced on January 15 will reduce the birth rate in the future because in a few years these measures will lead to discouraging the birth of a second child, which is very important for our country. Until now, east of the Hajnal line in Russia, women give birth to their first child quite young, early by the standards of developed European Christian countries, and there are much fewer problems with this than with their second, let alone third, child.

Vishnevsky: I agree with my colleague – no money injections will give us anything. You see, the ideology of financial assistance to families is tied to the deep conviction that people refuse to have children because they have no money. Although everyone knows that those processes are characteristic of the affluent strata of the population who have enough money. Children are an existential value. Money is much less important here. Therefore, I think those measures are ineffective. They are dangerous: they destabilize birth rates, because the population thinks “let's wait until the measures are introduced and then have children”. And then there's a slump in childbirths. Like a sawtooth. We have seen it many times. I sometimes quote the words of the writer Andrei Platonov: «Kids are not about buying.»

ЦИФРОВОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ

Цифровое благополучие — термин относительно новый, не на слуху, однако эту тему уже изучают серьезные исследовательские центры, страны ранжируют по признаку цифрового благополучия, цифровую доступность называют одной из важных составляющих качества жизни человека. Об этом — очередная беседа в «Доме экономиста».

По материалам программы «Дом Э», ОТР, 29 февраля 2020 г.

СОБЕСЕДНИКИ

*Константин Олегович Вишневский,
директор Центра исследований
и цифровой экономики
Высшей школы экономики*

*Ильнур Ильдусович Мифтахов,
образователь-онтолог Университета 2035*

*Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России,
президент Международного союза экономистов,
директор ИНИР им. С. Ю. Витте,
д. э. н., профессор*

Бодрунов: Константин Олегович, Ваш Институт Высшей школы экономики, основываясь на методике Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), провел собственную оценку цифрового благополучия России. Есть ли хорошие новости?

Вишневский: Безусловно, хорошие новости есть. Но начать я хотел бы с того, что такое цифровая экономика, потому что это понятие плотно вошло в наш обиход с 2018 года, когда у нас была запущена соответствующая программа. Самое интересное, что нечто похожее существовало и ранее, но просто называлось по-другому. Мы говорили об информационном обществе, экономике знаний. И даже очень известный экономист Фред Год как раз из ОЭСР говорил, что цифровая экономика началась еще в 80-х годах.

Бодрунов: Когда начали внедряться первые технологии.

Вишневский: Когда персональные компьютеры вошли в обиход. И сейчас, допустим, по данным Международного союза электросвязи, каждый второй житель земли так или иначе использует интернет, использует цифровые технологии. Естественно, в развитых странах этот показатель выше, чем в развивающихся, но тенденция крайне положительная. И условно через 5–10 лет, когда поколение Z, то есть люди, родившиеся после 1995 года, войдут в работоспособный возраст, цифра будет расти. Часто возникает вопрос: хорошо, мы говорим о развитии цифровой экономики и цифровых технологий, а вообще насколько эти вещи связаны? И можно ли считать тождественным развитие цифровых технологий и цифрового благополучия? И на этот счет как раз ОЭСР проводил опрос стран-членов: как они воспринимают цифровое благополучие. И выяснилось, что примерно две трети опрошенных считают, что цифровые технологии, естественно, положительно влияют на качество их жизни и благополучие в целом.

Бодрунов: Большинство считает, что это так.

Вишневский: Да, совершенно верно.

Бодрунов: Наверное, более молодое поколение к этим технологиям приспособилось уже, и для них это так же естественно, как для нас когда-то традиционный телефон. В этом опросе лидирует как раз та часть населения, которая больше доверяет цифровым технологиям.

Вишневский: В целом да, совершенно верно. Но если говорить о цифровом благополучии в контексте России, то мы соответствуем среднему уровню стран ОЭСР и даже в каких-то моментах опережаем этот средний уровень, в частности, с точки зрения оборудования школ цифровыми ресурсами, с точки зрения качества и устойчивости социальных связей мы вообще находимся на уровне Японии. Но вместе с тем ряд позиций пока чуть менее развиты, в том числе такой показатель, как обучение онлайн.

Мифтахов: Когда я смотрел все эти цифры в статистике, для меня вырисовалась такая их интерпретация, что Россия вырвалась вперед по сравнению со средними значениями в тех показателях, которые, скорее, касаются выхода из состояния дискомфорта в состояние нормальности: то есть, условно говоря, когда человек пользуется услугами, когда человеку нужно записаться к врачу, когда человеку нужно онлайн что-то приобрести — вот там россияне вырвались вперед. А в категориях более высокого порядка — образование, управление...

Бодрунов: Надстроечные вещи.

Мифтахов: Да, скажем так, люксовые с точки зрения цифровой доступности, в них Россия показывает чуть более низкие результаты, чем остальные.

Бодрунов: У нас огромные расстояния, у нас огромная страна, но мы должны тем не менее соответствовать показателям цифрового благополучия. У нас сегодня цифровые технологии позволяют каждому быть в гуще событий, но это можно обеспечить только через передачу соответствующей информации, через цифровые транспортные пути. Если раньше нужно было ездить поездом, чтобы быть в гуще событий, или самолетом, то сейчас необходимы другие пути — магистральные цифровые. И интернет — одна из таких серьезных магистральных сетей.

Мифтахов: Да, и в то же время интересно, что сам только факт доступа к интернету не означает автоматически повышения параметров благополучия, потому что в том же самом онлайн-образовании есть исследование, которое показывает, что, оказывается, доступ к онлайн-образованию в первую очередь полезен для тех, кто уже более-менее благополучен.

Бодрунов: То есть вы серьезно занимаетесь образовательными программами.

Мифтахов: Да. Цифровые технологии дают нам возможности, которых раньше невозможно было даже представить.

Бодрунов: Именно в образовательном процессе.

Мифтахов: Да, в образовательном процессе тоже. Например, мы можем обрабатывать открытые данные о вакансиях, брать данные рынка труда, это очень быстро анализировать и выводить статистику, какие конкретные навыки, знания объективно требуются сейчас.

Бодрунов: Феноменально.

Мифтахов: На основе этого материала мы можем пересматривать программы высшего образования.

Бодрунов: Давать соответствующие рекомендации.

Мифтахов: Да.

Бодрунов: Вы это делаете?

Мифтахов: Да. Сейчас начинаются пилотные проекты с Минтруда, в которых расширяется подход к формированию профстандартов, например.

Бодрунов: На мой взгляд, готовность нашей цифровой экономики часто недооценивают. У нас есть свои мессенджеры, соцсети, наш любимый «Яндекс» — отличная поисковая система со всеми платежными системами, есть национальная платежная система и многие другие вещи. Но очень важно выходить на следующий уровень. Следующий уровень — это более широкое использование всех этих возможностей в образовании, в государственном управлении и так далее и так далее. Это огромные возможности, которые и создают цифровую экономику. И когда говорят о том, чтобы через цифровые технологии прийти к благополучию людей, речь идет не только о том, что они дают такое преимущество, как сокращение очереди в аптеку или быстрый подбор лекарств, — это первичный уровень. Вторичный уровень — это то, что население сможет таким образом получать государственные услуги совершенно иного, более высокого и точного порядка. И это можно сделать только с помощью такого рода цифровых технологий. По-другому не получится.

Мифтахов: Совершенно верно. Я бы сейчас отметил, что мы можем наблюдать рождение компаний-экосистем, то есть платформенных компаний. Если посмотреть на те компании, которые доминировали на глобальном рынке лет 10–15 назад — это крупные компании нефтегазового сектора, некоторые банки, то сейчас мы наблюдаем, что на первые роли выходят компании, которые формируют экосистему, то есть они привязывают потребителя и со всех сторон его потребности максимально стараются удовлетворять. И можно даже говорить о том, что происходит смена некоего вектора развития. Если раньше ключевой единицей всего был продукт, то сейчас мы говорим уже о сервис-ориентированной модели.

Бодрунов: Я бы хотел вернуться к вопросу использования цифровых технологий в образовании. Есть интересные цифры. Можно сказать, что большая часть населения России, как мы говорим, сегодня уже имеет доступ к интернету и, не выходя из дома, могут делать многие вещи. Однако всего 3% россиян используют интернет для дистанционного обучения, по итогам опроса прошлого года. А вот на Западе очень активно пользуются интернет-образованием. Скажите, пожалуйста, ваши программы могут в этом помочь, научить людей и инициировать использование ими таких технологий?

Мифтахов: Есть исследования, которые изучают портрет человека, который учится на онлайн-курсах, и по исследованиям явно видно, что этим занимаются те, кто уже и так достаточно самоорганизован, образован и целенаправленно идет в онлайн-обучение, чтобы...

Бодрунов: Никто не говорит, что люди у нас неграмотные и поэтому...

Мифтахов: Да, но нет какой-то базовой субъектности, недостаточная способность построить план образования онлайн.

Бодрунов: Подскажу Вам: чем больше будет молодежи, тем больше будет цифра онлайн-образования, через 10 лет естественным образом эта ситуация изменится.

Мифтахов: Мы надеемся. Мы со своей стороны в Университете 2035 к этой проблеме подходим каким образом?

Бодрунов: Но изменится, только когда вы будете решать эти проблемы.

Мифтахов: Да. Мы над этим стараемся сейчас работать. Мы разрабатываем механизмы, которые помогают человеку вне зависимости от возраста выстраивать его личную траекторию, подкидывая ему образовательные ресурсы, которые очень сильно подходят под его личный профиль.

Бодрунов: Это очень важно.

Мифтахов: Для этого, естественно, человеку нужно сначала пройти диагностику, чтобы система знала о нем.

Бодрунов: Конечно. Если выдаешь текст на английском языке, а он не знает английских букв, то все становится бессмысленным.

Мифтахов: Да. И таким образом мы решаем несколько задач: чтобы образовательный ресурс был релевантен, интересен самому человеку, чтобы он подходил под его интересы, плюс задача направлять человека во всём этом пространстве сетей, потому что их много, но мы часто о них даже не знаем.

Бодрунов: У нас 78% пользователей сидят в социальных сетях. Больше во всём мире такого нет, кроме Японии, как ни странно.

Вишневский: Я бы хотел вообще начать здесь с другого. Мы можем сказать, что за последние 10 лет доля домохозяйств, которые подключены к интернету, увеличилась просто в разы — по сути, в три раза, а также увеличился процент людей, которые заходят в интернет каждый день. До этого заходил каждый пятый, а сейчас — практически 70%. А что касается соцсетей, для меня стало некоторым откровением, что по этому показателю мы обошли даже Штаты, родину социальных сетей.

Бодрунов: Социальные сети заменяют сегодня почту и создают новую систему коммуникаций.

Вишневский: Совершенно верно. И на самом деле можно было бы как-то заподозрить что-то нехорошее, что, дескать, мы любим только развлекаться в интернете, но это совершенно не так. Потому что, даже если посмотреть компьютеры, лидером являются Нидерланды, а мы — где-то в середине. Серьезной онлайн-зависимости у россиян нет.

Бодрунов: Действительно. Цифровизация дошла и до государственных услуг. Вы знаете, что сейчас у нас премьер-министром стал Михаил Мишустин. По его данным, сто миллионов часов у нас сэкономили граждане нашей страны за прошлый год благодаря электронному правительству. А у вас какое впечатление?

Вишневский: Я сейчас вижу, что госуслуги будут однозначно становиться более динамичными. Сейчас ведется разговор, что человек не должен тратить больше 3–4 дней в год на получение всех государственных услуг, взаимодействие с различными службами в предоставлении государственных сервисов и так далее. То есть наблюдается тренд, чтобы это было по сути практически в один клик: есть необходимость в услуге, пара нажатий клавиш — и услуга получена. И очень сильно меняются запросы потребителей, потому что они сталкиваются с онлайн-услугами в разных сферах. Например, в онлайн-торговле. В России это направление колоссально развивается. Буквально за последние пять лет увеличился объем онлайн-торговли в разы.

Бодрунов: Да. Один мой знакомый закрыл бизнес и перешел работать просто наемным работником. Почему? Онлайн-торговля полностью выбила его нишу. По его словам, он просто не мог сопротивляться. Люди приходят в магазин, смотрят, записывают артикул и идут на цифровую площадку.

Вишневский: В интернет-магазин и заказывают там в полтора, два раза дешевле.

Бодрунов: Да, дешевле. Это важная экономическая компонента этой трансформации.

Вишневский: И что самое забавное: если посмотреть, сколько процентов населения используют онлайн-услуги в сфере электронной торговли, то получается где-то порядка трети. Когда оставшихся спрашивают: «Почему вы не пользуетесь?», они говорят: «Нам просто нравится шопинг, нам нравится ходить по магазинам вживую».

Бодрунов: Такая часть населения будет всегда, но она не будет преобладающей, скорее всего.

Вишневский: Да, совершенно верно.

Бодрунов: Люди будут экономить время, потому что в экономическом смысле время — деньги, помните, классическая аксиома.

Вишневский: Еще один тренд, который сейчас можно наблюдать — бесплатный онлайн-доступ к социально значимым сервисам и услугам. Сейчас как раз ведутся бурные обсуждения, что должно войти в эти сервисы, в том числе рассматривается несколько категорий таких сервисов — это и различные сайты министерств, ведомств, порталы государственных и муниципальных услуг, социальные сети, почтовые сервисы и целый ряд других.

Бодрунов: А может быть, мы нашли в виде этой цифровизации некий ключик, я не скажу, что ко всем проблемам, но к решению очень многих экономических проблем общества. Ведь посмотрите, что такое рост ВВП? Это количество услуг, которое мы должны увеличивать каждый год по отношению к предыдущему году, услуг, продуктов для населения, для людей, если упростить это определение. Если мы говорим о темпах роста ВВП, значит, мы должны производить больше за единицу времени. То есть фактически речь идет о чем? О сжатии времени на единицу продукции. Здесь очень важно видеть, что резерв повышения нашего ВВП не только в количественном выражении — он как раз в такого рода технологиях, в модернизации всей экономики.

Вишневский: Да, это качественная трансформация процессов.

Бодрунов: И качество жизни людей меняется, потому что за то же самое время человек может прочитать книжку, к врачу сходить дополнительно, может заниматься самообразованием. Это и есть повышение качества жизни россиян. Когда президент говорит, связывая две вещи — технологическую модернизацию общества и, казалось бы, далекую вещь — благополучие, благосостояние населения, он как раз, на мой взгляд, говорит именно об этом. И мы с вами, коллеги, сегодня как раз это и разъясняем.

Я хотел бы сказать, внедрение новых идей, новых технологий всегда было частью деятельности больших ученых, которые работали в Вольном экономическом обществе России. Давайте вспомним великого российского ученого нероссийского происхождения Леонарда Эйлера — чело- века, который был величайшим математиком. Все, кто изучал математи- ческие, экономические науки, знают, кто это, но мало кто знает, что он был президентом Вольного экономического общества России в свое время и занимался в том числе экономическими проблемами.

Леонард Эйлер родился 15 апреля 1707 года в Базеле самым обыкновенным вундеркиндом. Способности мальчика оказались настолько выдающи- мися, что, окончив гимназию в 1720 году, 13-летний подро- сток становится студентом факультета искусств Базельского университета. Через четыре года 17-летний Леонард Эйлер удостоивается ученой степени магистра искусств, произнес на экзамене великолепную речь на латин- ском языке о сравнении фило- софских воззрений Декарта и Ньютона. Но главным искус-

Леонард Эйлер

ством в жизни молодого маги- стра оставалась математика. Осенью 1726 года Эйлер полу- чает письмо из России, в кото- ром его приглашают в Петербургскую академию наук на должность помощника профессора. В 1740 году умер- ла императрица Анна Иоанновна. Эйлер перебирает- ся в Берлинскую академию наук, но, оставшись почетным членом Петербургской акаде- мии наук, сохраняет постоян- ную связь с Россией. Вступившая в 1762 году на престол Екатерина II предложила Эйлеру вернуться в академию на любых условиях. Летом 1766 года 60-летний ученый с мировым именем вернулся в Россию на должность вице- президента академии, а в 1766-м Леонард Эйлер вступил в Вольное экономиче- ское общество. Он читает публичные лекции, пишет сам статьи и приглашает к сотруд- ничеству с изданиями общества

своих иностранных друзей. В 1776 году Леонард Эйлер был избран президентом Императорского Вольного эконо- мического общества на последнюю треть года, с 1 сентября по 31 декабря. На этом посту великий матема- тик и физик способствовал установлению тесных творче- ских связей с зарубежными научными обществами, видны- ми учеными и практиками. Сотрудничество осуществля- лось в разных формах. Полезными в этих целях оказа- лись: во-первых, выписка из-за рубежа сочинений по сельско- хозяйственной тематике и пере- вод их на русский язык; во-вторых, обмен изданиями с профильными обществами; в-третьих, прием в Вольное эконо- мическое общество зарубеж- ных ученых в качестве ино- странных корреспондентов; и наконец, путешествия за грани- цу российских членов общества.

Бодрунов: Мы говорим о том, что если мы считаем цифровые техно- логии важной частью модернизационного процесса и перехода в новый технологический уклад, то мы должны помнить и о другом — о том, что в этом укладе меняется главный ресурс. Вместо материального ресурса базовым, основным ресурсом становятся знания. А знания

сублимируются через через информационно-коммуникационные технологии, через те самые устройства, гаджеты, технологии. Но всякие новые технологии несут и новые риски. Буквально два слова, какие риски Вы видите в применении новых цифровых технологий.

Вишневский: Действительно, когда мы говорим о цифровизации, цифровой экономике, всегда хочется думать о хорошем. Мы не так давно сделали расчет, какой вклад в ВВП могут внести цифровые технологии, и получилось, что к 2030 году они могут сгенерировать примерно половину прироста ВВП: идет автоматизация, в том числе замещаются рутинные процессы. И очень сильны опасения, что нас заместят роботы.

Бодрунов: Это серьезный глобальный риск.

Вишневский: Да. Мы можем вспомнить фильм «Приключения Электроника», когда герой поет, что «вкалывают роботы, а не человек». Люди роботам пока не доверяют. Они не готовы подпускать их совсем близко к себе. Большинство людей пока не готовы идти просто к роботу-хирургу или, например, покупать домой что-то типа робота-няни. И во многом это также связано с другим очень важным риском — с безопасностью. Существуют такие оценки, что в ближайшие несколько лет риск потенциального ущерба от киберпреступлений может сравняться с потенциальным экономическим эффектом от технологии искусственного интеллекта. И поэтому здесь нужен такой очень четкий баланс между развитием технологий (естественно, что технологии могут развиваться очень быстро) и грамотным демпфированием рисков развития этих технологий.

Бодрунов: Очень важно, чтобы эти технологии не только использовали для обучения, но чтобы мы вообще занимались обучением общества, потому что культурный пласт создает представление человека о том, что можно, а что нельзя. И в наших условиях, когда стремительно растет цифровизация, мы переходим в шестой технологический уклад, когда у технологий высокая пенетрация — они проникают куда угодно, эти технологии дают колоссальный дополнительный эффект, но они могут дать и отрицательный эффект. И понятно, что в этом случае нужно, чтобы люди очень внимательно пользовались ими. Должна быть высокая культура их использования как на бытовом, так и на любом другом уровне. Пока мы сами не сумеем разумно и правильно использовать достижения научно-технического прогресса, особенно новых технологий, цифровых технологий, мы будем находиться в поле не только иллюзий, что у нас всё хорошо будет в связи с этими технологиями, но и в зоне повышенных рисков. Надеемся, все вместе мы сумеем этого избежать. Особенно вам, молодому поколению, это важно. Спасибо! Я благодарю вас за беседу. Всего доброго! До новых встреч!

ЧАСТЬ II

КОРОНАКРИЗИС

РОССИЙСКИЙ БИЗНЕС: ОСТАТЬСЯ В ЖИВЫХ

НА ЛИНИИ ОГНЯ: ЗДРАВООХРАНЕНИЕ НЕ БУДЕТ
ПРЕЖНИМ?

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА: КАКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ОБНАЖИЛА ПАНДЕМИЯ

КАК ИЗМЕНИТСЯ ОБРАЗОВАНИЕ

ОТКРОЕТ ЛИ ПАНДЕМИЯ НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ
РАЗВИТИЯ?

ПАНДЕМИЯ МЕНЯЕТ БИЗНЕС: КТО ВЫЖИВЕТ В НОВОЙ
ЭКОНОМИКЕ?

УСИЛИТСЯ ЛИ ЗЕЛЁНЫЙ ТРЕНД В ЭКОНОМИКЕ?

РОССИЙСКИЙ БИЗНЕС: ОСТАТЬСЯ В ЖИВЫХ

По материалам 27-й экспертной сессии Координационного клуба ВЭО России, 2 июня 2020 г.

СОБЕСЕДНИКИ

**Сергей Дмитриевич
Бодрунов,**
президент ВЭО России,
президент Международного
союза экономистов, директор
ИНИР им. С. Ю. Витте,
д. э. н., профессор

**Александр Васильевич
Мурычев,**
член Президиума ВЭО России,
исполнительный вице-
президент общероссийской
общественной организации
«Российский союз
промышленников
и предпринимателей»,
председатель совета
Ассоциации региональных
банков России, д. э. н., к. и. н.

**Александр Александрович
Широв,**
заместитель директора
(с 27 августа 2020 года —
директор) Института
народнохозяйственного
прогнозирования РАН, член-
корреспондент РАН, член
Правления ВЭО России

**Кирилл Михайлович
Никитин,**
член Правления Вольного
экономического общества
России, директор Центра
налоговой политики
экономического факультета
МГУ им. М. В. Ломоносова,
руководитель комитета по
налоговой и бюджетной
политике «Деловой России»

**Руслан Семенович
Гринберг,**
член-корреспондент
Российской академии наук,
д. э. н., профессор

**Владислав Леонтьевич
Корочкин,**
первый
вице-президент «Опоры
России»

**Никита Иванович
Масленников,**
ведущий эксперт
Центра политических
технологий

Владимир Владимирович Гутенёв,
 первый заместитель
 председателя комитета
 Государственной Думы
 Федерального Собрания
 Российской Федерации
 по экономической политике,
 промышленности,
 инновационному развитию
 и предпринимательству,
 первый вице-президент Союза
 машиностроителей России

Борис Борисович Рыбак,
 заместитель председателя
 общественного совета
 «Аэрофлота», генеральный
 директор компании
 «Инфомост Консалтинг»,
 председатель межотраслевого
 экспертного совета по
 развитию дорожной,
 автомобильной и грузовой
 отрасли

**Сергей Вячеславович
 Калашников,**
 член Президиума ВЭО России,
 первый заместитель
 председателя комитета
 Совета Федерации
 Федерального Собрания
 Российской Федерации по
 экономической политике,
 председатель временной
 комиссии Совета Федерации
 по мониторингу
 экономического развития,
 д. э. н., профессор

**Вадим Викторович
 Прасов,**
 управляющий партнер
 управляющей компании
 «Альянс Отель Менеджмент»,
 вице-президент Федерации
 рестораторов и отельеров
 России, заместитель
 заведующего кафедрой
 «Менеджмент и индустрия
 гостеприимства» РАНХиГС

Яков Моисеевич Миркин,
 член Правления Вольного
 экономического общества
 России, заведующий отделом
 народных рынков капитала
 Национального
 исследовательского
 института мировой
 экономики и международных
 отношений
 им. Е. М. Примакова
 Российской академии наук,
 д. э. н., профессор

**Дмитрий Евгеньевич
 Сорокин,**
 вице-президенту Вольного
 экономического общества
 России, научный руководитель
 ВЭО России, член-
 корреспондент Российской
 академии наук, д. э. н.,
 профессор

**Михаил Владимирович
 Ершов,**
 член Президиума Вольного
 экономического общества
 России, главный директор
 Института энергетики
 и финансов, д. э. н., профессор

**Михаил Владимирович
 Ершов,**
 член Президиума Вольного
 экономического общества
 России, главный директор
 Института энергетики
 и финансов, д. э. н., профессор

Бодрунов: Уважаемые коллеги, текущий кризис — самый серьезный, на мой взгляд, из тех, с которыми приходилось сталкиваться российской экономике за последние 20 лет. Это полагают и наши коллеги из Института народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук, мы с ними беседовали, и с этим сложно не согласиться. Никогда еще на нашей памяти не останавливались целые сектора экономики, в которых была бы занята такая значительная часть работающих граждан. Подчеркну: это, может быть, и большая часть всех работающих сегодня в стране. В рамках Московского академического экономического форума, он недавно закончился, буквально 31 мая, много говорилось о специфике текущего кризиса. Можно материалы посмотреть. Я подробно останавливаться на этом не буду.

Итак, сегодня мы сфокусируем наше внимание на мерах поддержки бизнеса, первое — их эффективности, второе — доступности, третье — достаточности. Для запуска экономического роста ключевой пакет антикризисных мер должен быть направлен на помощь бизнесу, в реальный сектор экономики, в эпицентр кризиса. Таково наше твердое убеждение.

На данный момент в России принято три пакета антикризисных мер и разрабатывается национальный план деловой активности в стране. Общая стоимость мер поддержки в рамках всех этих антикризисных пакетов на сегодняшний день составила где-то, по нашим подсчетам, 3,3 триллиона рублей. Примерно такие же цифры сообщил глава Минэкономразвития Максим Решетников. Тем не менее, если верить результатам опросов и исследований профильных структур, меры поддержки охватили пока лишь малую часть бизнеса в России. В частности, Центр стратегических разработок провел опрос, в котором приняли участие 2 с половиной тысячи компаний из различных секторов экономики. И мы видим, 75% участвующих в исследовании компаний отметили, что поддержка на них не распространяется, хотя большинству из них она, по тому же опросу, нужна.

Список пострадавших отраслей определен по основным кодам видов деятельности, так называемый ОКВЭД, которые изначально играли чисто статистическую роль и часто не совпадали с фактическими видами деятельности, поэтому часть компаний из пострадавших от кризиса отраслей не может рассчитывать на господдержку. Согласно данным опроса ЦСР, чаще всего о необходимости господдержки говорят на предприятиях сельского хозяйства, недвижимости, строительства, финансов, инвестиций и страховой деятельности, тяжелой промышленности, фармацевтики. Больше всего компаний, на которые не распространяются меры поддержки, надеются на что? На расширение списка пострадавших отраслей, на субсидии, на выплаты зарплаты работникам, на другую финансовую и правовую, подчеркну, помощь, льготные кредиты. Что касается компаний, которым господдержка положена, то среди самых актуальных проблем, с которыми им пришлось столкнуться при ее получении, они отмечают: первое — бюрократизм, второе — отсутствие понятного механизма предоставления помощи, третье — отказы банков, четвертое — отсутствие уступок со стороны Федеральной налоговой службы и далее по списку.

Об этом хотелось бы сегодня поговорить в рамках нашей дискуссии. Уважаемые коллеги, прошу вас поделиться своим видением перспектив восстановления российского бизнеса после кризиса, оценками доступности и эффективности мер антикризисной поддержки, предложений по расширению программы помощи предпринимателям.

Первому я предоставляю сегодня слово Александру Александровичу Широву, члену Правления Вольного экономического общества России, заместителю директора, заведующему лабораторией Института народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук, члену-корреспонденту Российской академии наук, доктору экономических наук, профессору. Прошу Вас, Александр, Александрович.

Широв: Оценки значительного количества экспертных групп, в том числе и правительственных, в отношении того, каков будет спад экономики во втором квартале, по-видимому, оказались чрезмерно пессимистичными, потому что мы видим, что все не так плохо. Даже если посмотреть на динамику промышленного производства, очевидно, что у нас есть приличный набор видов деятельности с довольно большим вкладом в общую экономическую динамику. Эти отрасли, несмотря на переживаемый экономикой карантин, демонстрируют положительную экономическую динамику, то есть там наблюдается рост. Конечно, есть и драматические ситуации. Это, прежде всего, сфера услуг, в промышленности — производство автомобилей, но в той или иной степени то падение ВВП, которое мы видим по этому году, составит примерно 5–6%. На фоне остановки экономики, которую мы пережили, это, может быть, не такой плохой результат. Но вопрос состоит в том, как ситуация будет развиваться дальше.

Согласно инерционному сценарию развития экономики, если все постепенно вернется к тому, что было в 2014, 2015, 2016 годах и далее, то восстановление экономической активности произойдет не раньше 2023 года. Потребление домашних хозяйств и инвестиции восстановятся в 2024–2025 годах. То есть риск скатывания к стагнационной модели развития — велик. И главный вопрос состоит в том, каким образом может измениться экономическая политика, в том числе в рамках плана по восстановлению экономики.

Если мы посмотрим на то, каковы сейчас возможности правительства по влиянию на экономическую динамику, то можно сказать следующее: уровень социальных расходов у нас примерно среднемировой для стран со сравнимым уровнем доходов ВВП по паритету покупательной способности. Но если мы посмотрим на совокупные расходы расширенного правительства, то есть потенциал. Этот потенциал образовался в результате политики макрофинансовой стабилизации, когда в значительной степени сохранялись стабильные расходы бюджета в реальном выражении, и в результате этого вклад государства в экономическую динамику, государственного спроса и инвестиции был ниже, чем мог бы быть. Здесь есть резерв. Кроме того, мы имеем значительные запасы и в Фонде национального благосостояния, и в других механизмах резервирования, которые могут быть использованы для более активного выхода экономики из той ситуации, в которой она находится.

Понятно, что мы можем не просто каким-то образом структурно перераспределять ресурсы в рамках экономической политики, но и задействовать те возможности, которые сейчас существуют. Прежде всего это возможности использования потенциала импортозамещения, причем речь идет о тех направлениях, где у нас уже есть производство, где есть заделы. Вклад этого фактора может быть довольно значимым. Второе — это структурная перестройка расходов по тем направлениям, которые предполагают рост в ближайшей и среднесрочной перспективе.

Как те меры, которые сейчас правительство сформулировало в рамках общенационального плана действий, могут влиять на экономическую динамику и насколько они могут быть эффективны? Во-первых, этот набор целевых индикаторов. Предполагается, что в рамках реализации мероприятий общенационального плана несырьевой экспорт вырастет на 5%, реальная зарплата — на 2,5%. Это все индикаторы на 2021 год. Розничный товарооборот — на 3%, обрабатывающая промышленность — на 3%, инвестиции — на 4,5%, и все это даст прирост ВВП на 2,5%. По нашим оценкам, целевые индикаторы роста ВВП, которые мы видим в плане, чрезмерно скромны. Простая экономическая инерция, даже если ничего не делать, с высокой вероятностью в следующем году даст рост ВВП в районе 2,6–2,8%. И эти 2,5% — недостаточная амбициозность.

По этому плану будет всего примерно 6 крупных направлений поддержки — это социальная поддержка населения, где суммарно около 700 миллиардов рублей запланировано на 2 года; это поддержка занятости — всего около 50 миллиардов; самое крупное направление — это реализация крупных инвестиционных проектов — больше 2 триллионов рублей; поддержка импортозамещения — еще около триллиона; поддержка субъектов Российской Федерации — порядка 350 миллиардов рублей; и последнее — это секторальные меры поддержки. Секторальные меры поддержки охватывают такие виды деятельности, как стройка, здравоохранение, туризм, связь, транспорт и некоторые другие. Ключевые направления первых пяти мер — это три крупных линии: бюджетные инвестиции, государственные закупки, поддержка доходов населения. Эти три направления формируют дополнительный рост ВВП на уровне 2,7 триллиона рублей в следующем году и 2,4 триллиона рублей в 2021 году. Если говорить про секторальные меры поддержки, то их значимость чуть меньше: где-то 400–450 миллиардов долларов в 2020–2021 году они дают.

И каково влияние этих мер поддержки на российскую экономику? В 2020 году мы оцениваем его в 3,1% дополнительного прироста ВВП, а в 2021 — 2,6%. В чем проблемы? Вроде бы этот прирост ВВП дает нам возможность не упасть ниже 5,5% в этом году и, соответственно, иметь рост на уровне 2,5–3% в следующем.

Но если мы внимательно посмотрим на то, что находится внутри плана, то это в большей части те меры поддержки, те направления расходов, которые уже были анонсированы. Если мы посмотрим на инфраструктуру, то это БАМ, Транссиб, это развитие центрального московского узла и ряд проектов автомобильного транспорта. То есть в значительной степени мы видим реформатирование направления средств в рамках государственной программы национальных проектов с некоторым перекосом этих расходов в период 2020–2021 года. И риск состоит в том, что когда мы этот перекосок осуществим, то и в 2021 году, и особенно в 2022 году у нас возникнет разреженное пространство, и вот в тот момент мы можем получить довольно низкий темп экономического роста. Весь фокус экономической дискуссии сейчас должен смещаться в среднесрочную перспективу, и от того, чем она закончится, будут зависеть перспективы развития нашей страны и достижение тех целей развития, которые стоят перед нами, которые ничуть не поменялись за период этого коронакризиса.

Бодрунов: Спасибо большое, Александр Александрович. Должен видеть Руслана Семеновича Гринберга. Пока не вижу. Есть. Руслан Семенович, приветствую Вас и приглашаю Вас к нашей дискуссии. Мы все знаем Руслана Семеновича. Прошу Вас.

Гринберг: Мне нравится всегда, что говорит Александр Широв — такие хорошие цифры. И как однажды сказал покойный академик Ивантер. Я у него спросил: «Виктор Викторович, почему у тебя цифры не совпадают с реальностью?» Он говорит: «А что? Они же нас не слушают». Это самый лучший ответ всех времен и народов, правильный, точный и научный.

А если говорить серьезно, я вообще-то хотел сказать о судьбе бизнеса. Не готовился по общим вопросам российской науки, но мое мнение такое, что наша власть приняла решение особенно не рисковать, как всегда. И это ведет только к тому, что рецессия обеспечена, само собой, будет ли это 5 или 7%, а вот дальше — самое интересное.

Академик Аганбегян часто говорил в последнее время, что из стагнации нет никакого хорошего выхода, таких случаев нет, а вот экономические чудеса происходят, когда страна либо ничего раньше не делала, либо упала в большую яму и оттуда катапультировалась, и пошло дело. Так вот, мне кажется, что у нас почти гарантировано и то, что Александр говорил, — гарантирована стагнация № 2, судя по поведению правительства.

Я их хорошо понимаю. Они не хотят рисковать, потому что инфляционные риски велики. У нас генетическая память такова, что любые деньги, которые кто-либо получает сверх того, что ему надо для жизни, — они идут в доллары или импортные товары, и это продолжается в последние 30 лет. Я не буду говорить, почему это началось, это особый разговор, но эта политика продолжается. И похоже, что мы обречены на стагнацию после рецессии.

Что еще сказать? Я не знаю. Здесь решения лежат, в моем представлении, не в экономической области. Это смена философии, смена идеологии. А похоже, что насчет изменения философии, изменения идеологии и экономической политики нет никаких стремлений у правящего дома.

Теперь я должен сказать о бизнесе. Судьба малого и среднего бизнеса — в последнее время мы в Институте экономики РАН занимались этим, предложили меры — она незавидна. Она всегда была такой, с самого начала нашей великой трансформации. Причем я говорю без иронии «великой трансформации», но все-таки после периода ренессанса предпринимательства, когда ученые стали предпринимателями и было замечательное время, я помню, я был заместителем или, вернее, советником председателя Союза московских кооператоров. Если вы помните, был такой Федоров. Я не знаю, куда он делся. И вот я вспоминаю, когда глаза у людей горели, они хотели новой рыночной экономики, честной, без всяких мухлежей, и это было удивительное время. Но потом оно закончилось, и началась действительно настоящая рыночная экономика, без правил, без институтов, борьба всех против всех. И надо сказать, что приличные люди, которые занимались бизнесом, многие не выжили, многие выжили, но, конечно, не имеют особой роли.

Теперь мы дошли до такого состояния, когда, как я это называю, действует правило двойной имитации: власть имитирует успехи как может, но она и должна этим заниматься, а успешный бизнес имитирует неудачи, чтобы никто не знал про твои удачи, особенно если у тебя нет покровителей в государстве. И это все ведет к тому, что у нас в стране уже меньше 20% занимает малый бизнес, и взаимное недоверие, по-моему, сейчас просто обостряется. Поддержка действительно есть, правда, носит характер не прямой, а косвенный (переносятся выплаты налогов, которые надо получить, а выручки нет). Перспективы для малого бизнеса, по-моему, не очень хорошие. Только 13% предпринимателей, как последние опросы показывают, по-моему, это были данные Бориса Титова, — довольны теми мероприятиями, которые направлены на малый и средний бизнес.

Но самое главное, что я хочу сказать: на самом деле постоянная грусть наших экономистов, социологов в том, что у нас малая доля МСП в валовом внутреннем продукте обусловлена просто тем, что у нас у нас большой бизнес не диверсифицирован. В этом все дело. Поэтому доля МСП такая маленькая. Но это не говорит о том, что нет людей, которые хотели бы реализовать свой дух предпринимательства, хотя все равно будет оставаться большая разница между Западом и нами в низкой инновационной деятельности. По-моему, в шесть раз ниже у нас у малого и среднего бизнеса инновационная деятельность. Но опять-таки это связано с тем, что у нас нет большого диверсифицированного бизнеса, который делал бы заказы для малого.

Мои друзья — хорошие экономисты говорят: «Ты правильно говоришь, что нужны прямые выплаты для работодателей, а работодателям нечего и давать». А почему нечего давать работодателям? Потому что наша экономика примитивная, она неправильная. Такая логика: если мы будем давать деньги бизнесменам, то они просто восстановят ту же структуру, которая была до пандемии.

Я и наш институт подготовил определенные предложения. Просто их перечислю. Налоговые льготы нужно давать крупным фирмам, которые кооперируют с малыми и средними предприятиями, чтобы поддержать последние ростки инновационной деятельности. И мне кажется, важно провести ревизию собственности, поскольку большая катастрофа с выплатой аренды. Еще много государственных предприятий, государственных активов, которые можно было бы реализовать на льготных условиях и предоставить их малому и среднему бизнесу.

Бодрунов: Спасибо большое, Руслан Семенович. Учитывая, что Вы собираетесь покинуть нас несколько раньше, я сейчас сделаю небольшую ремарку к Вашему выступлению, если позволите. Я как раз полностью поддерживаю идею насчет того, что необходимо поддерживать не только, как Вы говорите, работодателей, но и работников. И я совершенно не согласен с тем, что эти деньги в российской традиции пойдут на восстановление старого бизнеса. Я когда-то выступал, помните, у Вас в Институте экономики, и одна дама сказала, что я говорю про индустриализацию в виде восстановления на полях советских тракторов.

Нет, я не такой индустриализации хотел, я хотел высокотехнологичной, новой индустриализации. И вот об этом речь идет. И сегодня предприниматель прекрасно понимает, что ему нужно в этих сегодняшних условиях, в этом сегодняшнем мире и куда направлять инвестиции. Мне кажется, у нас большая недооценка предпринимателя. Дураков там, честно говоря, практически нет. Все люди умные и понимают, что деньги нужно инвестировать и как их нужно сохранять. Поэтому в этом плане я хотел бы, чтобы свою оценку этой ситуации дал Александр Васильевич Мурычев.

Мурычев: Конечно, я со многими выводами коллег согласен, но был бы более осторожен в оценках того, какой рост у нас будет в 2021 году. 2,5% действительно в общенациональном плане фигурируют. Но у меня очень большие сомнения, что мы достигнем таких показателей. Мы с вами по 2019 году имели совсем благостную картину — рост ВВП мы имели с вами 1,3%. Руслан Семенович сказал, и я с ним согласен, что власть сейчас пока не шибко стремится менять свою идеологию, политику, потому что так, как мы работали, конечно, уже работать нельзя, я совершенно согласен, но я бы тут добавил, что власть уже должна начинать играть в долгую. Почему? Потому что ситуация — очень и очень печально развивается, прежде всего для среднего, малого предпринимательства, индивидуального предпринимательства, очевидно, но и для крупного бизнеса. Мы недавно проводили Координационный совет, Международный совет по сотрудничеству и инвестициям, где и крупный бизнес тоже выступал. Конечно, ситуация явно развивается в очень катастрофическом режиме. Тут главная проблема заключается в том, что разрываются цепочки, многолетние кооперационные связи. Есть поддержка крупного системообразующего бизнеса, но нет поддержки дочерним структурам, нет поддержки тем, кто поставляет комплектующие и так далее. Поэтому здесь, очевидно, если уж поддерживать, нужно поддерживать всю цепочку производства с тем, чтобы добиться хоть какого-то результата.

Мы получаем двойной удар: у нас и спрос отсутствует, и предложение отсутствует, плюс резкое падение доходов. Совершенно иной кризис. Помните, 2008 год, предыдущие годы — 2004, 1998 год — все шло в основном от банков. Сейчас кризис идет не от банков, не от экономики, а от такой заразы, как пандемия, COVID-19. Поэтому мы имеем дело с чрезвычайно, я бы сказал, непредсказуемым контрагентом, который, конечно же, может преподнести и вторую волну, и третью волну.

Поэтому когда мы в РСПП оцениваем ситуацию, как дальше будет развиваться ситуация, мы исходим из того, что мы не знаем ничего, потому что мы не знаем, как будет развиваться ситуация — V-образно, W-образно, L-образно. На мой взгляд, будет L-образная ситуация, она будет развиваться именно по сценарию, который предполагает, что экономика длительное время будет находиться в депрессивном состоянии, минимум 2–3 года. Если не предпринимать никаких действительно, как сказал Руслан Семенович, новых идеологических бизнес-экономических подходов к решению проблем. Поэтому, когда я начал говорить о том, что власть должна начать играть в долгую, я прежде всего имел в виду, что все те меры, которые сейчас предпринимались — они важны с точки зрения отсрочек, рефинансирования, субсидий, на полгода, на три месяца, освобождение от налогов, но это никак не решает системные задачи.

Мы сейчас получаем письма от промышленности. Нельзя сказать, что это крупные системообразующие предприятия. Это нормальные, средние предприятия, которые работают в регионах, которые десятилетиями производят какой-то продукт, очень нужный для нашей экономики и населения, но они сейчас находятся в режиме риска полного прекращения производственно-хозяйственной деятельности из-за отсутствия оборотных средств. То есть оборотных средств уже практически нету. Мы получаем письма, чтобы этот вопрос ставить уже перед высшими руководителями страны, чтобы было понимание, в каком положении сейчас находится промышленность. Это прежде всего гражданские отрасли, конечно, я имею в виду, которые не входят в число системообразующих и пострадавших отраслей.

Когда, Сергей Дмитриевич, Вы начали говорить о том, что ОКВЭД явно не выражает общую ситуацию, и если говорить по ОКВЭДу, конечно, этот подход не конструктивен, потому что вид деятельности предприятий совершенно не входит в виды экономической деятельности, которые заложены в уставах, положениях, экономической деятель-

ности того же малого предприятия. Поэтому, конечно же, нужен механизм поддержки юридических лиц, всех форм собственности и индивидуального предпринимательства в виде беспроцентных ссуд сроком до трех лет в размере налогов, сборов и страховых взносов, уплаченных этими добросовестными организациями за 2019 год. Я подчеркиваю: добросовестными организациями. Не направо и налево раскидывать деньги, а тем, кто добросовестно работал и платил налоги, вот эти налоги должны быть источником пополнения оборотных средств, операционной деятельности, выплаты зарплат, в том числе и уплаты налогов в будущем 2020 году, 2021 году, с тем, чтобы предприятия начали работать и не теряли рабочих мест, не деградировали. Если эту ситуацию растянуть на 3–4 месяца, то понятно, что мы перейдем к общей деградации. Главное, что здесь нужно предусмотреть: нужны уполномоченные банки, нужны спецсчета и нужен жесткий контроль за целевым расходованием этих средств именно на поддержку операционной деятельности и выплату зарплат людям, которые там работают.

Завершая свое выступление, я хотел бы сказать, что важно сейчас открыть программы финансирования кредитов специальными правительственными агентствами за счет госсубсидий или в виде госгарантий. Нужен рынок длинных денег, так называемых бессрочных облигаций. Мы предложили общенациональный план, он там присутствует. Нормативное регулирование, конечно, здесь нужно будет создать для учета таких бумаг в портфелях, но тем не менее инвестиционные деньги, длинные деньги сейчас крайне необходимы с тем, чтобы экономика заработала, а не стагнировала. Поэтому, завершая, коллеги, выступление, я хотел бы сказать с большой осторожностью, что у нас ситуация пока идет по очень негативному сценарию.

Бодрунов: Спасибо большое, Александр Васильевич. Я в какой-то мере разделяю Ваши опасения, потому что я контактирую с большим количеством предпринимателей из разных секторов экономики, и настроение далеко не радужное, к сожалению. Особенно это связано с тем, что предприятия крупного бизнеса, которые, казалось бы, должны в первую очередь иметь поддержку государства, на самом деле такой поддержки реально пока не получили. И в этом плане те общие цифры, которые есть в плане правительства, — эти цифры не коррелируются с теми настроениями, которые есть у предпринимателей, и теми ожиданиями, которые есть у предпринимателей. Я могу сказать, что в данный момент я нахожусь в Великобритании в деловой поездке, несмотря на все эти наши ковиды и прочие вещи, и контактировал с предпринимательским составом бук-

вально два дня назад. Что мне поясняют? Что значительная часть их сотрудников, находясь дома в режиме самоизоляции, удаленности и так далее, 80% заработной платы получает из бюджета Великобритании, а 20% платит предприниматель. И это просто по заявке. Записал, что Сидоров будет находиться дома, и все; подал список, подал реквизиты, и люди получают зарплату. Это, я так понимаю, более-менее действенная мера поддержки на тот период, когда государством объявлены ограничения на трудовую и предпринимательскую деятельность в определенной ситуации.

Мне кажется, что мы могли бы подумать о предпринимателе, который работает не только в малом бизнесе, но и в крупном, потому что, если не будет крупного бизнеса, малому бизнесу делать будет по большому счету нечего. Вот в этом плане я думаю, что основным мотором все-таки должен быть в нашей экономике не малый бизнес, если мы говорим о бизнесе, а средний и более крупный бизнес. Его нужно поддерживать очень серьезными, значительными мерами и в то же время, конечно, не забывать о малом бизнесе, и об этом сегодня тоже еще поговорим.

Я хотел бы предоставить слово еще одному представителю делового сообщества — Кириллу Михайловичу Никитину.

Никитин: Я свое короткое выступление посвящаю налоговой политике, то есть буду в сфере своего профессионального интереса и ответственности в «Деловой России», и я попытаюсь в ходе выступления в первую очередь абстрагироваться от собственных интересов как владельца небольшой консультационной компании, которая естественным образом не попала в список пострадавших отраслей, как и весь консалтинг, не говоря уж, естественно, о системообразующих предприятиях. Я попытаюсь изложить экспертную позицию, которая исходит из того, что хотелось бы, конечно, помочь всем по максимуму, но при этом денег на поддержку всех по максимуму никаких не хватит, в том числе и резервов, которые были сформированы за предыдущие удачные, успешные, более или менее успешные годы. В частности, у ФНБ, у правительства и президента, очевидно, были другие планы, и отказываться от этих планов, похоже, пока особого желания нет. И это представление о том, что какие-то резервы должны остаться на черный день с представлением бизнеса о том, что черный день уже наступил, пока не согласуется.

Объявленные на федеральном и региональном уровне меры поддержки в целом, я сказал бы, понятны, и критерии для их получения прописаны в нормативно-правовых актах, как правило, достаточно четко, поэтому вопросов к доступности объявленных мер поддержки субъектов

предпринимательства, на которых они рассчитаны, я думаю, в целом быть не должно. Да, мы видели в течение первой недели задержки с механизмами на уровне банков. Мы наблюдаем на практике, что зачастую меры, объявленные во втором пакете, начинают действовать к тому моменту, когда появляется третий пакет. Это касается не только федеральных, но и региональных мер поддержки, которые в целом ряде регионов достаточно активно разрабатываются и действуют. Но при всем этом я бы, наверное, начиная с тактики, отметил, что, конечно, есть ряд технических проблем с дизайном этих мер поддержки. Мы понимаем, что меры, например, рассчитанные на субъекты малого и среднего предпринимательства, которые сегодня так активно обсуждались, связываются с тем, что реестр субъектов малого предпринимательства обновляется раз в год 10 августа. Если предприятие соответствует всем критериям на 1 марта, как это там, собственно говоря, предполагалось, но не присутствует в реестре, то в реестре получателей помощи оно оказаться не может.

Проблему ОКВЭД, я думаю, мы тоже все активно обсуждали. Я бы, конечно, хотел сказать, что, дай бог, в будущем при регистрации бухгалтера и юристы начнут более корректно проставлять ОКВЭДы, но на данный момент, конечно, полагаться на механизм ОКВЭДов как на механизм отнесения отрасли к пострадавшим или нет. Это, конечно, совершенная профанация, она фактически лишает меры поддержки адресности в полном объеме. Кто-то угадал, кто-то не угадал, кто-то попал по первому ОКВЭДу в поддерживаемые отрасли при том, что не занимается никакой деятельностью на самом деле по этому ОКВЭДу, кто-то занимается деятельностью по ОКВЭДу, но, условно, говоря ОКВЭД стоит вторым. И с этой точки зрения нужно, наверное, поддержать предложение Минэка по возможности уточнения, по крайней мере, своих ОКВЭДов, хотя непонятно, не будет ли это предметом для манипуляций.

Дальше что я хотел бы сказать? Что из тактических мер поддержки в области налоговой политики отсутствует очевидным образом одна мера, которая приходит, наверное, в голову всем. Все, понятно, сейчас думают об оборотных средствах. Мы видим, что в стране полностью приостановлен инвестиционный процесс. Мы видим это в том числе по статистике банков, которые перестали выдавать кредиты на инвестиционные цели, и перестали выдавать не потому, что банки отказывают, а даже предодобренные кредиты заемщики не берут, сейчас никто не рискует заниматься инвестициями. С учетом того, что мы, в принципе, не преуспели в процессе стимулирования инвестиций за последние годы, сейчас, конечно, удар по инвестиционному процессу нанесен огромный.

Но в этой связи крайне удивительно, например, что до конца 2021 года продлена норма об ограничении переноса убытков на следующие периоды. То есть очевидно, что огромная часть бизнеса сформирует убытки, за исключением редких счастливиц, которые оказались на волне спроса на маски, на поставки аппаратов искусственной вентиляции, средств защиты и так далее. Но у большей части экономики убытки будут, и убытки эти на самом деле нужно дать в полном объеме зачитывать против прибыли и 2020 года, и 2021 года. Более того, мы знаем, что есть механизмы и более сложные — возможность зачитывать текущие убытки против прибылей и налогов на прибыль, которые были заплачены в прошлом году.

Поскольку у меня осталась одна минута, я не буду перечислять прочие конкретные идеи для мер поддержки. Я регулярно доношу это и до федеральных, и до региональных властей. Я сказал бы, что в течение кризиса нам нужно на самом деле не забывать о стратегических задачах, то есть то, что мы делаем в рамках кризиса, не должно противоречить стратегическим задачам. Мы же совершаем действия, которые им противоречат. Мы продолжаем разрушать страховой характер и накопительный характер пенсионной системы. Я приведу вам простой пример: когда мы снижаем ставки для малого бизнеса до 15%, то мы практически создаем ситуацию, при которой пенсионные права для сотрудников малого и среднего бизнеса будут формироваться за счет сотрудников крупного бизнеса. Той же самой цели нужно было достигать в отношении механизма бюджетного софинансирования в формировании этих пенсионных прав в отношении сотрудников МСП, в отношении сотрудников минфиновских учреждений и так далее. Это первое.

Вторая вещь: нам нужно приступить к более глубокому обдумыванию мер для стимулирования инвестиционного процесса. Я хотел бы полностью согласиться с мнением коллеги из РСПП о том, что нам нужно поддерживать тот круг предприятий, которые налоги платили, платят и будут продолжать платить. Когда мы видим театральные стенания отдельных представителей бизнеса, про которых или индивидуально, или секторально известно, что эти отрасли не платили налоги, не платят налоги и не будут платить налоги никогда, представляют собой конгломерат упрощенцев, условно говоря, то хочется сказать, что по большому счету деньги, которыми поддерживают бизнес, — это деньги, заплаченные в бюджет в виде налогов, более того, они уже потрачены. Но, по крайней мере, давайте поддерживать в тех объемах, кто в этих объемах платил налоги в бюджет.

И последние две вещи, которые я хотел бы сказать. Конечно, хотелось бы обойтись именно в этот момент без несвоевременных действий. Это касается и крайне несвоевременного объявления НДС по банковским депозитам, это касается и разрушения сети договоров об устранении двойного налогообложения, это касается и достаточно странных свежих предложений Минфина об увеличении налоговой нагрузки на угольную отрасль и на производителей сырья для минеральных удобрений. Главное, что в этих предложениях интересно, — это не те отрасли, которые есть в списке на увеличение налоговой нагрузки.

И последнее: я надеюсь, выбирая меры поддержки, налоговой, бюджетной и так далее, будем ориентироваться на данные межотраслевых балансов, данные мультипликаторов и влияние этих мер поддержки и на ВРП, на ВВП, и на занятость, и на бюджетные мультипликаторы. И я надеюсь, помимо всего прочего, что в какой-то момент на повестку налоговой политики встанет вопрос о резком снижении зависимости российской экономики, российского производства от поставки комплектующих из Китая. Речь идет и о целевых программах импортозамещения комплектующих из Китая. Мы видим, что на самом деле мы оказались в дичайшей зависимости от нашего соседа. И при этом, когда мы боролись за дефицитные производственные мощности у нашего соседа в отношении тех же самых средств защиты, масок и так далее и тому подобное, то мы явным образом оказались не в первых рядах борьбы за эти дефицитные мощности. Вывод из этого один: зависимость от китайской экономики нашей экономики нужно резким образом сокращать.

Бодрунов: Спасибо большое, Кирилл Михайлович. Я хотел бы предоставить слово Владимиру Владимировичу Гутенёву, первому заместителю председателя комитета Государственной Думы Российской Федерации по экономической политике, промышленности, инновационному развитию и предпринимательству, он же и первый вице-президент Союза машиностроителей России. Еще одно крупнейшее предпринимательское объединение. Прошу Вас, Владимир Владимирович.

Гутенёв: Уважаемые коллеги, я хотел бы все-таки несколько ретроспективно посмотреть, где мы находились перед этим идеальным штормом, потому что, в принципе, общая ситуация к марту нынешнего года была не самая благоприятная. С одной стороны, мы видели консерватив-

ную политику Центробанка, которая выражалась в том числе и в запаздывании по снижению учетной ставки по отношению к другим центральным банкам, с другой — низкую эффективность реализации национальных проектов. И тогда возникает вопрос, в чем смысл консолидации ресурсов и увеличения ряда налогов, допустим налога на добавленную стоимость, если эффективность невысокая? К этому можно добавить инерционность экономического блока правительства и, конечно же, накопившиеся структурные проблемы внутри нашей страны. Но все это, к сожалению, усугублялось достаточно серьезной политикой сдерживания со стороны внешних сил. Понятно, это и инфраструктурные энергетические проекты, это, к сожалению, и те сферы, где раньше мы не сталкивались с таким жестким давлением — это военно-техническое сотрудничество. Попытки срыва уже заключенных контрактов, препятствия заключению новых контрактов, то есть здесь тоже был целый ряд проблем.

И поэтому определенные надежды сообщество возлагало на тот Госсовет, посвященный промышленности, который должен был состояться весной нынешнего года. Рабочая группа, которую возглавлял Алексей Демин, провела довольно большую работу, и был финальный февральский свод, где вместе с Денисом Валентиновичем Мантуровым мы проанализировали, какие мы уже смогли внести изменения, выравнивая и устраняя дискриминацию ряда отечественных отраслевых производителей, в частности, одну линию НДС по авиастроению, ряд других инициатив и тех знаковых вещей, которые должны были кардинальным образом изменить экономический ландшафт страны. Это как раз тот вариант, когда количество изменений переходит в качество.

Нам были необходимы качественные изменения. И были разработаны 20 проектов, 24 поручения президента, которые должны были внести очень серьезные изменения в общий экономический ландшафт. Было ощущение, что и новое правительство готово к динамичным изменениям и имело желание, я надеюсь, и сейчас имеет желание продемонстрировать собственную состоятельность в тех жестких рамках, в которые загнал нас идеальный шторм. Я не стал бы демонизировать только проблему COVIDa. Наложилась и нефтяная проблема, хотя сейчас идет какой-то отыгрыш, и сдерживание развития Китая, и не самая удачная практика ЦБ размещения юаня в части резерва, теперь и Минфин говорит о том, что он допускает для себя это. Мы понимаем, что ответ Китая в условиях сдерживания его экономики — это возможная девальвация юаня — не хотелось бы терять деньги.

В целом был разработан новый набор предложений рядом общественных организаций. Причем я разделил бы их на две категории: первая — это там, где мы просим ресурсы и какие-то возможности, и там, где мы просто просим оставить и сохранить инвестиционные программы, сформированные крупнейшими игроками, под которыми — огромная сеть кооперации. К примеру, инвестпрограмма РАО «РЖД» в случае ее изменения привела бы к фатальным последствиям для локомотивостроения, вагоностроения, и, понятно, их смежников. Поэтому направленные президенту предложения нашли свое воплощение уже в целом ряде его поручений. Президент провел совещание по авиастроению, и мы видим, что наряду со сдвижкой влево, то есть в более ранние сроки, заказа на военную технику достигнута договоренность о поставке 60 вертолетов для санавиации. Это хорошая новость. Выделено 23 миллиарда рублей для импортозамещения по суперджету «Сухой». Большая субсидия выделена на устранение плохой задолженности в Объединенной авиационной корпорации. Это только по авиации.

Аналогично — по автомобилестроению был принят ряд мер. К сожалению, эффективность пока не кажется нам удовлетворительной. Увеличены объемы субсидирования по закону № 1432 — это производители сельхозтехники — «Ростсельмаш» и прочие структуры. И конечно же, не может не радовать, как быстро смещается фокус в Фонд развития промышленности Минпромторга, три последних заседания которого были посвящены в основном фармацевтической тематике, различных дезинфектантов, масок и прочего. То есть, в принципе, реакция не текущие вызовы весьма и весьма неплохая, но опять же речь должна идти о системных изменениях.

Конечно, нужно поддерживать системообразующие отрасли, но упор надо делать на высокомаржинальные, высокотехнологичные направления, где существует большой потенциал импортозамещения. В связи с этим, я считаю, необходимо пересмотреть политику Центробанка в части учетной ставки, и есть возможность продемонстрировать это, 19 июня будет очередное заседание совета директоров. Во многих странах ставка близка к нулевой, в некоторых странах она вообще отрицательная. Снижение нагрузки на бизнес — или сокращать налоги, или повышать эффективность нацпроектов. Преференции производителям высокотехнической продукции и проектам по импортозамещению. И конечно, надо пересмотреть инвестиционные проекты по ТЭКу и сырьевым направлениям и избавляться от незавершенки как от тяжелого бремени.

Я считаю, что мы вполне можем рассматривать дефицитный бюджет и некую эмиссию. Нам необходимо стимулировать внутренний спрос и, соответственно, рост потребления со стороны граждан. Но это не отменяет задачи радикальных изменений экономического ландшафта, потому что существующая ситуация не позволит расти необходимыми темпами.

Бодрунов: Спасибо большое, уважаемый Владимир Владимирович. Это действительно очень деловые, четкие предложения и идеи. Я хотел бы предоставить слово Сергею Вячеславовичу Калашникову.

Калашников: Коллеги, ситуация с коронавирусом, с падением цен на нефть просто ускорила, на мой взгляд, те экономические процессы, которые начались 15–20 лет назад, связанные с новым технологическим укладом. И мы сейчас все пытаемся восстановить экономику по тем старым, на мой взгляд, лекалам, которые уже доказали свою неэффективность. То есть, другими словами, мне кажется, что мы все считаем: сейчас поставим точку с коронавирусом, немножко поднимется стоимость нефти — и все будет так, как было в 2019-м, 2018-м и предыдущие годы.

Что заставляет думать о том, что так не будет? Заставляет думать об этом следующее. Во-первых, конечно же, не 2,4% ВВП в 2021 году, а неопределенное падение до 10% ВВП, как прогнозируют международные эксперты — это то, что ожидает нас в ближайшие, по крайней мере, 2–3 года. Естественно, что такое резкое падение производства, ВВП, закрытие бизнесов приведет к тому, что у нас придется, по сути дела, как и в начале 90-х, строить свою экономику с полного нуля, причем совершенно в новых, неведомых нам условиях.

Я приведу пример с малым бизнесом, о котором мы здесь много говорили. Кстати, я думаю, что малый бизнес выживет, восстановится и начнет развиваться. Другое дело, что он уже не будет развиваться так, как развивался в последние 30 лет. Но он будет развиваться, наверное, как-то по-другому, используя новые технологии, новые ниши. Он действительно по своему определению как вода, которая заполняет любые ниши, так и малый бизнес проникнет везде.

Вопрос заключается в другом — а будут ли созданы условия для малого бизнеса? Если мы не откажемся от жесткого регулирования малого бизнеса (а ведь малому бизнесу нужно одно — только стабильность), то я думаю, что здесь будут затруннены возможности его развития.

Второй момент: мы считаем, что деньгами можно кому-то помочь. Наверное, тем, у кого нет денег на еду, на элементарную жизнь, помочь не только можно, но и нужно, потому что это наши социальные обязательства. Но при этом нужно понимать, что выполнение социальных обязательств не является локомотивом экономики. А что значит залить экономику деньгами? Самый простой вариант — поднятие потребительского спроса. Но если мы даже дадим деньги для повышения потребительского спроса, весь этот потребительский спрос уйдет на импортные товары, потому что основная масса товаров на сегодняшний день все-таки идет из-за рубежа. Вопрос: поднимет ли это нашу экономику, если мы не обеспечим удовлетворение отечественной промышленностью наш потребительский спрос?

Мне кажется, что мы сейчас стоим на пороге структурных изменений. Вернее, скажем так: мы стоим на пороге необходимости структурных изменений. Я, например, совершенно согласен с Русланом Семеновичем, который сказал, что решение экономических проблем сегодня лежит в политической плоскости. А политическая плоскость — это не проблема власти, не проблема соответствующих политических сил. Это значит — сможем ли мы отказаться от старых догм и исправить накопившиеся ошибки или будем воссоздавать ту систему, которая с 2012 года уже демонстрирует нам свою неэффективность. И это прежде всего финансово-кредитная система, валютное регулирование, все, что связано со стимулированием производительности труда. Хотя об этом же никто ничего не говорит, но без этого проблему не решить.

Я на этом закончу, потому что уходить в конкретные детали: уже столько раз сказано и столько написано... Я просто хочу сказать, что мы стоим на пороге или обвального падения, или отказа от многих мифов, с которыми мы жили в последние 20 лет.

Бодрунов: Спасибо большое, Сергей Вячеславович. Я думаю, что многие идеи, которые Вы высказали, наверное, в душе осознают все. Вы в своем выступлении упомянули проблемы малого бизнеса и о том, как он будет чувствовать себя. Я хотел бы сейчас вне очереди дать слово представителю малого бизнеса — Владиславу Леонтьевичу Корочкину, первому вице-президенту «Опоры России».

Корочкин: Коллеги, я начну, наверное, с самочувствия малого бизнеса, которое мы недавно попытались в очередной раз замерить с помощью опроса по принципу индекса «Опоры» RSBI, который показал, что на конец апреля 80% опрошенных ощущают уменьшение спроса, 36% считают возможным закрытие своих компаний, 35% уже сократили штат тем или иным способом, 15% приняли решение о возможном закрытии компании в ближайшее время, 4% приняли его окончательно, 11% еще ожидают, как будут формироваться спрос и поступления в ближайшее время.

Поэтому, действительно, ситуация достаточно напряженная. Некоторые представители МСП уже готовы идти и пикетировать областное Министерство экономики (только что получил сообщение), потому что жить не на что реально. Ситуация такова.

С точки зрения помощи надо сказать, что в последние дни помощь реально начинает поступать. И прежде всего мы говорим о субсидиях на выплату сотрудникам тех предприятий, которые не сократили свои штаты. Достаточно много примеров, когда поступают деньги более-менее в автоматическом режиме, и это является достаточно серьезным подспорьем для компаний, которые хотят выжить, хотят дожидаться открытия.

Если же говорить по поводу каких-то более фундаментальных вещей и стратегии, то, наверно, кризис — это хорошее время для того, чтобы попытаться реализовать то, что не давали по разным причинам реализовать на предыдущих этапах.

Если мы говорим про налоговую реформу, я не очень понимаю, почему мы не говорим про реформу НДС в принципе. Если мы социальное государство, давайте не будем брать налог на доходы с наиболее бедных, с нищих, которым не хватает денег сегодня на покупку продуктов, просто не хватает. По-моему, больше 20%, по опросам, заявляют, что у них не хватает денег на покупку продуктов сегодня. И все-таки мы идем в прогрессивную шкалу НДС, как это предполагалось в тот момент, когда вводилась плоская шкала. Разговоры о том, что это администрировать невозможно, сейчас, наверно, немножко не о том. Я уверен, что Федеральная налоговая служба сможет нормально администрировать такие налоги. Это ни к чему не приведет с точки зрения выпадения суммарного бюджета. Это одновременно привело бы к повышению платежеспособного спроса на 13% и имело бы самые благоприятные социально-политические последствия.

Второй момент: очень важно, что в национальном плане, который сегодня премьер-министр доложил президенту, отражено очень много пожеланий и предложений бизнес-объединений, в том числе и наших. Из последнего то, что туда вошло, — это снижение до 7% НДС с 2021 года для туристической отрасли, которая стоит третий месяц и в которой рентабельность в принципе не очень высокая; это компенсация затрат на обеспечение санитарно-эпидемиологического состояния малых и средних компаний (насчет крупных пока не понимаю до конца); и, возможно, продление некоторых вещей, связанных с торговлей, в частности, это продление всех договоров, которые действовали до начала пандемии.

Еще один момент, который с точки зрения стратегии стоило бы обсудить, он связан, кстати, непосредственно со взаимоотношениями арендатор — арендодатель, который много обсуждался на всех площадках в последнее время — это кадастровая стоимость. То, о чем говорят бизнес-объединения — это и «Деловая Россия», и «Опора России», и часть профессионального сообщества, — изменение понятия «кадастровая стоимость». Это понятие, как мы видим, в условиях кризиса полностью потеряло значение рыночной стоимости имущества, которым владеют те или иные компании, но сохранило свое значение с точки зрения налоговой базы. И те многочисленные ошибки и несоответствия установленной стоимости, которые были ликвидированы в течение нескольких лет, тоже показывают несовершенство определения самого понятия. И, соответственно, мы и «Деловая Россия» предлагаем в качестве кадастровой стоимости обозначить публичную оферту государства по выкупу данного имущества в случае, если оно выставляется в продажу, для последующей реализации на рынке.

Еще один важный момент, с нашей точки зрения, он ложится в общую канву снижения издержек малого и среднего бизнеса, о которой мы говорим постоянно, — это отмена или перенос срока введения обязательной маркировки. Система сегодня полностью не готова, вызывает очень большие вопросы и очень большие затраты. В частности, например, по молоку, по молочным продуктам совершенно понятно, что она просто не нужна, поскольку уже действующая система «Меркурий» решает все вопросы в принципе. И по расчетам, которые мы сделали вместе с профессиональным сообществом, введение этой маркировки в целом — это самый дорогой проект в истории в принципе. Он потребует примерно полутора триллионов рублей от российского бизнеса. По молоку одномоментно 61 миллиард рублей, и потом еще затраты по 30 миллиардов рублей потребуются ежегодно. Соответственно, это можно отложить или отменить, и это нужно делать сейчас.

Бодрунов: Очень важные, действительно, очень конкретные предложения, которые, наверное, войдут в наш окончательный перечень предложений по мероприятиям правительства. Слово предоставляется Борису Борисовичу Рыбаку, заместителю председателя общественного совета «Аэрофлота».

Рыбак: Коснусь области, в которой, как считается, я разбираюсь — это транспорт.

Во-первых, я очень, очень и очень согласен с мнением многих выступающих, в частности с мнением Александра Васильевича, и представителей предпринимательских организаций в оценке ситуации.

Что касается транспорта, он сегодня разделился на два принципиально разных сектора: если грузовые перевозки показывают довольно внушительное падение практически по всем секторам от 15 до 20% и как-то еще живут, то пассажирский транспорт у нас в стране умер. Здесь ничего нового нет, это происходит повсеместно, по всей планете. И здесь очень интересная ситуация, потому что нет никаких шансов на то, что пассажирский транспорт в существующем виде переживет эту катастрофу, я абсолютно в этом уверен.

И здесь я совершенно согласен с мнением одного из предыдущих ораторов — господина Калашникова о том, что говорить надо не о восстановлении, а о том, что после кризиса, который имеет неопределенный срок, придется строить все заново, и для пассажирского транспорта это фундаментально важная вещь. То есть совершенно понятно, что никакого восстановления пассажирских перевозок до изобретения вакцины не будет, а вот что будет после изобретения вакцины — пока неопределенно. Но очевидно, что это будет создание системы заново. В том виде, как она существует, к ней было очень много нареканий до наступления эпидемии — естественно, все это поменяется. Каким образом — мы увидим. Сегодня предполагать крайне сложно. Многочисленные консультанты пытаются рисовать какие-то картины, которые не выдерживают абсолютно никакой критики. Поэтому будет очень интересно. Мы все любим путешествовать, человечество любит путешествовать, и миллиарды людей до эпидемии перемещались по миру, и я надеюсь, что все это восстановится, но каким образом — сегодня сказать совершенно точно невозможно.

В связи с этим возникает интереснейшая ситуация, которая касается и малого, и среднего бизнеса. Я сам являюсь представителем этого сектора. Из четырех компаний, где я являюсь учредителем, две попали в список пострадавших.

Мы все, естественно, пострадали, потому что мы все связаны с транспортом. И я хочу сказать, отвечая на вопрос конференции, что очевидно большая часть малого бизнеса уже умерла, будет продолжать умирать и к осени, очевидно, исчезнет полностью; средний бизнес продолжит эту тенденцию. Но, как справедливо было замечено, будучи очень мобильным, изобретательным и живучим, он прорастет. Он снова прорастет в каких-то других формах, в других ипостасях. И я думаю, что предпринимательский дух даже в нашей стране невозможно убить.

Но здесь один очень важный момент, который касается и больших частных компаний, и, естественно, малого и среднего бизнеса. Волна банкротств, которая очевидно к осени накроет весь транспортный сектор, все, что с ним связано, создает ситуацию, когда огромное количество предпринимателей окажется под угрозой уголовного преследования, те люди, которые не успеют сократить свой персонал. Тебе предлагают 10 000 рублей под обязательство не увольнять 90% сотрудников, эти 10 000 рублей — что мертвому припарка. У тебя, естественно, есть налоговая нагрузка, потому что мы говорим о предприятиях, которые платили и будут платить налоги.

Короче, опуская эти ненужные рассуждения, вы все прекрасно понимаете, вы все экономисты. Я бы очень хотел, чтобы этот вопрос где-то прозвучал: освобождение от уголовной ответственности и ответственности собственным имуществом предпринимателям, которые окажутся не в состоянии выполнять свои обязательства, — это, конечно, реально очень важно. Среди этих предпринимателей очень много хороших, предприимчивых, честных, замечательных людей. И если они сейчас окажутся под угрозой, это будет очень плохо для последующего восстановления, потому что это в определенном смысле человеческий капитал, из которого после пандемии бизнесы будут прорастать.

Бодрунов: Спасибо большое, уважаемый Борис Борисович. Очень важная вещь, которую я хотел бы прямо по ходу подчеркнуть, — эта самая уголовная ответственность, о которой никто сегодня пока не говорил и многие не понимают, не работая в реальном секторе экономики. На самом деле существует четкая ответственность, вплоть до уголовной, за невыплату заработной платы, задержку заработной платы и так далее. И в то же время те меры, которые предлагаются для сохранения персонала, — на самом деле это очень слабый паллиатив и на самом деле не решает проблему для тех, у кого проблема уже возникла. А таких проблем не только в малом бизнесе — и в крупном,

и в большом очень много. И понятно, что здесь надо тоже задуматься. Это точно так же, как перенос убытков на следующие периоды и другие меры, которые сегодня абсолютно конкретные, которые не касаются напрямую, может быть, даже экономики, а касаются нашей административной ситуации в стране, изменение различных кодексов, изменение различных подходов и так далее — это все надо учитывать. Учитывать комплексно, системно, иначе будут многочисленные проблемы, потому что наша экономика — это огромный механизм, это часы, так сказать, в которых все шестеренки важны. Если мы какие-то вещи пропустим, мы не получим ни инвестиций, ни развития и подставим под угрозу многое, что мы сегодня обсуждаем, в том числе и выход из этой сложной ситуации.

Слово предоставляется Вадиму Викторовичу Прасову, управляющему партнеру управляющей компании «Альянс Отель Менеджмент».

Прасов: Коллеги, действительно, очень много прозвучало здравых идей и предложений, и я тоже постараюсь кратко изложить свои. У нас удивительным образом вчера произошло такое событие, что вышло 792-е Постановление, которое, возможно, как раз коснется гостиничного бизнеса в части секторальных мер поддержки, потому что до сегодняшнего момента звучали слова по поводу поддержки предприятий МСП, но, как ни странно, примерно половина номерного фонда в российских отелях находится за пределами МСП, и поэтому они, по сути своей, никакой поддержки не получили, о чем мы неоднократно говорили на самых разных уровнях и пытались обратить на это внимание, что это как раз тот самый бизнес, который в последние 10–15 лет проинвестировал достаточно значительные средства в новые качественные средства размещения и который, по сути своей, остался без поддержки. Посмотрим, как сейчас будет развиваться история с 792-м Постановлением, поскольку, по логике, оно должно как раз дать возможность этой секторальной поддержке независимо от кодов ОКВЭД, точнее, с расширением кодов ОКВЭД, относящихся в том числе к гостиничной деятельности, к владельцам гостиничной недвижимости.

Из того, что, конечно, хотелось бы отметить отдельно, — это неразбериха на уровне некоторых рекомендаций, например, того же самого Роспотребнадзора, которые потом ложатся в основу региональных постановлений губернаторов и руководителей правительства регионов и которые, как правило, ужесточают этапы выхода из этой пандемии и приводят к тому, что бизнес, который три месяца находится в очень тяжелом состоянии ввиду фактического отсутствия загрузки и доходов, не может начать принимать гостей, получать хоть какую-то выручку. И мы наблюдаем это повсеместно, практически во всех регионах.

Попытки обращения к Роспотребнадзору (сегодня было совещание под председательством Белоусова), я надеюсь, дадут все-таки какие-то результаты, но на сегодняшний момент ситуация в гостиничном бизнесе катастрофически тяжелая. Плюс продление этих режимов, карантин, наблюдения приводит к тому, что некоторые авиакомпании отказываются от озвученных ранее планов по перелетам.

И отдельно хотелось сказать, что ждем, конечно же, документа от правительства по восстановлению экономики, поскольку, по самой разной информации, туда будет заложена и льготная ставка НДС для туристической отрасли, то, о чем мы говорим уже бесконечное количество лет, и, возможно, все-таки мы увидим туризм одной из отраслей экономики, чего он вполне заслуживает, как показывает практика многих стран. В целом ситуация в отрасли, конечно, тяжелая. Я думаю, что порядка 30% отелей не откроются не то что в ближайшее время, не откроются совсем. Причем самые разные игроки — и маленькие, и средние, и крупные. Здесь тяжелая ситуация затронула всех.

Бодрунов: Спасибо большое. Очень сжато, четко и понятно. Я хотел бы предоставить слово Якову Моисеевичу Миркину.

Миркин: Добрый день, коллеги! Конечно, самые большие риски, которым мы сейчас подвергаем себя, — это попытка восстановления стагнационной модели экономики. Но еще есть риски в связи с тем, что план восстановления и все, что делается в плане поддержки, крутятся вокруг бюджета. Невозможно заниматься восстановлением, не согласовывая политику бюджетную, налоговую с политикой валютной. Возможно, мы сейчас делаем крупную ошибку, вновь получив сильный рубль, который является ограничением для восстановления роста, и не занимаясь снижением процента, большей доступностью кредита, не занимаясь вновь таможенными пошлинами и так далее. Пункт первый — не только бюджет, не только восстановление вокруг бюджета, но и макроэкономическая политика с учетом всех возможных инструментов.

Пункт второй: я бы поставил вопрос о системе управления мерами поддержки. Титов в своем докладе президенту привел очень важные для нас сегодня числа. Реальные расходы, осуществленные на господдержку (это свежие данные), — 500 миллиардов рублей. Мы можем сколько угодно рассуждать о трех процентах валового внутреннего про-

дукта, о том, что будет еще 3%, но сегодня, спустя два месяца этой вакханалии, 500 миллиардов рублей. Только порядка 10% компаний России смогли реально воспользоваться господдержкой. Это действительно проблема управления скоростью того, как поддержка доходит до компаний.

То, о чем сегодня уже говорили: из 161 кода ОКВЭД 95 кодов не включены в список пострадавших отраслей, а на 26 меры поддержки распространяются лишь частично. Это тоже вопрос системы управления, обзора экономического пространства.

Третье: очень важна в этой системе управления хорошо известная вещь — управление по отклонениям. Уже сегодня статистика показывает, где наибольшие провалы. Услуги — между прочим, это 60% валового внутреннего продукта. Провал в апреле — около 40%. На десятки процентов упало машиностроение, производство компьютеров — на 27%, электрическое оборудование — 27%, автотранспорт — минус 60%, производство мебели — минус 25%, одежды — минус 28%, женские платья — минус 65%, древесина — минус 19%, журналы — минус 58%, ввод и строй жилых домов — минус 37%. Все то, что относится к инвестициям. Стекло — минус 42%, фасадная плитка — минус 35%, обои — минус 83%. Мы собираемся строить, мы собираемся продолжать национальные проекты? Производство экскаваторов — минус 55%, и это на самом деле пару сотен штук в месяц, производство бульдозеров — 55 штук в месяц.

Очень важно в системе управления поддержкой очень конкретное, ясное понимание, где провалы, но не только отраслевые, не только по крупным предприятиям, но и региональные. Хорошо известно, что у нас 15–20 регионов — зоны национального бедствия. Я пока не вижу аналитики, в каких регионах происходят самые крупные провалы в местной экономике, и те суммы, которые официально выделялись регионам в помощь их региональным программам поддержки, а такие программы имеют 55–60 регионов, они на самом деле незначительные. Речь идет о нескольких сотнях миллиардов рублей.

В итоге, понимая всю систему мер поддержки, мы еще должны управлять объемами. До сих пор мы много говорили о том, что тот объем мер поддержки, которые выделены, в России где-то чуть больше 3% валового внутреннего продукта. Это гораздо ниже тех 7, 8, до 10% ВВП, которые выделяются, например, в развитых странах. Второе: скорость того, как эти меры доходят, — всего лишь 500 миллиардов рублей, 0,5 триллионов рублей. Меньше 0,5% валового внутреннего продукта реально дошло. И третье: очень важно

в этой системе управления иметь управление именно по отклонениям — отраслевым, региональным, по секторам и так далее.

Вот это очень конкретные вещи, о которых я хотел бы сказать сегодня.

Бодрунов: Спасибо большое, Яков Моисеевич. Действительно, очень конкретные вещи. Я думаю, что сейчас нас дополнительно просветит по этому поводу известный российский экономист, ведущий эксперт Центра политических технологий Никита Иванович Масленников.

Масленников: Во-первых, уважаемые коллеги, всем хорошего здоровья. Это первое. Второе: ход сегодняшнего нашего обсуждения заставил меня припомнить один из афоризмов Виктора Степановича Черномырдина, который, как припоминаю, звучал примерно так: никогда такого не было, и вот опять. Никогда не было коронавируса, никогда, пожалуй, не было такого месячного одномоментного жесткого макрокризиса, никогда не было в то же время и такой сегодня наблюдаемой интенсивности диалога между бизнесом и государством. Та же самая история с докладами показывает, что все-таки слышать и слушать друг друга начинают учиться.

Но в то же время опять у нас очень сильная неопределенность. Пока шла наша конференция, новостные агентства уже отметили, что Мишустин доложил Путину план развития до 2021 года, 500 мероприятий, к 2021 году мы куда-то сильно продвинемся. Но вчера, если вы помните, министр экономического развития Максим Решетников, решил пересмотреть официальный прогноз Минэкономразвития с 2,8% роста на следующий год повыше.

Но тем не менее ситуация, на мой взгляд, достаточно жесткая. Я приведу буквально две цифры. Существенные потери — у 70% субъектов экономики, у 67% выручка упала ниже 35%, 53% свое текущее положение определяют как катастрофу или кризис, 53% фиксируют падение спроса на продукцию и услуги примерно на 50% и более, и у 62% шансы на посткризисное выживание, по их мнению, не превышают 10%. Вот такая ситуация в самооценках бизнеса. Но если смотреть на реакцию на принятые меры государственной поддержки, то положительно или скорее положительно оценивают, судя по опросу, примерно 27,8% респондентов, а вот противоположный выбор составляет 55,1%. Пока такая ситуация. Сегодня уже звучали эти цифры по поводу того, как, кто, куда дотягивается по этой самой государственной

поддержке. И действительно, расклад очень простой: примерно четверть пострадавших соответствует ее критериям, а нужна она как минимум 70% наших российских компаний. Вот это ситуация в зеркале отрошков, которые проводятся среди нашего российского бизнеса.

Но экономика тем не менее начинает потихоньку, как рассказывают опережающие показатели, выживать, возрождаться, восстанавливаться. Извините за тавтологию. В обработке 5 процентных пунктов за май прибавилось, до 36%, уже хорошо, было 31. Тем не менее все это пока не вызывает пафосных восторгов по поводу того, что еще немного, и мы начнем со страшной силой быстро прорываться.

И у регуляторов на самом деле, по-моему, преобладают сейчас такие мотивы — сдерживаться при принятии решений, причем основания для таких внутренних ограничений у них мне тоже понятны, потому что абсолютно неочевидна картина второго квартала, что будет происходить. Дальше — абсолютная неопределенность с третьим и четвертым кварталом с точки зрения ситуации в глобальном хозяйстве, покатится ли вторая волна пандемии, что будет происходить в торговых противоречиях США и Китая, и так далее и тому подобное. То есть огромное количество факторов, которые не позволяют сегодня, на мой взгляд, правительству включить по полной программе эти самые меры поддержки.

Тем не менее, мне кажется, что опыт этих месяцев уже выстроил некую структуру запроса бизнеса на то, что же нужно на среднесрочную перспективу. Я для себя отметил пять таких пунктов. Первое — это все, что помогает снижать издержки. Любые средства, применяемые правительством, будут хороши, в том числе административные. Поэтому продолжение контроля и надзора, то есть его начало, по сути дела, и оно принципиально важно. Пополнение оборотных средств принципиально важно. Снижение рисков неплатежей и банкротств и, естественно, перезагрузка всего законодательства о банкротстве — принципиально важны. Очень важны — комфортность выхода на стандартные режимы уплаты налогов и страховых взносов и поддержка потребительского спроса в ближайшие 3–4 квартала. А вот дальше начинается самое интересное. Дальше начинается необходимость разворота стимулирования инвестиционного спроса, потому что, я абсолютно согласен с Александром Широковым, с 2022 года мы попадаем в ловушку, когда по всем прогнозам идет скользящее снижение по темпам ВВП, и экономика возвращается к объемам потенциального выпуска докризисных периодов.

Вот это существенный вызов для экономической политики. Есть ли в национальном плане хотя бы приблизительный ответ на него?

Бодрунов: Спасибо большое, Никита Иванович. Я хотел предоставить слово Дмитрию Евгеньевичу Сорокину, вице-президенту Вольного экономического общества России, члену-корреспонденту Российской академии наук.

Сорокин: Я хочу сказать, что сейчас наблюдается — это было заметно в выступлениях всех коллег, и Александр Васильевич задал этот вектор — все говорили в единой парадигме. Но самое главное, на это тоже обращаешь внимание, что и до кризиса, нынешнего кризиса говорилось о тех же мерах, о которых мы говорим и сейчас. И я согласен с тем, что, конечно, сейчас важны конкретные меры поддержки тех или иных видов предпринимательства, но то, что бизнес останется в живых, — это понятно, вопрос — как будет выглядеть бизнес после всего того, что произошло.

Мы говорим о тех мерах, конкретных мерах сегодняшнего дня, но очень важно не забывать, что нам важно не просто восстановиться, нам важно не забывать стратегические цели, которые стоят перед нашей экономикой, иначе мы восстановим докризисное состояние, состояние стагнации. Ну восстановим. Дальше что? До следующего кризиса будем ждать? А он придет сам по себе в силу объективных обстоятельств.

И сейчас говорили абсолютно правильно о том, что все-таки в центр внимания надо поставить крупный бизнес — раз. Крупный бизнес прежде всего связан с реальным сектором экономики. И вот выступал коллега из машиностроения. С чего начал Александр Дмитриевич? С чего начал Сергей Дмитриевич наше сегодняшнее совещание? Он говорил, что он не сторонник восстановления прежней индустрии, речь идет о новой индустриализации. Мы говорим о том, что надо производить самолеты, производить паровозы, тепловозы и так далее. Вопрос — на каких технологиях, на каком оборудовании. Почему-то мы все время забываем, что импортозамещение начинается с независимости, с того, на чём и чем вы производите самые нужные вещи. У нас эта отрасль разрушена. Не восстановив ее, не сосредоточив на ней внимание, боюсь, мы не преодолеем те зависимости, которые сегодня бьют нас каждый день, в условиях кризиса особенно.

Очень будем надеяться на то, что кризис не только заставит предпринимателей искать новые ниши. Он заставит и экономические власти искать новую экономическую политику, о чем сегодня говорилось неоднократно.

Бодрунов: Спасибо большое, Дмитрий Евгеньевич. И в завершение нашего сегодняшнего обсуждения я предоставлю слово Михаилу Владимировичу Ершову, члену Президиума Вольного экономического общества России.

Ершов: Добрый день, уважаемые коллеги! Какими сообщениями хотелось бы, коллеги, с вами поделиться, о чем сказать? Да, мы сейчас действительно знаем, что у нас, к сожалению, у нашей экономики, да отчасти и у мировой тоже, стресс спроса и стресс предложения одновременно, то есть на обеих сторонах мы имеем серьезные проблемы, и, соответственно, проблемы должны решаться более комплексно в этой связи. Крупный бизнес, о чем господин Сорокин только что сказал и неоднократно тема звучала в ходе дискуссии. Был интересный опрос международной компании «Делойт», который она провела несколько недель назад, где спрашивала наш крупный бизнес, что ему мешает в первую очередь выходить из кризиса. Ответы были довольно интересные. Больше всего респондентов ответили: 80% — обесценение рубля, и два других ответа, по степени значимости примыкающих к этой проблематике, — снижение доходов и сжатие спроса, это совершенно очевидно.

Да, 5,5% сейчас у нас ключевая ставка, но мы знаем, что в большинстве стран она гораздо, гораздо ниже. Потенциал для снижения у нас имеется, и поэтому другие международные агентства подчеркивают, что у нас есть большой запас для маневров.

Дальше — тематика налогов. Тема НДС давно у нас в повестке дня, с момента повышения НДС. Даже сейчас Банк России в своем годовом отчете показывает негативные последствия (я воспринял их как негативные), к которым, с моей точки зрения и, видимо, с точки зрения авторов документа, повышение НДС привело, поэтому снижение налогов и НДС в числе первых должно быть на повестке дня — это однозначно.

Третий момент — системный. Длинные деньги, о которых мы говорим все в последние годы, — сегодня у нас это несколько раз звучало. И кризис нас, наверное, подведет к тому, чтобы не избежать принципиального пересмотра механизмов и подходов к формированию этих самых длин-

ных денег. Что имеется в виду? У наших конкурентов — ФРС, Банка Японии на 90–95% эмиссии их валют — и доллара, и японской иены — производится под целевые длинные бумаги, эмитируемые их минфинами, которые покупаются, что принципиально важно, их центральными банками. У нас величина длинных бумаг в балансе Банка России — меньше 1%. Как говорится, почувствуйте разницу.

В основном 30 лет — длина бумаги в ФРС США и до 40 лет — в Японии. Если ваш центральный банк делает 40-летнюю целевую эмиссию на космос, как в Японии, например, или на малый бизнес, или на ипотеку 30, как в США, — конечно, экономика сразу получает мощнейший пласт длинных денег. Есть, по крайней мере, над чем подумать. Я думаю, что сейчас мы уже подходим все ближе и ближе к тому, чтобы эти принципиальные хорошо апробированные интересные механизмы, которые многие годы демонстрировали свои преимущества, также принимались во внимание.

В завершение хотелось бы сказать, что, как представляется, запас прочности у нас, по-видимому, есть. Международные агентства, еще раз говорю, показывают, что перспективы маневров у наших регуляторов достаточно хороши и лучше, чем у многих других стран, в том числе таких уважаемых стран, как страны БРИКС, Саудовская Аравия и так далее. И, соответственно, с учетом тех реальных уровней, которых мы достигли в большей степени отчасти жесткостью, отчасти твердостью в наших подходах, сейчас, мне кажется, приходит время, чтобы некие жесткие подходы смягчить там, где это требуется, и некие механизмы финансовой и денежно-кредитной политики разумно пересмотреть, тем самым не доводя ситуацию до еще более серьезного обострения. Чем больше будет обострение, тем тяжелее будет из всего этого выходить.

НА ЛИНИИ ОГНЯ: ЗДРАВООХРАНЕНИЕ НЕ БУДЕТ ПРЕЖНИМ?

Пандемия поставила вопрос о необходимости нового подхода к здравоохранению, другой модели, обеспечивающей здоровье граждан. Каким будет новый консенсус по поводу вопросов здравоохранения? Как будет перестроена политика в этой сфере?

По материалам программы «Дом Э», ОТР, 27 июня 2020 года

СОБЕСЕДНИКИ

Юрий Крестинский,
председатель консультационного совета
Центра развития здравоохранения
Московской школы управления «Сколково»,
советник по индустрии здравоохранения
ПАО «Сбербанк»

Василий Викторович Власов,
эксперт Российской академии наук

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России,
президент Международного союза экономистов,
директор ИНИР им. С. Ю. Витте,
д. э. н., профессор

Бодрунов: Наша система здравоохранения выдержала испытание коронавирусом, как заявили в правительстве России. На мой взгляд, в большей степени благодаря героизму врачей и работников отрасли. Тем не менее пандемия остро поставила вопрос о необходимости другого подхода к здравоохранению. Как будет меняться траектория развития систем здравоохранения в России и в мире?

Крестинский: Сергей Дмитриевич, специалисты, организаторы здравоохранения, политики, экономисты задают этот вопрос и думают, что на него есть ответ. Нет, ответ пока неизвестен, но, что называется, мы догадываемся. То, что произошло, является беспрецедентным событием в новейшей мировой истории. Последний раз с такого рода эпидемией человечество сталкивалось около 100 лет назад. Это была испанка, погубившая много жизней. Но это был другой мир, другая экономика, другая политика, другое общество, другие технологии, другая готовность человечества к противостоянию. Как это ни парадоксально, считается, что российская система здравоохранения, как и китайская, лучше всех справилась или пока справляется с той ситуацией, которая возникла.

Если мы говорим о китайской системе, не только здравоохранения, но и управления государством, это объясняется жестко построенной вертикалью власти и экономическими возможностями. В России причина в той системе, которая была построена во времена СССР и оказалась не до конца разрушенной. Речь идет о системе, созданной Семашко, которая подразумевает в первую очередь готовность к войнам и эпидемиям, не только лечение и оказание медицинской помощи, но и громадный комплекс профилактических подготовительных мероприятий. Что, собственно, отличает нас от многих стран мира. У нас не просто система оказания медицинских услуг и медицинской помощи, у нас действительно система здравоохранения.

Эта система подразумевала большой коечный фонд. Более миллиона коек сохранилось на момент распада СССР, почти миллион остается до сих пор в Российской Федерации. По большому счету такой большой коечный фонд во всем мире считается избыточным. Это нужно, если у тебя отсутствует первичное звено, нет профилактики, если ты решаешь проблему, когда она уже возникла, не предупреждая ее. Вот эта неэффективная система и явилась залогом готовности нашей системы здравоохранения к эпидемии. Именно поэтому обеспеченность аппаратами ИВЛ у нас одна из лучших в мире, коечный фонд самый большой. Эта готовность больше количественная, но именно сейчас количественные параметры оказались крайне важны для противостояния сложившейся эпидемической ситуации.

Понятно дело, что мы развиваемся технологически, строятся центры высокотехнологичной медпомощи, применяются современное оборудование, лекарства. Но в 85 субъектах России наблюдается крайняя разнородность по экономическим и организационным возможностям, по наличию или отсутствия медицинского персонала. Что говорит нам о том, что страна сегодня дезинтегрирована в области здравоохранения.

Бодрунов: Юрий Александрович, что Вы думаете о создании вакцины?

Крестинский: Тема вакцинации крайне интересна. Она сейчас находится в центре различного рода конспирологических теорий. Но мы забываем о том, что изобретение вакцин в свое время, как и изобретение антибиотиков, позволило поднять среднюю продолжительность жизни человека в два раза. Мы входили в XX век со средней продолжительностью жизни на земле около 30 лет. Раньше много рожали, по 5–10 детей. До 15 лет доживала от силы половина. Люди умирали от элементарных инфекций. Конечно, вакцинация — это один из прорывов человечества, мировой науки. Вакцинопрофилактика и иммунобиологические науки должны испытывать сейчас подъем. У нас существует масса серьезных заболеваний, по которым, мы надеемся, появятся новые вакцины. До сих пор отсутствуют вакцины от гепатита С, вируса иммунодефицита человека, вируса герпеса, по многим папилломавирусам. Нам есть куда развиваться, есть что предложить человечеству для улучшения его здоровья и качества жизни.

Что касается организации здравоохранения, уже сейчас понятно, что в мире и в России нужно развивать систему конвертируемых коек. В условиях дефицита финансирования многие инфекционные койки в России были сокращены, сокращены должности инфекционистов, эпидемиологов. Очевидно, что это ошибка. Да, отчасти это объясняется дефицитом финансовых ресурсов, но нам нужно иметь возможность быстро конвертировать коечный фонд под эпидемическую угрозу. А это другая организация стационарной и амбулаторной служб. Мы должны по-другому проектировать больницы. Когда стандартное терапевтическое или хирургическое отделение быстро превращается в инфекционное, отвечающее соответствующим санитарным нормам и требованиям, связанным с боксированием, с отдельным входом в палаты, с изоляцией чистых зон от грязных зон. Это другие организационные подходы, и я думаю, сейчас это будет поставлено во главу угла развития не только российской, но и мировой системы здравоохранения.

Бодрунов: Юрий Александрович, что Вы думаете о трансформации медицинских профессий?

Крестинский: На мой взгляд, это больше касается терапевтических специальностей. Эпидемиология, инфекционные заболевания тоже должны быть в большей мере представлены как с точки зрения базового медицинского образования, так и постдипломного. Должно быть больше инфекционистов-эпидемиологов, чем есть сегодня.

Бодрунов: Мне кажется, должна быть пересмотрена система дополнительного образования медицинских работников.

Крестинский: Считанные часы, которые есть сегодня по противозаразительной подготовке, по инфекционным заболеваниям в постдипломном образовании, явно недостаточны. Ни с количественной точки зрения, ни с точки зрения наполненности этих образовательных программ. Я думаю, и Минздраву, и тем, кто занимается системой медицинского образования, переподготовки медицинских кадров, есть над чем задуматься.

Бодрунов: Какие слабые стороны современной модели здравоохранения в стране и в мире обнажила пандемия?

Крестинский: Текущая ситуация заставляет нас понять, что здравоохранение является одним из ключевых инструментов развития государства, общества, экономики. Потому что любой день, пропущенный гражданином по причине временной нетрудоспособности, инвалидизации либо преждевременной смерти, по сути, означает для экономики потерянный подшоковой среднелневной ВВП, помноженный на недожитые этим человеком дни, месяцы, годы. Ущерб, который терпит государство, мир от проблем, связанных со здравоохранением, колоссален. По сути, из-за временной нетрудоспособности, инвалидизации, преждевременной смертности мировая экономика, по разным оценкам, теряет до 45% потенциала.

Если посмотреть на проблему с другой стороны, мы можем рассматривать здравоохранение как инвестиционную сферу. Инвестируя в предупреждение и лечение заболеваний, мы можем получать на выходе дополнительные дни, месяцы, годы человеческих жизней, дополнительные периоды экономической активности людей. Если мы посмотрим на тот ущерб, которые приносят различные заболевания, мы можем разложить этот ущерб на каждое конкретное заболевание, проанализировать, сколько нужно проинвестировать в это заболевание и что мы получим на выходе. Поверьте, более половины заболеваний будут иметь прямую инвестиционную отдачу. Да, не в течение одного месяца, может быть, даже не в течение года или пяти лет, но для национальных экономик, для мировой экономики это будет большая экономическая выгода.

Бодрунов: Знаете, мы попросили эту же тему осветить эксперта Российской академии наук Василия Викторовича Власова.

Василий Викторович Власов:

Потенциально очень многие медицинские технологии изменятся под влиянием пандемии, но мы не знаем, какие и в какой степени.

По-видимому, должны очень сильно измениться организационные технологии. Вероятно, должна измениться стратегия здравоохранения. Например, в России до сих

пор вообще игнорировали подготовку к эпидемии, как ни странно это звучит. Будем надеяться, что будет вестись такая работа систематически.

Я почти уверен, что дистанционное оказание помощи — а лучше говорить о дистанционном оказании

помощи, а не о медицинском консультировании — получит большое развитие.

Собственно, оказание медицинской помощи — это только часть. Вот в части оказания медицинской помощи, может быть, влияние пандемии и уроки пандемии, они не столь важны, сколько в области охраны здоровья.

Бодрунов: Как Вы считаете, каким медицинским технологиям пандемия может дать толчок к развитию?

Крестинский: Все, что связано с иммунологией, будет иметь серьезный импульс к развитию как в мире, так и в России. У нас как раз в этой области большой потенциал. Трансфер технологий, наличие собственных технологий — это тренд в ближайшее время.

Бодрунов: А дистанционное консультирование? Получит ли оно импульс к развитию?

Крестинский: Оно уже его получило. Мы видим, как во время самоизоляции в разы выросла нагрузка на телемедицинские сервисы.

Бодрунов: Спасибо большое, Юрий Александрович, за интервью.

Крестинский: Спасибо Вам. Будьте здоровы!

Вот эта охрана здоровья, организация медицинской помощи, она должна претерпеть существенные изменения. Нам нужны огромные работы по подготовке инфраструктуры и организации для потенциальных пандемий. Эти пандемии обязательно будут происходить. В некоторых случаях они

будут короткие, как были пандемии SARS'a, в некоторых случаях вот такими, как эта, — глобальными.

Я очень надеюсь, что эта пандемия окажет влияние на систему финансирования российского здравоохранения. Нам необходимо больше денег и необходимо рацио-

нальное их использование для того, чтобы система здравоохранения была ориентирована на реальные нужды россиян.

ON THE LINE OF FIRE: WILL HEALTH CARE REMAIN THE SAME?

The pandemic raised the question of the need for a new approach to healthcare, a different model to ensure the health of citizens. What will be the new consensus on health issues? How will the policy in this area be restructured?

Based on the TV show House E, OTR, June 27, 2020

PANELISTS

Yuri Krestinsky,
*Chairman of the Advisory Board
of the Health Development Center of the Skolkovo Moscow
School of Management,
Advisor for the Healthcare Industry of Sberbank*

Vasily Viktorovich Vlasov,
Expert of the Russian Academy of Sciences

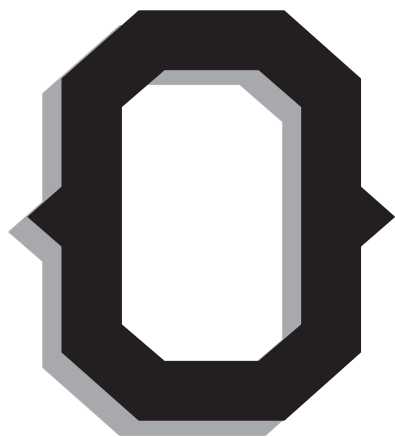

Sergey Dmitrievich Bodrunov,
*President of the VEO of Russia,
President of the International Union of Economists,
Director of the S.Yu. Witte INID,
Doctor of Economics, Professor*

Bodrunov: Our healthcare system has passed the test of the coronavirus, as the Russian Government stated. In my opinion, to a large extent thanks to the heroism of doctors and industry workers. Nevertheless, the pandemic has sharply raised the question of the need for a different approach to health. How will the development trajectory of healthcare systems change both in Russia and worldwide?

Krestinsky: Sergei Dmitrievich, specialists, healthcare organizers, politicians, economists ask this question and think that there is an answer to it. No, the answer is still unknown, but, as they say, we can guess. What has happened is an unprecedented event in recent world history. The last time humanity faced such an epidemic was about 100 years ago. It was the Spanish flu which killed millions. But it was a different world, a different economy, a different policy, a different society, different technologies, a different readiness of mankind to fight the epidemic. Paradoxically, it is believed that the Russian health care system, and the Chinese system as well, are the best in coping with the situation that has arisen.

As regards the Chinese system, not only of health care, but also of government, it can be explained by a rigid power vertical and economic opportunities. In Russia, it can be explained by the health care system that was built during the Soviet era and was not completely destroyed. We are talking about the system created by Semashko, the system of mobilization medicine, which first of all implies readiness for wars and epidemics, not only treatment and medical care but also a huge complex of preventive preparatory measures. In fact, it distinguishes us from many other countries. We do not just have a system of providing medical services and medical assistance, we really have a healthcare system.

This system meant a large hospital bed capacity. More than a million beds survived at the time of the collapse of the USSR, almost a million still remain in the Russian Federation. By and large, such a large bed fund is considered excessive worldwide. It is necessary when you lack primary care, there is no prevention, when you start solving a problem only after it has already arisen, without trying to prevent it. This ineffective system was the key to the preparedness of our health care system for the epidemic. That is why the provision of ventilators is one of the best in the world, the bed capacity is the largest. This readiness is more of a quantitative nature, but right now quantitative parameters have proven to be extremely important for confronting the current epidemic situation.

It is clear that we are developing technologically, high-tech medical care centers are being built, modern equipment and medicines are being used. But in 85 constituent entities of Russia, there is extreme heterogeneity in economic and organizational capabilities, in the presence or lack of medical personnel. Which, by and large, tells us that the country today is disintegrated in terms of healthcare.

Bodrunov: Yuri Alexandrovich, what do you think about creating a vaccine?

Krestinsky: The topic of vaccination is extremely interesting. It is now at the epicenter of various kinds of conspiracy theories. But we forget that the invention of vaccines, like the invention of antibiotics, made it possible in due time to double the average life expectancy. We entered the 20th century with the average life expectancy on Earth of about 30 years. Families used to have five to ten children. Half of them lived to be 15 years old. People were dying from elementary infections. Of course, vaccination is one of the breakthroughs of mankind, of world science. Vaccine prophylaxis and immunobiological sciences should be on the rise now. We have a lot of serious diseases for

which we hope new vaccines will be invented. There are still no vaccines for hepatitis C, human immunodeficiency virus, herpes virus, and many papillomaviruses. We have room for development, we have something to offer humanity to improve its health and quality of life.

As for the organization of health care, it is already clear that it is necessary to develop a system of convertible beds both in Russia and worldwide. In the context of insufficient funding, the number of hospital beds for infectious diseases has been reduced across Russia, the number of infectious disease specialists and epidemiologists has also been reduced. This is obviously a mistake. Yes, this is partly due to a lack of financial resources, but we need to be able to quickly convert the bed fund under the epidemic threat. And this means a different organization of inpatient and outpatient services. We have to design hospitals differently so that a standard medical or surgical ward could quickly be transformed into an infectious disease ward meeting the relevant sanitary standards and requirements related to partitioning, with a separate entrance to the wards, with the isolation of clean areas from dirty ones. These are other organizational approaches, and I think that now it will be placed at the forefront of the development of healthcare systems, both in Russia and abroad.

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА: КАКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБНАЖИЛА ПАНДЕМИЯ

Осмысление пандемии ставит перед обществом и социальными исследователями новые вопросы. Как россияне воспринимают эпидемию, приведет ли она к укреплению социальных связей или, напротив, к их распаду? Как текущий кризис отразится на уровне доверия россиян — к российской науке, институтам, государству?

По материалам программы «Дом Э», ОТР, 13 июня 2020 года

СОБЕСЕДНИКИ

*Михаил Константинович Горшков,
член Президиума ВЭО России,
директор Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН,
академик РАН, доктор философских наук*

---

*Виктор Семёнович Вахштайн,
декан факультета социальных наук Московской высшей
школы социальных и экономических наук, заведующий
кафедрой теоретической социологии и эпистемологии
РАНХиГС, к. с. н., профессор*

---

*Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России,
президент Международного союза экономистов,
директор ИНИР им. С. Ю. Витте,
д. э. н., профессор*

Бодрунов: Михаил Константинович, как общество реагирует сегодня на вызовы и вопросы, которые ставит пандемия?

Горшков: За три десятка лет постсоветского периода наш социум сильно изменился. Он трансформировался по глубоким основаниям. Назову только некоторые: группа интересов, психоэмоциональное состояние людей, уровень жизни, уровень мобилизации и сплоченности, уровень взаимопомощи. Появилось много людей, которые живут в ситуации социального одиночества. И на все это наложилась ситуация пандемии. Естественно, разные группы населения по-разному реагируют на нее: одни — спокойно, другие — раздраженно, третьи — тревожно, четвертые — озлобленно. И это всё естественно, поскольку группы людей, появившиеся в современной России, живут по-разному и к действительности относятся по-разному. А действительность сегодня глубоко противоречива. Поэтому, конечно, тяжело. Но главное, что в этом можно разбираться и нужно. Для этого существуют такие науки, как социология и психология. Я считаю, что сегодня, наряду с экономикой, это очень востребованные научные отрасли знаний. Наши исследования до начала пандемии показывали, что доверие в обществе сильно упало за последние годы. Это касается и доверия к институтам, и межличностного доверия. Россияне больше всего доверяют близким, друзьям и родственникам. Во вторую очередь уже отдельным социальным институтам. Как повлияет на эти процессы эпидемия? Думаю, что как раз связи социальные и межличностные связи будут усилены и будет повышаться

доверие государственным институтам. И это всё естественно, поскольку группы людей, появившиеся в нашей современной России, живут по-разному и относятся к действительности по-разному. А нынешняя действительность такова, что она сама по себе еще противоречива, несет свой виток глубоких противоречий. И вы представляете, что получается с точки зрения сознания, психики отдельного человека. Вот многие удивляются, почему люди себя так ведут? Ну а как? Потому что люди они, поэтому они так себя и ведут. Поэтому, конечно, тяжело. Но главное, что в этом можно разбираться и нужно. Для этого существуют такие науки, как вот та наука, которой я служу, — социология, психология. Я считаю, что сегодня, наряду с экономической, это еще две очень востребованные научные отрасли знаний.

Бодрунов: Михаил Васильевич, меняется многое в результате. Меняются не только взгляды людей, меняются также и повседневные практики, и социальные связи в нашем обществе. Мы попросили прокомментировать эту ситуацию сегодня профессора Российской академии народного хозяйства и госслужбы Виктора Семёновича Вахштайна.

Виктор Семёнович Вахштайн:

Говоря о социологических исследованиях, которые сейчас спешно проводятся, когда пытаются исследовать или как-то ответить на вопрос, какие наиболее значимые параметры изменились и какие из них будут иметь наиболее продолжительные, длительные эффекты, то говорят чаще всего либо об изменении коллективных представлений, когда меняются политические повестки, когда абсолютно меняются приоритеты, когда люди начинают по-другому оценивать, например, работу институтов, те, кто в них верил, верить в них пере-

стают. Начинают ли в них верить те, кто в них не верил, — это отдельный вопрос, предмет последующих исследований... Это изменение повседневных практик, которое непосредственно называется на экономических стратегиях — сбережениях, покупках, кредитовании и так далее, изменение горизонтов планирования людей, то, что касается повседневности, ну и, конечно, то, что интересует нашу группу исследователей больше всего — изменение социальных связей. Потому что социальные связи, вот эта сеть доверительных отноше-

ний друг с другом, которая есть у каждого из нас, — это то, что экономисты называют социальным капиталом. То есть количество ваших близких, доверительных контактов, количество знакомых, приятелей, которым вы можете позвонить и попросить об одолжении и так далее. Это был один из основных моторов российской экономики последних лет. Ситуация снижения доверия всем формальным институтам, начиная от судов, заканчивая городскими властями, банками, полицией и особо здравоохранением, вот это довери-

Горшков: Думаю, с какими-то оценками эксперта, которого мы сейчас заслушали, можно согласиться, с какими-то — поспорить. Скажем, наши исследования до начала пандемии показывали, что вообще само доверие оказалось в нашем обществе в довольно сложном положении за последние годы. По всем частям и уровням доверия, что касается институтов, межличностного доверия, каналов общения, оно заметно упало. Доверие где-то 2/3 населения выше всего держится в отношении к близким, друзьям, родственникам. Дальше идут отдельные социальные институты. Вот с этим можно согласиться. Как повлияет ситуация противодействия коронавирусу, думаю, что как раз связи социальные и межличностные будут усилены и будет повышаться доверие государственным институтам...

Бодрунов: Да, это очень важно.

Горшков: Это видно уже по многим оценкам, по тому, как люди относятся к разным источникам информации, что берут за основу. При всей популярности социальных сетей государственная информация сегодня воспринимается серьезнее, внимательнее, и ей доверия больше, начиная с ежедневной статистики, на которую люди сегодня очень сильно ориентируются.

тельное отношение людей друг к другу, они компенсировали вот это падение доверия институтам. И поэтому, как показывают, в частности, исследования в России за последние пять лет до начала пандемии, шел неуклонный рост количества друзей и доверительных контактов, так называемых сильных и слабых связей, вот за этот период. Это очень важно в стране, где, например, 3/4 людей, которые работают, работают там, где они работают по связям, то есть нашли эту работу через сеть своих социальных контактов, а никак не по резюме. Это особенно важно в ситуации,

когда и политическая активность, и финансовая активность связаны с кредитами и сбережениями, тоже напрямую коррелируется пакетом ваших социальных связей. А то, что мы увидели за последние месяцы, это ослабление, снижение показателей социального капитала, атомизация, когда сильные связи становятся слабыми, а слабые исчезают. Насколько это долгосрочный эффект, насколько он отразится на опять же доверии институтам здравоохранения, доверии городским властям и так далее, покажет время. Это любопытная исследовательская задача. В ситуации,

когда у нас с вами росли доверительные круги отношений, доверие институтам падало. А в ситуации, когда у нас начали распадаться эти наши доверительные отношения, означает ли, что доверие институтам вырастет? С высокой вероятностью нет. Но тогда, чем оно будет замещено? Это как раз то, с чем мы сейчас пытаемся работать, пытаемся понять, во-первых, как изменилась уже сейчас за эти несколько месяцев карта социально-доверительных контактов. А с другой стороны — как эти изменения повлияют на изменение ожиданий и экономических стратегий поведения.

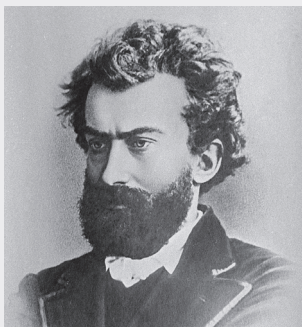
Бодрунов: И вы полагаете, что этот уровень доверия, в частности, государству будет повышаться?

Горшков: Да, мы полагаем, что будет повышаться.

Бодрунов: Скажите, пожалуйста, вот эта новая реальность, ведь изменения будут в образовании, медицине, экономической, трудовой деятельности, многие вещи претерпят изменения, быт людей будет меняться, — как повлияет на социальную температуру в обществе?

Горшков: Вы знаете, с первых недель обстановки, в которой мы оказались, часто высказывались такие, я бы сказал, завышенные оценки, с которыми я, например, категорически не согласен. Что-то типа «мы будем жить в другом мире, мы перешагнули из одного общества в другое, то, как мы жили раньше, мы жить так теперь больше не будем». С точки зрения эмоционального окраса, наверное, это где-то позволительно. С точки зрения серьезной оценки, той самой социальной диагностики, с которой начали наш сегодняшний разговор, это, конечно, неверно. Я могу понять, например, рассуждения японцев в 1945 году после двух атомных бомб, которые были сброшены. Они — да, оказались в другом мире сразу же. Это совсем иной масштаб сопоставлений и сравнений. Сейчас речь идет об очень сильном, коварном вирусе. Но природа общества от этого не меняется, природа человека социальная и физико-биологическая тоже. Привычки, стандарты жизни, элементы образа жизни, да, вот это будет меняться. В различных отраслях и сферах: как Вы подчеркнули, начиная с образования, заканчивая сферой социальных услуг. Наши повседневные привычки, да, они тоже в чем-то претерпят изменения, начиная с прихода на работу, вот с этих деловых обниманий и деловых, извините, поцелуйчиков. Это, наверное, уйдет на время. Ну, что же поделать, мы переживем это. Но с точки зрения сути того, кем человек является и кем он будет являться, здесь коренных преобразований мы не можем ожидать. И чем мы больше будем напирать на то, что в любой ситуации мы должны оставаться людьми в нашем обществе, со своим национальным менталитетом, со своим национальным характером, со своей удивительно сильной волей к преодолению неприятностей, и на то, что как раз беда всегда объединяла российские народы, — вот, наверное, с этими акцентами нам легче будет жить завтра.

Бодрунов: Я хотел бы подчеркнуть, социология изучает людей, она изучает поведение людей в обществе, общественные тренды. Исследование человека, однако, это такая задача, я бы сказал, весьма непростая, и занимаются ею и многие другие науки: антропология, биология, этнография, демография и многие другие отрасли знания. Вольное экономическое общество было прародителем в Российском государстве многих из этих наук. И, в общем-то, выделились многие из них как раз из Вольного экономического общества, тогда в свое время Императорского. Я предлагаю вспомнить о Николае Николаевиче Миклухо-Маклае, члене нашего Императорского общества, нашем известном во всем мире русском этнографе, антропологе, биологе, путешественнике, изучавшем жизнь населения в Юго-Восточной Азии, Австралии, Океании, Новой Гвинее.

Николай Николаевич Миклухо-Маклай

Будущий знаменитый этнограф и путешественник Николай Николаевич Миклухо-Маклай родился в 1846 году в селе Языково-Рождественское в Новгородской губернии в дворянской семье. До 11 лет он воспитывался дома.

После смерти отца переехал с матерью в Санкт-Петербург, где учился сначала в немецкой школе, потом во Второй Санкт-Петербургской гимназии. В 1863 году был отчислен из гимназии, а затем и из университета за участие в студенческих волнениях, после чего у него не было возможности получить образование в России. Именно из-за этого будущий великий путешественник впервые покинул Родину. В Германии Миклухо-Маклай после нескольких месяцев обучения на философском факультете сменил специальность на медицину и стал помощником знаменитого ученого-зоолога Эрнста Геккеля. С ним Николай Николаевич совершит

свои первые экспедиции на Канарские острова и в Марокко. В 1869-м, после окончания университета и своего первого самостоятельного путешествия по побережью Красного моря, он вернулся в Россию и перешел к активному изучению вопросов географии, естествознания, антропологии, этнографии и был принят в ряды Русского географического общества, которое в тот период активно сотрудничало с Императорским Вольным экономическим обществом. В 1867 и 1868 годах организации совместно провели несколько экспедиций по исследованию хлебной торговли.

Отчеты были опубликованы в трехтомнике «Труды экспедиции» и пользовались большой популярностью на протяжении многих лет. Николай Николаевич Миклухо-Маклай в эти же годы активно искал поддержки своих экспедиций в разных государственных общественных организациях того времени. Коим было и Императорское Вольное экономическое общество. В 1870-м году Николай Николаевич получил финансирование и на военном судне «Витязь» предпринял путешествие на острова Тихого океана с целью изучения папуасской расы. Сначала он побывал на северо-восточном бере-

гу Новой Гвинее, где провел целых 15 месяцев. Позднее посетил Австралию, Индонезию и еще несколько раз возвращался в Новую Гвинею. В 1886 году он вернулся на родину, где провел последние два года своей жизни. За время своей деятельности Николай Николаевич Миклухо-Маклай написал сотни статей и дневниковых записей. Многие из них до сих пор являются источником для исследований в сфере этнографии и географии по всему миру. Он внес вклад и в развитие социологии России, переживавшей на тот момент свой первый, дореволюционный этап развития. Одним из основных направлений ее изучения тогда являлась Географическая школа, представителем которой и был Николай Николаевич. В контексте социологии он первым заговорил о необходимости сохранения малых народов и их культуры по всему миру, а также высказал идею, что все расы едины по происхождению и виду. За эти и другие исследования в 1996 году Николай Николаевич Миклухо-Маклай был признан ЮНЕСКО гражданином мира. Многочисленными достижениями великий путешественник навсегда вписал свое имя в историю России и Императорского Вольного экономического общества.

Бодрунов: Как Вы считаете, произойдет ли в ближайшее время трансформация социальных институтов?

Горшков: Я полагаю, изменения произойдут и должны происходить. Вектор этих изменений тоже понятен. Трансформация социальных институтов будет происходить в сторону их массовидности, расширения гражданского участия в работе социальных институтов. Сегодня мы наблюдаем слаженную работу волонтеров, которые оказывают неоценимую услугу не только старшему поколению, но и показывают обществу пример того, как люди умеют спланировать в трудные минуты. Мы мало говорим о силе примера. А она существует и реально работает.

Бодрунов: Вы правы. Мне кажется, с успехом выходить из кризисов, экономических, политических, социальных, медицинских, можно только при условии наличия развитого гражданского общества в стране и соответствующих институтов. И мы наблюдаем это сегодня в России. Мы движемся в сторону социального государства. Это один из очевидных трендов изменения российского общества в постпандемическом мире. Поговорим о технологиях. В связи с эпидемией многим пришлось перейти на дистанционную работу, образование перешло в онлайн. Скажите, как это отразится на социальной сфере, на нашем бытии?

Горшков: Конечно, это отразится на нашей жизни, но не настолько глубоко, как полагают горячие головы. Сейчас всем только дай прогнозировать. Никогда новые технологии не заменят живого общения. Это противоречит нашей социальной сущности. Например, делались большие ставки на то, что онлайн заменит живое взаимодействие преподавателей и студентов. Но этого не произойдет, в том числе и потому, что образование — это не только процесс передачи знаний от старшего поколения младшему. Это еще и процесс социализации, процесс воспитания, в конечном счете процесс общения молодежи друг с другом. Мы можем себе представить студенческую группу, которая видит друг друга только на экране? Сегодня открываются кинотеатры. Будет рассадка в шахматном порядке. Исключение составляет только одна категория посетителей — семья. Спрашивается, молодой человек пришел с молодой девушкой, они тоже должны рассаживаться в шахматном порядке? Понимаете, даже здесь на элементарном бытовом уровне предлагаются рекомендации, которые кроме улыбки ничего не вызывают. Хотя, конечно же, сфера социальных отношений, социальных услуг будет меняться. Хочу выразить надежду, что и сфера социального одиночества будет сужаться. У нас порядка 15% взрослого населения в возрасте старше 60 находится в ситуации

социального одиночества. Люди лишены всех каналов социального капитала, помощи родственников, близких, знакомых. До эпидемии одинокие люди могли выйти на улицу, полюбоваться природой, подышать чистым воздухом. Два месяца они были и этого лишены. Насколько трудно было этой категории людей? Кто-то об этом думает? Поэтому надо работать на опережение не только в медицине, но и в науке. Надо предлагать решения социальных проблем. Например, мы внесли записку в правительство, которая получила поддержку председателя правительства, с предложением создать при президиуме Академии наук Национальный центр социологии и психологии чрезвычайных ситуаций и катастроф для того, чтобы быть готовыми к такого рода ситуациям. Не понимаю, почему такой центр не был инициирован раньше. Сегодня мы ожидаем от этого шага поддержки, надеюсь, нас услышат и поймут в правительстве.

Бодрунов: Я с Вами соглашусь. Ситуация, которая сложилась после пандемии, научила нас не только использовать новые дистанционные технологии, но и тому, что они не могут заменить человеческое общение. Конечно, будут меняться социальный ландшафт и наша жизнь, но я очень надеюсь, что мы вернемся к живому общению и будем решать вопросы так, как решали их раньше, но, может быть, используя некоторые новые технологические возможности и инструменты. Спасибо Михаил Константинович, за интересную беседу.

КАК ИЗМЕНИТСЯ ОБРАЗОВАНИЕ

У нас на глазах изменилась форма обучения: от традиционного очного образования российские школы и вузы перешли на дистанционный режим работы. Поменяются ли концептуально подходы к образованию? Эффективен ли «переход в онлайн»? Как сместится фокус развития системы образования? Какой урок может вынести наша система образования из этого кризиса?

По материалам программы «Дом Э», ОТР, 6 июня 2020 года

*Михаил Абдурахманович Эскиндаров,
вице-президент Вольного экономического общества
России, ректор Финансового университета при
Правительстве Российской Федерации, заслуженный
деятель науки Российской Федерации,
д. э. н., профессор*

---

*Ольга Владимировна Ярославская,
уполномоченный по правам ребенка
города Москвы*

---

*Владимир Юрьевич Стромов,
ректор Тамбовского университета
им. Г. Р. Державина*

---

*Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России,
президент Международного союза экономистов,
директор ИНИР им. С. Ю. Витте,
д. э. н., профессор*

A large, bold, black letter 'M' with a subtle drop shadow, positioned on the left side of the page.

Бодрунов: Михаил Абдурахманович, какие формы преподавания могут уйти после этой пандемии? И вообще, что придет им на смену? Безусловно, кризис внесет и вносит уже определенные изменения в систему образования, высшего в первую очередь. Конечно, такой социальный институт, как университеты, который существует уже несколько столетий и выдержал множество эпидемий, будет существовать, развиваться. Конечно, инструменты, которые используются в образовательном процессе, изменятся и уже изменились. Вы верно заметили, что если некоторое время назад мы не поощряли руководителей вузов, не поощряли ведение занятий онлайн, то сегодня мы перешли полностью именно на эту систему образования. Но не надо думать, что это дистанционное образование. Это просто мы образовательный процесс перевели по расписанию от офлайн в онлайн. Мы перешли с одной платформы на другую. То есть мы ушли из аудитории, отправили студентов, преподавателей домой, и они стали общаться через новые технологии. Но сначала давайте дадим слово уполномоченному по правам ребенка города Москвы Ольге Владимировне Ярославской. Она может пояснить нам, с какими трудностями столкнулись школьники на дистанционном обучении. Это тоже интересно.

Ольга Владимировна Ярославская:

Школа столкнулась, конечно же, с необыкновенной для себя ситуацией. Для всех всё было в первый раз. Мы очень много говорили, готовились к дистанционному обучению. Даже в законе об образовании об этом есть такая маленькая строчечка, что в школе возможно дистанционное обучение. Что это такое в реальности, в общем-то, мы не знали, надо это признать. И вот сейчас была такая реальность, что раз — и все сразу ушли на дистант. Какие сложности. Во-первых, могу сказать из своего опыта уполномоченного по правам ребенка в Москве, ко мне сразу же стали обращаться многодетные семьи, те, которые имеют несколько детей-школьников, а гаджетов — один или два. Но в любом случае уроки шли абсолютно по расписанию, сплошняком. Школы не перестроились, чтобы это как-то растянуть во времени, изменить режим. Как в 8:30 был урок, так в первую неделю и было. Возникла паника. Это первое. Мы с этим справи-

лись. По заявлениям школа выдавала гаджеты нуждающимся детям. То же касалось многодетных, малообеспеченных. Но на это потребовалось какое-то время.

Теперь о форме самого дистанционного обучения. Мне дает право говорить об этом достаточно развернуто то, что многие годы я была директором школы. И моя школа была пилотной по многим проектам, например, МЭШ и так далее. И поэтому я понимаю, о чем говорю. Многие школы столкнулись с тем, что учителя действительно очень старались, но не были готовы. Что значит «не были готовы»? Когда ты работаешь с классом, ты завел детей на урок, закрыл дверь. И вот они — дети, и вот я перед ними, и я управляю этим детским сообществом. Здесь моя и воспитательная функция, и педагогическая, я знания даю, всё замечательно.

А вот в онлайн нет этого. Собственно, очень тяжело было передать педагогиче-

скую составляющую, воспитательную, четкие выжимки знаний. И более того, учителя оказались абсолютно открыты всему родительскому сообществу. Потому что гаджет работает, кто в комнате находится, слышит, как идет урок. Вся семья слышит. И учитель оказался обезоружен, он стал абсолютно открыт для этой системы. Конечно, была такая сложность. Весь аппарат уполномоченного по правам ребенка города Москвы десантами первые две недели объезжали все школы и собирали материал, который вылился в огромную аналитическую справку, которая в Минпрос ушла. Формата норм дистанционного обучения нет. Мы просим сейчас Минпрос расширить это понятие, внести изменения в закон об образовании и дать четкое определение дистанционному обучению, и расширить эту тему для того, чтобы всем было понятно, всем участникам образовательного процесса: и учителям, и детям, и родителям.

Бодрунов: Между школой и вузом, Михаил Абдурахманович, очень важный этап — выпускные экзамены в школе и вступительные экзамены в вуз. Вузам предстоит в этом году сложный выбор, как, каким способом принимать детей. Споры идут, разные вузы по-разному смотрят на это. Я бы хотел спросить у Вас, а вот Вы — Финансовый университет всё-таки один из ведущих вузов страны, для многих являетесь лидером, примером в программах обучения, — скажите, пожалуйста, как Вы на это смотрите и как планируете это сделать?

Эскиндаров: Я всё-таки несколько слов хотел бы добавить в продолжение того, что сказала госпожа Ярославская. Мы тоже опросили 5700 наших студентов. Мои коллеги-социологи, кафедра социологии нашего университета дают мне такие показатели. Только у 35% студентов не возникло никаких проблем с дистанционным обучением. Какие точки являются наиболее проблемными. Первое — это низкая скорость интернета, с этим столкнулись 30% студентов. У каждого седьмого отсутствует, как коллега и говорила, аудио- и видеооборудование, они просто не были готовы. Многие наши студенты уехали из общежития домой, некоторые в маленькие городки, села. И эта проблема возникла. 10% студентов испытывали проблему с выходом в систему вебинаров или чатов. И конечно, мы к концу первого периода все эти проблемы решили. Но на первом этапе, а этот этап длился почти полмесяца, проблемы возникали у всех. Можно ли сегодня сказать, что все вопросы решены? Думаю, нет. Почему? Потому что о том, что хотят продолжать образование в дистанционной форме, заявили только 9%. Много это или мало, но 91% хочет в аудиторию, хочет общаться. Потому что вуз — это не только передача знаний, вуз — это сообщество людей. Это непрерывный процесс — обогащения студента общением с преподавателем, преподавателя со студентами, студентов между собой. И многие студенты уже сейчас в соцсетях, кто хочет, пусть поинтересуется, обмениваются мнением, что они готовы всё сделать, бросить всё и явиться в вузы. Это очень важно, потому что, повторюсь, вузы выполняют не только образовательную функцию, но и социальные многие функции, воспитательную функцию. Не зря Владимир Владимирович внес в Госдуму вопрос о воспитательной роли учебных заведений. Это абсолютно правильное и своевременное решение. Многие годы мы отвергали вообще саму идею воспитательного процесса в вузах, что было совершенно неправильно.

Что касается непосредственно Вашего вопроса. Да, я хочу подтвердить, что сегодня не только вступительные экзамены, о которых мы говорим, но и выпускные экзамены, переводные экзамены будут проходить дистанционно. И мы к этому готовы. Я не скажу, что стопроцентно и никаких проблем нет. Они есть, они будут, эти проблемы, потому что мы столкнулись с такой ситуацией впервые. Например, я хочу обратить наше с вами внимание, к сожалению, в российском обществе нет понятия борьбы со списыванием. Если даже в аудитории стоят преподаватели, и не только преподаватели, но и некие наблюдатели, всё равно списывают или пытаются списать. А при онлайн-экзамене, конечно, определенное количество студентов будет пытаться списать, получить незаслуженно оценки, иногда даже и хорошие оценки, отличные оценки. Мы в университете пытаемся всё-таки добиться справедливости оценки, справедливости отношения к преподавателю,

к другим студентам. И эта справедливость будет нарушаться. Самая главная проблема сейчас — выпускные квалификационные экзамены. Как известно, наш университет первым предложил отказаться от двух экзаменов, оставить только защиту дипломных работ. Абсолютное большинство вузов поддержало эту идею, и в этом году для выпускников — некое облегчение, они будут получать диплом на основе защиты дипломных работ, квалификационных выпускных работ.

Проблема при этом заключается в том, что мы не можем даже членов комиссии собрать в одной аудитории в университете, чтобы они обсуждали публично доклад выпускника, порасуждать с ним, поспорить. Потому что всё-таки при всей любви многих к дистанционному образованию, инструментам, живого общения оно никогда не заменит. И безусловно, мы сожалеем о том, что случилось. Но другого выхода сегодня, как использовать эти инструменты, нет. Что касается вступительных экзаменов... Вступительные экзамены мы тоже собираемся проводить дистанционно. Это для тех, кто не сдает ЕГЭ и не может сдать ЕГЭ по разным причинам, например, выпускники колледжей, или люди, которые по разным причинам освобождены от сдачи ЕГЭ, которые имеют определенные льготы, инвалиды и некоторые категории людей. Для них мы будем проводить также вступительные экзамены. И будем проводить вступительные экзамены в особых тоже обстоятельствах. Потому что в связи с переносом сроков ЕГЭ у нас переносится и период работы приемной кампании. И с середины до конца августа нам надо принять экзамены, притом зачислить две волны, что тоже немаловажно. Была бы моя воля, я, конечно, превратил бы всё в одну волну. Но никто не отменяет правил приема, которые утверждены давно, — в две волны — 80 и 20%. Но до этого мы должны зачислить людей, которые имеют определенные права, повторюсь, это дети-инвалиды, дети-сироты, рекомендованные по целевому приему и так далее. То есть нам предстоит очень сложный и с технической точки зрения, и с эмоциональной точки зрения процесс в ближайшие месяц-два.

Бодрунов: Михаил Абдурахманович, не могу не воспользоваться ситуацией и не спросить, у нас в Вольном экономическом обществе есть конкурс «Экономический рост России» среди школьников.

Эскиндаров: Да.

Бодрунов: Те, кто побеждает в олимпиадах, в том числе в этом конкурсе, имеют право поступить в Финансовый университет без экзаменов. Мы, как правило, считаем победителей достойными студентами в будущем и считаем, что они хорошо себя покажут. Но так ли это? Ваше мнение, победители олимпиад, вашего конкурса, они отвечают вашим требованиям?

Эскиндаров: Полностью отвечают. Я не помню ни одного победителя олимпиады, который не добился бы далее успеха в университете. Ни одного. И я с огромным удовольствием приглашаю к нам не только победителей нашей с вами олимпиады, но и победителей других олимпиад, всероссийских олимпиад школьников, победителей олимпиад, которые проводят наши ведущие вузы. И мы с огромным удовольствием их всех примем. У нас достаточно большое количество бюджетных мест, более 1400, мы каждого ждем. Мы с глубоким уважением относимся к талантливым людям. А люди, которые прошли ваш конкурс, — это люди талантливые, они выдержали огромную конкуренцию. И я с огромным удовольствием хочу еще раз подтвердить, что победителей мы принимаем и будем принимать и в этом году.

Бодрунов: Так что стимул у наших школьников участвовать в олимпиадах есть. Потому что вуз замечательный, а ректор дает слово прилюдно. Я хотел бы вернуться к вопросу о сегодняшней ситуации. Какие уроки можно из нее вынести?

Эскиндаров: Мое мнение — университеты будут существовать. Некоторые уже хоронят университеты, говорят, что их заменят цифровые площадки и всё остальное. Повторюсь еще раз, университеты выдержали множество различных реформ, множество различных проблемных периодов.

Но, конечно, кое-что изменится. У нас, например, сегодня у бакалавра, который обучается четыре года, в учебном плане около 70 дисциплин. Они не все однозначны. Некоторые дисциплины можно изучать или полностью, или частично, в том числе с использованием и мировых образовательных платформ, и российских образовательных платформ, и наших университетских. И мы уже со следующего года некоторые дисциплины переведем на дистанционную форму обучения. Второе, в части дисциплин, которые останутся офлайн, можно какие-то темы, разделы рекомендовать студентам изучать самостоятельно, через дистанционные формы. Но я хочу подчеркнуть одну важную вещь: сегодня мы не используем дистанционную форму, мы используем только инструменты. Ведь что получилось? Мы учились, как положено с этого семестра, по расписанию. И тут появляется пандемия, мы все вынуждены уйти, мы просто по расписанию продолжали учиться, но дистанционно, с использованием технологий. А дистанционное обучение предполагает...

Бодрунов: Другое...

Эскиндаров: Это совсем другое. Это другие инструменты, другие записи, другие лекции. И поэтому, когда говорят, что дистанционное обучение замечательно показало себя — ничего подобного. Это просто техника показала себя хорошо. И наши замечательные преподаватели себя показали. Я скажу, что сегодня мы хвалим врачей, и это справедливо, они показывают героический труд, но я бы сказал, что и преподаватели, особенно старшее поколение, показали себя как героические люди. Потому что перестроиться в течение буквально нескольких дней от офлайн к онлайн — это не каждому дано. И, конечно, я крайне благодарен и студентам, которые оказывали поддержку преподавателям, что очень важно, в освоении новых инструментов. То есть это содружество преподавателей и студентов показало себя замечательно. И то, что эти люди, несмотря на достижения, несмотря на успехи дистанционной формы обучения, хотят вернуться в аудиторию, и чем быстрее, тем лучше, — это очень важно. Это говорит о том, что университет как социальный институт существует и будет существовать.

Бодрунов: Я хотел бы предложить послушать мнение Вашего коллеги из другого университета. Хороший региональный университет, с хорошей историей — Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина. Приглашаю сказать нам несколько слов ректора этого университета Владимира Юрьевича Стромова.

Владимир Юрьевич Стромов:

Я думаю, что та пандемия, та ситуация, которую мы с вами отчасти уже пережили, выступила некоторым катализатором ускорения прежде всего цифровой трансформации университетов, ментальности педагогов. Но также с уверенностью могу сказать, что мы развеяли полностью иллюзию, это мое личное мнение, мнение моих коллег из университета о том, что онлайн-образование, цифровое образование, дистанционное образование заменят в полной мере

офлайн, привычное для нас образование. Человеческое общение стало в этот период самой главной ценностью. Об этом свидетельствуют и многочисленные опросы, которые проводили различные университеты. И мы проводили регулярно, еженедельно опросы в этот непростой период среди педагогов и студентов. Это свидетельствует о том, что чисто дистанционная форма образования признается не совсем эффективной, не совсем мотивирующей, не совсем интерес-

ной как для педагогов, так и для студентов. Поэтому я уверен, что будущее ближайшее, краткосрочное и среднесрочное — это смешанный формат образования.

Многие уже признают — это сочетание офлайна, привычного образования и, конечно, онлайн-образования. В первую очередь это касается привычных лекций. Наверное, они у нас должны как минимум по общим предметам перейти в разряд онлайн-курсов.

Бодунов: Владимир Юрьевич Стромов в общем и целом поддерживает Ваши взгляды на образование. И мне кажется, что то, что сказали Вы и Ваш коллега, — это общее мнение большинства ректоров крупных вузов России. Я думаю, все эти идеи полезны для нашего образования. Но что важно, что лично для меня тоже хороший урок кризиса: мне пришлось освоить дополнительно какие-то технические средства. Да, я и ранее не скажу, что чурался того, чтобы где-то провести дистанционно какие-то встречи, потому что мне приходится работать в некоторых университетах России, но не всегда бывать, а иногда проводить лекции заочно или вот в такой онлайн-форме, в разных формах. Так вот, могу сказать, что без личного контакта ситуация совершенно не та. Надо менять сам подход к онлайн-образованию в целом и дистанционному образованию в частности. Это первое. Второе, без живого общения всё равно не получится. Даже самый простой контакт со студентом — я понимаю по глазам, понял он или нет. В онлайн, к сожалению, на сегодняшнем уровне техники, решить эту проблему не могу. И поэтому, мне кажется, что эффективность от этого может быть тоже снижена. Мне представляется, что да, необходима комплексная работа.

Кроме того, вы абсолютно правильно сказали, что наш президент заметил: без консультации со специалистами высшего и среднего специального, может быть, школьного образования не может быть полноценного образования, что необходима контактная работа, потому что необходимо воспитание. Образование — это и воспитание. Это такие знания, которые необходимы человеку в будущем, для формирования его жизненных принципов. И это без прямого контакта сделать весьма и весьма непросто.

Михаил Абдурахманович, я благодарю Вас за Ваше время, за возможность встретиться сегодня, обсудить такие животрепещущие и очень важные для многих вопросы.

Поскольку практика показала, что дистанционная форма работы во много непривычна для студентов с точки зрения активных позиций. Из пассивных слушателей лекций они переходят в активных, в онлайн-работу напрямую с преподавателем. Я думаю, что смешанный формат — это некий переход от пассивной модели преподавания к активной, когда преподаватели готовят онлайн-курс. И сегодня, если мы говорим об онлайн-лекциях, это набор неких видеороликов, где преподаватели ставят проблему,

обсуждают острые вопросы. Такой набор по всему курсу заставляет студента быть активным, в обязательном порядке проходить тесты по пройденному материалу. Поэтому, однозначно, процесс изменения будет. К сожалению, изменения происходят гораздо быстрее, чем мы их планируем в своих программах развития, стратегиях. Поэтому мы должны в первую очередь привыкнуть и понять, что трансформации не имеют сегодня ни начала, ни конца, мы будем жить в ближайшем будущем в постоянных измене-

ниях. И самый главный сегодня запрос студентов, да уже и преподавателей, — это совершенствование электронно-образовательной среды, где меняется формат общения, уходят в прошлое деканаты, уходят в прошлое зачетность, студенческие билеты. Мы переходим на цифровое общение. И я думаю, что цифра с нами навсегда и надолго. Это не заменяет нас и не заменит никогда. Но это удобный сервис, из которого мы должны максимально извлекать пользу для образовательного процесса.

HOW WILL EDUCATION CHANGE?

We have seen a change in the form of education: from traditional full-time education, Russian schools and universities have switched to remote learning. Will the conceptual approach to education change? Is “going online” effective? How will the focus of the development of the education system shift? What lesson can our education system learn from this crisis?

Based on the TV show House E, OTR, June 6, 2020

Mikhail Eskindarov,
*Vice President of the Free Economic Society of Russia,
Rector of the Financial University under the Government
of the Russian Federation,
Honored Scientist of the Russian Federation,
Doctor of Economics, Professor*

Olga Vladimirovna Yaroslavskaya,
*Children's Ombudsman
for the City of Moscow*

Vladimir Yuryevich Stromov,
*Rector
of the Derzhavin Tambov University*

Sergey Dmitrievich Bodrunov,
*President of the VEO of Russia,
President of the International Union of Economists,
Director of the S.Yu. Witte INID,
Doctor of Economics, Professor*

M

Bodrunov: Mikhail Abdurakhmanovich, what forms of teaching can go away after the pandemic? And in general, what will replace them? Undoubtedly, the crisis will cause and is already causing certain changes in the education system, the system of higher education in the first place. Of course, such a social institution as the university which has existed for centuries and has withstood many epidemics will continue to exist and develop. Of course, the tools used in the process of education will change and have already been changing. You rightly noted that while in the past we never encouraged the heads of universities to introduce online classes, today we have completely switched to this particular type of education system. But we shouldn't call it distance learning. It's just that we transferred the education process from offline to online according to schedule. We have moved from one platform to another. That is, we left the classroom, sent students home, sent teachers home, and they began to communicate through new technologies. But first, let's give the floor to Olga Vladimirovna Yaroslavskaya, Children's Ombudsman for Moscow. She can explain to us what difficulties schoolchildren have faced in distance learning. This is interesting too.

Olga Vladimirovna Yaroslavskaya:

The school, of course, faced a situation that was unusual to it. It was first time for everyone. We talked a lot, prepared for distance learning. Even the law on education contained only a few words on the possibility of distance learning at school. What it was in reality, we generally didn't know, we must admit it. And now there was such a reality that all at once we had to switch to distance learning. What were the difficulties? Firstly, I can say from my experience as children's

ombudsman in Moscow that families with many children immediately began to contact me, those who had several schoolchildren and just one or two gadgets. But in any case, the lessons were absolutely on schedule, without interruption. The schools did not reorganize to somehow stretch the process in time, to alter the schedule. So, during the first week, first lesson started at 8.30 as before. There was a kind of panic. This was the first thing. We dealt with it. The

school reportedly provided gadgets to children in need. The same applied to those with many children and needy people. But it took a while.

Now about the form of distance learning itself. The fact that for many years I was the headmaster of the school gives me the right to speak about it in a rather detailed manner. My school piloted many projects, for example, MASH and so on. And so, I understand what I'm talking about. Many schools

Bodrunov: Between school and university, Mikhail Abdurakhmanovich, there's a very important stage, the final exams at school and the entrance exams to the university. Universities will face a difficult choice this year: how and in what manner to accept students. There are disputes, different universities look at it differently. I would like to ask you, you are the Financial University after all, one of the country's leading universities, a leading institution, an example in training programs, please tell me how you look at this and how do you plan to do it?

Eskindarov: I would like to say a few words in continuation of what Mrs. Yaroslavskaya said. We also surveyed 5,700 of our students. My fellow sociologists from the Department of Sociology of our university give me those indicators. Only 35% of the students did not have any problems with distance learning. What are the main problems? First, it's low Internet speeds, 30% of the students faced it. Every seventh person lacked, as the colleague said, audio and video equipment, they simply were not ready. Many of our students left their dorms and went home, some to small towns and villages. And this problem arose. 10% of the students experienced problems logging into the webinar or chat systems. And, of course, we solved all these problems by the end of the first period. But during the first stage, and that stage lasted almost half a month, everyone had problems. Can we say today that all issues have been resolved? I think not. Why? Because only 9% said they wanted to continue their education in a distance format. Whether it's too many or too little, 91% wants to go to auditoriums, wants to communicate. Because the university is not only about transferring knowledge,

faced the fact that teachers really tried very hard, but were not ready. What does it mean? When you work with a class, you bring the children to class, you close the door. And here they are – children, and here I am in front of them, and I run this children’s community. There’s my function as a teacher, my pedagogical function, I give knowledge, everything is wonderful.

But online is different. Actually, it was very difficult to convey the

pedagogical, educational component, clear expression of knowledge. Moreover, the teachers found themselves to be completely exposed to the entire parental community. Because when the gadget was working, whoever was in the room was hearing the lesson going on. The whole family heard. And the teacher was disarmed, he became completely open to the system. Of course, it was difficult. The first two weeks the entire staff of the children’s ombudsman for

Moscow visited schools and collected material which resulted in a huge analytical report that went to the Ministry of Education. There is no format for the distance learning norms. We now ask the Ministry of Education to expand this concept, amend the law on education and give a clear definition of distance learning, and expand this topic so that it is clear to everyone, to all participants in the educational process: teachers, schoolchildren, and parents.

it’s a community of people. It is a continuous process, enriching the student by communication with the teacher, the teacher with the students, students among themselves. And many students are already on social networks, whoever wants may check it out, they say they are ready to give up everything and go to universities. This is very important, because, I repeat, universities perform not only an educational function, but also many social functions, the guiding function. It was not for nothing that Vladimir Vladimirovich brought the question of the guiding role of educational institutions before the State Duma. This is an absolutely correct and timely decision. For many years we have generally rejected the very idea of guidance in universities, which was completely wrong.

As for your question directly. Yes, I want to confirm that today not only the entrance exams, which we have been discussing, but also the final exams, the transfer exams will be held remotely. And we are ready for this. I won’t say we are 100% ready, and there will be no problems. There are problems, there will be problems because we are facing such a situation for the first time. For example, let me point out there’s no such concept as countering cheating in Russian society, unfortunately. Even if there are teachers in the classroom, and not only teachers but also observers, students still cheat or try to cheat. And with online exams, of course, a certain number of students will try to cheat, get undeserved grades, sometimes even good grades, excellent grades. At the university, we are still trying to achieve fairness in assessment, fairness in the attitude towards the teacher, towards other students. And this fairness will be violated. The biggest problem now is the final qualifying exams.

As you know, our university was the first to suggest cancelling two exams, leaving only the defense of theses. The overwhelming majority of universities supported this idea, and this year it's a relief for graduates, they will receive a diploma based on the defense of diploma theses, qualifying graduation theses.

The problem is that we cannot even gather the members of the commission in one lecture hall at the university, so that they would, as it were, publicly discuss a graduate's report and argue with him. Because, with all the sympathy many people feel for distance education, it will never replace face-to-face communication. And, of course, we are sorry about what happened. But there is no other way out today other than to use these tools. As for the entrance exams ... We are also going to conduct the entrance exams remotely. It's for those who did not take the USE or could not take the USE for various reasons, for example, college graduates or students who, for various reasons, were exempted from taking the USE, who have certain benefits, disabled students and some other categories of students. We will also conduct entrance exams for them. And we will be conducting entrance exams under the same special circumstances. Because in connection with the postponement of the USE, the admission campaign will also be postponed. And from mid to late August, we need to take exams, while enrolling two waves, which is also important. If I had my way, I, of course, would have everything done in one wave. But nobody cancelled the rules of admission which were approved long ago – so the process needs to be accomplished in two waves – 80% and 20%. But before that, we must enroll people who have certain privileges, i.e. students with disabilities, orphans entitled to admission, and so on. That is, we are facing a very difficult process both from a technical point of view and from an emotional point of view in the next thirty, forty-five or sixty days.

ОТКРОЕТ ЛИ ПАНДЕМИЯ НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ?

Уже, наверно, не один раз говорилось, что в китайском языке слово «кризис» состоит из двух иероглифов, один из которых означает опасность, а другой — возможность. Про опасности текущего кризиса сказано уже много, но вот какие социально-экономические возможности он может открыть, какие уроки преподать?

По материалам программы «Дом Э», ОТР, 16 мая 2020 г.

СОБЕСЕДНИКИ

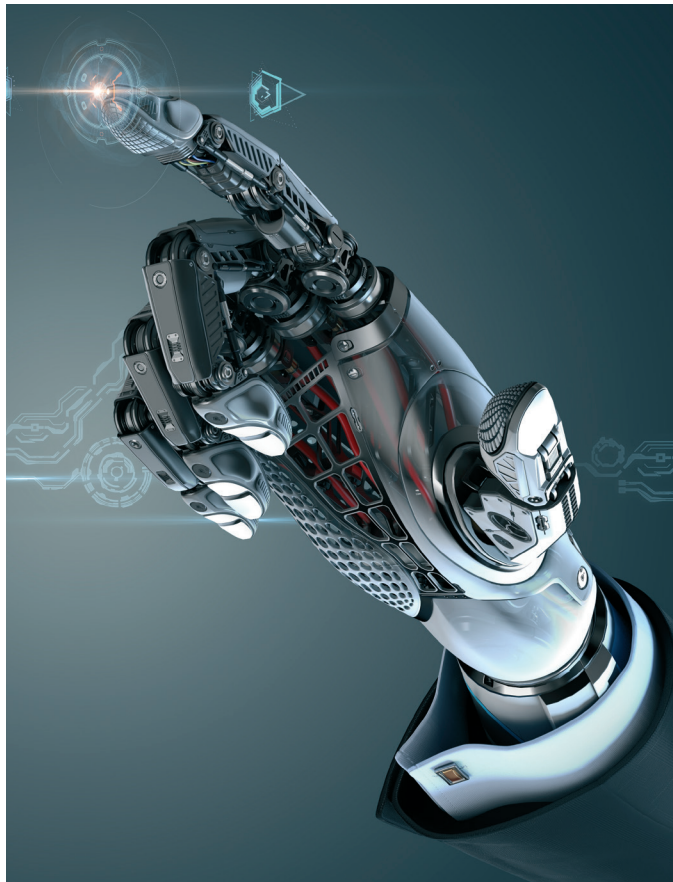
*Александр Александрович Дынкин,
академик РАН, вице-президент ВЭО России,
президент Института мировой экономики
и международных отношений
им. Е. М. Примакова РАН*

---

*Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России,
президент Международного союза экономистов,
директор ИНИР им. С. Ю. Витте,
д. э. н., профессор*

Бодрунов: Александр Александрович, Вы дали недавно очень интересное интервью и в одном из эпизодов сказали, что нынешний кризис, я вот фразу записал себе, «содержит в себе зерна кардинальных трансформаций общества и экономики». Александр Александрович, какие глубокие структурные изменения принесет этот нынешний кризис?

Дынкин: Сергей Дмитриевич, я думаю, что тут важно понимать, что этот кризис — не такой стандартный финансово-экономический кризис, с которыми мы сталкивались до сих пор. Новая Россия за короткую историю переживает уже четвертый кризис, не считая очень тяжелого трансформационного шока начала 90-х годов. И особенность этого кризиса в том, что его триггером послужила пандемия, о которой Вы сказали, и это обстоятельство — внешнее для экономики. И в этом, как бы в протяженности этой пандемии, в ее глубине, скрывается глубокая неопределенность той экономической динамики, которую мы сегодня видим. Если бы мы с вами знали наверняка, что, скажем, в середине мая или конце мая всё прекратится, то тогда могла бы быть одна стратегия выхода из кризиса. Поскольку это нам неизвестно, видимо, антикризисная стратегия должна строиться вдолгую.

Какие-то сигналы того, что происходит, уже видны сегодня. Вы знаете, многие обозреватели говорят, что мы проснемся в каком-то совершенно новом, необычном мире. Я в это не верю, потому что даже после чудовищной эпидемии испанки сто лет тому назад в общем мир остался тем же. Но я думаю, что те назревшие структурные изменения, которые мы с вами ощущали, видели, этот кризис ускорит. Например, очевидно, что ускорится и возрастет спрос на цифровые платформы. Если посмотреть на то, как сегодня фондовый рынок реагирует, то видно, что сильно упали в цене, скажем, нефтедобывающие компании, автомобилестроительные, авиалинии потеряли очень много, это понятно.

Второй сигнал, я думаю, в том, что высококвалифицированные занятые смогут и после кризиса в более широком масштабе использовать удаленную работу, дистанционную работу, не надо обязательно будет собирать тысячи человек в офисах. И это тоже то новое, что потянет целый шлейф структурных изменений. Скажем, очевидно мегаполисы являются концентраторами вируса, это происходит и у нас, и во всех других странах, поэтому я думаю, что произойдет распределение высококвалифицированной занятости в пригороды, в малые города, и это заставит обсуждать пределы роста мегаполисов.

Общий тренд, который тоже сегодня обнаружился, — это то, что происходит сдвиг от материального производства и материального потребления в сторону нематериального производства и нематериального потребления. Это, конечно, не будет одномоментно, но этот тренд виден.

Что я имею в виду под нематериальным производством и потреблением. Прежде всего это экономика знаний, это экономика впечатлений, это солидарная экономика, когда не каждый приобретает свой автомобиль, а вот такие услуги в виде каршеринга — этот тренд, на мой взгляд, ускорится.

Конечно, цифровизация позволит активизировать такое экономическое понятие, как экономия на разнообразии, поскольку big data позволяет учитывать разнообразные потребности конечного потребителя.

В общем, вот так мне кажется.

Бодрунов: Я сейчас немного отойду от темы. Нашему обществу в этом году 255 лет. И мы периодически возвращаемся к тем идеям и тем темам, которые были интересны, популярны, которыми занимались в Вольном экономическом обществе в те годы, которые предшествовали в предыдущих веках подобным трансформационным изменениям. Вообще-то инициатором создания Общества, еще далеко до его создания, был Михаил Васильевич Ломоносов.

Хотя он сам не дожил до создания Императорского, тогда оно называлось Императорским Вольным экономическим обществом России, считается, что именно его разработки легли в основание первой в истории России общественной организации.

Михаил Васильевич Ломоносов

Известен в первую очередь как великий русский ученый, энциклопедист, один из основателей Московского государственного университета и классик естественных наук. Также все знают его как коренного жителя Архангельской губернии, который, по легенде, приехал в Москву на обозе с рыбой и совершил для того времени невозможное — стал уважаемым ученым и государственным деятелем. О его работах в сфере экономики историки, как правило, упоминают лишь в свете остальных его достижений, тогда как Ломоносов является одним из основоположников идей, которые станут фундаментом для реформ на ближайшие столетия.

Сбережение и рост населения России ученый считал самым главным делом государственной политики, условием величия, могущества и богатства всего государства. Поэтому в качестве важнейших условий эконо-

мического развития России Ломоносов намечал развитие систем образования, здравоохранения и социального обеспечения, благоустройства городов, борьбу с преступностью и бегством людей, способных к продуктивной хозяйственной деятельности, за рубежи страны.

Одной из своих главных задач Михаил Васильевич видел ликвидацию экономической и культурной отсталости нашей страны в середине XVIII века. В тот период страной управляла Екатерина II, которая заслуженно считалась одним из самых просвещенных монархов Европы. В сентябре 1763 года императрица объявила указ об учреждении при Академии класса агрокультуры. Сразу после этого ее придворный библиотекарь Иван Тауберт и Михаил Васильевич Ломоносов приняли решение о создании «особливой комиссии», которая по сути стала прообразом будущего Вольного экономического общества.

В своем труде «Мнение об учреждении Государственной коллегии земского домостроительства» Ломоносов описал идеи и задачи, которые легли в основу устава общества, хотя сам документ был написан за два года до его основания.

Выход из сложившейся в сельском хозяйстве ситуации выдающийся ученый видел в применении научного подхода.

Для формирования такого подхода он предлагал использовать сбор сведений среди широких масс общественности в России. Он предлагал создать независимое общество, работающее в интересах государства, но при этом остающееся площадкой выражения свободных, независимых мнений. Императрицу удалось убедить, что в таком случае ей будет проще и понятнее управлять империей, поскольку она сможет принимать более правильные решения, при этом опираясь на мнение других авторитетных людей. Михаил Васильевич Ломоносов не дождался создания той самой первой в истории России общественной организации. Он скончался 15 апреля 1765 года от воспаления легких. На следующий же день после смерти вся его библиотека и бумаги были изъяты и опечатаны по приказу Екатерины II.

Императрица понимала ценность его трудов и не могла допустить, чтобы они были использованы не в государственных целях. Именно разработки Ломоносова легли в основу Императорского Вольного экономического общества.

Бодрунов: Уважаемый Александр Александрович, хотел бы вернуть нашу беседу в русло, которое проложил Ломоносов Михаил Васильевич. Он занимался очень много новыми технологиями, по тем временам новыми технологиями, новыми разработками. Ну а сейчас мы можем говорить, что всякая новая эпидемия или какая-то проблема так или иначе транспонируется в технологический прогресс, подталкивает инновации?

Дынкин: Каждый кризис приносит некие новые технологии. Если мы посмотрим на предыдущий кризис 10 лет тому назад, 2008–2009 года, то я скажу такую вещь: именно этот кризис дал планшет, без которого мы сегодня не представляем свою жизнь. Этот же кризис дал облачное программирование, этот кризис привел к успеху такие технологии нефтедобычи, как гидроразрыв и горизонтальное бурение, и, собственно, за эти 10 лет после кризиса Соединенные Штаты благодаря этой технологии вышли на первое место по добыче сырой нефти.

Конечно, до кризиса точно угадать эти технологии, на мой взгляд, почти невозможно, но я думаю, что прежде всего это будет распространение технологии сетей 5G. Если это так, то это приведет к взрыву того, что мы сегодня называем «интернет вещей». Я думаю, что ускорение получат современные методы мониторинга, контроля за эпидемиями, причем это должен быть набор не только методов, инструментов медицинских, вирусологических, но некие подходы к социальной организации общества, чтобы блокировать распространение этих пандемий. Цифровая экономика получит ускорение, и спектр приложений этой цифровой экономики будет колоссальным. Я не исключаю, что у нас через два-три года будут приложения в телефонах, которые будут показывать, что этот человек потенциально или фактически сегодня является носителем вируса. И из этого произойдет масса достаточно серьезных и не всегда простых социальных последствий.

Примерно треть занятых сегодня, высококвалифицированных занятых, скажем, в банковских услугах, юридических услугах, консалтинге, корпоративном управлении, могут работать на дистанте, но для других профессий, скажем, строителей, водителей — это исключено. Поэтому мне кажется, что будет происходить поляризация общества, будет возрастать неравенство доходов, и это очень серьезная проблема, к которой надо готовиться, и надо разрабатывать регламенты, инструменты компенсации этой ситуации.

Вот сейчас широко обсуждается вмененный доход. Это один из ответов. Я думаю, что гораздо правильнее все-таки будет адаптация системы образования и систем перекавалификации на тот спрос, который будет возникать на рынке труда. То есть здесь, на мой взгляд, технологии будут приводить к очень серьезным социальным проблемам и поиску адекватных социальных инструментов решения этих проблем.

Бодрунов: У нас недавно была в Вольном экономическом обществе конференция, в которой Вы принимали участие по этому поводу, и один из наших спикеров сказал, что без этого сегодня не обойтись. В то же время звучали и возражения. Безусловный базовый доход как-то более справедлив, чем разбрасывание денег всем подряд. Как Вы полагаете, что было бы лучше? Или вообще не стоит этим заниматься?

Дынкин: Я думаю, что неизбежно нам придется искать эти решения. Необязательно именно обязательный вмененный доход. Но то, что вы упомянули, «вертолетные деньги» — это такой как бы третий, не самый мощный инструмент неконвенциональных решений в условиях кризиса. На мой взгляд, одно преимущество этих «вертолетных денег» — скорость доставки. Вот в этом большое преимущество.

Бодрунов: Конечно.

Дынкин: Вмененный доход финны использовали, и здесь был тоже экономический расчет, потому что они его выплачивали практически всем, кто обратился. В чем тут преимущество этого вмененного дохода — что он не требует администрирования безработицы, а это довольно дорогостоящий процесс.

Бодрунов: Это хлопотный и сложный процесс.

Дынкин: Конечно. Вместо этого дорогого администрирования просто раздать деньги безработным. И я знаю, что даже после того, как некоторые люди находили работу или создавали свое сверхмалое предприятие, эти деньги еще сохранялись в течение двух лет. Поэтому в общем среди финских экономистов тоже нет единства в оценке, но все-таки мне кажется, что люди склоняются к позитивной оценке этого опыта на примере Финляндии. Но Финляндия маленькая страна, вы знаете, и там ответственное население.

Бодрунов: Да. Конечно, в этом плане еще некоторый плюс есть в том, что охватывается большая часть, доля населения, и можно говорить о выравнивании социального неравенства, можно говорить о том, что с точки зрения большой экономики это — некоторое стимулирование хоть какого-то внутреннего спроса, ну и многие другие позитивные вещи здесь есть.

Но тем не менее я хотел бы вернуть наш разговор в русло нашего будущего пандемического мира не только с экономической точки зрения, но и с точки зрения того, что каждый такой кризис вносит новое в нашу жизнь. Благодаря, условно скажем, пандемии чумы в середине XIV века было изобретено, как известно, книгопечатание, появились технологии, которые заменяли ручной труд. Потом шагнула вперед медицина. Мне кажется, что есть и другие интересные, позитивные моменты, которые можно найти в сегодняшнем кризисе, и подумать, что дали кризисы тогда и что может кризис дать сейчас.

Александр Александрович, Вы знаете, я хотел бы задать еще один вопрос, который немножко нас приблизит к той реальной ситуации, в которой мы сегодня находимся. Впереди у нас — переход к восстановлению нормальной жизни. И если ранее нормальная жизнь предполагала, что мы активно развиваем интернет-технологии, ускоряемся постоянно, то сейчас новая жизнь, новый мир, несмотря на развитие, может быть, существенное развитие технологий, может резко всё замедлить. Почему: потому что, помните, когда была известная ситуация с расширением террористической деятельности, у нас появились задержки в аэропортах, потому что нас начали исследовать на взрывчатку, на то, на сё, на пятое-десятое, ужесточились многие правила. Эта задержка времени, если пересчитать на экономическую активность, — замедление экономической активности.

Дынкин: Конечно.

Бодрунов: А сейчас будут дополнительные требования: проверять, условно говоря, перед тем как встретиться, на коронавирус или еще что-нибудь такое. Как, может быть, это отразится на экономике?

Дынкин: Я с Вами согласен, что, с одной стороны, это издержки, а с другой — инвестиции в безопасность. И ценность безопасности в самом широком смысле слова возрастает. Действительно, после террористических атак в Нью-Йорке, после террористических нападений в Москве и Питере появились протоколы авиационной безопасности, о которых вы сказали. Я думаю, что сегодня эти протоколы будут оснащены какой-то биометрией. Хорошо бы это оказалась одномоментная телеметрия, но, может, это будут некие документы, которые станут признаваться организацией ИАТА, международной организацией авиационного транспорта. Я знаю, что сегодня в этой организации ведутся дискуссии о том, каковы должны быть эти про-

токолы биобезопасности, с одной стороны, чтобы они были надежными, а с другой — чтобы не приводили к тем экономическим потерям, о которых вы сказали.

Общественное сознание отреагирует на этот коронавирус. Я думаю, что будет меньше совещаний, меньше конференций, симпозиумов, я думаю, что вот такое дистанционное общение, оно каким-то образом ограничит человеческие контакты, по крайней мере на первое время. Хотя мы с Вами знаем, что, несмотря на все предупреждения...

Бодрунов: Скорее, ограничит живые контакты, да?

Дынкин: Да.

Бодрунов: Но, может быть, усилит как раз контакты виртуальные.

Дынкин: Наверное, это будет так. Потом, посмотрите, вот я был удивлен и обрадован тому, что первая виртуальная экскурсия по Эрмитажу собрала 10 миллионов зрителей. Это тоже штрих к тому портрету будущего, которое мы пытаемся сегодня обрисовать. И, на мой взгляд, это важно. Посмотрите, все эти платформы, которые транслируют кинофильмы, спектакли, концерты, спрос на них тоже растет. Поэтому этот тренд, наверно, будет реализовываться в более широких масштабах.

Бодрунов: И в заключение, уважаемый Александр Александрович, предлагаю поговорить о поствирусном обществе. Какие задачи, вопросы выйдут на первый план? Общественные задачи.

Дынкин: Вы знаете, я думаю, что все-таки будет фокус на возобновляемые ресурсы. Возобновляемые ресурсы — что я под этим понимаю: это прежде всего интеллектуальные ресурсы, это ресурсы творческие и, видимо, отчасти какие-то альтернативные энергетические ресурсы.

Вы очень правильно сказали, что эпидемии давали толчок новым решениям. И это очень правильно, я думаю, что в посткоронавирусном мире инновации будут фокусироваться в тех областях, где имеется высокая общественная потребность, как было во время эпидемии чумы, и где есть платежеспособный спрос. Не так, как это было, скажем, у нас в прошлом веке, когда есть академическая наука, фундаментальная наука, прикладная, разработки, внедрение. Это такой длинный путь. А тут сразу надо находить решение актуальной проблемы.

Сегодня во всём мире более ста компаний, ста организаций ищут антивирус. И конечно, они используют фундаментальную науку, но сейчас они сфокусированы на абсолютном прикладном решении. Поэтому логика развития фундаментальной науки, с моей точки зрения, она вытекает из логики развития науки. А инновации ориентируются на конкретные потребности. Эта диалектика, которая существует в инновационном процессе, на мой взгляд, получит свое развитие и некое ускорение. Так же как книгопечатание. Вы знаете, ведь велись огромные дискуссии, потому что были люди, которые являлись противниками книгопечатания, потому что считалось, что знания передаются от учителя к ученику, а книга — это эрзац, и были в то время большие дискуссии. Но мы знаем, что книгопечатание как дистанционная передача знаний, дистанционная не только в пространстве, но и во времени, получила распространение.

Много таких противоречивых вещей нас впереди ждет. Но, я повторяюсь, наверно, я скажу, что неравенство доходов, социальная поляризация — это неизбежная вещь, и мы сегодня видим, что, скажем, в англо-саксонских странах они говорят о расколотых обществах. И эти расколотые общества отразились на политических процессах. Вы знаете, кого выбрали в Соединенных Штатах, вы знаете про Брексит, — это следствие этих расколотых обществ. Они раскололись не только благодаря технологиям, но и, конечно, отчасти благодаря глобализации, благодаря выносу трудоемких производств и падению доходов людей средней и низкой квалификации в странах, экспортирующих капитал. Поэтому в будущем посткоронавирусном мире многие цепочки добавленной стоимости будут пересматриваться, переосмысливаться с точки зрения политической устойчивости как контрагента, так и социального мира у себя в стране. Это, на мой взгляд, будет также новым трендом.

Товарная деглобализация уже идет после кризиса 2008–2009 года, то есть когда темпы роста мировой торговли отстают от темпов роста экономики. И это продолжится. Новым трендом, я думаю, будет информационная глобализация, глобализация в сфере высокотехнологических услуг в медицине, образовании. Вот это будет происходить в посткоронавирусном мире.

Бодрунов: Спасибо большое, Александр Александрович. Эпоха пандемии рано или поздно завершится, закончится, мы на это очень надеемся. Какие новые технологии, профессии она принесет, как изменится рынок труда, как изменится образование, здравоохранение, нам остается пока в общем-то догадываться. Мы понимаем, что нам необходимо пытаться предугадать эти направления, потому что в них заключается наше будущее: то, как мы будем развивать свою экономику, попадем ли мы в эти тренды, или мы начнем развивать нечто другое, и это окажется неактуальным? Мне кажется, что Ваши мнения хорошо ориентируют на то, что нас ждет в дальнейшем. Я благодарю Вас за Ваше время, за возможность встретиться.

WILL THE PANDEMIC OPEN UP NEW DEVELOPMENT OPPORTUNITIES?

It has probably been said more than once that in the Chinese language the word «crisis» consists of two hieroglyphs, one of which means danger, and the other – opportunity. Much has been said about the dangers of the current crisis, but what socio-economic opportunities can it open up, what lessons can it teach?

Based on the TV show House E, OTR, May, 16, 2020

PANELISTS

Alexander Alexandrovich Dynkin,
*Academician of the Russian Academy of Sciences, Vice President
of the VEO of Russia, President of the Primakov Institute of
World Economy and International Relations of the Russian
Academy of Sciences*

Sergey Dmitrievich Bodrunov,
*President of the VEO of Russia,
President of the International Union of Economists,
Director of the S.Yu. Witte INID,
Doctor of Economics, Professor*

Bodrunov: Alexander Alexandrovich, you recently gave a very interesting interview, and in one of the episodes you said the current crisis (I wrote down the phrase) “contains the seeds of cardinal transformations of society and the economy». Alexander Alexandrovich, what profound structural changes will the current crisis bring?

Dynkin: Sergei Dmitrievich, I think it is important to understand that this crisis is not one of the standard financial and economic crises we have faced so far. It’s the fourth crisis New Russia has encountered in its short history, not counting the very severe transformational shock of the early 90s. And the peculiarity of this crisis is that it was triggered by the pandemic you mentioned, and this circumstance is external to the economy. The duration of this pandemic, its intensity is the root of deep uncertainty of the economic transformation that we are witnessing today. If you and I knew for sure that, say, in mid-May or late May everything would end, then we could formulate a quick strategy for overcoming the crisis. Since we do not know this, it seems that the anti-crisis strategy should be built for a long time.

Some signals of what is happening are already visible today. You know, many observers say that we will wake up in some completely new, unusual world. I do not believe in this, because even after the monstrous epidemic of «Spanish flu» a hundred years ago, the world in general remained the same. But I think that the overdue structural changes that we felt and saw will accelerate this crisis. For example, it is clear that the demand for digital platforms will accelerate and grow. If you look at how the stock market is reacting today, you can see that stock prices have fallen dramatically; for example, oil companies, automobiles, and airlines have understandably lost a lot of value.

The second signal, I think, is that highly qualified employees will be able to work remotely on a wider scale even after the crisis; it will not be necessary to gather thousands of people in offices. And this is also something new that will pull a whole train of structural changes. For example, it is obvious that megacities are concentrators of the virus, this is true for our country and all other countries, so I think that there will be a shift of highly skilled employment to the suburbs, to small cities, and this will force us to discuss limiting the growth of megacities.

The general trend, which has also emerged today, is that there is a shift from material production and material consumption towards non-material production and non-material consumption. This, of course, will not happen overnight, but the trend is visible.

What do I mean by nonmaterial production and consumption? First of all, it's the economy of knowledge, it's the economy of impressions, it's the economy of solidarity, when a person will not be buying their own car but will be using such services as car sharing – this trend, in my opinion, will accelerate.

Of course, digitalization will make it possible to activate such an economic concept as saving on diversity, since big data allows us to take into account the various needs of the end consumer.

Generally speaking, this is the way I see it.

ПАНДЕМИЯ МЕНЯЕТ БИЗНЕС: КТО ВЫЖИВЕТ В НОВОЙ ЭКОНОМИКЕ?

Пандемия коронавируса привела к остановке целых сегментов экономики, бизнес несет огромные потери. Каковы настроения российских предпринимателей, может ли текущая ситуация дать толчок к развитию бизнеса и как он должен меняться?

По материалам программы «Дом Э», ОТР, 20 июня 2020 года

СОБЕСЕДНИКИ

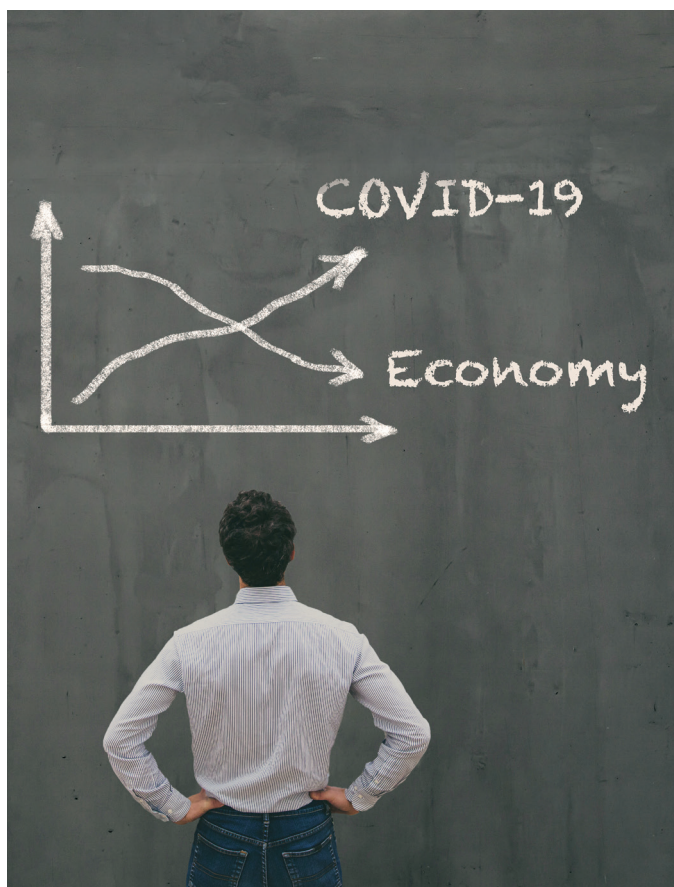
*Антон Викторович Данилов-Данильян,
сопредседатель «Деловой России», заместитель
председателя Общественного совета Минпромторга
России, председатель Экспертного совета Фонда
развития промышленности*

---

*Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России,
президент Международного союза экономистов,
директор ИНИР им. С. Ю. Витте,
д. э. н., профессор*

Бодрунов: Пандемия коронавируса привела к остановке целых секторов российской экономики. Ситуация тяжелая, бизнес несет большие потери. Для некоторых они критичные, для некоторых не очень. Тем не менее, по данным опроса аналитического центра Национального агентства финансовых исследований, российские предприниматели трудностей не боятся. 88% опрошенных не готовы уходить из бизнеса, несмотря на все сложности. Они меняют бизнес-процессы, ищут новые рынки сбыта, другие сферы деятельности, возможности реформатировать бизнес с учетом реалий карантина и ограничительных мероприятий. Вы, как руководитель одной из крупнейших предпринимательских структур России, как оцениваете настроение российских предпринимателей?

Данилов-Данильян: В целом настроения пессимистичные. Но хочется отметить, что некоторые отрасли вовсе не пострадают от кризиса. Все, что связано с производством лекарств, медицинской техники, сейчас активно растет. Не сильно пострадали отрасли, которые завязаны на государственный заказ. Не падают и те, кто работает на продовольственных рынках. Есть, конечно, особенно тяжелые истории — это туризм. Потому что пандемия COVID-19 — это в первую очередь ограничение движения. Гостиничный бизнес, авиаперевозки, народные художественные промыслы, всё, что делается ради туристов, — всё это, естественно, страдает. Ограничение перемещений закрыло возможность для работы многих предприятий малого и среднего бизнеса, бытовых услуг. Но после снятия карантинных мер все быстро восстановится. Кое-кто, конечно, разорится, но свято место пусто не бывает. На их месте возникнут другие, хотя и более цифровизированные бизнесы.

Бодрунов: Как российский предприниматель реагирует на эти технологические новшества? Например, сейчас многие арендаторы снижают размеры арендуемых помещений, потому что поняли — функции многих сотрудников можно выполнять удаленно и не тратить деньги на их рабочее место. Им это на руку. А для арендодателей это не очень хорошая история. Потому что помещения, в которые вложены огромные деньги, не окупаются. В связи с этим какие сферы улучшат свое положение, а кому-то придется, так сказать, пожить не солоно хлебавши?

Данилов-Данильян: Чем более обеспеченными являются граждане и бизнесы, тем больше у них возможностей для удаленной работы. Высокие доходы у тех, кто занимается программированием, IT, разработкой программного обеспечения, систем удаленной автоматизации управления разными процессами и прочее, топ-менеджеры. Если посмотреть на день топ-менеджера, то выяснится, что при наличии электронной цифровой подписи его присутствие на рабочем месте не нужно. Конечно, если есть возможность проводить конференции и задействовать прочие технологии, которые позволяют работать с персоналом, сотрудниками дистанционно, давать им соответствующие указания, поручения, проверять. Если какие-то особенные совещаний, где есть угроза, скажем, раскрытия промышленной тайны или еще какие-нибудь обстоятельства, там, конечно, требуется личное присутствие. Но для этого не нужен большой офис. Достаточно снять комнату в коворкинг-центре. Этот бизнес сейчас будет активно развиваться. Кроме того, многие бизнесы поняли, что им не нужны большие офисы. По крайней мере, в тех двух бизнесах, где я возглавляю советы, не требуется присутствие части сотруд-

ников на рабочем месте. Они могут раз в неделю приехать на совещание, а работать из дома. Есть большой пласт технологий, который позволяет внедрять автоматизированные системы управления. Это не только беспилотные транспортные средства, но и технологические процессы, которые фактически могут работать без участия людей. Это направление будет активно развиваться в России и в мире. И те люди, которые будут писать для этого программное обеспечение, конечно, будут заняты. А это люди, которые чаще всего не работают в офисах, им легко организовать работу из дома. Всё это, естественно, вызовет в промышленности, в экономике тектонические сдвиги. Но хочу обратить внимание, что эти тенденции уже имели место. Коронавирус, точнее, последствия пандемии, лишь ускорили их.

Бодрунов: По данным центра НАФИ, 28% предпринимателей перепрофилировали бизнес или стали предлагать новые продукты и услуги. Какие Вы видите пути выхода из кризиса для предпринимателей?

Данилов-Данильян: Понятно, когда вы, допустим, продавали телевизоры в торговом центре, который закрылся на время карантина, заявки стали идти через сайт магазина, и вы работаете на доставку. Сложнее перепрофилироваться с точки зрения освоения новой продукции. Тем не менее те, кто мог потенциально выпускать, скажем, медицинские изделия, но до того, например, выпускал ликеро-водочную продукцию, соответственно, стали больше внимания уделять производству дезинфицирующих средств с высоким содержанием спирта — 66% и выше. Это сравнительно простое перепрофилирование. Оно не требует существенных вложений. Гораздо сложнее будет перепрофилироваться тем, кто понимает, что в активном потреблении товаров и изделий, которые они делали раньше, возникла пауза длиной 2–3 года. Это тот же самый туризм, автомобили, недвижимость, ювелирная промышленность. Что делать этим отраслям? Большой вопрос. Зачастую перепрофилироваться так просто будет невозможно. В этих отраслях чаще всего и происходят определенные сдвиги — где-то это концентрация, где-то передел рынка. Некоторые товары и услуги естественным образом перейдут в виртуальную схему. Например, образование. Если раньше вы хотели обучить работника, то брали для этих целей опытного мастера. Он показывал, как работать на соответствующих технологических процессах. Теперь появилась возможность с помощью специальной техники отработать в виртуальном пространстве аварийные ситуации, которые могут возникнуть на производстве. Появляются новые рынки, возникает потребность в специфических, электронных частях для производства технических средств, необходимых для дистанционного образования и всего, что сопровождается 3D-моделированием. Меняется производство, не нужны большие станки. Детали, продукцию

можно производить из разных компонентов с помощью аддитивных технологий и 3D-принтинга. Прогресс предоставляет много вариантов. И нет единого рецепта. То есть каждый предприниматель, каждое предприятие должно для себя решить, в какую сторону двигаться.

Бодунов: Антон Викторович, могу сказать, что экономика и предпринимательство — это вещи абсолютно неразделимые. И у нас в Обществе, которому в этом году 255 лет, такая задача, как поддержка предпринимательства, всегда стояла во главе угла. Давайте послушаем рассказ о Николае Васильевиче Верещагине, члене Императорского Вольного экономического общества, создателе новой отрасли народного хозяйства — масло- и сыроделия.

Николай Васильевич Верещагин

13 октября 1839 года в деревне Пертовка Череповецкого уезда родился будущий создатель новой отрасли русского народного хозяйства и активный член Вольного экономического общества Николай Васильевич Верещагин. Свое детство он провел в кадетском корпусе для малолетних вместе с младшим братом Василием Верещагиным, вскоре ставшим выдающимся русским художником и автором знаменитой картины «Апофеоз войны». В дальнейшем Николай Васильевич окончил Морской кадетский корпус, а затем и Естественное отделение Санкт-Петербургского университета, будучи уже офицером. Жениться и окончательно оставив военную службу, в 1865 году он уехал в Европу для изучения молочного дела. В Швейцарии он впервые познакомился с артельными сыроварами, куда фермеры поставляли молоко, разделяя между собой

доходы, получаемые от продаж молочных продуктов. По возвращении в Россию Николай Верещагин обратился в Вольное экономическое общество с инициативой организовать крестьянские артельные сыроварни. Общество поддержало это предложение, выделив средства на его реализацию. 19 марта 1866 года он открыл свою первую сыроварню в Тверской губернии. В течение последующих нескольких лет открылись десятки подобных предприятий по всей России. Чтобы распространить свои идеи как можно шире, будучи активным членом-корреспондентом Вольного экономического общества, Николай Верещагин начал публиковать свои статьи и в прессе. Помимо массовых и отраслевых изданий, многие из его работ появлялись в ежегодниках и Трудах Общества. Постепенно его деятельность приобретала массовое признание. Продукты, произведенные на его артелях, получили многочисленные награды на российских и международных выставках. Именно Верещагин открыл миру новый сорт вологодского масла, которое по недоразумению в течение многих лет называлось парижским. Усилиями Верещагина Россия в начале XX века вошла в число ведущих

мировых экспортеров масла. До начала его деятельности страна практически и не вывозила сливочное масло за рубеж. Уже в 1897 году его экспорт превысил 5,5 миллиона рублей, а в 1905-м — и все 30 миллионов рублей. Но главный феномен Верещагина заключается в том, что он, как истинный предприниматель, сумел создать совершенно новую отрасль без личных вложений и без административного ресурса в тот непростой период, когда в стране еще даже не существовало необходимого оборудования и условий труда. Всё это он создавал с нуля, переживая на пути и успех, и проблемы, и неудачи, но никогда не останавливался перед своей целью. Пожалуй, именно это качество отличает успешных предпринимателей и в наши дни. Последней масштабной работой Николая Васильевича стала подготовка национального павильона молочного хозяйства для Всемирной выставки в Париже. 13 марта 1907 года Николай Верещагин умер в родовом имении, оставив после себя новую, активно развивающуюся сельскохозяйственную отрасль и более 60 научных работ и статей, многие из которых не потеряли своего значения и в наши дни.

Бодрунов: Кризис — это время возможностей и время перемен. Как должны меняться предприниматели России?

Данилов-Данильян: Российские предприниматели должны, конечно, получать лучшее образование. У нас не уделяется никакого внимания обучению предпринимательству. Соответственно, люди, особенно в малом бизнесе, часто оказываются не готовыми к переменам, в том числе к сжатию спроса, сбоям в поставках товаров, отказам банков в предоставлении финансирования и другим факторам. Риски в предпринимательской деятельности и возможности по-разному на них реагировать — важный элемент образования. Что важно для правительства — это иметь заготовленные заранее модули и решения. Не нужно вводить их в действие, но держать в кармане на случай негативного развития событий следует. Есть, скажем, блок решений на случай военного времени. Не дай бог, он будет использован, но он есть. Точно так же и применительно к кризисам в разных отраслях нужно иметь наготове решения. Хотя, нужно отдать должное, и Центральный банк, и правительство по количеству, разнообразию и скорости принятия решений в этот раз гораздо более эффективно действовали, чем в 2014 и 2008 годах.

PANDEMIC CHANGES BUSINESS: WHO WILL SURVIVE THE NEW ECONOMY?

The coronavirus pandemic has brought entire segments of the economy to a standstill, and businesses are suffering huge losses. What are the sentiments of Russian entrepreneurs, can the current situation boost business development and how should business change?

Based on the TV show House E, OTR, June, 20, 2020 z.

PANELISTS

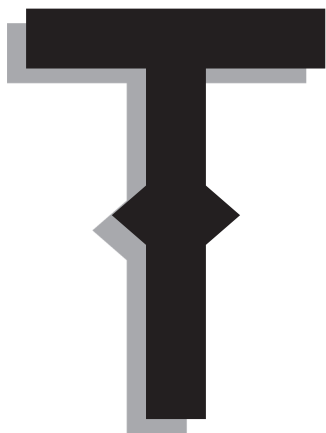
Anton Danilov-Danilyan,

Co-Chairman of Delovaya Rossiya, Deputy Chairman of the Public Council of the Ministry of Industry and Trade of Russia, Chairman of the Expert Council of the Industrial Development Fund

Sergey Dmitrievich Bodrunov,

President of the VEO of Russia, President of the International Union of Economists, Director of the S.Yu. Witte INID, Doctor of Economics, Professor

Bodrunov: The coronavirus pandemic has led to a halt in entire sectors of the Russian economy. The situation is difficult, businesses are suffering heavy losses. For some those losses are critical, for some not so much. Nevertheless, according to a survey by the Analytical Center of the National Agency for Financial Research, Russian entrepreneurs are not afraid of difficulties. 88% of respondents are not prepared to abandon their businesses, despite all the difficulties. They are changing business processes, looking for new sales markets, different areas of activity, opportunities to reformat their businesses, taking into account the realities of the quarantine and restrictive measures. As the head of one of the largest entrepreneurial union in Russia, how do you assess the mood of Russian entrepreneurs?

Danilov-Danilyan: In general, the mood is pessimistic. But I would like to note that some industries will not suffer from the crisis at all. Everything related to the production of drugs and medical equipment is now actively growing. The industries that rely on government orders have not suffered much. Those who work in the food markets have not suffered either. There are, of course, especially difficult cases, such as tourism. Because the COVID-19 pandemic is primarily about traffic restrictions. The hospitality business, air travel, folk arts and crafts, everything that is done for the sake of tourists will naturally take a hit. Travel restrictions have snatched every opportunity for many small and medium-sized businesses and consumer services. But after the quarantine, when the restrictive measures are lifted, everything will quickly recover. Some businesses will, of course, go broke but others, more digitalized, will soon emerge and take their place.

Bodrunov: How does a Russian entrepreneur react to those technological innovations? For example, many tenants are reducing the size of their rented premises because they've realized that the functions of many employees can be performed remotely and without spending money on providing them with workplaces. It plays into their hands. As for landlords, that's not a good thing. Because premises, in which a lot of money has been invested, will not pay off. So, who is likely improve their situation, and who is likely to suffer?

Danilov-Danilyan: The more prosperous the individuals and businesses are, the more opportunities they have for working remotely. Those who are engaged in programming, IT, software development, systems for remote automation of management of various processes, and top managers will have high incomes. If you look at the day in the life of a top manager, it turns out that if he has an electronic digital signature, his presence at the workplace is not necessary. Provided of course it is possible to hold conferences and use other technologies that allow you to work with employees remotely, give them appropriate directions, instructions, check on them. If there are any special meetings where there is a threat of, say, disclosure of industrial secrets or some other circumstances, in such events, of course, personal presence is required. But it does not require keeping a large office. It is enough to rent a room in a coworking center. This business will now actively develop. Plus, many businesses have realized that they don't need large offices. At least in the two businesses where I head the boards there is no need for some of the employees to be present at the workplace. They can come to a meeting once a week and work from home. There is a large layer of technologies that allows the introduction of automated control systems. Those are not only unmanned vehicles but also technological processes that can actually proceed unattended. This area will be actively developing both in Russia and abroad. And those people who can write software for this will, of course, be busy writing it. Those people do not usually work in offices, it is easy for them to organize work from home. All this, of course, will cause tectonic shifts in industry and economy. But I want to draw your attention to the fact that those trends have already emerged. The coronavirus or, more precisely, the consequences of the pandemic, will only accelerate them.

УСИЛИТСЯ ЛИ ЗЕЛЁНЫЙ ТРЕНД В ЭКОНОМИКЕ?

Пандемия оставила целые страны в режиме экономической паузы, но, как бы парадоксально это ни звучало, есть и хорошая новость: распространение коронавируса уже положительно влияет на состояние окружающей среды. Мы хотели бы понять, насколько эта экологическая передышка будет долгосрочной и как пандемия повлияет на зеленую экономику в долгосрочной перспективе.

По материалам программы «Дом Э», ОТР, 23 мая 2020 г.

СОБЕСЕДНИКИ

Борис Николаевич Порфирьев,
член Президиума Вольного экономического общества
России, научный руководитель Института
народнохозяйственного прогнозирования Российской
академии наук, академик РАН

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России,
президент Международного союза экономистов,
директор ИНИР им. С. Ю. Витте,
д. э. н., профессор

Порфирьев: Действительно, та ситуация, которая вызвана последствиями коронавируса, замедление темпов экономического роста, остановка производств, в том числе и производств, загрязняющих окружающую среду, привели к довольно существенным положительным изменениям в экологической обстановке. Концентрация диоксида азота, скажем, в Восточном Китае сразу после Нового года резко снизилась. А это Китай в целом.

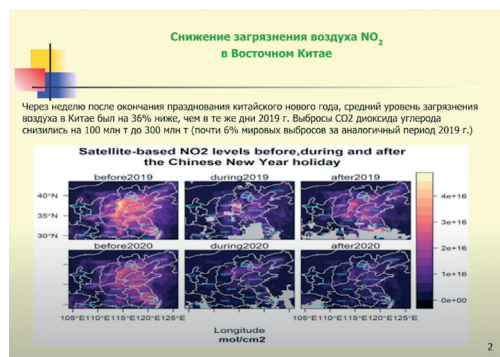
Аналогичная картинка по Соединенным Штатам, тоже очень серьезное снижение загрязнения диоксидом азота, это четко просматривается, это один из сильных загрязнителей, к тому же парниковый газ.

По Европе мы наблюдаем ту же картину: вот Франция, и там у нас кусочек Германии просматривается.

Что очень важно, вот на этой картинке показано снижение загрязнения не только диоксидом азота, но, что очень важно, взвешенными частицами, это одни из самых опасных канцерогенов, двух с половиной микрон и десяти микрон. Это в Гонконге, однако сходная картина наблюдается не только в Гонконге, но и в других странах.

Добавлю, может быть, к этим картинкам еще две цифры. Есть такой известный город Нью-Дели в Индии, он вообще считается едва ли не мировым чемпионом по загрязнению. Загрязнение сократилось на 27%, в Сеуле — на 54%.

То есть мы четко видим снижение загрязнения воздуха, улучшение качества окружающей среды, что, с одной стороны, не может не радовать. Но здесь нужно все-таки иметь в виду три обстоятельства.

Первое обстоятельство. Продолжительность снижения такого загрязнения — и опасными, вредными веществами, и парниковыми газами — она ограничена. Эффект так называемой отдачи потом, при восстановлении промышленной экономической активности, может быть весьма силен. Приведу в пример кризис 2008–2009 года, когда выбросы снизились на 1,6%, но в последующие годы рост былкратно больше, на 6–7%.

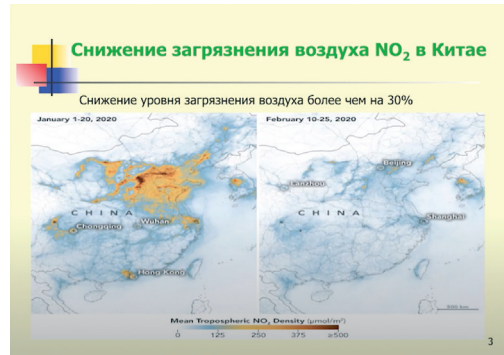
Второе обстоятельство — это то, что улучшение экологической ситуации такой ценой, когда по сути дела остановлена или очень серьезно заторможена экономика, конечно, он контрпродуктивен, если это рассматривать как некое средство улучшения экологической ситуации. Потому что при падении экономики, мы прекрасно это знаем по нашей российской действительности, наблюдается падение жизненного уровня и качества жизни людей, а это сказывается не только на доходах и качестве жизни, но также и на здоровье людей, прежде всего на психическом, да и на соматическом здоровье, поэтому, что называется, выигрыш такого рода — это, скорее, пиррова победа.

Еще один момент, связанный с этим обстоятельством, — опыт 90-х годов в России показывает: мы тоже там имели довольно приличное снижение абсолютных объемов выбросов и загрязняющих веществ, и парниковых газов. Но при этом наблюдался рост удельных выбросов, потому что фонды устаревали, они не модернизировались, они не менялись, поэтому удельные выбросы увеличивались.

И наконец, последнее обстоятельство, с этим связанное, — это противоречивость экологических последствий, связанных с коронавирусом. Дело в том, что вот я говорил о снижении выбросов аэрозолей, в частности взвешенных частиц. Известно, что при сокращении выбросов аэрозолей, вообще говоря, увеличивается нагрев. То есть если, например, концентрация аэрозолей вообще равна нулю (есть такие модельные расчеты, которые это показывают), то это увеличивает нагрев на один градус Цельсия. В общем, вопрос для глобального потепления остается.

И второй момент. Дело в том, что мы знаем, что с коронавирусом связано падение цен на нефть. Стали дешевле производство пластика, в том числе и пластика для медицины, которые используются также для средств защиты. Соответственно, это создает риск увеличения пластиковых отходов, а значит, может стать основной такой головной болью для экологии. Конечно, тупика здесь никакого нет, идет работа над биоразлагаемыми пластиками, есть движение в сторону экономики замкнутого цикла, но в краткосрочном плане такие последствия могут быть.

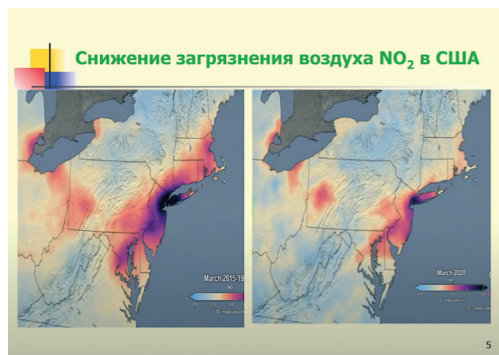
Бодрунов: Я бы еще добавил к этому, наверное, такую показательную цифру. Есть такая международная организация — Global Footprint Network, GFN, она мониторит состояние экологии, состояние экологического следа. Они установили такую определенную экологическую дату: сколько времени необходимо Земле, чтобы при прекращении деятельности человека восстановить то, что человек за год натворил. Прежде чем продолжить нашу беседу, я хотел бы напомнить вам, уважаемые телезрители, в каком состоянии находилась наша мировая экономика с этой точки зрения. По состоянию на момент до начала нашей эпидемиологической ситуации.

Global Footprint Network

Понятие о дне экологического долга, то есть о дне, когда население Земли израсходует все ресурсы, которые наша планета способна воспроизвести за год, ввела Глобальная сеть экологического следа, Global Footprint Network. Чтобы определить день экодолга, специалисты Глобальной сети экологического следа соотносят скорость потребления биоресурсов человеком со способностью планеты восстанавливаться и поглощать выбросы углекислого газа. Определение экологического следа было введено канадским ученым Уильямом Ризом в 1992 году. Экослед является условным понятием, которое раскрывает величину потребления людьми ресурсов биосферы и представляет собой площадь поверхности нашей планеты, которая требуется для воспроизведения ресурсов, потребляемых человеком, и для поглощения образованных им же отходов. Главным источником экологического следа остается повседневная жизнь человека, ведь более 70% следа — результат потребления домохозяйств. В каких объемах люди тратят энергоресурсы и воду, какие продукты и в какой упор-

ковке приобретают, какое количество отходов они выбрасывают — всё это определяет наше влияние на планету. Ранее в качестве даты экологического долга экспертами назывался декабрь. По итогам прошлого года этот срок был перенесен уже на июнь. При сохранении нынешних тенденций потребления к 2050 году люди будут использовать экологические ресурсы, по объемам равные трем планетам, подобным нашей. В докладе Глобальной сети экологического следа в 2016 году говорится о том, что у России еще имеются запасы возобновляемых ресурсов. В настоящее время наша страна потребляет меньше, чем могут воспроизвести ее экологические системы. Однако ситуация меняется в худшую сторону с каждым годом. Но в наших силах этому препятствовать. Именно комплексное изменение поведения и привычек каждого отдельного человека, а не только законодательные меры, помогут реально приостановить процесс разрушения среды и прийти к гармоничному взаимодействию с нашей планетой.

Бодрунов: У нас была в Вольном экономической обществе недавно большая дискуссия по поводу того, как будет развиваться постпандемический мир. И фраза, прозвучавшая в одном из выступлений, меня задела. Речь шла о том, что мало кто обращает внимание на то, что сегодняшняя экономика дает не просто деньги для жизни людей, это в том числе и инвестиционный ресурс. Инвестиционный ресурс в том числе в новые технологии. Одной из таких технологий является комплекс зеленых технологий. Но если у нас

сейчас экономический спад, то не станет ли это большим ударом по зеленой экономике?

Порфирьев: Моя точка зрения заключается в том, что пандемия COVID-19 объективно ничего не отодвигает.

Первое, стратегия устойчивого развития, неотъемлемой частью которой является зеленая составляющая, остается стержнем долгосрочной социально-экономической политики государств до 2030 года, как это было предусмотрено соглашением в Аддис-Абебе. При этом очень важно помнить, что зеленая экономика, так, как она интерпретируется, в частности, ЮНЕП, — это хозяйственная деятельность, которая повышает благосостояние людей, обеспечивает социальную справедливость и снижает риски для окружающей среды. И в этом смысле пандемия коронавируса, ее последствия не только не колеблют уверенности в правильности, напротив, подтверждают обоснованность этого стратегического выбора в пользу устойчивого развития.

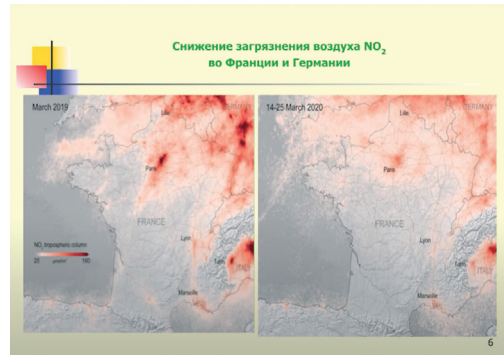
Кроме того, что очень важно, я бы подчеркнул, опыт пандемии, борьбы с ней доказывает приоритет адапционных мер. То есть когда исключить источник нельзя, но можно принять некоторые предупредительные меры и оперативные меры. То, что ООН называет превентивной, или проактивной, адаптацией и оперативной адаптацией.

Если говорить о превентивной адаптации в том контексте, в котором Вы задавали вопрос, речь идет, конечно, прежде всего о модернизации структуры экономики, ее сдвиге в пользу наиболее современных сфер услуг, экономики знаний с ядром в пользу здравоохранения, что нам подсказывает сегодняшняя ситуация.

Речь идет также о производственно-технологической модернизации экономики, не только структурной, но и производственно-технологической, на основе наилуч-

ших доступных технологий. У нас по этому поводу принят специальный закон в 2014 году, и мы активно развиваем этот тренд. Это связано с использованием не только экологически чистых, но, что очень важно, энергоэффективных и производительных технологий. То есть это помогает сохранять нашу конкурентоспособность.

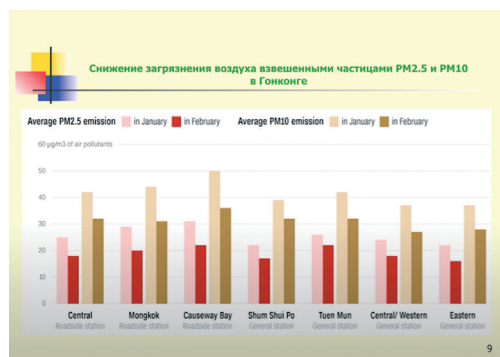
Те исследования, которые недавно были завершены в нашем Институте народнохозяйственного прогнозирования, доказали, что за последние 25 лет наиболее эффективными были и остаются меры государственной политики по стимулированию динамики экономического роста и качественных изменений в отраслевой технологической структуре. Именно они обеспечили значительное улучшение экологической ситуации, снижение удельной углеродоемкости российской экономики, если говорить о Парижском соглашении, и почти на 90% компенсировали возможный рост выбросов парниковых газов, который был бы связан с увеличением выпуска. Тем самым был обеспечен так называемый эффект декаплинга и ограничение нетто-выбросов в России парниковых газов на уровень 51%, если считать от 1990 года.

Ситуация с пандемией вскрывает огромный потенциал также информационно-коммуникационных технологий — по обеспечению удаленной работы, сокращению транспортных издержек, развитию электронной торговли. Всё это снижает воздействие на окружающую среду и подтверждает в то же время эффективность мер макроэкономической, структурно-технологической модернизации, которая, помимо своей основной цели повышения качества и уровня жизни и конкурентоспособности экономики, также способствует снижению воздействия на окружающую среду.

Что касается оперативной адаптации, то есть когда мы сейчас уже имеем такие последствия и нужно оперативно реагировать, то речь идет также о повышении готовности и реагирования на ЧС в том числе и экологического характера. Это укрепление общего потенциала реагирования на чрезвычайные ситуации, включая и чрезвычайные ситуации, вызванные экологическими причинами.

Что касается, например, если говорить конкретно, инвестиций в чистую энергетику, сейчас звучат мнения, что чистая энергетика должна получить импульс, надо срочно воспользоваться этой ситуацией и свернуть углеводородную энергетику. Я бы сказал так: экологические

и особенно мотивы, связанные с устойчивым развитием, безусловно, должны присутствовать, устойчивое развитие должно доминировать, но надо помнить, что помимо экологического вызова есть и другие вызовы, а источник средств у нас один. Поэтому всё должно решаться во взаимной увязке. И когда мы говорим, например, о более чистой энергетике, в частности и экологии выбросов парниковых газов, то надо помнить, что, например, если мы говорим о России, то 37% нашего электробаланса — это ГЭС,

атомные станции и маленькая, почти около процента, часть возобновляемых источников. То есть 37% мы обеспечиваем по сути дела за счет низкоуглеродной энергетики, которая, естественно, минимизирует выбросы и парниковых газов, да и экологическую ситуацию обеспечивает на должном уровне.

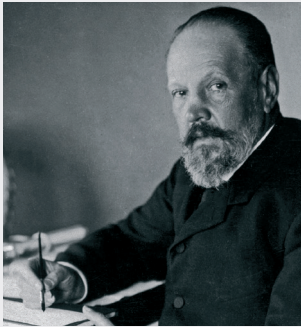
Больше половины нашего баланса — это газ. Конечно, он не является в строгом смысле слова абсолютно экологически чистым, но это несравнимо более чистое топливо, чем уголь. И у нас уголь — это в районе 13–14%, это не сравнить с Германией, которая имеет треть, Америкой, которая имеет примерно 22–23% угольного вклада, я уже не говорю про Индию и Китай, где, несмотря на все эти достижения, о которых мы с вами говорили в начале, конечно, львиная доля по-прежнему обеспечивается за счет угольных ТЭЦ.

Для нас, конечно, вложения в возобновляемую энергетику — и солнечную, и ветровую — перспективны в части развития распределенной генерации в так называемых энергоизолированных районах, которые удалены от центральных сетей, а это, между прочим, ни много ни мало две трети территории, 20% населения.

Бодрунов: Основная территория России, да.

Порфирьев: Очень серьезная задача. И как раз если говорить о крупных инвестпроектах в связи со снижением выбросов в окружающую среду, для России в первую очередь, если говорить не только об энергетике, а вообще о промышленности, это вложение в энергоэффективные технологии.

Бодрунов: У нас в Вольном экономическом обществе в этом году юбилей — 255 лет, и у нас во все времена все проблемы кризисов, все проблемы, которые возникали в экономике, решались в том числе с помощью экспертов Вольного экономического общества. Одним из таких серьезных специалистов, который длительное время работал в Императорском Вольном экономическом обществе России, был небезызвестный премьер-министр России Сергей Юльевич Витте. Я вот работаю в том числе директором Института нового индустриального развития имени Витте и прекрасно знаю его биографию и какой огромный вклад он внес в разрешение кризисных проблем России на рубеже XIX–XX веков. Я предлагаю вспомнить этого выдающегося человека.

Сергей Юльевич Витте

Родился в Тифлисе 17 июня 1849 года. Его отец относился к псковско-ливонскому рыцарству и владел поместьем в Пруссии. Мать была дочерью саратовского губернатора. В 1870 году он окончил Новороссийский университет, стал кандидатом физико-математических наук. Из-за нехватки денег ему пришлось отказаться от научной карьеры и начать работать на Одесской железной дороге. Работая обычным кассиром в билетной кассе, со временем он дослужился до управляющего Юго-Западными железными дорогами. В дальнейшем вся деятельность Сергея Юльевича будет направлена на оптимизацию и эффективное использование потенциала открывающихся возможностей. Менее чем через год он становится министром путей сообщения, а затем управляющим Министерством финансов. Именно он одним из первых

разглядел своего будущего коллегу по Вольному экономическому обществу, талантливого ученого Дмитрия Ивановича Менделеева, и предложил ему работу в своем ведомстве. Одним из главных мероприятий, которые осуществил Витте на посту, была денежная реформа 1897 года по введению золотого стандарта рубля, благодаря чему рубль стал на тот период одной из самых стабильных валют в мире. Также он занимался привлечением иностранных инвестиций, введением винной монополии. Помимо государственной службы Сергей Юльевич также принимал участие в жизни Императорского Вольного экономического общества, которое в тот период переживало самые непростые времена в своей истории. В 1900 году власти запретили публичные заседания общества, поставили его работу под контроль Министерства земледелия и государственных имуществ. Общество фактически свернуло свою работу, восстановив ее в полной мере лишь после царского манифеста 1905 года. После возобновления работы Вольное экономическое общество активно занималось поддержкой реформ Сергея Витте. Сергей Юльевич разработал программу реформ, которую позже реализовал Петр Столыпин, а также предприни-

мал меры по ускоренному развитию промышленности, способствуя первой российской индустриализации 1890-х годов. Благодаря его усилиям всего за 10 лет промышленное производство в стране удвоилось, производительность труда увеличилась на четверть, количество предприятий увеличилось в два с половиной раза. По темпам роста в отраслях, определяющих рост индустриализации в тот период, Россия вышла на первое место в мире, а по абсолютным объемам производства вошла в пятерку крупнейших держав.

Ключевой целью прогрессивных реформ Витте было повышение благосостояния людей и обеспечение социальной справедливости, что и в наши дни лежит в основе принципов зеленой экономики. Уже тогда он понимал, что лишь в таких обстоятельствах государство может достигнуть благополучия. Влияние мер, предпринятых им в этом направлении, создало именно ту атмосферу, в которой российская промышленность смогла быстро и пышно расцвести.

Сергей Юльевич Витте ушел в 1906 году с поста министра финансов. Но в истории России и жизни Вольного экономического общества его период стал этапом взлета национальной экономики и первой российской индустриализации.

Бодрунов: Борис Николаевич, в завершение нашего разговора я бы хотел, чтобы Вы такими крупными мазками прокомментировали главные направления развития зеленой экономики в мире после пандемии.

Порфирьев: Вы знаете, если говорить о развитии зеленой экономики после пандемии, я бы начал вот с чего. Совсем не так давно, в апреле этого года, Всемирный экономический форум выпустил такой доклад, который называется «Энергетический переход от А до Z, последствия пандемии», и сообщил нам о том, что, конечно, пандемия очень серьезно усилила неопределенность практически всех прогнозов. И эта неопределенность, конечно же, сказывается и в отношении прогнозов развития зеленой экономики. Тем не менее для меня важны три принципиальных обстоятельства, я частично, может быть, о них уже говорил.

Стратегия устойчивого развития остается стержнем долгосрочной социально-экономической политики. Ничего не меняет в этом смысле пандемия, это остается императивом, и то, под чем подписались почти 200 государств в Аддис-Абебе в 2015 году, эти 17 целей устойчивого развития, куда входят, естественно, и экология, и климат, и так далее, они остаются маяками нашего развития на обозримое будущее. И переход к зеленой экономике, безусловно, является необходимым, хотя и недостаточным условием и одновременно механизмом реализации этой стратегии устойчивого развития, которая интегрирует практически все цели устойчивого развития. В этом смысле пандемия тоже ничего не меняет. Но конкретная реализация уже существенно зависит от выбора конкретных государств, от выбора политико-экономического, социально-экономического и конкретных сценариев.

И в этом смысле очень важен прежде всего темп выхода сначала из самой этой пандемической ситуации. Мы видим, что все-таки основная часть прогнозов связана с довольно таким оперативным выходом, так называемым V-образным выходом, который приводит к тому, что уже в 2021 году мы получим положительные темпы роста. Но это будет зависеть на самом деле от того, как развернется ситуация. Ну и в стратегическом плане зависит от того, как выходить из кризиса, что закладывается и на какой срок. Ясно, что нельзя закладывать на ситуацию 2019 года, мы не можем выходить опять в рецессионный режим, мы должны выйти в другую экономику, и зеленый мотор здесь должен, конечно, очень помочь, потому что он прежде всего связан с наукоёмкими и экологически чистыми и производительными технологиями, и это принципиально.

И в этом смысле вспоминается опыт 2008–2009 годов, антикризисные пакеты, которые принимались странами в ответ на кризисные явления 2008–2009 года, как в абсолютных объемах, так и доли пакетов вложений в зеленые технологии, в развитие зеленой экономики, куда в том числе входил, скажем, высокоскоростной транспорт. И мы с вами видим, что эта доля была очень высока. Я не говорю уже о Южной Корее, где больше 80% антикризисного пакета на это было направлено, но обратите внимание на числа по Китаю, да даже просто по Европе, где 12–13% тоже антикризисных пакетов — это было развитие зеленой экономики. То есть был расчет на зеленый мотор, и мы знаем, что это сработало. Я думаю, что если этот выбор будет совершен и сейчас в этих антикризисных программах, то мы имеем хорошие перспективы.

Бодрунов: Сегодняшний кризис, кризис, который многие называют идеальным штормом для российской экономики, в частности, когда есть и остановка производства вследствие пандемической ситуации, есть и вторая проблема — падение стоимости энергоресурсов, энергетического коллапса какого-то определенного на рынках, шок для бюджета российской экономики, шок спроса — и экспорта, и внутреннего спроса, — в общем, всё вместе в одном флаконе, всё это, вместе взятое, конечно, создает совершенно новую реальность, новую картину, для того чтобы мы могли как-то планировать свое будущее.

Тем не менее мы видим и из сегодняшнего разговора делаем вывод, что есть глобальные проблемы, связанные с зеленой экономикой. Человечеству от этого никуда не уйти, и мы это четко понимаем. С другой стороны, мы понимаем, что экономические проблемы, наверное, на каком-то этапе будут всё равно как-то сказываться на развитии и зеленых технологий, и других технологий. В то же время сам кризис, как говорят китайцы, — это и опасность, и возможность. Поэтому возможности есть в том числе и для продвижения новых технологий, природоподобных технологий. В этом плане много задач, но мне представляется, и думаю, что меня поддержит и Борис Николаевич, что решение этих проблем есть и ими надо очень серьезно и предметно всем нам заниматься.

WILL THE “GREEN TREND” IN THE ECONOMY INTENSIFY?

The pandemic has left entire countries in the state of economic standstill, but as paradoxical as it may sound, there is good news: the spread of the coronavirus is already positively affecting the environment. We would like to understand how long this ecological respite will last and how the pandemic will affect the «green economy» in the long term.

Based on the TV show House E, OTR, May, 23, 2020

PANELISTS:

Boris Nikolaevich Porfiriyev,
*member of the Presidium of the Free Economic Society of Russia,
Research Director of the Institute for Economic Forecasting of
the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian
Academy of Sciences*

Sergey Dmitrievich Bodrunov,
*President of the VEO of Russia,
President of the International Union of Economists,
Director of the S.Yu. Witte INID,
Doctor of Economics, Professor*

Porfiriev: Indeed, the situation caused by the consequences of the coronavirus, the economic slowdown, the shutdown of production, including those businesses that pollute the environment, have led to quite significant positive changes in the environment. The concentration of nitrogen dioxide in, say, East China dropped sharply right after the New Year. And in China as a whole.

The same is true for the United States, there has also been a very serious reduction in nitrogen dioxide pollution, as is clearly visible, it's one of the strongest pollutants, and also a greenhouse gas.

In Europe we see the same picture: in France, and in a certain part of Germany.

What's very important is that this picture shows a decrease in pollution, not only caused by nitrogen dioxide, but, very importantly, by suspended particles – one of the most dangerous carcinogens, two and a half microns and ten microns in diameter. Also, in Hong Kong, and a similar picture is observed not only in Hong Kong, but also in other countries.

I will add, perhaps, two more numbers to these pictures. There is such a well-known city as New Delhi in India, it is generally considered the world's most polluted city. Pollution was reduced there by 27%, and by 54% in Seoul.

That is, we clearly see a decrease in air pollution, an improvement in the quality of the environment, which, on the one hand, we cannot but welcome. But still one must bear in mind three circumstances.

The first circumstance. The duration of such pollution reduction – both hazardous, noxious substances and greenhouse gases – is limited. The so-called rebound effect, when industrial economic activity recovers, can be quite strong. I will cite as an example the crisis of 2008-2009, when emissions decreased by 1.6%, but in subsequent years the growth of air emissions was much higher, 6-7%.

The second circumstance is that improving the environmental situation at such a cost, when in fact the economy came to a standstill or slowed down drastically, is of course counterproductive if it is considered as a means of improving the environmental situation. Because when the economy falls, we know this very well from our Russian reality, there is a drop in the living standards and the quality of life, which affects not only incomes and the quality of life but also people's health, primarily mental health and somatic health, therefore, as they say, this kind of gain looks more like a Pyrrhic victory.

Another point related to this circumstance is that the experience of the 90s in Russia shows that we, too, had a fairly decent reduction in the absolute volumes of emissions of both pollutants and greenhouse gases. But at the same time, there was an increase in specific emissions, because the production assets were outdated, they were not upgraded, they were left unchanged, so specific emissions increased.

And finally, the last circumstance associated with this is the contradictory nature of the environmental consequences associated with the coronavirus. I spoke about reducing aerosol emissions, in particular suspended particles. It is known that, generally speaking, more heat is produced when aerosol emissions are reduced. There are model calculations that show that if, for example, the concentration of aerosols is generally zero, then the environment is heated by one degree Celsius. The consequences for global warming still remain.

And the second point. We know that the coronavirus caused a drop in oil prices. It became cheaper to produce plastics, including plastics for medicine, which are also used for protective equipment. Accordingly, this creates the risk of increasing the volume of plastic wastes, and it can become a major headache for the environment. Of course, there is no dead end here, work is underway on biodegradable plastics, there is movement towards a circular economy, but in the short term, there might well be consequences.

ПОСЛЕ КОРОНАКРИЗИСА

ЧАСТЬ III

ПОСЛЕ КОРОНАКРИЗИСА

**ВНИМАНИЕ, ПЕРЕЗАГРУЗКА: КАК НАСТРОИТЬ
НАЦПРОЕКТЫ ЗАНОВО**

**ДОСТАТОЧНА ЛИ ПОДДЕРЖКА ПРОМЫШЛЕННОСТИ
В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА?**

**РУСЛАН ГРИНБЕРГ: «ПРИДЕТСЯ ДОВОЛЬСТВОВАТЬСЯ
"ПРОЗЯБАТЕЛЬНЫМ" ТРЕНДОМ»**

**ВЛИЯНИЕ КОРОНАКРИЗИСА НА МИРОВУЮ
ФИНАНСОВУЮ СИСТЕМУ**

**КАКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЗНИКЛИ В ТРАНСПОРТНОЙ
ОТРАСЛИ ИЗ-ЗА КОРОНАКРИЗИСА**

**КАК ПАНДЕМИЯ ПОВЛИЯЛА НА ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАСТРОЕНИЯ**

**КАК ИЗМЕНИТСЯ РЫНОК ТРУДА ПОСЛЕ
КОРОНАКРИЗИСА**

КАК СПАСТИ РОССИЙСКУЮ ЭКОНОМИКУ?

ВНИМАНИЕ, ПЕРЕЗАГРУЗКА: КАК НАСТРОИТЬ НАЦПРОЕКТЫ ЗАНОВО

По материалам 28-й экспертной сессии Координационного клуба ВЭО России, 23 сентября 2020 г.

СОБЕСЕДНИКИ

**Сергей Дмитриевич
Бодрунов,**
президент ВЭО России,
президент Международного
союза экономистов,
директор ИНИР
им. С. Ю. Витте, д. э. н.,
профессор

**Владимир Владимирович
Гутенёв,**
первый заместитель
председателя комитета
Государственной Думы
Федерального Собрания
Российской Федерации
по экономической политике,
промышленности,
инновационному развитию
и предпринимательству,
первый вице-президент Союза
машиностроителей России

**Наталья Васильевна
Акиндинова,**
директор Института «Центр
развития» Высшей школы
экономики

**Абел Гезевич
Аганбегян,**
заведующий кафедрой
экономической теории
и политики РАНХиГС при
Президенте Российской
Федерации, академик
Российской академии наук

**Борис Николаевич
Порфирьев,**
член Президиума Вольного
экономического общества
России, научный руководитель
Института
народнохозяйственного
прогнозирования Российской
академии наук,
академик РАН

**Сергей Вячеславович
Калашников,**
член Президиума Вольного
экономического общества
России, первый заместитель
председателя Комитета
Совета Федерации по
экономической политике,
председатель временной
комиссии Совета Федерации
по мониторингу
экономического развития,
д. э. н., профессор

**Дмитрий Евгеньевич
Сорокин,**
вице-президент Вольного
экономического общества
России, руководитель
департамента экономической
теории Финансового
университета при
Правительстве Российской
Федерации, член-корреспондент
Российской академии наук

**Сергей Юрьевич
Глазев,**
вице-президент Вольного
экономического общества
России, член Коллегии
(министр) по интеграции
и макроэкономике
Евразийской экономической
комиссии, академик РАН

**Михаил Владимирович
Ершов,**
член Президиума Вольного
экономического общества
России, директор по
финансовым исследованиям
Института энергетики
и финансов, профессор
Финансового университета
при Правительстве Российской
Федерации, член комиссии по
банкам и банковской
деятельности Российского
союза промышленников
и предпринимателей

**Александр Александрович
Широв,**
член Правления Вольного
экономического общества
России, директор Института
народнохозяйственного
прогнозирования Российской
академии наук, член-
корреспондент РАН

**Александр Андреевич
Цыганов,**
руководитель Департамента
страхования и экономики
социальной сферы
Финансового университета
при Правительстве
Российской Федерации

**Георгий Борисович
Клейнер,**
член Президиума ВЭО России,
заместитель научного
руководителя ЦЭМИ
Российской академии наук,
член-корреспондент РАН

**Елена Борисовна
Ленчук,**
член Правления ВЭО России,
директор Института
экономики РАН

Бодрунов: Здравствуйте, уважаемые коллеги. Я сегодня искренне рад приветствовать вас, видеть вас всех на 28-й экспертной сессии Координационного клуба Вольного экономического общества России. Мы назвали нашу сессию «Внимание, перезагрузка: как настроить нацпроекты заново».

Нынешняя обстановка в мировой экономике беспрецедентна, по крайней мере, за последние десятилетия. Экономические последствия кризиса не обошли стороной ни одну страну мира, в том числе и нашу. Национальные правительства принимают беспрецедентные по своим масштабам антикризисные меры. Так, по оценке МВФ, совокупный планируемый объем финансовой поддержки национальных экономик составляет около 12,5% мирового ВВП. И это действительно беспрецедентно. Тем не менее, несмотря на общую колоссальную угрозу, мы наблюдаем не солидарные, консолидированные усилия мировых акторов, а резкий рост, я бы сказал так, национального эгоизма, усиление противоречий, в том числе экономического противостояния.

Эта ситуация внушает серьезные опасения. Вслушайтесь хотя бы в речи лидеров крупнейших стран, которые прозвучали вчера на юбилейной 75-й сессии Организации Объединенных Наций, конференции Объединенных Наций. Только вдумайтесь: всего лишь один представитель — это нашей страны — поставил вопросы в позитивном ключе, в позитивном тренде. Практически все говорили о чем угодно, но не о мировой консолидации, не о консолидации усилий, больше всего беспокоясь о собственных национальных интересах и, возможно и вероятнее всего, в ущерб интересам других людей.

Так что ситуация очень сложная. Я думаю, что, несмотря на масштаб бедствия, мы понимаем — и, наверно, многие со мной согласятся, — что текущий кризис можно рассматривать в том числе и как возможность обновления национальных экономик, улучшения их структуры. В частности, в том же докладе ЮНКТАД рассматривался этот вопрос, и звучал он так: как не потерять время, а использовать возможности, которые дает кризис для достижения целей устойчивого развития, провозглашенных Организацией Объединенных Наций? В нынешних условиях это вопрос острый и архиважный.

Цели развития России, нашей страны, интенсивного развития были поставлены президентом России в ряде выступлений, я не буду их перечислять, мы все их знаем. Для достижения этих целей были приняты серьезные меры, в частности, были разработаны и обновлены национальные проекты. Однако в связи с падением нефтяных цен, распространением коронавируса нацпроекты на время ушли из экономической повестки. На первый план вышли, я бы сказал, более насущные, текущие вопросы — восстановления экономики, деловой активности, доходов россиян и так далее. Стало очевидно, что реализация имеющихся нацпроектов в прежнем виде невозможна. Требуется их корректировка и увязка с общенациональным планом действий по восстановлению экономики, а также с Единым планом по достижению национальных целей развития России на период до 2030 года. Потому что этот план, как сказал наш лидер государства, никто не отменял.

Всего национальных целей, как вы знаете, пять. Это сохранение населения, здоровья, благополучия людей, возможности для самореализации и развития талантов, комфортная и безопасная среда для жизни, достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство, а также цифровая трансформация.

В июле президентом России было дано поручение правительству до 30 октября скорректировать программы национальных проектов. И сейчас мы понимаем, что идет обсуждение в том числе федерального бюджета, который правительство буквально на днях одобрило и внесло на обсуждение в парламент. Мы, таким образом, обязаны эти вопросы рассмотреть.

В проекте бюджета, мы уже видим, находят естественным образом отражение расходы на реализацию национальных проектов, появился обновленный прогноз Минэкономразвития. Кстати, это ведомство значительно улучшило ряд показателей. Минэкономразвития оцени-

вает спад ВВП у нас на уровне 3,9% вместо 5% и ожидает, что реально располагаемые доходы снизятся до 3%, а реальная зарплата даже вырастет на 1,5% по итогам 2020 года. Безработица у нас ожидается на уровне 5,7%, как и в майском прогнозе. Обновленные данные позволяют более предметно высказываться в рамках заявленной темы и оценивать корректировки в нацпроекты исходя из текущих реалий и вот этих цифр.

Если в начале года аудиторы Счетной палаты указывали на недостатки нацпроектов, в частности, если помните, на невозможность оценить фактическое достижение их целевых показателей, неувязанность с национальными целями, то в скорректированных нацпроектах эти проблемы должны быть обязательно решены, обновлены, соответственно, показатели и цели.

Президент сказал, что базовые ориентиры остаются неизменными, однако параметры, сроки, приоритеты национальных проектов предстоит нам всем уточнить.

Я убежден, что корректировка нацпроектов должна осуществляться с учетом экспертных оценок и предложений научного сообщества.

Я заканчиваю свое вступительное слово и предлагаю приступить к дискуссии. Первым слово предоставляю одному из крупнейших наших российских специалистов — Абелу Гезевичу Аганбеяну, заведующему кафедрой экономической теории и политики РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, академику Российской академии наук. Прошу Вас, Абел Гезевич.

Аганбеян: Я считаю, инициатива по выделению национальных проектов крайне важна, потому что она идет в русле главных улучшений в области управления — это его целенаправленность. Но те 13 национальных проектов, которые были разработаны, они наши насущные задачи не решали. По максимуму они увеличивали ежегодный рост экономики, цифру давал Институт прогнозирования — 0,6%. Однако многие организации, которые считали национальные проекты, насколько они повлияют на темпы, давали 0,1–0,2% в год. Но тем не менее они крайне важны, с моей точки зрения, потому что это первый шаг к тому, чтобы нам перейти к народнохозяйственному планированию. Планирование должно органически включать в себя ряд национальных программ, ориентированных на достижение конкретных целей. Я лично сторонник возвращения к народнохозяйственному планированию и составлению первого пятилетнего плана на 2021–2025 годы.

Национальные проекты нуждаются в коренном улучшении по двум направлениям. Первое направление — нужны новые национальные проекты в дополнение к тем, которые разработаны, потому что совокупность этих национальных проектов не обеспечивает главные цели нашего социального развития. Нам нужны национальные проекты прежде всего по технологическому прорыву, о котором в каждом выступлении говорит наш президент. У нас нет ни одного подобного, может быть, только цифровой проект, но технологический прорыв не сводится только к цифровой экономике, как все мы понимаем. Нам нужны проекты по массовому технологическому перевооружению действующего производства, которое у нас отстало, устарело. Износ основного капитала приближается к 50%. Срок службы средней машины, оборудования в России — 15 лет, в два раза больше, чем в развитых странах. 23% всех машин и оборудования России работают свыше сроков амортизации. Они вчера, позавчера должны были быть выкинуты и заменены новыми, но продолжают работать, больше стоят, естественно, чем работают, требуют огромных средств на обслуживание, ремонт и так далее. То есть прежде всего нужны проекты по техническому развитию действующего производства.

Скажем, КПД нашей энергетики в два раза меньше в сравнении с существующими парогазовыми установками: 32% КПД дают наши газовые электростанции, а парогазовые установки — 60–65%. Наши котельные — уровень феодального общества. Нам нужна коренная реконструкция машиностроения, и важно техническое перевооружение сделать на собственной базе, поэтому нам необходим взлет машиностроения, прежде всего инвестиционного.

Другая группа национальных проектов должна стимулировать развитие высокотехнологических отраслей. У нас нет проекта по электронике, а без электроники что мы можем сделать? Даже по атомной энергетике, ядерной, методы которой проникают всюду — и в медицину, и в другие сферы. Нет проектов по фармацевтике, по синтетической химии, которая заменяет цветные металлы. И так далее, и так далее, и так далее. То есть вот это вторая группа.

Есть у нас проекты по инфраструктуре, но они недостаточно целенаправлены. Нам нужен массовый переход к строительству двухсторонних автострад. Не одну автостраду, две автострады в национальном проекте, а десяток. Нам нужно перейти к массовому строительству скоростных железных дорог, а не мусолить одну скоростную железную дорогу — либо Москва — Петербург, либо

Москва — Казань. Надо посмотреть, что делает Китай, опереться на его достижения, у него уже 30 тысяч километров этих дорог. И нам нужна вообще новая транспортно-логистическая инфраструктура. У нас вообще нет по логистике никакой целевой программы. То есть нужно это совместить.

Вот это первые направления, новые программы. И второе направление — это корректировка конкретных программ. Главная корректировка — это привлечение средств. Ведь те программы были сделаны в основном по линии федерального бюджета. Половина средств в этих программах — это средства федерального бюджета, четверть — регионального бюджета, и только четверть — частный капитал. А частные инвестиции — это 60% всех инвестиций. Шестьдесят! И такое пренебрежение частными инвестициями говорит о том, что эти проекты просто недостаточно радикальны, не охватывают широкий круг проблем, который надо решить, и просто не фондированы финансированием. Нам нужно создать условия для того, чтобы привлечь частный капитал.

Какие это условия? Первое — освободить от налога ту часть прибыли, откуда черпаются инвестиции. Это даст триллион. И заинтересованность вкладывать деньги, во всяком случае, в свое технологическое перевооружение.

Второе — нужно в полтора-два раза уменьшить амортизационный срок. Это увеличит фонд амортизации, оттуда можно еще триллион взять.

Третье — во время технического перевооружения или строительства новых высокотехнологических отраслей нужны налоговые каникулы в этот период, чтобы заинтересовать предприятия заниматься этим трудным делом, когда нужно как-то платить зарплату и одновременно менять оборудование и так далее, что крайне трудно.

У нас нет программ по переходу к форсированным инвестициям, хотя бы по 10% в год рост инвестиций. Без этого социально-экономического роста не будет. Кто-то думает, что можно социально-экономический рост обеспечить при пятипроцентном росте инвестиций. У нас в 2018 году был пятипроцентный рост инвестиций. И что за этим последовало? За этим последовал провальный 2019 год. Ничего не дал. Посмотрите, какие инвестиции в Дальний Восток. Был год, когда на 27% увеличились инвестиции. И что? Он что, поднялся в экономическом росте ВВП? Ничуть нет. То есть это не так просто — разогнать инвестиции. От доли инвестиций в валовом продукте зависит экономический рост прямым образом. У нас сейчас доля собственно инвестиций

в основной капитал — 17%. При такой доле инвестиций в основной капитал экономического роста в принципе быть не может. И пятипроцентный рост не увеличит эту долю заметно. Поэтому мы, скорее всего, перейдем к стагнации после подъема.

Поэтому нужно привлечь частный капитал. Сейчас в руках правительства Сбербанк, а Сбербанк имеет активы — 31 триллион, в полтора раза больше всего федерального бюджета. Это прямо говорит об ущербности национальных проектов, которые пытаются главным образом финансировать из этого крайне скудного источника. Без привлечения крупных банковских инвестиций ничего не выйдет.

То есть два предложения. Первое — новые проекты, второе — коренное, серьезное изменение действующих проектов.

Бодрунов: Спасибо большое, Абел Гезевич. Это очень важное, серьезное выступление задает тон всему нашему сегодняшнему обсуждению. Хотел бы только подчеркнуть еще раз, что я, конечно, горячий сторонник усиления технологической и инфраструктурной компоненты национальных проектов. И, в частности, хотел бы, уважаемые коллеги, еще раз напомнить, мы это обсуждали в свое время в рамках одной из сессий нашего экспертного совета, предложение Института нового индустриального развития имени С. Ю. Витте, еще марта прошлого года, о придании Национальной технологической инициативе статуса национального проекта, с дополнением НТИ многими направлениями, которые могли бы действительно расширить пространство этого проекта до полного технологического перевооружения России. Это было бы, мне кажется, важным, потому что в НТИ уже сегодня прописаны и механизмы контроля, и механизмы реализации идей, да и инфраструктура определенная есть, которая позволяет перевести их в статус нацпроекта. Мне кажется, что с теми предложениями Абела Гезевича, которые сегодня высказаны, это вполне коррелируемая идея.

И конечно, я бы хотел подчеркнуть, что современная экономика, тем более экономика будущего, без экономической инфраструктуры в принципе невозможна. Поэтому то, что необходимо усиливать национальные проекты инфраструктурной компонентой, расширять ее до состояния современного представления о том, что такое инфраструктура, в том числе инфраструктура информационная, логистическая, транспортная и прочая — это очень, на самом деле, важное предложение. Я бы хотел, чтобы коллеги, которые ведут сегодняшнее мероприятие в записи, обязательно зафиксировали эти предложения в качестве наших

идей, которые мы будем передавать потом в заключительном документе нашей сегодняшней экспертной сессии и представлять для обсуждения в органы Думы, государственной власти и так далее.

Я хотел бы предоставить слово нашему уважаемому коллеге Владимиру Владимировичу Гутеневу, первому заместителю председателя Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по экономической политике, промышленности, инновационному развитию и предпринимательству, первому вице-президенту Союза машиностроителей России.

Гутенев: Нацпроекты требуют действительно серьезной перезагрузки. Также нам очень хорошо понятно, что тот стресс-тест, который в нынешнем году проходит наша экономика, он, с одной стороны, показывает достаточно высокую ее устойчивость и адаптивность, с другой — не позволяет дать оценку, насколько эффективно работали нацпроекты. И именно поэтому сегодня, сейчас, именно в эту минуту в стенах Государственной Думы проходит рассмотрение закона об исполнении федерального бюджета за 2019 год. Поскольку результаты этой оценки необходимы для мер корректировки нацпроектов, сегодня мы увидели достаточно жесткую полемику и между докладчиками, выступал министр финансов Силуанов, председатель Счетной палаты Кудрин, и достаточно серьезно с ними оппонировал председатель Комитета по бюджету и налогам Макаров.

Что бы хотелось отметить. С одной стороны, при профицитном бюджете прошлого года, а валовой продукт у нас составлял 110 триллионов, профицит был два триллиона, достаточно большие суммы не были использованы — около одного триллиона рублей. И полемика заключалась в том, что Минфин всячески настаивал на том, что это благо, мы применили жесткие принципы исполнени. С другой стороны, существуют достаточно весомые аргументы, которые говорят о недостаточном качестве планирования, и мы это видим, услышав аргументы по тем критериям, по тем индикаторам, по которым оценивали те или иные нацпроекты.

Приведу только один пример, коллеги. В части одного из нацпроектов рассматриваются взаимоотношения с Всемирной торговой организацией, и вот два индикатора. Один индикатор — это вновь выявленные дискриминационные, санкционные меры по отношению к России. То есть мы оцениваем, сколько ж мы найдем этих мер; чем больше, тем лучше. На мой взгляд, вполне логично было бы оценивать не число выявленных, а число устраненных — с помощью юридических, экономических и прочих механизмов

и способов. То же самое касается количества встреч с представителями Всемирной торговой организации. Ну, знаете, такие индикаторы только поощряют чиновничий туризм, что не решает основную проблему. А сквозь все нацпроекты красной линией проходит только одна важная задача — это повышение в соответствии с указаниями президента темпов роста национальной экономики как минимум до среднемировых и выше среднемировых. По прошлому году национальная экономика, если не ошибаюсь, росла около 1,3%, среднемировой темп роста — 3%.

Не хочу брать на себя такую ответственность и оппонировать Аделу Гезевичу, но вопросы техперевооружения, возможно, они и необходимы, но гораздо важнее — это конкурентоспособность продукции, которую должны выпускать те производственные мощности, которые, да, частично изношены, частично нуждаются в модернизации, но в первую очередь задача — это повышение конкурентоспособности продукции, а заделы — и как раз вот мы от общего переходим к частному — истончились. Мы это видим и в гражданской, и в оборонной продукции. Даже те сверхуспешные виды вооружений, которые есть, они закладывались десятилетия назад, и только лишь выход на новые материалы, на новую электронно-компонентную базу позволил их сейчас реализовать. Поэтому критически важным являются научно-технические заделы. И поэтому в качестве частного примера я хотел бы рассмотреть в рамках национального проекта «Образование» такую важную составляющую, как формирование НОЦ, научно-образовательных центров мирового уровня.

В соответствии с указанием президента решением правительства было принято решение сформировать в течение трех лет 15 научно-образовательных центров мирового уровня в виде кооперации вузов и НИИ Академии наук, с одной стороны, а с другой — должны включиться индустриальные партнеры этих центров — те предприятия, которые должны воспринимать инновации и в виде реальной продукции — высокотехнологичной, высокомаржинальной — выводить на внешние рынки. И, являясь членом этого совета и видя, как проходил выбор первых пяти проектов по прошлому году — в феврале нынешнего года был отчет пяти губернаторов, на территории которых эти НОЦ были созданы, — я могу абсолютно точно сказать, что одной из важнейших задач является измеримость, конкретность и достижимость показателей этих проектов, при этом крайне необходима персональная ответственность за результаты. Причем результаты не загоризонтные — 2030, 2035 годы нас мало должны интересовать, — а ежегодный срез полученных результатов. И именно сегодня в стенах Государственной Думы шел достаточно глубокий анализ исполнения бюджета по 2019 году.

Так вот, в рамках создания НОЦ мы видим, что новое руководство Миннауки вышло с инициативой, которую активно власти поддержали, по пересмотру индикаторов достижения целей и формирования такой структуры, когда у индустриальных партнеров будет мотив обеспечить то финансирование, а речь идет о цифре, в 15 раз превышающей бюджетное финансирование, — бюджетом предлагается выделить на 15 НОЦ около 8 миллиардов рублей — соответственно, в районе 130 миллиардов рублей должно прийти со стороны индустриальных партнеров. Это возможно лишь в том случае, если индустриальные партнеры увидят серьезные научно-технические заделы. Без этого не может быть конкурентоспособности нашей экономики. Схожие индикаторы имели место и в рамках нацпроекта «Наука» в части создания НОЦ — научно-образовательных центров мирового уровня, когда мы оценивали количество патентов, а не объема роялти с этих патентов. Когда мы оцениваем число публикаций в Science, Scopus, не учитывая то, что без определенной финансовой мотивации мы не достигаем полученных результатов.

Поэтому, уважаемые коллеги, я с большой благодарностью воспринимаю ту тему, которую мы сделали сегодня центральной. Действительно, нацпроекты нуждаются в корректировке, и корректировки должны проходить по каждому нацпроекту, возможно даже, что не перезагрузка, а в ряде случаев, абсолютно согласен с академиком Аганбегяном, необходимо формировать новые и, вероятно, сокращать потерявшие актуальность существующие проекты.

Бодрунов: Спасибо большое, уважаемый Владимир Владимирович. Я думаю, что вот эта идея насчет того, что те нацпроекты или те части нацпроектов, которые утратили свою актуальность, необходимо сокращать, — очень важная. Почему: потому что, если мы сейчас в бюджете, а бюджет сейчас закладывается не только на год, но и на следующие два года, даем старт перезагрузке нацпроектов и перезагрузке нашего пути к достижению целей развития России, если мы при этом растратим деньги на то, что уже неактуально, в условиях дефицита денежных средств, в условиях, когда идет, не будем этого скрывать, усиление нагрузки на отдельные направления экономической деятельности, налоговой нагрузки, мы не имеем права тратить деньги на неактуальные проекты. В этом наша задача сегодня — разобраться, что же будет неактуальным. Спасибо большое, Владимир Владимирович.

Я хотел бы предоставить слово Наталье Васильевне Акиндиновой, директору Института «Центр развития» Высшей школы экономики.

Акиндинова: Здравствуйте, уважаемые коллеги. Я сначала подхвачу тему бюджетной ситуации. Мы все знаем, что у нас на 2021 год уже принято решение о том, что расходы федерального бюджета будут несколько ниже, чем в 2020 году, когда они повысились в связи с принятием масштабных антикризисных мер, а к 2022 году предполагается возврат к бюджетному правилу. Таким образом, финансовая ситуация, ресурсная ситуация будет жесткой в ближайшее время, поскольку даже обновленный оптимистический прогноз Минэкономразвития не предполагает восстановления мировой конъюнктуры и, в частности, цен на нефть до тех уровней, которые были до 2019 года. Соответственно мы будем жить при меньшем объеме ресурсов, и это, видимо, отразится на масштабах финансирования многих направлений расходов и, в частности, национальных проектов. Можно ожидать, что в новом проекте бюджета на ближайшие два года финансирование национальных проектов будет сокращено на 8–12%, и часть этого финансирования, видимо, будет отнесена на более поздние периоды, в связи с тем что национальные проекты растягиваются уже не до 2024, а до 2030 года. Но в целом-то, действительно, это связано и с частичным сокращением тех мероприятий в рамках нацпроектов, которые могут быть признаны неактуальными.

Насколько можно судить сейчас по рабочим материалам к проекту бюджета, большие сокращения предполагаются в нацпроекты, которые связаны как раз с экономическим развитием, с международной кооперацией и экспортом, с цифровой экономикой, и в меньшей степени в социальные нацпроекты. Но это говорит о том, что сами эти нацпроекты в сфере экономики в том виде, в котором они сейчас существуют, не работают и недостаточно актуальны, поэтому, имея в виду, что достижение целей развития требует повышения экономического роста, на доработку нацпроектов в сфере экономики должно быть обращено ключевое внимание.

Предварительно можно сказать, что наша экономика не столько динамичная, сколько стабильная, — это известное общее место. И отчасти на поверхности лежит, что это связывается с тем, что приоритетом нашей бюджетной, денежно-кредитной политики последние годы является именно обеспечение макростабильности, но не стимулирование монетарно-экономического роста. Но, с другой стороны, на наш взгляд, ключевой причиной этой излишней стабильности, которая переходит в стагнацию, нашей экономики являются ее структура и излишняя централизованность, излишняя сосредоточенность в экономической активности на крупных предприятиях, крупных проектах

и недостаточное развитие малого, среднего бизнеса, о котором мы всё время говорим, но он не развивается. То есть у нас доля малого бизнеса остается на уровне 20%, и он является по большей части низкотехнологичным, с небольшой производительностью, хотя в ведущих странах, которые демонстрируют высокие темпы роста и быстрое технологическое развитие, доля малого бизнеса существенно выше — 50% и даже выше.

Мы в рамках своих экспертных работ по разработке предложений для корректировки национальных проектов в связи с новыми национальными целями обращаем на это внимание — одна из работ как раз называется «Эффективный труд и успешное предпринимательство». Мы сделали ряд предложений по обновлению национальных проектов в сфере предпринимательства, в сфере поддержки малого бизнеса, и я перечислю часть из этих предложений.

В первую очередь, мы считаем, что нужно перестать расценивать малый бизнес как резервуар для избыточной занятости, которая высвобождается с крупных предприятий. В большинстве развитых экономик мира малый бизнес является источником новых идей, более адаптивным сектором, сектором, который генерирует и инновации, и новые технологии, и в части цифровой трансформации тоже находится впереди, и, что очень важно, с точки зрения достижения других национальных целей, связанных с реализацией талантов, сохранением населения и сохранением его потенциала, малый бизнес является источником успешности для граждан.

В связи с этим мы предлагаем принять меры, во-первых, по поддержке стартующего бизнеса, поскольку у нас уже несколько лет коэффициент смертности малого бизнеса гораздо выше, чем коэффициент рождаемости, поэтому не хватает мотивации для начала собственного бизнеса и для того, чтобы продолжать этим заниматься. То есть поддержка стартапов, затем поддержка быстрорастущих субъектов малого бизнеса, то есть поддержка не слабых, поддержка в первую очередь сильных и уже добившихся успехов. Поддержка малого бизнеса, когда он осваивает новые продуктовые рынки, особенно когда он выходит на экспортные рынки. Эти меры нужно расширить. Также обязательно поддержка молодежного предпринимательства, поскольку, конечно, молодежь имеет наибольший потенциал для того, чтобы себя реализовать в этой сфере. Конечно, для этого нужно те инструменты, которые сейчас используются, пересмотреть, усовершенствовать, имея в виду векторы, которые я перечислила.

Бодрунов: Спасибо большое, Наталья Васильевна. Думаю, что тема, которую Вы подняли, действительно чрезвычайно актуальна: мы прекрасно понимаем, что малый бизнес во многих странах составляет значимую часть экономики, в том числе и в тех странах, которые сегодня находятся в состоянии тяжелого экономического кризиса. Поддержка малого бизнеса во всех странах просматривается. У нас много уделено было внимания поддержке малого бизнеса в первую очередь в период старта пандемии, однако есть большое опасение, что пройдет эта кризисная ситуация и мы забудем о том, что необходимо всерьез этим заниматься. Поэтому, безусловно, надо на это серьезное внимание обращать, и мне представляется, что тема, Вами поднятая, должна найти отражение в корректировке национальных проектов

Предлагаю предоставить слово Борису Николаевичу Порфирьеву, члену Президиума Вольного экономического общества России, научному руководителю Института народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук, академику Российской академии наук.

Порфирьев: Мне хотелось бы все-таки подчеркнуть, что, когда мы говорим об изменении, о корректировке национальных проектов, все-таки, наверно, будет справедливым сказать, что они должны остаться серьезной несущей конструкцией, нашими такими векторами развития, по крайней мере, на вот этот среднесрочный и уже теперь, как выясняется, более долгосрочный период. Это нам совершенно необходимо, потому что так или иначе национальные проекты отражают национальные приоритеты.

В то же время, безусловно, та обстановка, которая сложилась и в этом году, и, видимо, будет складываться в ближайшие годы, требует определенных корректировок. Возникает вопрос, что конкретно мы имеем в виду и как это, вообще говоря, сделать.

Мне кажется, что есть проекты, которые совершенно точно доказали свою не только жизнеспособность, но и необходимость усиления внимания к ним и, безусловно, увеличения финансирования. Речь в первую очередь идет о нацпроекте «Здравоохранение», актуальность которого мы ощутили, что называется, на себе в связи с ковидной ситуацией, причем, судя по всему, мы еще даже не в полной мере это и оцениваем.

И хотя по целому ряду направлений этого национального проекта финансирование было достаточно достойным, я назову, в частности, в рамках этого проекта федеральный проект «Онкология», финансирование которого в этом году

достигло 271 миллиарда рублей, что почти на треть было выше, чем в 2019 году, тем не менее, если мы пересчитаем расходы на пациента, получим величину немногим более 100 тысяч рублей, что, в общем, можно назвать в лучшем случае стартовой величиной, и необходимо, конечно, ее увеличивать, как и весь нацпроект по здоровью.

В то же время, когда мы рассматриваем вопрос, каким образом это сделать, здесь все-таки нужна определенная осторожность, которая учитывает специфику каждого и национального проекта, и федерального проекта, и мероприятий в рамках этих проектов. Эксперты говорят о том, что необходимо, в частности, увеличивать долю частного капитала, частного финансирования. Наверно, с этим нужно согласиться. Но делать это нужно вместе с тем очень аккуратно. Тот же небезызвестный федеральный проект «Онкология». Если мы посмотрим, что в рамках этого проекта и вообще этой сферы творится, мы увидим существенное усиление влияния и активности со стороны частной медицины. Я хочу сказать, что, конечно, есть примеры удачного решения, например, небезызвестный МИБС, Медицинский институт Березина Сергея, который прекрасно знает Абел Гезевич, протонный центр под Санкт-Петербургом. Но дело в том, что на один такой проект приходятся десятки, если не много десятков других, которые, по сути дела, занимаются тем, что перебивают, забирают себе вот эти государственные ресурсы. А как известно, онкология — это одна из наиболее сложных областей медицины, а онкологические заболевания — одни из наиболее сложных. Поэтому, когда мы говорим об увеличении частного финансирования, наверно, нужно как-то с этим быть очень и очень аккуратным, просто очень внимательно смотреть.

С другой стороны, необходимо, видимо, эти изменения производить, учитывая цепочки взаимосвязей как внутри самих национальных проектов, так и между национальными проектами, между национальными проектами и другими государственными программами текущего финансирования. И в этом отношении мне хотелось бы также привести примеры, что в рамках того же национального проекта «Здравоохранение» необходимо эти связи действительно активно задействовать, и тогда, возможно, мы, используя соответствующие мультипликативные эффекты, сумеем одно и то же целевое финансирование превратить в многоцелевое. Потому что, например, последний доклад Всемирной организации здравоохранения показывает, что задачу сокращения смертности от неинфекционных заболеваний, на которые приходится сегодня 80% с лишним процентов смертности, невозможно решить, не учитывая

цепочки взаимосвязей этих неинфекционных заболеваний между собой. Это, прежде всего, сердечно-сосудистые заболевания, онкологические заболевания и диабет — главные смертельные удары по нашему здоровью. Поэтому, очевидно, учет этих взаимосвязей мог бы действительно оптимизировать соответствующее распределение ресурсов.

Не менее важны цепочки взаимосвязей между самими национальными проектами. Сошлюсь, поскольку уж начал со «Здоровья», на взаимосвязь этого национального проекта с национальным проектом «Экология». Хорошо известны эти взаимосвязи, в нашей стране примерно 20% качества жизни человека, здоровья связано с состоянием окружающей среды, и вместе с тем мы видим не самое лучшее исполнение бюджета по национальному проекту «Экология». Больше того, мы знаем из бюджетных проектировок, которые сейчас озвучены, что, по всей видимости, этот проект станет одним из тех, где следует ожидать сокращения финансирования. Необходимо взаимосвязь с проектом «Здравоохранение» учитывать и обеспечивать какие-то компенсационные механизмы, которые позволят сохранить те цели, которые были поставлены. В противном случае мы, сокращая финансирование в одном месте, неизбежно подорвем реалистичность исполнения целей других национальных проектов, актуальность или даже приоритетность которых считается неоспоримой.

И наконец, последнее, связь между самими национальными проектами и другими программами развития. В этом отношении я бы обратился к тому тезису, который предложил Абул Гезевич Аганбегян, когда он говорил о необходимости новых национальных проектов и привел в качестве примера — и, может быть, одного из самых существенных примеров — вопросы, связанные с технологическим перевооружением, с обновлением основных фондов. Если мы посмотрим на национальный проект «Экология», на который, если мне память не изменяет, должны быть отпущены — я пока сейчас беру старые проектировки — четыре триллиона рублей, там больше половины приходится на наилучшие доступные технологии. По сути дела, речь идет о том самом технологическом перевооружении. Вполне возможно, и это, наверное, можно отдельно посмотреть, и эту составляющую превратить в несущую конструкцию этого национального проекта. По крайней мере, можно это проанализировать и посмотреть, что из этого получится. И тогда, может быть, и национальный проект «Экология» заиграет по-другому. Таким образом, используя эти взаимосвязи и мультипликативные эффекты, можно получить итоговый позитивный системный результат, на который национальные проекты и нацелены.

Бодрунов: Большое спасибо, Борис Николаевич. Я думаю, уважаемые коллеги, что квинтэссенция выступления Бориса Николаевича четко и ясно выражена в том, что нам необходимо, когда мы думаем о корректировке национальных проектов, взглянуть на аспекты эффективности финансирования национальных проектов, на технологические цепочки, на цепочки финансирования и связанные с ними производственные цепочки — в общем на всю экономику процесса и аккуратность финансирования по всем этим направлениям.

Я хочу предоставить слово следующему выступающему — Сергею Вячеславовичу Калашникову, члену Президиума Вольного экономического общества России, первому заместителю председателя Комитета Совета Федерации по экономической политике, председателю временной комиссии Совета Федерации по мониторингу экономического развития, доктору экономических наук, профессору.

Калашников: Уважаемые коллеги, сегодня действительно богатый на экономические новости день, потому что, во-первых, президент встречается с членами Совета Федерации, где будет озвучен или уже озвучен целый ряд важных моментов, а во-вторых, сегодня выступал Андрей Белоусов с итогами бюджета 2019 года. Я хотел бы озвучить некоторые свои представления о той ситуации, которая складывается с нацпроектами.

Во-первых, меня очень приятно поразила, причем не только из выступления Андрея Рэмовича, но и вообще по последней информации из правительства, прагматическая направленность. То есть конкретные цифры, которых нужно достичь в конкретные сроки, звучат гораздо чаще, чем это было раньше. Вот эта прагматическая направленность на результат внушает определенный оптимизм.

А второе — это, как провозглашено было сегодня и Силуановым, и Белоусовым, задачи, поставленные президентом в национальных целях, являются ресурсно обеспеченными. Здесь говорили о том, что на 10–13%, скорее всего, произойдет снижение, и действительно, в условиях дефицита бюджета это возможно, но, судя по тем заявлениям, которые делало правительство, я думаю, что определенные дополнительные деньги на решение национальных задач и, соответственно, национального плана действий будут выделены.

Из чего я делаю этот вывод. Во-первых, есть задача все-таки конкретизировать те траты, которые были в федеральных программах. Они там были очень размазаны. И второе — это то, что предложен огромный пакет инфраструктурных проектов, крайне капиталоемких, которые просто в принципе нельзя выполнить, если они не будут дополнительно профинансированы. Там буквально полтора десятка важнейших направлений, в основном транспортные инфраструктурные проекты.

Еще один очень важный политический момент — это то, что сегодня президент внес в Государственную Думу пакет законов, согласно которому Дума будет принимать активное участие и вообще решать вопрос индивидуального назначения министров. Что это означает? Это означает, что наконец-то появилась личная ответственность соответствующего руководителя за порученный участок. Ведь на сегодняшний день личной ответственности практически нет, она абстрактная. В условиях, когда каждый министр будет доказывать, что он способен, первый вопрос будет вставать: «Как вы решаете в рамках министерства те или иные конкретные задачи?» То есть конкретизируется исполнитель.

Всё это внушает определенный оптимизм. Но! Есть и определенная доля пессимизма.

Во-первых, опять прозвучало на всех уровнях, что Минэкономразвития правительству представляет прогноз по бюджету на последующие три года вместо целевых показателей. Прогноз — это ни о чем. Вот если бы были целевые показатели, что мы получим в результате реализации тех или иных бюджетных затрат, это бы конкретизировало те действия, которые проводит правительство.

Очень смущает то, что не проведена работа над ошибками. Огромное количество замечаний было и по нацпроектам, и по федеральным программам, — я за скобки вывожу национальные цели, это как бы определяющие вектора, — но те претензии, которые были к федеральным программам и к национальным задачам, они все остаются. Нет ответа на многие вопросы.

Отсутствие адекватной статистики и соответствующего анализа. Вот сегодня Белоусов приводил данные, что падение покупательной способности населения составило 3%, а увеличение сбора НДФЛ за девять месяцев — 5–6%. Для любого экономиста понятно, что это явное, мягко говоря, несоответствие.

Очень важный момент — это то, что не затрагиваются системные особенности целого ряда национальных проектов и федеральных программ. Я уже не говорю о том, что нет никаких попыток каким-то образом реформировать валютно-финансовую систему, которая вызывает огромное количество нареканий; ничего не говорится о системе налогообложения, кроме тех новаций, которые были уже провозглашены, в частности, открытым остается вопрос по использованию налога на добавленную стоимость.

Мало того, существуют определенные, нам известные, системные противоречия, которые тоже не анализируются и никак не учитываются. Например, национальный проект «Демография» предполагается решить за счет дополнительного привлечения иностранной рабочей силы в размере четырех миллионов человек. Но при этом вопрос занятости как определяющий фактор экономического развития и последствий пандемии, хотя речь не только о пандемии, а вообще о структурных изменениях мировой экономики, он вообще не поднимается. То есть никто не ставит вопрос, что нам делать с занятостью и в каком виде.

Следующее — это то, что, и об этом говорили многие коллеги, нет увязки между уже принятыми документами. Я упоминал о том, что сейчас предлагается в национальном плане действий огромный новый пакет инфраструктурных проектов, причем в основном транспортного характера. Но при этом принятой концепцией пространственного развития Российской Федерации, в том числе и транспортного развития, это никак не увязано. Получается, что, есть такое выражение у охотников, «гоним зайца дальше». Вот мы что-то приняли, важные, нужные документы, теперь мы забываем о том, что они существуют, и принимаем новый национальный план, который потом, через какое-то время, опять забудем, начнем принимать новый план и так далее. Ну а действие где?

И что самое, как говорится, неудобное или вызывающее сомнение — это декларативность многих заявлений, не подкрепленная конкретными экономическими расчетами. Например, сегодня Андрей Рэмович заявил, что уже обозначено частно-государственное партнерство, которое позволит привлечь в инвестиции 900 миллиардов рублей. Мы все понимаем, что такое цифра 900 миллиардов, прекрасно понимаем, в каком состоянии находится ситуация с частно-государственным партнерством, и не назвав эти проекты: кто, когда, что будет делать конкретно и куда вносить деньги, эта цифра вызывает просто удивление. Точно так же было провозглашено, что предполагается резкое увеличение малого бизнеса. Это при том, что малый бизнес начал сокращаться очень интенсивно начиная с 2019 года с введением налога на движимое имущество, сейчас эти темпы, после COVID, ускорились, а это малый бизнес — 20 миллионов занятых. И вопрос, что делать с этими 20 миллионами и с чего бы это они будут развиваться, — на это ответа нет.

И я хотел бы обратить еще внимание вот на что: мы уповаем на новые технологии, на использование современных достижений техники и так далее. Коллеги, ну мы же прекрасно понимаем: и big data, и блокчейн, о чем сегодня говорилось, — это инструменты. Не ответив на вопрос, где тот же блокчейн будет применяться, какой эффект он даст, мы, мягко говоря, просто декларируем, что мы идем вперед планеты всей, ничего в этом направлении не делая. А вопрос на самом деле очень важный, он стоит перед каждым из нас. Используется термин «цифровая экономика». Ну, что такое аналог, что такое цифра, мы все понимаем, но никто не говорит о наступлении новой эры — информационной технологии, которая вовсе не является только цифровой. Это совершенно другой характер труда. И вот об этом не говорится ничего.

Поэтому я считаю, что в настоящее время мы сталкиваемся с ситуацией, когда есть огромный, на мой взгляд, потенциал и желание правительства прагматично решить задачи, поставленные президентом, по реальному изменению экономической ситуации и есть старые способы работы, в том числе экономическое теоретическое обоснование этой деятельности, которое, к сожалению, никак не соответствует современным задачам.

Бодрунов: Спасибо большое, уважаемый Сергей Вячеславович, я думаю, что Вы со всей, если можно так выразиться, парламентской прямоотой обозначили те вопросы, которые сегодня ставятся в процессе обсуждения предложений правительства. Очень важно, что мы эти вопросы еще раз обозначаем, обостряем их, и думаю, что будет целесообразно включить эти замечания в перечень идей заключительного документа нашей сегодняшней сессии. Я хотел бы, коллеги, чтобы мы также в обсуждении критично оценивали те идеи, те предложения, которые сегодня есть, потому что от того, как будет сформирован этот план действий, как будут сформированы корректировки национальных проектов, очень многое зависит в развитии нашей страны. Мы должны, в традициях Вольного экономического общества, эти вопросы обозначать и вскрывать.

Я хотел бы предоставить слово Сергею Юрьевичу Глазьеву. Сергей Юрьевич Глазьев — вице-президент Вольного экономического общества России, член Коллегии (министр) по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии, академик Российской академии наук.

Глазьев: Уважаемые коллеги, я хотел бы представить вам материал, который, может быть, несколько выходит за рамки объявленной тематики. Поскольку я работаю в Евразийском экономическом союзе, мы подготовили свой доклад и свое видение перспектив выхода из этого кризисного состояния, но рекомендации, которые я сформулирую, в полной мере актуальны, естественно, для российской экономической политики, потому что Россия является, ясное дело, локомотивом всей экономической интеграции, на Россию приходится около 80% валового продукта, так что можно сказать, что весь Евразийский экономический союз с точки зрения динамики макроэкономических показателей в первую очередь зависит от поведения российской экономики.

Общее падение экономической активности уже порядка 5%, и надо сказать, что трехлетний прогноз для государств Евразийского экономического союза пока вписывается в тот же общемировой средний сценарий, то есть глубина падения до 6% с последующим выходом на позитивные цифры. И это означает, что если мы будем двигаться по инерции, то мы так и будем топтаться на уровне конца советского периода еще ближайшие пять лет. Думаю, это мало кого устроит.

Но на что бы я хотел обратить внимание прежде всего. Все эти макроэкономические рассуждения сегодня — в масштабах мировой экономики не что вроде средней температуры по больнице. И международные финансовые организации, и экспертное сообщество рассуждают в терминах экономики мира в целом, стран ОЭСР, в то время как мы явно видим дифференциацию. В Китае, например, уже фактически кризисное падение преодолено, и мы видим, что даже уже во втором квартале китайская экономика вышла в плюс к 2019 году. И для меня совершенно очевидно, что страны ядра нового мирохозяйственного уклада, это прежде всего Китай, Индия, страны Индокитая, будут выходить гораздо лучше, гораздо быстрее, и их положение в мировой экономике в результате этих структурных изменений улучшится, то есть они выйдут из кризиса более окрепшими, и тем самым одним из результатов этого переживаемого нами кризиса станут ускорение перемещения ядра мировой экономики в Юго-Восточную Азию и ускорение формирования нового мирохозяйственного уклада.

Я не буду сейчас распространяться о том, чем он отличается от нынешнего, но единственное скажу, что нынешний, имперский мирохозяйственный уклад завершает свой жизненный цикл как прежде всего либеральная глобализация с господством западных транснациональных корпораций, этой эпохе приходит конец, на смену приходят новые типы

организации экономической активности — гибкие сетевые компании, которые, так же как и западные ТНК, связаны с центрами эмиссии мировых валют, но при этом ведут политику более взвешенно, ориентируются на совместные инвестиции, уважают страну пребывания и стараются искать синергетический эффект.

Если говорить о Евразийском экономическом союзе — ситуация у нас во всех странах в целом негативная по экономической активности, за исключением сельского хозяйства. Во всех пяти государствах отмечается рост сельского хозяйства, что, очевидно, связано с тем, что крестьяне не самоизолировались, а провели посевную кампанию. А там, где самоизоляция сработала наиболее болезненно, — это, конечно, пассажирооборот, потому что люди не передвигались, — падение 50%.

Если брать обрабатывающую промышленность, то, мы видим, явный лидер здесь — фармацевтическая продукция, в этой кризисной ситуации у нас существенно укрепилась фармацевтика, производство медицинских препаратов и медицинская промышленность. Ошеломляющий рост в Киргизии — 140%. И в России тоже неплохо — 16% с лишним. Также примыкающее к ним производство бумаги и производство товаров химической промышленности; вслед за сельским хозяйством производство продуктов питания у нас выросло на 5%.

В общем, в экономике происходит дифференциация. Замечу, дифференциация идет в соответствии с нашим видением долгосрочных структурных изменений в технико-экономической сфере. Пандемический кризис помог укрепиться новому технологическому укладу. Потому что ядром нового технологического уклада являются информационно-коммуникационные технологии, которыми мы с вами прямо сейчас пользуемся, и вы хорошо знаете, что и компания Zoom, и многие другие работающие в IT-сфере компании существенно подняли свою капитализацию и нарастили объемы производства, и, соответственно, для информационно-коммуникационных технологий кризис оказал, несомненно, стимулирующее действие.

Также он оказал огромное стимулирующее действие на биоинженерные компании. А биоинженерия — это еще один ключевой элемент ядра нового технологического уклада. Соответственно, комплекс производств ядра нового технологического уклада по-прежнему растет с темпом 25–30% в год, и кризис только усилил эти структурные изменения в пользу создания производств нового технологического уклада, свертывания устаревших во многом производств в обрабатывающей промышленности и сырьевом комплексе.

Мы видим выход из кризиса для Евразийского экономического союза, я пока говорю в общих терминах, прежде всего в расширении взаимной торговли. Во всех странах Евразийского экономического союза сократилась внешняя торговля, но при этом падение взаимной торговли было меньше и доля взаимной торговли растет, и наша задача заключается в том, чтобы дальше стимулировать расширение взаимной торговли, а также наращивать сотрудничество с нашим сегодня самым перспективным партнером — Китаем, сопрягая Евразийский экономический союз с проектом «Один пояс — один путь».

Мы отмечаем необходимость стабилизации макроэкономической ситуации, а я скажу, что все государства Евразийского союза вышли за пределы финансовой устойчивости, но я думаю, что это менее важно, чем последний пункт — создание условий для дальнейшего развития.

Если говорить о мерах государственной поддержки, то внешне они кажутся существенными, но в сравнении с другими странами наши меры достаточно скромны. Они меньше, чем в развитых странах и Европе, и в основном носят такой, знаете, характер выживания, а не стимулирования роста.

Если смотреть на меры поддержки в части денежно-кредитной политики, а мне кажется, в этом во многом ключ к переходу к политике развития и стимулирования инвестиционной активности, то мы видим, что формально практически все денежные власти отреагировали у нас снижением процентной ставки, кроме Казахстана и Киргизии; все без исключения расширили предоставление ликвидности коммерческим банкам, скорректировали нормы резервирования, произошла реструктуризация кредитов, — но это опять же меры, так сказать, для поддержания штанов, с тем чтобы сократить рост банкротств, смягчить последствия падения экономической активности, и по тем отраслям экономики, которые больше всех пострадали, действительно были приняты меры по смягчению их неплатежеспособности.

Но если сравнивать с другими странами, эти меры носят опять же очень скромный характер. Обратите внимание, у нас нигде не произошло снижения процентной ставки ниже четырех. Ключевой ставки, я имею в виду. А если брать ставки по рынку, то сегодня даже вполне платежеспособные предприятия, во всяком случае в России, мало кто может получить кредит под процент ниже, чем 12%. А если брать малый и средний бизнес, то ситуация еще хуже. И надо сказать, что при том, что ключевые ставки были снижены центральными банками, никаких целевых инструментов рефинансирования, которые особенно

важны были бы в условиях кризиса, мы не заметили. Более того, наши попытки обратить внимание центральных банков на необходимость создания и расширения специальных инструментов рефинансирования, поддержки малого и среднего бизнеса натолкнулись на их нежелание этим заниматься. А ведь именно целевые инструменты, которые прямо связывают кредитную эмиссию с расширением производства, ростом инвестиций, являются, как мне кажется, ключом к эффективной антикризисной политике, потому что просто само по себе снижение ключевой ставки, даже до уровня четырех, не снимает проблемы керри-трейда, не снимает проблемы раздувания спекулятивных пузырей. И, скорее всего, как у нас произошло уже в конце марта — начале апреля, когда, вы знаете, Центральный банк России выдал немалые льготные кредиты, как и в прошлые годы, всё это оказалось сразу же на валютном рынке. То есть стремление использовать дешевые кредитные ресурсы для того, чтобы манипулировать валютным рынком, курсом национальной валюты, по-прежнему доминирует со стороны в том числе крупных государственных банков. И в 2008–2009 году так было, и затем в 2014–2015, и вряд ли есть основания думать, что их поведение изменится. Как только денежные власти начинают расширять кредит, тут же начинаются прогнозы про падение курса национальной валюты, всякие алармические заявления, и потом действительно валюта рушится, потому что банки направляют полученные кредитные ресурсы не на расширение производства и поддержание экономической инвестиционной активности, а на валютные спекуляции.

Поэтому без валютного регулирования, точнее, без введения валютных ограничений, мы расширить кредитование экономики не можем в общем случае, но мы можем использовать целевые инструменты рефинансирования. Если мы используем целевые инструменты рефинансирования, привязывая их к специнвестконтрактам, к многосторонним инвестиционным соглашениям, у нас появляется механизм контроля за использованием этих льготных целевых кредитов, и, мне кажется, именно этим надо было бы заниматься.

Если мы этим не занимаемся, то у нас надежда только на бюджетную поддержку. Бюджетную поддержку могут себе позволить в серьезных размерах — и, конечно, опять же ограниченную — только Россия и Казахстан, у которых есть большие резервы и у которых относительно низкий уровень государственного долга. Все остальные государства Евразийского союза всерьез рассчитывать на бюджет не могут, и бюджета надолго не хватит даже России и Казахстану, нужны меры по расширению кредитной активности.

В целом могу сказать, что, хотя внешне размер фискальной поддержки экономики у нас примерно такой же, как и в других странах, особенно в Казахстане и России, он существенный потому, что в этих государствах есть резервы, но при опоре только на бюджет мы ни на что серьезное рассчитывать не можем. Вот, пожалуйста, прогнозы, которые нам дают наши правительства и центральные банки. Мы видим, что везде 2020 год в негативе. 2021 год у России — 3,2%, 2022 год — 2,9%. Это означает, что темпы развития и России, и Евразийского союза будут по-прежнему ниже даже среднемировых. Это не выход из кризиса. Это еще они называют оптимистичным прогнозом.

То, что мы сегодня видим в наработках официальных органов, — это, скорее, приспособление к падению экономической активности, вызванной мерами по борьбе с пандемией. И фактически у нас рассматриваются на официальном уровне только два сценария: сценарий рецессии, то есть падение в этом году и затем выход на вялотекущее восстановление экономической активности с темпами ниже, чем в среднем в мире, и намного ниже, чем в Китае и Индии, в странах ядра нового мирохозяйственного уклада. То есть мы опять же будем отставать, и этот сценарий считается позитивным, а сценарий «Депрессия» — это если будет вторая волна, с такими же мерами по самоизоляции, — это и того хуже.

А вот сценарий глубокой реструктуризации мировой экономики, которая на самом деле происходит, потому что, как я уже сказал, Индия и Китай растут и будут расти опережающим темпом и дальше, а Европа и США будут находиться в состоянии нарастающего хаоса, и у них выход из кризиса будет гораздо более тяжелым, если вообще они вытянут экономическую активность до предкризисного уровня в течение пяти лет, это будет неплохо, а Китай с Индией уйдут вперед. Так вот, глубокая реструктуризация мировой экономики у нас вообще никем из официальных органов не воспринимается. Они так не видят мир, они не хотят видеть, что мир трансформируется, формируется новое ядро глобальной экономической активности, и не хотят видеть, что формируется новый технологический уклад. Поэтому у нас все прогнозы оказываются негативными и с точки зрения веса Евразийского экономического союза в мире, и в Шанхайской организации сотрудничества. По всем прогнозам наш вес снижается.

Для того чтобы этого не происходило, мы сегодня работаем над реализацией альтернативного сценария — так называемого формирования самостоятельного центра силы, который предполагает реализацию, во-первых, нашей стратегии углубления интеграции до 2025 года,

которая уже одобрена в целом главами государств и включает в себя введение институтов стратегического планирования в Евразийском экономическом союзе, разработку целевых программ инвестиционной поддержки и инновационной поддержки, и в целом мы видим возможности активизации экономического роста за счет имеющихся у нас производственных возможностей с темпом в два — два с половиной раза выше, чем то, что мы видим в базовом сценарии, по которому сегодня идет наше планирование экономической политики.

Бодрунов: Спасибо большое, Сергей Юрьевич. Фундаментальный, на мой взгляд, доклад. Извините, что я влезаю со своими оценками, но тем не менее не могу от этого удержаться, не сказать об этом. Мне кажется, что очень важна здесь мысль, которая делает наш сегодняшний анализ нашей ситуации даже более взвешенным, чем мы ожидали. Потому что Вы подчеркнули необходимость учета тех трендов мирового развития, которые сегодня на самом существуют. Вчера, например, когда было выступление Игоря Пауновича, который представлял доклад ЮНКТАД в Международном союзе экономистов, тоже речь шла о том, что необходимо учитывать эти самые тренды. Так что сегодня мы очень правильно сделали, что погрузились в обсуждение и этой стороны проблемы.

И мне кажется очень важной с чисто практической точки зрения идея так называемых окрашенных счетов, окрашенных кредитов, потому что, действительно, можно ввести определенным законом порядок предоставления кредита, установить для них специальную ставку. Да, это несколько административное влияние, но оно вполне вкладывается в нашу сегодняшнюю модель управления экономикой. И если мы хотим видеть нормальный кредит для развития промышленности, для развития предприятий, для развития всех секторов реальной экономики, то мы, конечно, должны понимать, что кредит должен быть другим, он должен быть действительно абсолютно доступным и не накладывать на предприятие тяжелого бремени расчетов по этому кредиту.

Как представитель промышленного сектора, я, конечно, двумя руками голосовал бы за такого рода инструменты, тем более что практика у нас уже есть. У нас есть спецсчета по разным типам экономической деятельности, в частности, в том же оборонно-промышленном комплексе всё прекрасно отработано.

Я предоставляю слово Александру Александровичу Широву, члену Правления Вольного экономического общества России, директору Института народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук, члену-корреспонденту РАН.

Широв: Обычно мы работаем в жанре расчетов и измерений, нам как-то цифры ближе, но в данном случае я хотел бы немножко порассуждать о том, какие были мотивы у власти и каковы мотивы сейчас для некоторой перестройки всей системы национальных проектов и не только.

Прежде всего я призываю всех задать себе вопрос: а зачем нужно было сейчас, в июле 2020 года, публиковать новый указ о целях развития экономики? По-видимому, это нужно было для того, чтобы полностью переформатировать всю систему документов стратегического планирования. И тот единый план по достижению этих целей, который сейчас разрабатывается правительством и буквально на днях должен быть внесен уже для более широкого обсуждения, — это как раз не что иное, как конкретный план, который наполняет вот эти показатели указа. То есть без указа этот единый план в принципе не имел большого смысла.

С другой стороны, что такое этот единый план? Это программа действий нового правительства, если кто-то не понял, потому что фактически там декларируется достижение целей до 2024 года, и есть взгляд в будущее, до 2030 года. Соответственно, ясно, что вся конструкция стратегических документов, которая существовала до сих пор, требует некоторой перестройки. Более того, не буду скрывать, мы краем глаза какие-то документы видели, поэтому, например, по ряду национальных проектов там звучит такой термин — «перезапуск» национального проекта. То есть в этом же документе напрямую декларируется то, что часть национальных проектов была неэффективной или тот объем средств, который был выделен, неэффективен. И эта разбивка по пяти целям, которые теперь у нас есть, позволяет ту систему национальных проектов, которая была, переформатировать. И вроде бы этому будет способствовать новая система КРІ, которые там заложена, — она занимает чуть ли не половину всего документа, а вторую — уже, соответственно, действия.

Поэтому, с одной стороны, это вроде бы вызывает уважение — правительство вносит новую программу, оно ставит перед собой цели и готово их защищать. С другой стороны, конечно, оторопь берет, потому что там, например, есть ответственные за темпы роста валового внутреннего продукта до десятых процента или, например, за число граждан, которые заняты в малом бизнесе, тоже чуть ли не до человека. И это опять отсылает к тем самым неудачным при-

мерам стратегического целеполагания, про которые Сергей Вячеславович до этого говорил. Действительно, это хорошая ассоциация, что мы бежим за зайцем, постоянно отменяя предыдущие цели и перенося их вперед. И да, эти документы, безусловно, являются более качественными и более интересными, чем то, что мы видели до этого, но эта угроза, этот риск того, что в очередной раз мы получим историю с переносом вправо, причем здесь уже явно часть показателей переносится вправо, — это, безусловно, проблема.

Вторая проблема — проблема финансирования. Вот с этим как раз ничего пока не ясно. Мы имеем бюджет, но основные положения его опять же кое-кто видел где-то как-то, но в окончательном виде мы всего этого пока не рассматривали. С другой стороны, ясно что сокращение расходов — это отнюдь не трагедия, потому что наше Министерство финансов в этом режиме работает уже многие годы, еще, наверно, со времен Алексея Леонидовича Кудрина, когда так или иначе бюджетный процесс предусматривает многократное перекрестное резервирование, когда в конце года или в середине года у вас появляются свободные деньги и вы их можете потратить куда угодно.

С одной стороны, такой подход к бюджетному планированию понятен. Мы сейчас не знаем, как ситуация будет развиваться к середине следующего года, и поэтому можно будет перенаправить эти средства куда-нибудь, вместо того чтобы их заранее раскассировать. Но с другой — это логика оперативного управления экономикой, это не логика достижения как раз тех самых стратегических целей развития. То есть для того, чтобы сделать что-то внятное, нужно финансы распределять более стратегически, что ли, или более эффективно.

Теперь, как мы хотим покрывать дефицит бюджета — и в этом году, и в следующем. Это вообще в некотором смысле новелла. Мы, имея 12%, даже более 12% ВВП в Фонде национального благосостояния, будем покрывать дефицит бюджета в основном за счет заимствований. Прежде всего, я так понимаю, у наших банков. И опять же возникает вопрос: а куда же мы все-таки собираемся 12% потратить? Получается, что мы их как раз собираемся потратить вот на те цели развития, но, видимо, не сейчас, а когда-то в будущем, когда мы поймем, какова же ситуация в экономике.

Всё это вызывает вопросы, потому что, насколько эффективно будет реализован этот благородный порыв выстраивания новой системы целеполагания, плана правительства и других механизмов реализации целей развития, не очень понятно, потому что пока наша финансовая и пре-

жде всего бюджетно-финансовая система на это не настроена. Она настроена на оперативное решение текущих проблем. И здесь что-то, конечно, нужно менять. Причем ясно, что одно из важных направлений — это регионы. Мы переносим ответственность в регионы, мы даем им больше полномочий, даже в результате пандемии мы как-то меньше ограничивали их возможности, передали им права по проведению локдауна, но финансово они не обеспечены.

Вот не далее как вчера была рабочая группа Госсовета по энергетике, где обсуждался вопрос про газификацию, которую хотят поставить в качестве KPI для губернаторов. И одни говорят: «Ну что ж поделать, ну придется, да». А другие говорят: «Ну зачем вы нам это делаете, когда у нас нет никаких ресурсов для того, чтобы эту газификацию проводить? Ясно, что это может сделать "Газпром" или федеральный центр. При чем здесь мы?» И это правильно.

Еще раз: некоторый оптимизм тот план, который разработало правительство, вызывает, и я согласен, что это технократический план, он больше связан с реализацией конкретных действий; видимо, проведена работа над ошибками — это уже ясно, это видно. Но в то же время, если мы не приведем механизмы финансирования в соответствие с целями и задачами, которые стоят перед экономикой, вряд ли нас ожидает крупный успех.

Бодрунов: Спасибо большое, уважаемый Александр Александрович. Действительно очень важное замечание. Конечно, видны определенные недостатки, недочеты в этой работе, которые надо исправлять уже на этом этапе и корректировать сейчас. Совершенно правильное замечание о необходимости повысить уровень стратегирования всей этой работы. Цели показаны, президент их обозначил, и это очень важно. Под эти цели дальше всё должно быть сформировано. Но эти цели — стратегические. И если мы будем идти не той дорогой, которая ведет к этим целям, а перепрыгивая с одной колдобины на другую, если мы забываем о финальной цели, то, конечно, результат вряд ли будет достигнут. Поэтому, мне кажется, этот уклон на то, чтобы сегодняшнее реформирование нацпроектов получило большее стратегическое наполнение, и бюджет в том числе, и все другие инструменты — очень важный аспект сегодняшнего обсуждения.

Уважаемые коллеги, я предоставлю слово Дмитрию Евгеньевичу Сорокину, вице-президенту Вольного экономического общества России, руководителю департамента экономической теории Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, члену-корреспонденту Российской академии наук.

Сорокин: Спасибо. Я вот слушаю: всё правильно, интересно. И вот передо мной лежит наш последний номер журнала «Вольная экономика», и там информация о том, что в марте этого года мы уже собирали такой экспертный совет, в центре внимания которого стояли именно нацпроекты, вопросы их корректировки, изменения и так далее. Я здесь читаю, что Борис Николаевич Порфирьев говорил о том, что надо нацпроекты взаимоувязывать и т. д. Значит, мы об этом уже говорили. Примерно в том же составе сидели.

Второе, я хотел бы сказать, что наша тема сегодня — как настроить нацпроекты заново. На мой взгляд, их корректировка, настройка уже произведена. Я имею в виду упомянутый Александром Александровичем указ президента о национальных целях от июня этого года. Не помню номер сейчас. Скорректировано: не в пятерку войти, а в десятку. Но не в 2024 году, а к 2030-му. Жить до 80 лет, но не к 2024 году, а к 2030-му. Корректировка? Корректировка.

Третье, что я хотел сказать: если нацпроекты корректировать, то важно не что корректировать, а как. Я очень хорошо помню, как перед прошлым общим собранием Российской академии наук, когда как раз нацпроекты были еще с указом 204 увязаны, президент Российской академии наук, давая интервью «Российской газете», я цитирую дословно, сказал: «О нацпроекте "Наука" в Российской академии наук узнали из газет». Ну вот мы, ученые, собрались тут. Я не знаю, как проекты корректируются сейчас. Что скажет нам президент Академии на очередном собрании в декабре этого года? Проект «Наука» тоже нужно корректировать, мы сами говорим, необходима «экономика знаний». Без науки куда?

Дальше что хотелось бы сказать. С точки зрения целей, которые имеются в данных нацпроектах, не суть важно, до 2024 года они будут достигнуты или до 2030-го. Вообще хорошие цели-го. И каждый из нас бы, наверно, в целом согласился, чтобы и жить до восьмидесяти, и в десятку попасть, и медицину хорошую иметь. Я за, тут вопросов нет. Проблема, на мой взгляд, в корректировке нацпроектов в том, что надо уточнять цели, но вот план действий уже, как нам сказали, практически готов и должен быть внесен до 30 октября. То есть сейчас уже там идет шлифовка, как я понимаю. И, видимо, нацпроекты скорректированы и вписаны в единый документ, тут всё понятно. Но я тогда скажу о двух вещах, которые очень важны. Мы увидим этот план, но вот его исполнимость и исполнимость имеющихся проектов, на мой взгляд, зависят от многих вещей.

Можем ли мы реализовать эти или иные, не менее важные цели нацпроектов, допустим, скорректированные, на имеющейся технологической базе? Надо же производить конкурентоспособную продукцию. Производим мы ее? Производим. Я беру завод, который работает на оборонку. Серьезный завод во Владимирской области, совсем недавно там был. Сейчас он выполняет очень важный заказ, кстати, Российской академии наук, вице-президента Балеги, радиотелескопы. В районе Байкала они будут установлены. В общем, это сложнейшая штука. И вот эти сложнейшие вещи мы делаем сами.

Вопрос директору, с которым я много лет, как говориться, приятельствую. Пошли в цех: «На каких станках ты это делаешь?» Итальянские, немецкие, китайские. Ни одного российского станка. Ну не в этой же аудитории мне напоминать слова, известные из XIX века: важно не что ты производишь, а важно то, на чем ты производишь, какими орудиями труда. Автор известен.

Это что, наше национальное производство этих радиотелескопов? Это преодоление импортозависимости от высокотехнологичной продукции? И это оборонный завод. Я надеюсь, что на производстве «Кинжалов» и прочего вооружения стоят наши станки. Надеюсь! Но я вижу, что стоит на других заводах. Хорошо, этот завод работает на оборонку, у него есть возможность по импорту приобретать всё это. А как вы конкурентоспособную продукцию — для медицины и прочее — сделаете на том оборудовании, которое есть?

Указ 204 начинается со слов: «В целях осуществления технологического прорыва». Я говорил и повторяю: где в имеющихся до сих пор, не скорректированных национальных проектах выделена задача технологического прорыва? Как правильно было сказано, чего цифровизовывать будем? Прошлый технологический уклад оцифровывать будем? Ну, давайте. Это фундаментальная проблема.

Второй момент. Почему требуется корректировка? Ах, кризис! Из-за кризиса корректировка требуется? Слушайте, мы с вами говорили, и в общем-то это общепринятая, ясная позиция: разве кризис 2015 года — это санкции? Или мы к нему начиная с 2010 идем, замедление темпов в 2013-м, 2014-м произошло до всяких санкций. И санкции, может быть, в 2015-м свое дело сделали. Ну, в 2017 году бы они были, какая разница? Так, может быть, начать корректировку с того, что проанализировать, почему не выполнены прежние все вещи?

Возьмем «Концепцию-2020». Уберите кризисные годы — 2009-й и 2015-й, и оставьте там плюсовые темпы. Она выполнена будет? Была поставлена цель, что 50% предприятий к 2020 году должны быть инновационно активными. Как было их 10% в 2007 году, так и осталось в 2020 году. В чем дело? Денег мало? Я в таких случаях вспоминаю одного известного американского управленца, который говорил: «Если проблема в системе, то даже триллион долларов не решит проблемы, а лишь увеличит их число на триллион долларов». Так вот, проанализировав системные проблемы, мы сможем понять, как корректировать.

И последнее. Я сегодня утром участвовал в конференции по экономической психологии, связанной с ростом экономики, в Академии госслужбы в Саратове — уже второй форум такой. Там я поднял тему и меня поддержали: ни один масштабный проект и план не будет выполнен, если не существует определенного уровня общественного доверия — и к тем, кто ставит задачи, и к тем, кто их выполняет. Доверие — фактор экономического роста и решения любых проблем.

У нас президент пользуется безусловным общественным доверием, для меня это абсолютно ясно. Тут вопросов нет. Но нам наши социологи дают уровень доверия к остальным органам — министерствам, ведомствам и так далее. Слава богу, уровень доверия к правительству в этом смысле сейчас вроде бы растет, по последним опросам. Но если не будет общественного доверия и, если хотите, общественного энтузиазма — ничего не получится.

Бодрунов: Спасибо большое, Дмитрий Евгеньевич. Очень важный аспект Вы затронули сегодня, и мы уже это обсуждали ранее. Все проблемы, связанные с формированием новых задач, если мы не разрешим старые проблемы и не учтем старые ошибки, — это, действительно, скорее будет сизифов труд.

Доверие — также важнейший фактор для того, чтобы консолидировать людей на новые решения, новые достижения в экономике, — это доверие общества к власти, доверие общества к институтам и так далее и тому подобное. Над этим надо, безусловно, работать, но эти факторы неэкономического характера слабо учтены в национальных проектах.

И я хотел бы предоставить слово сейчас Георгию Борисовичу Клейнеру, члену Президиума ВЭО России, заместителю научного руководителя ЦЭМИ Российской академии наук, члену-корреспонденту Российской академии наук, академику РАЕН.

Клейнер: Спасибо, Сергей Дмитриевич. Спасибо за организацию сегодняшнего мероприятия. Мне кажется, оно, несмотря на то что коррелирует по теме с предыдущим нашим собранием, все-таки внесло очень много новых оттенков и аспектов в важнейшую проблему. Тем более что оно организовано после выхода в свет указа президента о национальных целях социально-экономического развития России. И в общем это всё создает такую очень благоприятную атмосферу, благоприятную среду для обсуждения едва ли не кардинальнейших проблем нашей жизни.

Вот здесь было сказано, что указ и пять направлений целей задают программу деятельности нового правительства. Мне кажется, вопрос следует ставить шире. Выполнение этих целей, наполнение этих целей, конечно, зависит и от правительства, и от Государственной Думы, и от Совета Федерации, и так далее. Но все-таки это вершина айсберга, а айсберг расположен ниже. Айсберг включает в себя огромное количество людей, прежде всего, и предприятий во вторую очередь, отраслей, регионов и так далее до вершины этой пирамиды. И вот если мы посмотрим с этой точки зрения, с точки зрения экономики как системы, то мы увидим некоторые пробелы, которые мне представляются очень важными для нашего движения вперед.

Правильно было сказано, что цели или, точнее говоря, целевые показатели, которые сформулированы в указе и которые транслируются в целевые проекты, носят прагматический характер. Это было сказано как плюс, но мне кажется, что в этом есть и определенный минус. Мы проскакиваем некоторую важнейшую стадию. Что, мы строим государство для того, чтобы, как там сказано, например, войти в какую-то там десятку или в еще какую-то мишень мирового сообщества, или для того, чтобы мусор делился на части и правильно вывозился, о чем тоже справедливо говорится? Где вершина? Какую модель мы видим? Какой образ России стоит за всем этим? Ведь этот указ носит не только регламентирующий, но и мотивирующий, стимулирующий характер. И вот здесь мы видим зияющую пустоту. Мы не видим стратегии, мы не видим миссии, мы не видим основательного двигателя для нашего движения, который должен нас увлечь. «Нас» в широком смысле слова: и каждого из нас как физическое лицо, и нашу экономику как целое. Отсутствие этого верхнего, или высочайшего, что ли, уровня целеполагания мне кажется очень важным.

Какую модель мы видим? У нас что есть? Есть государство, естественно, есть население, социум, есть экономика, есть бизнес. Какое соотношение между этими игроками мы видим? Хотим ли мы видеть огосударвленную экономику? А государственническая идеология у нас существ-

ует. Хотим ли мы видеть социальную экономику, где население определяет всё? Хотим ли мы видеть экономику, в которой бизнес или, извините, может быть, для остроты, олигархи определяют всё? Каково соотношение между этими игроками? Этот вопрос остается за кадром. Пока мы этого не ощущаем. Нужно говорить о будущем соотношении, оно может быть достигнуто или не достигнуто, но мы должны видеть эту модель будущего. Без этого наше движение будет напоминать движение корабля, не имеющего стратегической цели.

И вот когда мы говорим о недостатках стратегического планирования, о том, что оно не смогло найти свое место в сегодняшнем мире, мы не должны забывать о том, что дело не только в документах, которые недостаточно полны и так далее, но дело в этой самой мобилизующей общей цели. Или в том, что я в одной из работ назвал «ориентирное планирование». То есть движение на ориентиры. Не просто на верстовые столбы с цифрами, но ориентиры, маяки, которые светят нам для продолжения пути.

И замечу, что в национальных проектах очень мало говорится о системе управления экономикой. Мне кажется, что эта тема, которую ощущает каждый из нас, нуждается в специальном национальном проекте. Если мы не победим ту систему управления, которая сложилась в результате известных движений, начиная от хаотического управления в 90-х годах, включая ручное управление 2000-х и заканчивая неудачными попытками стратегического управления. Должен быть национальный проект на эту тему. Если его нет, неуправляемая ситуация будет нам мешать всё время.

Еще об одном хотел сказать. Да, социальные вопросы важны. Но есть еще, кроме социальных субъектов, экономические субъекты. Это предприятия. Практически ни в одном выступлении сегодня и ни в одном тексте нацпроектов нет указания на то, какие предприятия мы хотим видеть. Да, мы знаем, отправляются в офшоры средства, компании недостаточно инновационно активны и так далее. А от чего это зависит? Какова внутренняя структура предприятий? Итак, значит, должен быть национальный проект, посвященный развитию отечественных предприятий — как класса, так сказать. Крупные, мелкие, средние. Не только поддержка мелких, не только критика госкорпораций, а предприятие как институт.

Бодрунов: Спасибо большое, уважаемый Георгий Борисович. Сейчас я хотел бы дать слово Михаилу Владимировичу Ершову, члену Президиума Вольного экономического общества России, директору по финансовым исследованиям Института энергетике и финансов, профессору Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. И я хотел бы также подчеркнуть, что Михаил Владимирович является членом комиссии по банкам и банковской деятельности Российского союза промышленников и предпринимателей.

Ершов: Добрый день, уважаемые коллеги. Спасибо, что в это непростое время, в этих условиях вы нас всех собрали и мы имеем возможность и персонально, и заочно обменяться мнениями по таким актуальным вопросам.

Сначала я упомяну общие обстоятельства, которые нам мешают нормально развиваться. Сначала были санкции, теперь медицинские вопросы пандемии. Нам приходится учитывать эти препятствия. Но механизмы, которые могли бы нам помочь многие из стоящих перед нашей экономической системных задач решить, примерно остаются теми же самыми в любых условиях. Мы многие годы говорим об отсутствии длинных денег, мы многие годы говорим часто о валютной нестабильности, мы многие годы говорим о необходимости системных подходов к финансированию.

Вот сейчас пандемия масштабы финансирования нацпроектов затормозила, возможно, и финансирование уменьшится, возможно, и сроки затормозятся. Но и обстоятельства в принципе стали радикально иными — нарушаются производственные цепочки — мы все об этом прекрасно знаем. Здесь нам как участникам рынка, регуляторам, кто в какой роли выступает, нужно иметь в виду, что это нестандартная ситуация допускает и нетрадиционные, нестандартные механизмы решения. И речь идет сейчас не только о снижении процентных ставок, это естественно, банальный инструмент, который использовался во все времена — и до пандемии. Но посмотрите, как наши конкуренты сейчас себя пытаются вести в таких для себя, для них тоже сложных условиях. И что из этого мы можем или не можем, нам нужно, не нужно и так далее сделать у себя. Порассуждаем.

QE — количественное смягчение. Достаточно уже апробированный механизм в этих кризисных условиях, но ряд стран, в том числе Соединенные Штаты, Япония, стали говорить о QE без лимита, без ограничений. То есть это означает, сколько нужно денег, столько и будет предоставлено в рамках программы QE. Марио Драги из ЕЦБ сказал,

что ЕЦБ, то есть Европа, сделает всё необходимое для того, чтобы поддержать экономику необходимыми мерами и ресурсами. Значит, ЕЦБ примыкает идеологически вот к этим ведущим экономикам мира.

Центральные банки, например, Японии, ФРС США начинают выкупать долги частного сектора, понимая, что от частного сектора очень многое зависит, и чем здоровее будет частный сектор, тем здоровее будет и национальная экономика и лучше будут перспективы развития. То есть регуляторы готовы свои собственные балансы ухудшить ради того, чтобы улучшить балансы компаний в своей экономике. Стоит ли это делать? Есть, по крайней мере, повод для рассуждений, для размышлений.

Дальше длинные деньги. Тема давнишняя, с самого начала российской экономики, с 90-х годов мы об этом постоянно говорим, это наша хроническая проблема. Владимир Владимирович Путин на последнем выступлении в послании Федеральному Собранию в этом году, в январе, сказал, я процитирую, если можно: «Для уверенного роста инвестиций, — говорит Владимир Владимирович, — экономике нужны длинные деньги. И это прямая обязанность Банка России». Конец цитаты. Да, то, что длинные деньги — это проблема, мы об этом слышим многие годы, а вот то, что это прямая обязанность Банка России, — я это лично услышал в первый раз.

На самом деле мы видим случаи, когда ведущие экономики мира покупают тридцатилетние, сорокалетние государственные облигации на свой баланс — ФРС, Банк Японии и так далее. Вот если я, условно говоря, ФРС, я покупаю тридцатилетнюю облигацию своего Минфина, значит, я дал своему Минфину тридцатилетний кредит. Сейчас Австрия, Бельгия и еще ряд стран стали использовать столетние облигации. Есть над чем подумать. Если экономика получает столетний эмиссионный ресурс, конечно, в него можно и ипотеку, и космос, и региональные программы, и малый бизнес, и всё, чего нужно, упаковать. По крайней мере, они этим путем пытаются идти.

В этой связи в ведущих экономиках доля всех этих инструментов составляет до 90% в формировании всей ликвидности. У нас — меньше 2% на балансе нашего уважаемого Банка России. Длинные деньги в эмиссии рубля — меньше 2%. Это огромный неиспользованный потенциал.

И в завершение я хочу сказать, что сейчас нам нужно создавать прочные внутренние механизмы, тем более мы не знаем, какова будет ситуация в будущем, и, скорее всего, она, конечно, будет таить в себе много непредсказуемого и много сложного. И более того, учитывая, что те задачи, которые перед нами сейчас ставятся в контексте нацпроектов, конечно, требуют своего решения, и чем быстрее мы их будем нормально решать, тем будет для всех нас лучше.

Бодрунов: Спасибо большое, уважаемый Михаил Владимирович. Все кризисы в мировых экономиках, в крупных экономиках заливали деньгами. Программы количественного смягчения мы все знаем, и мы понимаем, что очень важна здесь такая целевая расчистка экономического пространства. И то, что необходимо обращать серьезное внимание на плохие долги, — очень важно. Если мы таким образом поддержим субъектов, акторов хозяйственной деятельности в реальном секторе экономики, то это будет фактически целевая поддержка. Проблема длинных денег — это тоже очень важный момент. Но скупка плохих долгов и поддержка предприятий в этом плане мне представляется даже более важной.

Но самое главное, на что можно было обратить внимание, — это на необходимость увязки, которая не очень хорошо видна сегодня, увязки тех идей, тех задач, решений, которые есть в арсенале Центрального банка, финансового регулятора, и тех задач, которые решает правительство в плане корректировки национальных проектов, в том числе и плана оздоровления экономики.

Хочу предоставить слово Владимиру Викторовичу Иванову, члену Правления Вольного экономического общества России, заместителю президента Российской академии наук, члену-корреспонденту Российской академии наук.

Иванов: Поскольку здесь уже очень много сказано, то я постараюсь поговорить немножко о другом.

Прежде всего, я хотел бы обратить внимание, что мы с вами обсуждаем национальные проекты, то, как их совершенствовать. Но остается один простой вопрос: а что такое национальный проект? Так вот, мы столкнулись с такой парадоксальной ситуацией, когда сегодня нет такого понятия — национальный проект. Вот у вас у всех есть в руках мобильные телефоны, можете набрать «национальный проект, что это», и вы не получите ответа. Вы увидите, для чего делается национальный проект, что он должен решать, но что это такое по сути, определения такого нет. Это вот первый момент, с которым мы столкнемся. А он, в общем-то, определяет и всё остальное. Я предложил такое определение: «это комплекс мер, которые согласованы по срокам, исполнителям и ресурсам и направлены на решение приоритетных задач развития государства». Если мы примем такое определение, тогда вопрос о том, есть ли у нас лишние проекты или нет, отпадает автоматически, поскольку они точно увязаны с приоритетами развития.

Мы живем в такое время, когда все экономические изменения связаны с наукой. То есть научно-технологический прогресс — двигатель всего. Фундаментальная наука,

во-первых, это самое эффективное и самое выгодное вложение средств, если мы говорим про долгосрочную перспективу, и второе — из нее есть три практических выхода: это образование, технологии и культура.

Сейчас идет пересмотр многих стратегических документов, потому что, скажем, в этом году заканчивается Стратегия национальной безопасности, заканчивается Стратегия инновационного развития, заканчивается еще ряд документов, связанных с научно-технологическим процессом. Основные приоритеты нам заданы в марте 2018 года, глобальные для России: качество жизни, научно-технологическое развитие, развитие территории и оборонная безопасность. Под эти приоритеты были выстроены стратегические документы — национальной безопасности, НТР, социально-экономического развития. И в стратегии НТР определены семь приоритетов научно-технологического развития, и фундаментальная наука как приоритет.

Исходя из задач, сформулированы 13 национальных проектов, о которых мы с вами говорим. Вот логика этих документов. Здесь выдержка из указа, для чего нам нужно научно-технологическое развитие: для обеспечения независимости и конкурентоспособности Российской Федерации. И ключевую роль должна сыграть российская фундаментальная наука: «Поддержка фундаментальной науки как системообразующего института долгосрочного развития нации является первоочередной задачей государства».

Теперь мы немножко пройдемся по тому, как у нас реализуются эти задачи. Вот национальные проекты. Я прошу обратить внимание, все 13. Я еще раз повторю, я здесь не вижу ни одного лишнего. Они тут все точно совпадают с приоритетами. Но что самое интересное, за каждым из национальных проектов записано конкретное министерство. То есть ответственный определен.

А вот теперь давайте посмотрим. Вот стратегия НТР, за которую отвечает всего одно министерство — Минобрнауки. Фактически на него легла ответственность за всё научно-технологическое обеспечение всех национальных проектов. Вопрос: а это реально?

Нацпроекты и наука. А есть ли вообще в нацпроектах наука? Мы говорим «технологический прорыв обеспечить», а у них наука-то в паспортах проектов есть? Так вот, если мы посмотрим, мы увидим, что там науки-то нет.

Наука есть только в одном проекте — в нацпроекте «Наука», но, если мы внимательно посмотрим на этот нацпроект «Наука», мы увидим, что он к науке имеет очень

косвенное отношение. На самом деле это инфраструктурный проект. В него входят три федеральных проекта: это образовательный проект, это проект, связанный с интеграцией бизнеса, и проект, связанный с созданием новых установок. Наука — это несколько шире, чем этот национальный проект «Наука». И по деньгам он составляет достаточно маленькую часть от того, что получает вся наука.

А теперь — как соответствуют приоритеты стратегии НТР и стратегий других отраслей? Честно говоря, тут тоже больше вопросов, чем ответов. То есть у нас нет такой стыковки между научно-технологическим развитием и теми задачами, которые стоят перед министерствами, не говоря уже о том, что у каждого из крупных документов, например «Стратегии экономической безопасности», сколько имеется исполнителей.

Схема, по которой принимаются решения о запуске комплекса научно-технических проектов, очень сложная. То есть для того, чтобы запустить мощный инновационный проект, требуется пройти большой круг. Те, кто этим делом занимается вплотную, говорят, что на это дело надо минимум полтора года.

А теперь конкретика. Стратегия была принята 1 декабря 2016 года. На сегодняшний день не запущено ни одного проекта. Прошло у нас уже, простите, четыре года. Напомню, за четыре года, с 1945 по 1949 год, сделали атомную бомбу.

Теперь — в чем же основные проблемы. Первое. К сожалению, существует такой тезис, мы даже знаем, откуда он взялся, что наука — это услуга. Это стратегическая ошибка, которая привела нас к этой ситуации. Потому что наука есть такая же составная национальной безопасности, как армия, здравоохранение, продовольствие.

Дальше — система управления. Кадры. Я хочу напомнить, что всего у нас на постсоветском пространстве сейчас одиннадцатый министр науки, а в этом веке — пятый. Простите, уже шестой. Шестой министр. Из них ни один министр не имел опыта работы, руководства крупными научными организациями. Только Клебанов имел опыт работы с крупной научно-промышленной структурой. За последние шесть лет в структуре министерства был только один человек, и то короткий срок, который имел опыт управления научными организациями. Всё остальное, мы видим, либо ректоры, либо финансисты, либо еще кто-то.

Следующий момент. Российская академия наук — ФГБУ. То есть по своему статусу она мало чем отличается от детского сада, школы и так далее. И кроме того, чтобы было совсем интересно, Российской академии наук запрещено заниматься научными исследованиями. Законодательно. Это 253-й закон, принятый в 2013 году.

Наши стратегические планы. По «Стратегия инновационного развития», которая заканчивается, мы должны были иметь 3% ВВП. Майский указ 2012 года — 1,77% ВВП. Минэкономразвития — 1,6%. Факт — 0,98% ВВП.

Для справки. Страны более-менее развитые имеют сейчас 2% ВВП. Лидеры доходят до 4%. Дальше простой вопрос: как мы при таком научно-технологическом развитии будем в состоянии обеспечивать научно-технологический прорыв, развитие, реализацию национальных проектов?

Теперь выводы. Стратегия НТР не имеет системной связи с национальными проектами. Не выполняются требования стратегических документов, законодательства, поручений президента Российской Федерации по вопросам стратегического планирования, ресурсного обеспечения, совершенствования системы управления научными исследованиями и разработками. При существующих подходах к организации научных исследований и разработок невозможно решить задачу вхождения России в число стран — технологических лидеров, невозможна полноценная реализация национальных проектов.

Что мы предлагаем. Необходимо разработать принципиально новый документ «Основы госполитики развития науки и технологий», в котором сформулировать целостную политику научно-технологического развития страны. Тут я немножко вернусь к тому, с чего начал Сергей Дмитриевич, о том, что нам надо, чтобы НТИ было отдельным национальным проектом. Вот скажу: не надо. И вот почему.

У нас сейчас стратегические документы, которые регулируют развитие науки, — это «Стратегия инновационного развития», которая заканчивается, мы сейчас говорим об НТИ, мы говорим о «Стратегии научно-технологического развития», мы говорим о национальных проектах, и все они между собой не увязаны. Понимаете, при такой разбалансированности, то есть отсутствии единой политики, мы сколько угодно денег будем вливать, и тут правильно уже было сказано, что это только усугубит проблему на сумму выделенных денег. Мы не решим этой проблемы. Потому что у нас идет очень нерациональное расходование средств, выделяемых на науку.

И при этом все-таки необходимо вернуть Российской академии наук то, чем она занималась раньше, и добавить экспертизу. Мы же сегодня видим, что в Минобрнауки вышло такое замечательное предложение — лишить Российскую академию наук права экспертировать ряд работ, в том числе Высшей школы экономики, РАНХиГС,

МГИМО, — но это ладно, полбеда. А вот то, что Российскую академию наук отстраняют от экспертизы оборонных задач, — это, извините, нонсенс. Со времен Петра Первого Российская академия наук только и занималась, что обороной. Понимаете, вот теперь Минобрнауки выходит с таким интересным предложением.

Поэтому сейчас необходимо создать в структуре государственной власти надведомственный орган под руководством заместителя председателя правительства, который бы отвечал за научно-технологическое развитие.

Можно, конечно, опять говорить, что это плохо, что в СССР уже так было. Я хочу сказать так, что в том, что касается оборонной промышленности, и почему она жива и существует — там работает именно такая схема. Вице-премьер Борисов осуществляет полное руководство военно-промышленным комплексом. Есть соответствующая структура, которая это делает. Именно поэтому мы еще оборону и держим.

Наконец, необходимо скорректировать положения НТР с учетом тех поправок в Конституцию, которые были внесены, потому что там есть принципиальные вещи, которые этого касаются, и положений указа президента Российской Федерации о национальных целях развития.

Бодрунов: Спасибо большое, уважаемый Владимир Викторович. Я не буду погружать всех коллег в нашу с Вами давнюю дискуссию по поводу судьбы Национальной технической инициативы и ее взаимоотношений с национальными проектами. Тем не менее я могу сказать, что в целом можно действительно констатировать, что необходим более глубокий и высокий уровень координации в этой сфере. Но что я хотел бы поддержать в Вашем выступлении — это то, что сегодня, в условиях резкого ускорения научно-технического прогресса, перехода к новому технологическому укладу, когда наука, научные знания становятся основным экономическим ресурсом, не обращать внимания на эти проблемы, не ставить их во главу угла и не создавать соответствующие инструменты управления этим процессом — это, мне кажется, большая, серьезная ошибка.

И хотел бы предоставить слово Александру Андреевичу Цыганову, руководителю Департамента страхования и экономики социальной сферы Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Цыганов: Спасибо большое. И я хочу продолжить в стиле «Карфаген должен пасть»: Борис Николаевич абсолютно прав, когда говорит, что всё должно быть взаимоувязано. И то, что он говорит это несколько раз, не отрицает того, что это необходимо. Пример мой будет примерно в том же стиле и, наверно, с такой же степенью древности.

Мы много говорили про длинные деньги. Абсолютно верно. Они формируются, как известно, в том числе и за счет страхования. Да, оно у нас не в той степени развито в стране, это очевидно, но есть вещи, которые можно продвинуть. И, в частности, я хотел поговорить про продвижение, как ни удивительно, национального проекта «Жилье и городская среда». Хороший проект, реально хороший и действующий. Мало того, есть еще вокруг него законодательство. Например, законодательство о страховании жилья от чрезвычайных ситуаций, которое не корреспондируется с этим национальным проектом, как ни удивительно. Оно очень даже должно корреспондироваться, но не корреспондируется. Это, конечно, надо должным образом учитывать.

Закон приняли — вмененное страхование — всё хорошо, всё здорово. А если задаться вопросом, а я его не буду задавать за недостатком времени, сколько регионов решило это у себя внедрить, то мы будем пересчитывать и хватит даже не двух рук, а одной. Плохо. А почему? А потому, что надо опять же корреспондировать с другим законодательством. Но мы хотим, чтобы регионы это внедряли.

Вот есть указ президента о КРІ для руководителей администрации, для губернаторов. У них есть КРІ по поводу доступности жилья. Тоже неплохо, потому что действительно жилье должно быть доступным, с этим трудно поспорить. Но еще было бы здорово, чтобы оно и сохранялось таковым. Когда человек его купил, сумел приобрести, может быть, на ипотеку, может быть, еще как-то, надо, чтобы оно страховалось. А дальше пойдут еще и вопросы финансовые, потому что страхование хорошо формирует фонд превентивных мероприятий, чтобы не было неприятных последствий разных страховых событий, и это инвестиционные деньги, между прочим, правда не длинные. Не столь длинные, как хотелось бы, но они есть тем не менее. Это морковка для региона, ее надо включать в те же национальные проекты. Если мы хотим принудить или поощрить кого-то страховать, то хорошо бы поощрять налогами. А страховую премию можно было исключать, снижать налогооблагаемую базу для физлиц. Если мы стимулируем людей приобретать жилье, давайте стимулировать и сохранять его.

Мы понимаем, что это важная частность, но все-таки частность. Но когда мы выстраиваем национальные проекты, выстраиваем законодательство вокруг них, оно должно быть действительно интегрированным, взаимоувязанным. И все эти маленькие вещи, простенькие, казалось бы, на самом деле важны. Фонд превентивных мероприятий действительно нужен в регионах — налоговый вычет сделать не сложно, его нужно обчислить и включить в проект. Главное — этим заниматься. И вот коль скоро мы хотим развивать национальные проекты, хотим, чтобы национальные проекты приносили пользу конкретным людям, это нужно делать, и, мне кажется, это должно войти в рекомендации.

Бодрунов: Спасибо большое, Александр Андреевич, очень конкретно и очень четко.

В завершение, уважаемые коллеги, нашего обсуждения, вот все записавшиеся сегодня уже выступили, кроме одного уважаемого нашего коллеги — Елены Борисовны Ленчук. Она возглавляет наш Институт экономики Российской академии наук, в этом году юбилей у этого института, с чем мы сегодня, пользуясь случаем, вас, уважаемые коллеги, поздравляем.

Ленчук: Я, наверное, очень коротко буду выступать и подведу какие-то, может быть, итоги.

Мы действительно много говорили в рамках стен Вольного экономического общества о переходе к новой модели развития, которая будет базироваться на инновациях, на новых технологиях. И, если мы ставим эту стратегическую задачу, для того чтобы обеспечить достойные темпы экономического роста, выпускать конкурентоспособную продукцию и выйти из рецессии наконец, а сегодня наложились еще и шоки пандемии, в условиях ограниченных ресурсов ясно, что решить задачи мы можем только при четком целеполагании. В управленческой практике всегда все стратегические задачи решались как раз при четком целеполагании. Однако у нас сегодня в стране нет долгосрочной стратегии социально-экономического развития, о чем сегодня говорил Георгий Борисович Клейнер, но это, по сути, является, наверно, самой главной системной ошибкой. И объясню, почему я так считаю.

У нас стратегический уровень управления социально-экономическим развитием переместился на уровень президента, о чем свидетельствуют указы 204-й и 474-й и реализация нацпроектов в рамках этих указов. Происходит фактически переформатирование той системы стратегического планирования, которая заложена 172-м законом

«О стратегическом планировании». Хорошо это или плохо? Надо сказать, что, допустим, те нацпроекты и эти решения, которые принимаются, они не опираются на научно обоснованные прогнозы, на научно обоснованную стратегию. И можно проявить некую озабоченность по поводу того, что нацпроекты, которые реализуются, могут заменить стратегию социально-экономического развития, в которой как раз должны быть выстроены контуры новой модели развития.

Прежде всего, нацпроекты ограничены недостаточной временной глубиной, потому что если говорить о структурной модернизации экономики, о структурной перестройке экономики, то ясно, что эти процессы могут выходить за пределы шестилетнего цикла президента, и даже если говорить о том, что мы сегодня продлеваем нацпроекты до 2030 года, этих сроков тоже может быть недостаточно.

Во-вторых, нацпроекты, как сегодня говорил Абел Гезевич, недостаточны по широте охвата рассматриваемых проблем. Они в основном нацелены на решение социальных проблем, которые имеют слабое отношение к динамике экономического развития. Там лишь четыре нацпроекта, которые нацелены как раз на решение задачи ускорения темпов роста. И, как отмечалось, вне рамок нацпроектов остался целый ряд очень важных направлений, связанных с развитием обрабатывающей промышленности, машиностроения, которые действительно определяют динамику диверсификации отраслевой инфраструктуры национальной экономики, и при всей важности и актуальности в рамках нацпроектов тоже должны быть затронуты эти вопросы.

И конечно, можно говорить об ограниченности масштаба финансирования нацпроектов. Вот до 2024 года планируется 23 триллиона рублей — это порядка четырех триллионов в среднем в год. Конечно, этих средств недостаточно.

Я бы сказала, что здесь нельзя говорить, что цели выстроены неправильно; безусловно, цели все поставлены правильно. Наверное, мы должны ставить вопрос о достаточности тех механизмов и тех документов, которые мы реализуем для их достижения. Мне кажется, как раз разработка долгосрочной стратегии социально-экономического развития, которую, к сожалению, правительство, похоже, и не планирует делать, могла бы определить тот необходимый перечень нацпроектов, который должен быть реализован для достижения и возможности перехода к новой модели развития.

Сегодня много говорилось о том, что не существует взаимосвязи между реализуемыми нацпроектами и программами, и другими документами стратегического планирования. Хочу сказать, что, как мне кажется, основная проблема в том, что нацпроекты не вписаны в методологию стратегического планирования и этим никто не озабочен. Поэтому мы каждый раз с белого листа начинаем какой-то новый вид документа — стратегию, проект, — не учитывая, не анализируя свои ошибки, недостатки и те узкие моменты, по которым мы не смогли достичь тех или иных целевых показателей.

Бодрунов: Спасибо большое, уважаемая Елена Борисовна. Мы понимаем, что если есть цели, а цели президент поставил, цели национального развития, то должна быть и единая, четко выстроенная стратегия достижения этих целей.

Очень важно также понимать, что стратегия не может быть построена на пять лет, на семь лет, на десять лет, если мы говорим о стратегии долгосрочного развития нашей страны. Обратим внимание на Китай. Долгосрочное развитие — это 30, 50 лет и далее. Поэтому, безусловно, мы должны понимать, что такая глубина, такой перспективный взгляд должен обязательно присутствовать в стратегии.

И еще что я хотел бы сказать, коллеги. Мы к сегодняшнему мероприятию и тем мероприятиям, которые будут дальше, подготовили сборник материалов, который назвали сакраментально для российского менталитета — «Что делать?». Сюда мы включили материалы наших коллег, которые по тем или иным аспектам, в частности, сегодняшней темы высказались на наших конференциях, на мероприятиях Вольного экономического общества, в обсуждениях в научных институтах, Академии наук, образовательных учреждениях и так далее, а также в экономической прессе, и в публичном пространстве, в том числе в интернете. И я думаю, что это хороший документ, который будет важным подспорьем для наших экспертов и для тех, кто интересуется этими проблемами.

Далее мы и это заключение, и эту брошюру вместе разошлем в те органы государственной власти, которые принимают в дальнейшем эти решения.

И еще раз хочу всех поблагодарить за сегодняшнее мероприятие. Я очень рад вас всех видеть в добром здравии, желаю всем хорошего здоровья, прекрасного рабочего настроения и мощного иммунитета от всех напастей.

REBOOTING THE NATIONAL PROJECTS

Based on the 28-th expert session of Coordination Club of VEO of Russia, September, 23, 2020

PANELISTS

Sergey Dmitrievich Bodrunov,
President of the VEO of Russia,
President of the International
Union of Economists, Director of
the S.Yu. Witte INID, Doctor of
Economics, Professor

**Natalya Vasilievna
Akindinova,**
Director of the Institute of
Development Center of the Higher
School of Economics

Abel Gezevich Aganbegyan,
Head of the Department of
Economic Theory and Policy of
the RANEPa under the President
of the Russian Federation,
Academician of the Russian
Academy of Sciences

**Vladimir Vladimirovich
Gutenev,**
First Deputy Chairman of the
Russian Federation State Duma
Committee on Economic Policy,
Industry, Innovative Development
and Entrepreneurship,
First Vice President
of the Union of Machine Builders
of Russia

**Boris Nikolaevich
Porfiriev,**
Member of the Presidium
of the Free Economic Society of
Russia, Research Director of the
Institute for Economic
Forecasting of the Russian
Academy of Sciences,
Academician of the Russian
Academy of Sciences

Sergei Vyacheslavovich Kalashnikov,
member of the Presidium of the Free Economic Society of Russia, First Deputy Chairman of the Committee on Economic Policy of the Federation Council of the Federal Assembly of Russia, Chairman of the Federation Council Interim Commission for Monitoring Economic Development, Doctor of Economics, Professor

---

Dmitry Evgenievich Sorokin,
Vice President of the Free Economic Society of Russia, Head of the Department of Economic Theory of the Financial University under the Government of Russia, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences

---

Sergei Yuryevich Glazyev
Vice President of the Free Economic Society of Russia, Member of the Board (Minister) for Integration and Macroeconomics of the Eurasian Economic Commission, Academician of the Russian Academy of Sciences

---

Mikhail Vladimirovich Ershov,
Member of the Presidium of the Free Economic Society of Russia, Director of Financial Research at the Institute of Energy and Finance, Professor of the Financial University under the Government of Russia, member of the Commission on Banks and Banking Activities of the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs

---

Alexander Alexandrovich Shirov,
Member of the Board of the Free Economic Society of Russia, Director of the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences

---

Alexander Andreevich Tsyganov,
Head of the Department of Insurance and Social Economics of the Financial University under the Government of the Russian Federation

---

Georgy Borisovich Kleiner,
Member of the Presidium of the VEO of Russia, Deputy Research Director of the CEMI of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences

---

Lenchuk Elena Borisovna,
Member of the Board of the VEO Russia, Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

---

Bodrunov: Hello, dear colleagues. Today I am sincerely happy to welcome you, to meet all of you at the twenty-eighth expert session of the Coordination Club of the Free Economic Society of Russia. We called our session “Rebooting the National Projects”.

The current situation in the global economy is unprecedented, at least in recent decades. It is a very difficult situation. Yesterday the International Union of Economists, together with the Geneva office of the United Nations Conference on Trade and Development, UNCTAD, presented Russia with a new report. It is titled “From a Global Pandemic to Wealth for All: How to Avoid Another Lost Decade.” The colossal figures of the decline in global GDP were named: from 5% to 7%. For comparison, speaking of unprecedentedness: the global decline during the last global crisis of 2009 was at the level of 0.1% of GDP.

In addition, it is important to say that during this crisis vulnerability factors have been in operation, namely, a decrease in demand for energy, a decrease in global trade by as much as 18.5% – it’s a figure I’ve got – in the second quarter of 2020. Growth of unemployment is forecasted in almost all large economies by the end of the year. The debt burden of countries is also growing, which may entail the risk of economies slipping into a debt crisis. The situation is complicated by another factor that has not been particularly observed before – the factor of uncertainty, which greatly affects the state of affairs. It is not known when and how the pandemic will end.

There's no country in the world that has been spared from the economic consequences of the crisis, including our country. National governments are taking anti-crisis measures on an unprecedented scale. Thus, according to the IMF, the total planned volume of financial support for national economies is about 12.5% of global GDP. And this is truly unprecedented. Nevertheless, despite the colossal all-encompassing threat, we have not been observing any joint consolidated efforts of world actors; instead we've observed a sharp rise in, I would say, national egoism, a strengthening of contradictions, including economic confrontation.

This situation raises serious concerns. Listen at least to the speeches of the leaders of the largest countries, which were made yesterday at the seventy-fifth jubilee session of the United Nations, the United Nations conference. Just think, only one representative – of our country – raised the questions in a positive manner, in a positive key. Almost everyone else talked about anything other than global consolidation of efforts, being primarily worried about their own national interests and, possibly and most likely, to the detriment of the interests of other people.

So, the situation is very difficult. I think that, despite the scale of the disaster, we understand – and probably many will agree with me – that the current crisis can also be viewed as an opportunity to renew national economies and improve their structure. In particular, the UNCTAD report addressed this issue, and it sounded like this: how not to waste time, but use the opportunities offered by the crisis to achieve the sustainable development goals proclaimed by the United Nations? Under the current circumstances it's a pressing and highly important question.

The goals of the development of our country, of Russia's intensive development were set by the President of Russia in a number of speeches. I will not list them; we all know them. To achieve these goals, serious measures were taken, in particular, the national projects were developed and updated. However, due to the slump in oil prices, the spread of the coronavirus, the national projects temporarily exited the economic agenda. I would say, more pressing and relevant issues came to the foreground – economic recovery, business activity, incomes of Russian people, and so on. It became obvious that the implementation of the existing national projects in their previous form is impossible. They need to be adjusted and linked with the national action plan for economic recovery, as well as with the Unified Plan for achieving Russia's national development goals for the period up to 2030. Because this plan, according to our head of the state, has not been canceled.

As you know, there are five national goals in total. These are: preservation of the population, health, well-being of people, opportunities for self-realization and development of talents, a comfortable and safe environment for life, decent, effective work and successful entrepreneurship, as well as digital transformation.

In July, the Russian President instructed the government to adjust the programs of the national projects by October 30. We understand there is a discussion going on, particularly on the subject of the federal budget which the government has just recently approved and submitted to the parliament for discussion. Thus, we must consider those issues.

In the draft budget, as we can already see, the expenses on the implementation of the national projects are naturally reflected, and an updated forecast of the Ministry of Economic Development has appeared. By the way, the Ministry has significantly improved a number of indicators. The Ministry of Economic Development estimates the decline in our country's GDP to be 3.9% instead of 5% and expects that real disposable income will decrease by up to 3%, and real wages will even grow by 1.5% by the end of 2020. Unemployment is expected to be 5.7%, same as in the May forecast. The updated data make it possible to consider the issue more closely and to assess adjustments to the national projects based on the current realities and these figures.

If at the beginning of the year the auditors of the Accounting Chamber pointed out the shortcomings of the national projects, in particular, if you remember, the impossibility of assessing the actual achievement of their target indicators, lack of connection with the national goals, then in the adjusted national projects those problems should be resolved and the indicators and goals should be accordingly updated.

The President said that the basic guidelines remained unchanged, but all of us will have to clarify the parameters, the timeframe, and the priorities of the national projects.

I am convinced that the adjustment of the national projects should be carried out taking into account expert assessments and proposals from the scientific community.

I conclude my opening remarks and propose to proceed to the discussion. I invite one of the most important Russian specialists – Abel Gezevich Aganbegyan, Head of the Department of Economic Theory and Policy of the RANEPa under the President of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Sciences, to be the first speaker. Abel Gezevich, you are welcome.

Aganbegyan: I think the initiative to single out the national projects is extremely important, because it follows the main improvement in the field of management – its purposefulness. But those 13 national projects that were developed, they did not solve our urgent tasks. They increased the annual economic growth to the maximum; by 0.6% according to the Forecasting Institute. But many organizations that assessed the national projects in terms of how they would affect the growth rates predicted 0.1–0.2% per year. Still, they are extremely important, from my point of view, because this is the first step to ensure that we move on to national economic planning. Planning should organically include a number of national programs oriented towards specific goals. I am personally a supporter of a return to national economic planning and drawing up the first five-year plan for 2021-25.

The national projects need fundamental improvement in two areas. The first area is that new national projects are needed in addition to those that have been developed, because the totality of those national projects does not secure the main goals of our social development. We need national projects, first of all, for a technological breakthrough, which our President mentions in every speech. We do not have a single such project, maybe only the digitalization project, but a technological breakthrough is not limited to the digital economy, as we all understand. We need projects for the massive technological overhaul of existing production, which lags behind and is outdated. Depreciation of fixed assets is approaching 50%. The service life of an average piece of machinery and equipment in Russia is 15 years, twice as long as in developed countries. 23% of all machinery and equipment in Russia is operating outside its depreciation period. Yesterday, the day before yesterday, those machines should have been thrown out and replaced with new ones, but they continue to work, they stay idle for longer periods than they work, require huge funds for maintenance, repairs, and so on. That is, first of all, we need projects for the technical development of existing production.

For example, the efficiency of our energy sector is two times less than that of the existing combined-cycle plants: gas-fired power plants account for 32% efficiency, and combined-cycle plants for 60–65%. Our boiler houses are on the level of a feudal society. We need a radical reconstruction of mechanical engineering, and it is important to carry out technical upgrades using our own equipment base; therefore, we need a rise in mechanical engineering, primarily investment.

Another group of national projects should stimulate the development of high-tech industries. We don't have an electronics project, and without electronics, what can we do? Even in atomic, nuclear energy sector whose methodology can

be applied elsewhere – for example, in medicine and in other areas. There are no projects on pharmaceuticals, on synthetic chemistry, which replaces non-ferrous metals. And so on, and so on, and so on. This is the second group.

We have infrastructure projects, but they are not sufficiently focused. We need a massive transition to the construction of two-way highways. Not one or two highways within a single national project, but a dozen of them. We need to move to the massive construction of high-speed railways, not just a single high-speed railroad: either Moscow – Petersburg or Moscow – Kazan. We need to pay attention to what China is doing, to model ourselves on its achievements. It already has 30 thousand kilometers of those roads and so on. And we need a new transport and logistics infrastructure in general. We do not have any target-oriented program in logistics at all. We need to combine them.

These are the initial areas, the new programs. And the second area is the adjustment of specific programs. The main adjustment is fundraising. After all, those programs were made mainly based on the federal budget. Half of the funds in those programs come from the federal budget, a quarter from the regional budget, and another quarter from private capital. While private investment accounts for 60% of all investments. Sixty! And such disregard for private investment suggests that the projects are simply not radical enough, they do not cover the wide range of problems that need to be solved, and they are simply underfunded. We need to create conditions for attracting private capital.

What are those conditions? First, it is necessary to exempt from tax that part of the profit from which investments are drawn. This will yield a trillion rubles. And being interested in investing money, at least in their own technological upgrades.

Second, it is necessary to reduce the amortization period by half. This will increase the depreciation fund, from which we can take another trillion rubles.

Third, during technical upgrade or construction of new high-tech industries, tax holidays are needed for the duration of that period in order to motivate enterprises to engage in solving this difficult task, when they need to somehow pay wages and at the same time change their equipment, and so on, which is extremely difficult.

We do not have programs for the transition to forced investments, at least 10% investment growth per year. Without this, there will be no socio-economic growth. Some people think that social and economic growth can be ensured with a 5% increase in investment. We had a 5% investment growth in 2018. And what happened next? It was followed by a disastrous 2019. Zero gain. Look at the investments in the Far East. There was a year when investments increased by 27%. So what? Has there been economic growth in terms of GDP? Not at all. It is not so easy to boost investments. Economic growth directly depends on the share of investment in the gross product. At present, actual investments account for 17% of fixed assets. With such a share of investment in fixed assets, there can be no economic growth in principle. And a 5% growth will not increase this share noticeably. Therefore, we will likely have stagnation after the recovery.

So, it is necessary to attract private capital. Now Sberbank is in the hands of the government, and Sberbank has 31 trillion in assets, it's 50% more than the entire federal budget. It's a clear indication that the national projects are flawed; they are being financed from an extremely meager source. Without attracting investments from large banks, nothing will come of it.

So, I have two proposals. First, new projects. Second, a radical, serious modification of the existing projects.

ДОСТАТОЧНА ЛИ ПОДДЕРЖКА ПРОМЫШЛЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА?

В России принят план первоочередных мер по выходу из ситуации, в которую погрузила нашу экономику пандемия COVID-19. В Вольном экономическом обществе большинство экспертов придерживается мнения, что определяющим трендом развития экономики страны является состояние ее промышленности. В каком она оказалась состоянии из-за кризиса и какие меры поддержки оказывает промышленности государство?

По материалам программы «Дом Э», ОТР, 22 августа 2020 г.

СОБЕСЕДНИКИ

*Владимир Владимирович Гутенёв,
первый заместитель председателя комитета
Государственной Думы Федерального Собрания Российской
Федерации по экономической политике, промышленности,
инновационному развитию и предпринимательству,
первый вице-президент Союза машиностроителей России*

---

*Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России,
президент Международного союза экономистов,
директор ИНИР им. С. Ю. Витте,
д. э. н., профессор*

Бодрунов: Если посмотреть на цифры Росстата, в мае объем промышленного производства в России сократился почти на 10%. Мы знаем, что правительство предприняло серьезные меры по поддержке различных секторов экономики, семей, детей, неэкономических секторов. Но тем не менее есть меры поддержки и промышленности. Скажите, пожалуйста, как Вы оцениваете эти меры?

Гутенёв: Спасибо большое за вопрос. Он действительно чрезвычайно важен в парадигме вообще развития нашей страны. И не могу не согласиться, что проблема с коронавирусом внесла серьезные коррективы и в темпы роста, и в стратегию реализации тех же самых нацпроектов. Но я хотел бы отметить, что, помимо проблемы с коронавирусом, была не менее серьезная проблема, которая наложилась на действующую ситуацию, — это падение цен на энергоносители. Вне всякого сомнения, когда она стала ниже точки отсечения — это начало сказываться на динамике инвестиций. К сожалению, частных инвестиций немного, а государственные инвестиции зависят в том числе от доходной части бюджета. И еще одна, может быть, самая главная составляющая — это необходимость коренного изменения экономического ландшафта страны. Причем речь об этом шла на протяжении 2019 года, когда было принято решение президента создать рабочую группу по подготовке Госсовета, который должен был заниматься вопросами промышленности в части более глобальных изменений. Мы опирались на ряд общественных организа-

ций, в том числе и на работу экспертов Вольного экономического общества. Мы опирались на «Деловую Россию», на Союз машиностроителей России, который разработал 20 предложений и отправил президенту, ряд из которых уже реализованы. В частности, реализовано предложение по сохранению инвестиционной программы российских железных дорог. И президент дал указание Центробанку вместе с соответствующими институтами обеспечить выпуск бондов на 350 миллиардов рублей для обеспечения реализации программ, сформированных ОАО «РЖД». И среди этих программ есть и модернизация техники. А что это значит — заказы для реальной высокотехнологичной промышленности. Порой для нас очень важно сохранение инвестпроектов. Это важнее, чем выделение целевых денег. Тем более в марте-апреле еще сложно было понять, какие из отраслей понесут наибольший ущерб. Было принято решение, на мой взгляд, абсолютно справедливое, и нашим президентом, и командой Михаила Владимировича Мишустина, сфокусировать поддержку на семьях, на бизнесе, который попал в наиболее сложную ситуацию, с тем, чтобы по мере прохождения пика кризиса основные ресурсы направить туда, где или сформированы перспективные точки роста и будет наибольшая отдача, или где пострадала экономика. Нашего руководителя не устраивают темпы роста национальной экономики, задачи ставились гораздо более амбициозные, в том числе в части эффективности выполнения нацпроектов.

Первая программа национальных проектов в России

была принята в 2005-м и просуществовала до 2018 года. Вот лишь некоторые факты успешной реализации этих программ. По официальным данным с 2007 по 2014 год средняя продолжительность жизни увеличилась на пять лет. Начиная с 2007 года были открыты десятки новых региональных диагностических центров с современным оборудованием, уже в 2007-м в распоряжении врачей оказалось более 3000 единиц новой техники. В 2014-м 100% российских школ было подключено к высокоскоростному интернету. 7 мая 2018 года президент России подписал указ о национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации, утверждающий новые национальные проекты России. Были выделены 13 направлений развития: здравоохранение, образование, демография, культура, безопасные и качественные автомобильные дороги, жилье и городская среда, экология, наука, поддержка малого и среднего предпринимательства, цифровая экономика, производительность труда и поддержка занятости, развитие и расширение магистральной индустрии и международная коо-

перация и экспорт. Реализация данных проектов запланирована до 2030 года. Сегодня одна из важнейших задач, стоящих перед страной, — индустриальное развитие. Нацпроект «Международная кооперация и экспорт» призван сформировать конкурентоспособные сектора в промышленности и повысить уровень диверсификации российского экспорта, который слабо трансформировался за десятилетия. За последние 10 лет доля несырьевых товаров во внешних поставках выросла с 47 до 53%. Выполнение целей экспортного нацпроекта сможет поднять отечественную промышленность на новый уровень. Вопрос о важности промышленного и экспортного развития поднимается ведущими экономистами страны, в том числе на экспертных сессиях и научных форумах Вольного экономического общества России. Кроме реализации таких целей, как развитие экономики, науки, образования, социальной сферы, национальные проекты могут дать импульс инвестициям, росту макроэкономических показателей и закрепить за Россией статус крупнейшей промышленной державы.

Бодрунов: О чем можно было бы подумать в том, что касается дальнейшей поддержки нашей промышленной системы?

Гутенёв: Действительно, пришлось пойти на ряд непопулярных мер, в том числе и относительно спорных, — таких как повышение НДС. Но была благая цель — сформировать некое ядро, мощный кулак, который позволил бы обеспечить прорыв на главных направлениях, то есть консолидировать в том числе финансовые и административные ресурсы и добиться прорывных результатов в тех или иных направлениях.

Но анализ, который следовал из докладов прежнего Министерства экономического развития, других структур экономического блока правительства, показывал, что эффективность не такая, которую хотел бы видеть президент, которую хотели бы видеть Госдума и наши граждане. Именно поэтому новый руководитель придал проектам определенный динамизм. Мы видим, что на финишную прямую вышел и в ближайшее время в первом чтении будет принят закон, который в народе называют регуляторной гильотиной, и все законодательные акты, принятые до 2021 года, будут отменены, а затем будет их пересмотр каждые шесть лет. Не знаю, нужно ли было настолько радикально делать. Я бы пошел более плавным путем. Я бы отменил, допустим, до 2010 года, а затем по мере того, как проросли бы те побегии необходимых нормативов и норм, уже приступил бы к более позднему периоду, потому что сейчас отменять то, что было принято в прошлом году, мне кажется, несколько самонадеянно. Хотел бы еще раз акцентировать внимание, что не всё определяется деньгами. Очень многое определяет климат, в том числе инвестиционный, и в первую очередь для нас важны инвестиции частные.

Бодрунов: Вы, выступая в Вольном экономическом обществе на Экспертной сессии, как раз сказали одну важную вещь, на которую обратил тогда внимание. Да, субсидии — это важная мера поддержки, это хороший инструмент для поддержки тех или иных отраслей, трендов развития и так далее. Но кроме субсидий, гораздо важнее порой бывают инвестиции, запланированные инвестиции в том числе. Эта ситуация для нас, мне кажется, может, даже более важная, чем просто прямые субсидии.

Гутенёв: Нам сейчас чрезвычайно важно сохранять стабильность правил игры, даже если они не совсем совершенны и эталонны. Именно поэтому был принят буквально несколько недель назад новый закон, так называемый СПИК 2.0 — это специальные инвестиционные контракты как некий элемент закона о промышленной политике. Причем СПИК 1 показал себя очень хорошо — было много инвестиций, емких инвестиций, в том числе и зарубежных. Но сейчас мы подошли к следующему этапу. И теперь возможность заключить специальный инвестиционный контракт будет обуславливаться еще и технологическими новациями. То есть проект, который будет эксплуатировать сырьевую или энергетическую составляющую нашей страны, не будет утвержден.

Целый ряд инструментов, заложенных в закон о промышленной политике, показал очень хорошие результаты. Я приведу, к примеру, такие меры поддержки, как ценовые преференции при покупке отечественных товаров, принцип «третий лишний», который позволил воссоздать фармацевтическую промышленность. И при наличии более одного производителя какой-то конкретной субстанции в российской юрисдикции зарубежным компаниям запрещается выйти на наш рынок. Поэтому последовал серьезный поток инвестиций в фармотрасль, и сейчас там, действительно, взрывной рост. Мы видим, как аккуратно президент подходит к изменению плоской шкалы налогообложения, то есть достаточно высокий порог — это 5 миллионов рублей заработка в год, и превышение всего лишь 2%, не 13%, а 15% подоходного налога. Причем они будут окрашены и идти однозначно на благие цели. Это очень важно.

Бодрунов: На самом деле, очень многие люди, которые имеют доходы свыше 5 миллионов рублей, более чем 2%, если так прикидывать, тратят сегодня на благотворительные цели для того, чтобы поддерживать тех же самых больных детей. Поэтому это не вызывает отторжения к той стране общества, где заработки достаточно высокие.

Гутенёв: Такие шаги, скорее, должны быть исключением. Потому что именно специальные инвестиционные контракты, наряду с преференциями формируют чувство уверенности у инвестора. Так называемая дедушкина оговорка, что условия не могут измениться и ухудшиться — это основной ключ для инвестиций, и для нас это чрезвычайно важно. И я не могу не упомянуть эпохальное решение — законопроект о квотировании закупок. Это касается и 44-го, и 223-го федеральных законов, законов о госзакупках.

Бодрунов: Действительно, работая много лет в реальном секторе экономики, я не раз сталкивался с тем, что эти законы практически противодействовали развитию. Это очень важный, хороший, серьезный инструмент.

Гутенёв: Потому что с чем сталкивается отечественный производитель? Он берет, условно говоря, зарубежный аналог, который присутствует на рынке, вкладывает деньги, получает продукт, который порой превосходит зарубежный аналог и по качеству, и по потребительским свойствам, и по цене. Но, когда он начинает с этим продуктом выходить на рынок, сталкивается с тем, что есть привычка покупать у зарубежных вендеров их продукцию, и в конкурсную документацию закладываются порой избыточные или несущественные требования. Допустим, координатный обрабатывающий центр у него дает 5,5 тысячи оборотов, а закупщики говорят: нам надо 5 тысяч — то есть под конкретного производителя. Мы понимаем, что в обычных режимах и 4 тысячи не нужно. Но тем не менее заложив в конкурсную документацию избыточные либо конкретные требования или спрятав поставку отдельных компонентов большого проекта в целостно упакованный проект, наших производителей дискриминируют и не допускают на наш собственный внутренний рынок.

И вот здесь примером для нас является замечательный американский закон. В 1933 году был принят закон, который назывался популярно так «Покупай американское, нанимай американцев», где все госзакупки были очень жестко регламентированы и каждый руководитель ведомства, местной власти должен был отчитываться о каждом случае покупки того или иного товара или услуги, не произведенных на территории Соединенных Штатов Америки, и должен по каждому из таких случаев публично давать информацию.

Не могу не привести пример дискриминации наших авиастроителей. Не секрет, по крайней мере для специалистов и профильных экспертов, что почти 95% пассажирских самолетов, которые эксплуатируют наши авиакомпании, не находятся в российской юрисдикции. Они ввезены к нам по временному ввозу или по лизингу и находятся в зарубежных юрисдикциях, например, на Бермудах, то есть за безопасность полетов отвечает правительство Бермуд. Как вам эта история? Они не платят НДС при ввозе самолета, а наш авиапроизводитель, выпустив самолет и эксплуатируя здесь у нас в стране, должен уплатить НДС. То есть мы их дискриминировали минимум на 20%. Лично я вносил законопроект, который обязывал постановку самолетов делать в российском реестре, обязывал, чтобы уплачивали налоги. Но, к сожалению, были заинтересованные игроки, которые не позволили реализо-

вать проект в таком виде. Он был реализован в другом виде. Мы не НДС обложили зарубежные самолеты, здесь были, конечно, мотивы для такого решения, чтобы не повысить цены на авиабилеты для россиян, а отменили НДС для нашей авиационной отрасли.

Бодрунов: Вот скажите, машиностроительная отрасль в основном на первом этапе состояла, наверное, из оборонных предприятий. Сегодня оборонщики имеют те же проблемы, что и все. Они связаны с тем, что многие затраты по выпуску продукции, связанной с коронавирусом, а вовсе не с основной деятельностью, ложатся на них. Какие-то меры компенсационного характера есть, не возможно ли всё-таки поднять цену на оборонную продукцию? Есть гособоронзаказ, есть контракт и так далее. Получается, что эти вещи должны делаться оборонщиками за свой собственный счет...

Гутенёв: Действительно, военно-техническое сотрудничество всегда помогало предприятиям ОПК переживать сложные периоды. Но сейчас очень вовремя президент сфокусировал внимание оборонки на диверсификацию ОПК, то есть увеличение доли гражданской продукции к 2025 году — до 30%, а к 2030-му — до 50%.

В этом году Вольному экономическому обществу исполняется 255 лет

В разные годы члены одной из старейших общественных организаций в России становились полноценными участниками важнейших изменений в государстве. Одним из них был Адам Иванович Бриль — один из президентов Вольного экономического общества во времена правления Екатерины Второй периода первого этапа расцвета промышленности. Адам Бриль начал карьеру с военной службы в должности бригадира. И в конечном итоге продвижение по карьерной лестнице привело его к званию генерал-поручика. В 1767 году он был назначен губернатором Иркутска. В летописях упоминается, что Бриль был человек доступен всякому, скромен и рассудителен в делах. За свои заслуги перед городом в 1770-м он был награжден орденом Святой Анны первой степени. В то же время Бриль стал активным членом Императорского Вольного экономического общества. А в 1778 году, после переезда в Москву, его назначили президентом мануфактур-коллегии. Именно в период его правления число предприятий легкой и тяжелой промышленности в России того времени выросло

в несколько раз — с 200 мануфактур в 1725 году до 2094 в 1799-м. Причем самый активный рост предприятий пришелся именно на период деятельности Адама Бриля. В тот период, как и сейчас, подъем отечественной промышленности был особенно важен для экономики страны. Во время его президентства также проводился курс на поддержку изобретателей и поощрение сельских хозяев, которые использовали современную технику на своих полях. Уже в должности президента Императорского Вольного экономического общества, в период с 1782 по 1784 год он выдвигал различные идеи по увеличению числа рабочих мест и усовершенствованию работы различных предприятий, а также идеи создания единых монопольных организаций. Генерал-поручик Адам Бриль скончался на 67-м году жизни. За свою долгую, продуктивную карьеру он отличился нововведениями в торговой отрасли, военном деле и в должности президента Императорского Вольного экономического общества, делая упор на технические новшества и развитие промышленности того времени.

Бодрунов: Я думаю, что мы сегодня рассмотрели множество вопросов, связанных с развитием нашей экономики после пандемии. Мне кажется, что сейчас очень важный момент — не скатиться в глубокую рецессию, удержать экономику на том уровне, который сегодня есть. И в сегодняшней ситуации мы видим очень много положительных, позитивных трендов для того, чтобы рассчитывать на эффективное, серьезное развитие в следующий период. Я напомним, что для устойчивого развития России была поставлена задача до пандемии выйти по итогам 2021 года на рост экономики 2,5% в год. Понятно, что сейчас таких позиций в ближайшем будущем, наверное, ожидать не следует, но тем не менее задача остается. Почему? Потому что нам необходим устойчивый рост, устойчивая динамика нашей экономики. И, мне кажется, во-первых, этому будут способствовать те меры поддержки, о которых мы сегодня говорили, те моменты, которые учитывались правительством при принятии решений, изменение управления экономикой, промышленностью, более активное применение научных знаний при принятии решений, во-вторых, скорость принятия решений существенно изменилась, в-третьих, началась настройка регуляторных механизмов, которые сегодня в той или иной степени направлены на совершенствование инвестиционного климата и совершенствование возможности повышения устойчивости экономических субъектов, — это всё очень важные аспекты для того, чтобы можно было выйти на совершенно новый уровень развития нашей экономики. Владимир Владимирович, и каковы же Ваши прогнозы по развитию нашей промышленности с учетом тех факторов и тех мер поддержки, которые Вы сегодня обозначили?

Гутенёв: Я разделяю Ваш оптимизм, и для этого есть целый ряд оснований. Я уже не говорю о том, что нам удалось сохранить золотовалютные резервы, и они грамотно размещены. У нас достаточно неплохо сбалансирован бюджет. И то, что Центробанк наконец стал делать решительные шаги, снизив учетную ставку на целый процентный пункт, говорит о том, что пришло время радикальных шагов, и темпы роста, я уверен, в ближайшее время выйдут на ожидаемые показатели. И как ни удивительно, это будет выше 2,5%. Во-первых, существует хороший восстановительный тренд и в области стоимости энергоносителей. В самые сложные февральские, мартовские дни я говорил о том, что мы оттолкнемся и вернемся, я предполагал, что к июлю-августу, мы даже чуть раньше вернулись, к точке отсечения 42,4 доллара за баррель. Но самое главное — мы сейчас видим иной подход в деятельности нашего правительства. Поэтому я считаю, что желание доказать собственную эффективность, готовность бизнеса и понимание бизнесом, что сейчас открываются чрезвычайно

интересные возможности, приведет к тому, что темпы роста возрастут. Мы увидим, как начнут создаваться новые рабочие места, которые будут требовать от нас несколько других компетенций и квалификаций. Но у меня такое ощущение, что мы к этому готовы. Поэтому у меня крайне позитивное отношение, и я уверен, впереди у нас хорошие перспективы. Всё зависит от нас.

Бодрунов: Действительно, всё зависит от нас, во-первых. Во-вторых, для этого созданы серьезные, хорошие предпосылки. И конечно, мы рассчитываем на то, что наша экономика будет чувствовать себя прилично. Наверное, мы сумеем решить те задачи, которые поставлены президентом, по развитию нашего общественного, социального пространства, потому что всё, что делается у нас в экономике, направлено, как мы помним из Послания Президента, на то, чтобы решить проблемы человека, на решение социальных задач. Я благодарю Вас, Владимир Владимирович, за Ваше время, за возможность встретиться. Всего доброго и до новых встреч.

РУСЛАН ГРИНБЕРГ: «ПРИДЕТСЯ ДОВОЛЬСТВОВАТЬСЯ "ПРОЗЯБАТЕЛЬНЫМ" ТРЕНДОМ»

В этом году Институту экономики РАН исполняется 90 лет. За эти годы не раз менялся государственный строй, господствующие политические и экономические доктрины. Ученые Института при любой власти занимались исследованием реальных экономических проблем страны, и это определяло лицо научного учреждения. «Вольная экономика» поговорила с научным руководителем Института экономика РАН, вице-президентом ВЭО России Русланом Гринбергом о том, какие задачи стоят сегодня перед учеными-экономистами и есть ли у страны шансы выйти из текущего кризиса по оптимистичному сценарию.

*Руслан Семёнович Гринберг,
член-корреспондент Российской академии наук,
д. э. н., профессор*

Интервью журналу «Вольная экономика»

Власть прислушивается к ученым сегодня?

— Каждая власть вольно или невольно руководствуется той или иной экономической доктриной и философией. В период перестройки, когда царил плюрализм мнений, возникла плодородная почва для развития различных экономических теорий. И тогда в силу нашей третьей национальной особенности — безоговорочного поклонения модным на Западе экономическим доктринам так сказать «без учета места и времени» — победила концепция «свободного рынка». «Чем больше рынка, тем лучше экономике» — вот ее суть. И сегодня есть влиятельные научные учреждения, которые придерживаются такого подхода. Они являются идеологической и теоретической опорой для текущей экономической политики. Институт экономики РАН не принадлежит к этому течению. Повторюсь — мы выступаем за сочетание механизмов саморегулирования и государственной активности.

В чем Вы видите главный недостаток существующей экономической парадигмы?

— Она не только утопична, следование ей ведет в тупик, и это роднит с парадигмой директивного плана. Институт экономики РАН придерживается позиции, что в основе нормальной экономической политики должны быть прагматизм и реализм. Известная китайская поговорка гласит: «Не важно, какого цвета кошка, главное, чтобы она умела ловить мышей». Это универсальное правило нормальной экономической политики. Если вы делаете крен в одну из идеологий, то получаете то, что мы имеем сегодня. Страна седьмой год находится в стагнации. И похоже, сегодня нет особых предпосылок для улучшения экономической ситуации. Положение усугубляется тем, что в стране практически нет политической конкуренции, и это обстоятельство прямо влияет на экономику, ибо блокирует реализацию альтернативных взглядов на экономическую политику.

А Вы помните время, когда в России была разумная, с Вашей точки зрения, экономическая политика?

— Это интересный вопрос. Как говорил мой водитель: «Этот вопрос не по моей зарплате». Как понять, разумная экономическая политика или неразумная? Это зависит от критериев. Первое, что приходит на ум, — темпы роста ВВП. Показатель несовершенный, но другого нет. Принято считать, что чем выше темпы экономического роста, тем успешнее экономическая доктрина, которой вы руководствуетесь. Конечно, это очень спорно, но приходится с этим считаться. В период с 2000 по 2008 годы темпы экономического роста были просто ошеломляющими — 6,5% в год. Но ведь в это же время мы переживали беспрецедентный рост цен на нефть — с 10 до 110\$. И чему приписать этот экономический успех? Растущим ценам на нефть или эффективной экономической политике? Нет однозначного ответа на этот вопрос.

Приличный экономический рост (больше 5% в год) имел место и в советское послевоенное время, в частности, после смерти Сталина и до конца 60-х. Моя гипотеза сводится к тому, что это было очень своеобразное время, когда уже была определенная свобода и в то же время сохранялся порядок, а такое сочетание скорее всего способствовало быстрой экономической динамике.

Как Вы оцениваете потенциал отечественных экономических центров, в частности, входящих в РАН. Насколько они сильны? Уступают ли они западным коллегам, или, напротив, в чем-то их превосходят?

— Конечно, наша 70-летняя изолированность от остального мира способствовала отставанию от мейнстрима экономической мысли. С другой стороны, мы быстро его преодолели. В России много серьезных экономистов, которые профессионально исследуют реальность и мало в чем уступают западным коллегам. Что касается научных центров РАН, наши проблемы во многом связаны с финансированием, которое до недавнего времени было очень скудным. Новые центры, в частности ВШЭ и РАНХиГС, имеют более существенную материальную базу, именно поэтому молодые люди предпочитают эти учреждения институтам РАН. Это, конечно, влияет на качество исследований. Тем не менее в последнее время Институт экономики и другие научные центры РАН добились определенных успехов в привлечении молодых и способных экономистов. Я надеюсь, что эта тенденция продолжится и позитивно скажется на качестве наших научных исследований.

Если говорить о текущем кризисе, как Вам кажется, сможет ли Россия отскочить от дна по V-образной траектории?

— Думаю, что не может. Пока не видна перспектива для более или менее удовлетворительного экономического роста. Если ничего не менять в экономической политике, нас ждет длительная стагнация. Чтобы ее преодолеть, нужно рисковать, а это значит надо наращивать массивные государственные инвестиции. Но все говорит о том, что наш правящий дом к этому не готов. Он продолжает готовиться к еще более черному дню, накапливая резервы, вместо того чтобы тратить их уже сейчас. С 2013 года экономика России в отличие от других развитых стран не только не росла, но и уменьшилась (на 2,5%), а реальные доходы населения за последние 7 лет снизились на 15%, включая нынешний кризисный год к этому снижению добавится еще несколько процентов. Словом, придется довольствоваться «прозябательным» трендом. На что надеется правительство? На то, что экономика сама наладится? Или, может быть, пресловутая невидимая рука рынка все решит?

Что касается роста доходов населения — лучше не будет?

— Если исходить из того, что у нас две трети населения живут от зарплаты до зарплаты, то есть не имеют сбережений, а жалованье 20–25 тысяч рублей считается приличным, реальная стоимость жизни растет и национальная валюта постоянно на грани обвального обесценивания, то картина складывается печальная. Хорошо, если не будет хуже. Тем более что потенциал роста безработицы пока не исчерпан. Соглашусь со многими экспертами, что осенью возможно произойдет скачок безработицы.

Институт экономики РАН проводит исследования в области пространственного развития. Есть ли рецепты — как сократить существующее неравенство между регионами?

— Россия — уникальная страна. Она имеет огромную, но малонаселенную территорию — восемь человек на квадратный километр. Поэтому обеспечить конвергенцию территорий — задача не из легких. Институт экономики РАН действительно занимается этой темой. В частности, он активно продвигает идею реального федерализма. У нас слишком централизованное государство. Регионы должны иметь больше ресурсов и полномочий, чем сегодня.

Кроме того Институт активно продвигает идею строительства высокоскоростной железной дороги «Транссиб-2», которая будет иметь большое значение для регионального экономического развития и внесет свой вклад в макроэкономическую стабильность страны. Этот проект призван обеспечить диверсификацию экспорта, которая в свою очередь будет способствовать снижению волатильности национальной валюты. В конечном счете он создаст экспортные доходы от перевозок грузов между Азией и Европой. Но пока в стране сохраняется статус-кво, то есть ориентация на чрезмерное доминирование в экспорте топлива и сырья и установка на накопление резервов, надеяться на изменение тренда и сокращение разрыва в экономическом развитии между регионами не приходится.

Беседовала Марина Ремова

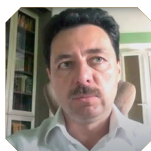

СОБЕСЕДНИКИ

*Михаил Юрьевич Головнин,
первый заместитель директора
Института экономики Российской академии наук,
член-корреспондент Российской академии наук,
д. э. н.*

---

*Николай Юрьевич Кавешников,
Заведующий кафедрой
интеграционных процессов
МГИМО*

ВЛИЯНИЕ КОРОНАКРИЗИСА НА МИРОВУЮ ФИНАНСОВУЮ СИСТЕМУ

Как коронакризис влияет на мировую финансовую систему. Выдержит ли она удары нынешнего нового особенного кризиса? Последствия очень важны для мировой финансовой системы. Ключевой вопрос — выдержит она или нет.

По материалам программы «Дом Э», ОТР, 19 сентября 2020 г.

*Алексей Павлович Портанский,
профессор НИУ ВШЭ*

*Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России,
президент Международного союза экономистов,
директор ИНИР им. С. Ю. Витте,
д. э. н., профессор*

Бодрунов: Михаил Юрьевич, 2020 год точно запомнится человечеству как особенный год, потому что каких только бед мы не испытали в этом году. Сейчас последствия этого всего, конечно, очень важны и для мировой финансовой системы. И что бы Вы сказали, этот кризис отличается от предыдущих кризисов или нет? В чем его особенности?

Головнин: Безусловно, отличается. Конечно, в первую очередь все сравнивают этот кризис с глобальным финансовым кризисом 2007–2009 годов, я думаю, мы сегодня еще не раз к этому вернемся. Так вот, если эта великая рецессия имела свои корни как раз в мировой финансовой системе, то корни этого кризиса, как мы понимаем, не в ней. Но при этом кризис очень сильно повлиял на мировую финансовую систему. И конечно же, проблема заключается в том, что мы столкнулись с мощным шоком со стороны совокупного предложения: остановилось производство, скажем прямо, во многих странах.

Бодрунов: Закрытие экономики...

Головнин: Соответственно, нарушились глобальные цепочки добавленной стоимости, то есть поставки из одних стран комплектующих в другие прекратились. Некоторые отрасли, особенно в сфере услуг, вообще не смогли работать в этих условиях. Понятно, что сама экономика испытала очень серьезный шок. И вот этот шок, с которым она столкнулась, он, конечно, не сопоставим ни с одним шоком, который, по крайней мере, мы в XXI веке видели. Если сравнить с уже упоминавшимся глобальным экономическим кризисом, который был чуть больше 10 лет назад, тогда мировой ВВП упал чуть меньше чем на 1%. А сейчас у нас Международный валютный фонд в июньском последнем своем прогнозе говорит о том, что на 4,9% будет сокращение...

Бодрунов: То есть провал в пять раз больше как минимум.

Головнин: Да. И при этом развитые страны упадут на 8%. И если в предыдущем кризисе так называемые страны с формирующимися рынками всё-таки в основном росли, то сейчас, видимо, большинство из них тоже упадет. Исключение, как всегда, видимо, составит Китай, где, возможно, будет небольшой экономический рост, поскольку там уже мы видим, что производство восстанавливается и экономика начинает работать.

Бодрунов: Вы подметили, Михаил Юрьевич, очень важную особенность этого кризиса. Есть проблемы, которые отличают его от других и глубина этого кризиса отличает его от предыдущих. И очень важно отметить, что этот кризис не затрагивает отдельную какую-то отрасль, а поражает сразу практически все сферы деятельности. В обычной ситуации эти отрасли друг друга поддерживают, а здесь они друг друга валят, грубо говоря. Поэтому найти то звено, за которое можно было бы зацепиться и вернуть всё обратно, которое потянуло бы экономику, не так-то просто в такой ситуации. Кроме того, есть и психологические проблемы, которые испытывают сегодня экономические акторы, — это неэкономический фактор экономического роста: у людей подавленное настроение, у инвесторов нет желания инвестировать, потому что не ясно, что будет дальше. Как лечиться, будет ли вакцина и когда. Отсюда следует очень много факторов, которые отличают этот кризис от предыдущего. И очень важно посмотреть и на финансовую сторону дела, то есть чем отличается кризис с точки зрения состояния финансового рынка, потому что финансы, как говорится, кровеносная система экономики. Вот мнение нашего эксперта, профессора Алексея Павловича Портанского.

Алексей Павлович Портанский:

Крупнейшие экономисты мира ожидали глобальный кризис и в 2018, и в 2019 году. Об этом очень много говорили. Эксперты анализировали те предпосылки, которые к этому ведут. Это, конечно, торговые войны, это необычная ситуация на американской бирже, когда там, скажем, доходность по коротким бумагам стала превышать доходность по длинным бумагам, и ряд других признаков. Но никто не знал, откуда прилетит «черный лебедь». И в конце концов этот «черный лебедь» действительно прилетел внезапно. Все страны, ведущие державы оказались не готовы. Это поразительно, но выяснилось, что в некоторых европейских странах, странах Евросоюза вообще не существует противоэпидемиологических служб. Это, например, случай Италии. В Италии таких служб вообще не оказалось. Вот в такой обстановке страны встретили пандемию. Интересно, что в некоторых не западных странах были отмечены большие успехи в борьбе с пандемией, чем в Европе и Соединенных Штатах. Это, например, Южная Корея, Тайвань, Сингапур. Вот там удавалось более эффективно противодействовать пандемии. А дальше, конечно, наступили экономические последствия. Мы их продолжаем ощущать. Уже весной появились прогнозы по спаду в экономике глобальной и в экономиках государств. Эти цифры были достаточно внушительными и тревожными. Я очень хорошо помню, что, по данным Всемирной торговой организации, спад в объемах торговли к концу этого года предполагается по оптимистическому сценарию — 13%. То есть надо иметь в виду, что до сих пор у нас

всегда был плюс, торговля росла. И по пессимистическому сценарию — аж 30%. Какой сценарий сработает, мы пока не знаем. Конечно, прогнозируется, что в большинстве стран будет спад экономики, в том числе и в России. Не знаем, на сколько, но прогнозы колеблются где-то вокруг 5%. Так что этот кризис действительно необычный, человечество и правительства абсолютно не были готовы к нему. Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш считает, что возможны два сценария. Оптимистический — это когда мы выберемся достаточно быстро, то есть в течение двух лет. Условием этого сценария является появление вакцины. Но вместе с тем он обозначил и второй, более мрачный сценарий. Странам не удастся согласовать свои действия, мир переживет новые волны вирусной инфекции, в развивающемся мире возникнет взрывоопасная ситуация, работа над созданием вакцины затянется. При таком пессимистическом сценарии мы, возможно, будем наблюдать в мире более явный переход к раздробленности, популизму, ксенофобии. Каждая страна будет проходить этот путь в одиночку или в составе так называемых коалиций государств, объединяющихся с намерением решить те или иные проблемы. В итоге миру не удастся мобилизовать те ресурсы госуправления, которые необходимы для решения наших общих проблем. Понятно, что большая часть людей по природе оптимисты, поэтому и мы, наверное, хотели бы надеяться, что всё-таки ситуация пойдет по оптимистическому сценарию.

Бодрунов: Конечно, коронакризис разворачивается на фоне системных проблем: если бы мы подошли к нему, как-то готовясь, или какие-то упреждающие меры могли предпринять заранее, это была бы одна история, одна картина. Но мы подошли с определенными проблемами. Причем в большинстве регионов мира есть свои проблемы: бедность, неравенство доходов, целые регионы мира поражены стагнацией. В этом плане очень важно посмотреть, что же делается в таких странах, как, например, Соединенные Штаты, — как они реагируют на кризис. Мы знаем, что вроде бы при Трампе экономика стала оживать, производство, индустриальный сектор начали восстанавливаться и активно двигаться вперед. И вдруг — коронакризис, к которому, казалось бы, лучше всех должна была быть готова Америка — крупнейшая экономика мира, но он очень больно по ней ударил. Больше чем на 30% упал ВВП за квартал — это просто что-то невероятное. Были ли мы с точки зрения финансовой, экономической подготовлены к такого рода потрясениям, Михаил Юрьевич, как Вы полагаете?

Головнин: Мне кажется, что, опять-таки возвращаясь чуть больше чем на 10 лет назад к глобальному финансовому кризису, можно констатировать: тогда произошло понимание того, что в мировой финансовой системе что-то не так и нужно менять то, что происходит в этой системе. И началась ее глобальная реформа. Она проходила под эгидой группы 20, G20. И, безусловно, определенные шаги были сделаны. Из наиболее важных — это реформы, которые проводились в банковской системе, введен так называемый «Базель-3» — новые стандарты начали активно внедряться, основная задача которых, собственно, заключалась в том, чтобы банковская система функционировала более стабильно и чтобы она не вела себя циклически, то есть не падала сильно во время кризисов и, наоборот, не надувала пузыри во время роста. И в банковской системе более-менее соответствующие нормы были проработаны. Еще одним таким сектором стал внебиржевой рынок деривативов, производных ценных бумаг. Он как раз тоже очень сильно тогда поспособствовал распространению глобального кризиса. Именно внебиржевой практически не регулировался до этого. Поэтому, естественно, эта сфера попала под пристальное внимание регуляторов, и многое было сделано.

Бодрунов: Тем более что рынок деривативов, деривативные компоненты сильно влияли на кризис предыдущий, стали триггером этого кризиса. Поэтому, конечно, это абсолютно правильное наблюдение — это надо было делать.

Головнин: Я хотел бы отметить, что, действительно, сегменты, которые я перечислил — банковская система, внебиржевой рынок деривативов, — подошли к кризису сегодняшнему более подготовленными. Но надо отметить, что реформа, которая проводилась, не во всех секторах шла одинаково. Были сектора, например, рынки ценных бумаг, рынок акций, рынок облигаций, которые напрямую реформой практически не затрагивались. И вот здесь мы можем подойти к тем проблемам, с которыми, например, столкнулись США, где долгое время именно после глобального кризиса надувался, по мнению многих специалистов, пузырь на рынке акций. Он, конечно, начал лопаться чуть раньше, чем произошел вот этот наш кризис, а именно в 2018 году, когда Трамп начал политику протекционизма, то есть мы уже столкнулись с двумя падениями на фондовом рынке акций США. И как отреагировали США? Федеральная резервная система вдруг неожиданно в 2019-м начала снижать процентную ставку. То есть США начали поддерживать этот рынок акций. Были и другие слабые места — скажем, рынок корпоративного долга, который в условиях очень низких процентных ставок стал бурно развиваться,

накопленные проблемы с государственным долгом, которые стали проявляться еще во время глобального кризиса. То есть нельзя сказать, что экономика США развивалась идеально, хотя, безусловно, она продемонстрировала действительно неплохие темпы экономического роста. Но именно в финансовой сфере определенная нестабильность накопилась уже к 2020 году.

Бодрунов: Я думаю, очень важно отметить, что делается в Европе, потому что Европа — наш основной торговый партнер, основной экономический партнер, и, несмотря на все разногласия и противоречия, мы, как говорится, плывем всё равно в одной европейской лодке. Выслушаем мнение нашего эксперта по этому вопросу.

Николай Юрьевич Кавешников:

Сейчас по оценкам в годовом исчислении на текущий год падение ВВП составит 7–8%, если не будет большой второй волны. Это в целом средняя ситуация по Европе. Она отражает ситуацию по развитым экономикам мира, где-то больше, где-то меньше. Гораздо интереснее посмотреть, как в Евросоюзе реагировали на экономический кризис, вызванный эпидемией, и какие меры по выходу из кризиса принимаются. Тут нужно отметить, во-первых, очень быструю экономическую реакцию и очень большой пакет мер поддержки. В основном поддержка оказывалась на национальном уровне и составляла от 10 до 15% годового ВВП. Это и меры поддержки частного сектора, прежде всего малого и среднего бизнеса, это и меры поддержки спроса, то есть предоставление денег населению в той или иной форме. Что касается общеевровских программ, то здесь тоже чуть медленнее, но в итоге институты ЭЭС раскачались. Европейский центральный банк запустил новый раунд политики количественного смягчения, обязавшись выкупить активов в течение ближайших полутора лет на общую сумму 1 триллион 350 миллиардов евро. Использую в какой-то степени и специальные антикризисные механизмы, то есть европейский стабилизационный механизм прежде всего. И наконец, очень важное событие произошло в июне-июле 2020 года, когда после довольно сложных

обсуждений в конце июля удалось согласовать так называемый механизм восстановления. Помимо общего бюджета ЭЭС на следующие семь лет, этот механизм восстановления экономики предусматривает дополнительные средства в размере 750 миллиардов евро, примерно половина в форме грантов, остальная половина в форме кредитов и кредитных гарантий. Эти средства будут потрачены в ближайшие три года. Что важно, эти средства будут потрачены через общеевровские механизмы, это раз. Второе, для того чтобы эти средства потратить, их нужно будет сначала получить. И для этого принято решение выпустить евробонды. Это принципиально важный момент, потому что никогда ранее Европейский союз свои собственные долговые обязательства не выпускал. И это очень важный шаг на пути к дальнейшей коммунитаризации финансовой и отчасти бюджетной политики. И наконец, раз будут выпущены евробонды, то когда-то нужно будет эти деньги, эти кредиты возвращать. И для этого предусмотрено, что в ближайшие годы будет введен целый ряд новых налогов, средства от которых напрямую пойдут в бюджет Европейского союза, а не в бюджеты государств-членов. И это тоже очень важный и потенциально значимый политический инструмент дальнейшей централизации налогово-бюджетной политики в Европейском союзе.

Бодрунов: Скажите, пожалуйста, Михаил Юрьевич, вот в этой ситуации государству поддерживать экономику надо бы или всё-таки лучше довериться рыночным механизмам? Есть разные мнения. Кто-то говорит, что поддержка государства нужна, и сейчас недостаточно того, что сегодня предпринимается правительством, соответствующими ведомствами, регионами. Кто-то говорит, что эти

меры не нужны. Есть мнение, что рынок всё расставит по своим местам. Оголтелые рыночники такое мнение высказывали в том числе и у нас в экспертном сообществе Вольного экономического общества. Так вот, я хотел бы узнать Ваше мнение: как лучше — оставить всё это как есть, и пусть выживает сильнейший, или всё-таки мы должны подумать о том, что сильнейшему хорошо бы жить в условиях, когда есть не только сильнейшие, но и и слабейшие...

Головнин: Мне кажется, что этот кризис дал очень хороший ответ на этот вопрос. Во-первых, если мы вернемся к началу самого кризиса, в этом еще одна его уникальность, он вообще-то был порожден мерами государства. Он был порожден той политикой, которую правительства разных стран стали проводить в ответ на распространение пандемии коронавируса. И это, на мой взгляд, очень важный момент. Конечно, такие случаи локально раньше были, но в глобальном масштабе это первый раз, когда гуманистические цели правительства фактически поставили экономику на второй план, а на первый план были поставлены жизни людей: ради жизни и здоровья населения фактически была остановлена на какое-то время экономика. Другое дело, что мы не можем сказать в сослагательном наклонении, да, если бы это не было сделано, всё равно были бы экономические потери — мы это прекрасно понимаем. Теперь, что касается уже собственно реакции экономической политики на кризис. На этот вопрос тоже, на мой взгляд, однозначный ответ: все развитые страны приняли очень масштабные меры поддержки экономики, причем по самому широкому фронту. У нас это иногда несколько утрировано называется вертолетными деньгами, разбрасыванием денег...

Бодрунов: Да, в Соединенных Штатах каждому выдали по тысяче долларов на поддержку, что называется, штанов. Но сейчас очень много критических стрел по этому поводу в Трампа летит, потому что, вот, деньги раздал, а толку никакого вроде бы и нет. Так что неизвестно, и в этом вы правы, нужны ли были эти вертолетные деньги. Они не везде спасли ситуацию, а, скорее, нигде.

Головнин: Я бы хотел добавить, что там были далеко не только вертолетные деньги. В тех же США было очень большое количество программ принято. Вот в близкой мне денежно-кредитной политике они, во-первых, реализовали большинство программ, которые осуществляли еще во время глобального экономического кризиса. Но было принципиальное отличие: на сей раз Федеральная резервная система нацелила свои программы не только на финансовый сектор, как это было 10 лет

назад, но и на все сектора экономики. Есть специальная программа по поддержке домашних хозяйств, есть специальная программа по поддержке нефинансовых предприятий, даже местных органов власти. То есть там выкупаются облигации, которые выпускаются местными органами, Федеральной резервной системой. Это беспрецедентные случаи, которые раньше были табуированы — все говорили о независимости ФРС, а сейчас, смотрите, Федеральная резервная система поддерживала всю экономику, я уже не говорю о бюджетных вливаниях. По прогнозам МВФ в этом году дефицит бюджета в США составит 23,8% ВВП. Это же немыслимо! Раньше нас за такой дефицит, я не знаю, в поздний советский период клеймил весь мир, а теперь, видите, это становится нормой.

Бодрунов: Это, конечно, цифры, поражающие воображение. Если мы находимся в традиционной парадигме представления о том, что такое наша современная экономика, эта ситуация может быть и пролонгированной. Как Вы понимаете, выход из такого кризисного душевного состояния, экономического в том числе, виден на каком-то горизонте или не виден при таких серьезных цифрах потерь?

Головнин: Мне кажется, конечно, сейчас мы сталкиваемся и с неэкономическими факторами. В первую очередь, конечно, я имею в виду факторы, связанные со здравоохранением. То есть мы не знаем, как дальше будет вести себя вирус, это для нас, для экономистов, серьезная неопределенность. Пока вроде бы мы видим, что некоторая позитивная динамика, скажем, в России присутствует. То есть темпы спада у нас сейчас начинают постепенно сокращаться. Но это и понятно, потому что экономика открылась, экономика снова начала работать. Но тут есть очень опасная ловушка. Я говорил в самом начале о том, что первый был шок со стороны предложения. Дальше может последовать и с большой вероятностью последует шок со стороны спроса. Уже сокращаются реальные доходы населения.

Бодрунов: Да, вот сейчас, по оценкам, примерно 6% спад, некоторые оценки доходят и до 8%.

Головнин: Восемь. МЭР — Министерство экономического развития — на второй квартал дало оценку падения доходов 8%. И нужно помнить, что у нас вообще-то в предыдущие пять лет реально располагаемые доходы не росли.

Бодрунов: Да. С 2013 года у нас было падение на 5%, но за пять лет.

Головнин: Теперь мы еще добавили к нему. И, естественно, вот от этого, от перспектив рынка зависит и всё остальное: и инвестиции, потому что кто же будет инвестировать в падающий рынок? Пока не будет ясного сигнала, что доходы населения, то есть потребительский спрос будет расти, не будет роста экономики.

Бодрунов: Любой кризис несет в себе огромные риски и серьезные возможности. Нынешний кризис, как мы с вами убедились, особенный и по глубине, и по специфике, по структуре проблем, которые возникли. Мы, конечно, понимаем, что необходимы новые, особенные решения, потому что традиционно заливать экономику деньгами и финансовую систему спасать таким образом — вряд ли это приведет к серьезному успеху, в том числе и в самых крупных развитых экономиках. И безусловно, необходимы особые, новые подходы. Будем надеяться, что эти подходы в мировой экономике и у нас в стране будут найдены. Во всяком случае, мы видим стремление финансовых властей, экономических властей такие решения находить, и будем внимательно следить за этой ситуацией и неоднократно ее обсуждать. Спасибо большое, Михаил Юрьевич, за то, что Вы пришли к нам сегодня. Всего доброго и до новых встреч.

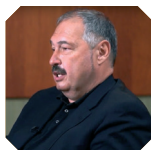

КАКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЗНИКЛИ В ТРАНСПОРТНОЙ ОТРАСЛИ ИЗ-ЗА КОРОНАКРИЗИСА

Какие проблемы пандемия, коронакризис наложили на транспортную отрасль? Судя и по оценкам экспертов, и по тому, что мы видим сами, больше всего пострадала авиация. Весной международное пассажирское авиасообщение было почти парализовано. Из-за закрытых границ уже в первом квартале пострадали 98% маршрутов, 70% мирового флота встало на прикол. Что будет с авиацией дальше?

По материалам программы «Дом Э», ОТР, 26 сентября 2020 г.

СОБЕСЕДНИКИ

Борис Борисович Рыбак,
заместитель председателя
общественного совета «Аэрофлота»,
генеральный директор
компании «Инфомост»

Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России,
президент Международного союза экономистов,
директор ИНИР им. С. Ю. Витте,
д. э. н., профессор

Бодрунов: В авиации у нас ситуация такая: Международная ассоциация воздушного транспорта прогнозирует, что авиаперевозки вернуться к докризисному уровню только к 2024 году. Как Вы думаете, Борис Борисович, это реальная цифра? Когда мы можем ожидать восстановления авиаперевозок в полном объеме — я не говорю уже о том, чтобы получить какие-то дополнительные доходы от развития общественного транспорта?

Рыбак: Эта беда, которая настигла нашу планету, оказала очень сильное воздействие на разные аспекты жизни человечества — на экономическую деятельность в том числе. Транспорт, очевидно, оказался абсолютно не готов к подобному развитию событий. Я хотел бы привести вот такой пример: когда стала нарастать паника по мере распространения пандемии, практически все правительства стали панически закрывать свои границы. Я говорю «панически», потому что нет ни одного мало-мальски пригодного для анализа исследования, которое бы показало, что пандемия распространялась с помощью транспорта. То есть понятно, что основные переносчики болезни — люди. И если мы их ограничиваем в передвижении, то можно предположить, что пандемия будет менее интенсивно распространяться. Однако элементарный вопрос: в Бразилии рвануло по-настоящему через два месяца после того, как всё мировое воздушное сообщение было прекращено. А вторая волна заражения в Европе? Как она связана с воздушным транспортом?

Бодрунов: Да, всё закрыто...

Рыбак: Абсолютно никак. Двухнедельные карантины, все границы закрыты и так далее. В Штатах самая большая из зафиксированных вспышек пандемии — через месяц после того, как воздушное сообщение с основными известными очагами болезни — Европой, Китаем и Россией — было закрыто. Поэтому совершенно справедливый вопрос: готов ли был транспорт к такому развитию событий? Конечно, не готов. Транспортники не получили никакого голоса в принятии этих решений, безропотно подчинились, понесли чудовищные совершенно экономические, и не только экономические, потери. При этом общеизвестно, и это было известно в момент начала вот этой паники, что более безопасного места, чем современный самолет, на сегодняшний день с эпидемиологической точки зрения нет вообще на земле. В большом самолете воздух полностью заменяется за 5,5 минуты, на 50% — за 2 минуты. Продольного движения воздуха в самолете нет. То есть у вас, условно говоря, воздух идет из-под ног вверх — и всё. По сути, это обстановка хирургического бокса. Более того, когда еще воздушное сообщение сохранялось, количество случаев заболевания в самолете или экипажа самолета было практически нулевое, в отличие от автобусов, метро, кинотеатров и других обычных мест, где люди могут собираться.

Поэтому транспорт оказался не готов именно с той точки зрения, что он даже не успел слова сказать, его закрыли и всё. Другая часть транспорта, которая должна была моментально обеспечить распространение по всему миру средств индивидуальной защиты, дезинфекции, профилактики и прочего, также оказалась не готова, потому что буквально за год до этого авиационный грузовой рынок (у нас специализированный авиационный грузовой рынок) — самое быстрое средство доставки — стагнировал и находился в ужасном состоянии по довольно банальной причине. Появилось довольно много широкофюзеляжных самолетов, оснащенных огромными багажными отсеками. Все грузы ушли в эти багажные отсеки пассажирских самолетов, и грузовые специализированные компании оказались экономически подавленными и стали уходить с рынка. И в тот момент, когда такие самолеты потребовались, их просто не было. И мы с вами видели эти пассажирские самолеты, набитые коробками с масками, затянутые сетками как некий аварийный вариант. В общем, мы видим, что воздушный транспорт и в широком смысле транспорт оказался очень плохо готов к такому развитию событий, к глобальной пандемии. Помимо материального ущерба, который нанесен сегодня всему транспорту, он получил и колоссальный психологический удар. Люди стали с большим недоверием относиться к перемещению. Мобильность

населения катастрофически снизилась даже в самой развитой по мобильности стране — в Соединенных Штатах Америки. Все авиакомпании сегодня, их там немного осталось, снова просят огромные деньги у правительства, потому что ожидавшееся восстановление спроса на внутреннем рынке не происходит. И с этим придется очень и очень долго бороться. Забавно, что всё это произошло на фоне того, что та довольно архаичная и крайне недружественная по отношению к пассажирам модель пассажирских авиационных перевозок, которая сформировалась в мире к 2017–2018 году, сама по себе уже почти себя изжила. Мы все много летаем, мы знаем, что едва ли в современном мире можно найти сервисную компанию или сервисный сектор, который был бы настолько недружелюбен, настолько агрессивно настроен по отношению к своим клиентам. Вы оплачиваете услугу, которая будет предоставлена через три месяца, вы хотите в какой-то момент отказаться от этой, еще не оказанной услуги. И за это получаете штраф 25% и будете еще три месяца ждать, когда вам деньги вернут. «Ой, я случайно не на ту клавишу нажал, бронируя билет». И дальше начинается просто издевательство.

Бодрунов: Да, деньги уже назад не вернуть, как правило. А проверки в аэропортах, а все эти ограничения с багажом — это просто какой-то ужас...

Рыбак: Кстати говоря, это актуальнейшая тема, потому что я смею утверждать, что эти введенные меры безопасности, которые появились в аэропортах после терактов 11 сентября 2001 года в США и которые стали колоссальным бизнесом для огромного количества людей, равным счетом ничего не решают.

Бодрунов: И при этом эта система стала огромной проблемой для гораздо большего количества людей.

Рыбак: Из тех 4,5 миллиарда пассажиров, которые в мире летают, можно предположить, что есть несколько сотен злоумышленников.

Бодрунов: Думаю, даже меньше.

Рыбак: Но про эти 4 миллиарда и все авиационные власти, и все спецслужбы всех стран мира знают абсолютно всё. Так вот, я опасаюсь, и мы прикладываем сейчас, честно говоря, вполне целенаправленные усилия, чтобы этого не произошло с санитарной безопасностью.

Бодрунов: Вот как всё-таки кризис, помимо того, что на отрасли отразится, отразится на пассажирах? Потому что мы все с вами пассажиры. Кто-то работает в отрасли, но мы все тем не менее пассажиры.

Рыбак: С экономической точки зрения у нас есть три основных региона, где происходят воздушные перевозки. Это Соединенные Штаты — самый большой и самый зрелый рынок, Европа, которая следует за ним с отставанием примерно на 15–20 лет, и Азия, которая отстает от Европы тоже примерно лет на 10–15. И казалось, что сейчас всё упростится, и вместо 4,5 миллиарда у нас будет 7 миллиардов, и это даст нам почти полную мобильность планеты...

Бодрунов: Да, из точки в точку в любой момент...

Рыбак: Да, чтобы каждый человек хотя бы раз в год куда-нибудь слетал. Но вот то, что произошло сейчас, очевидно, будет требовать пересмотра очень-очень многих факторов, в первую очередь экономических, связанных с себестоимостью, с маржой этой деятельности, с возможностью устойчивого развития. На самом деле, сейчас в воздушный транспорт должны прийти серьезные экономисты, потому что я тут где-то недавно читал, что буквально полгода назад, можно было спросить любого авиаперевозчика, какой у него будет спрос в среду 15 августа в следующем году, и он с точностью до пассажира и до доллара мог сказать, что у него будет. Были созданы большие массивы данных, которые хорошо обрабатываются. Есть системы управления доходами, которые очень хорошо помогали прогнозировать и по сезонам, и по дням недели. Наверняка вы знаете, что в среду всегда дешевле летать, чем в любой другой день недели, и всегда в самолете свободнее. Но не дай бог тебе надо лететь в пятницу — это катастрофа. Сегодня никто не может сказать, что будет. И поэтому интересная возможность для многих — сделать новые подсчеты, серьезные экономисты должны прийти в воздушный транспорт и помочь воздушному транспорту разработать новые модели операционной деятельности, потому что старые уже точно так работать не будут, как предполагалось буквально год назад. Из очевидного: существенно вырастут затраты авиакомпаний, аэропортов и других субъектов воздушного транспорта. Все эти затраты будут переложены на плечи пассажиров. Это неизбежным образом снизит пассажиропоток. Снижение пассажиропотоков не позволит обеспечить устойчивое развитие. Сейчас, очевидно, на фоне очень осторожного отношения к воздушному транспорту и глобального непонимания, опасно это или нет, способствует это распространению пандемии или не способствует, ожидание, что как только карантин снимут, все тут же рванут летать, не оправдалось. Это произошло

на туристических направлениях, потому что там наложилась, видимо, целый ряд факторов. Во-первых, люди устали от изоляции, во-вторых, они на самом деле хотят отдохнуть на море, и в-третьих, им предоставили такую возможность, и поэтому в Турцию, действительно, народ довольно бодро полетел.

Бодрунов: Здесь понятно, да.

Рыбак: Да, это понятно. По стране как было, так и остается, и на больших рынках — в Азии, Соединенных Штатах, Европе, восстановления нет. Китайцы утверждают, что у них всё восстановилось, но они, правда, утверждали, что у них никто и не болел. Мой прогноз примерно такой: реальное восстановление начнется после начала всеобщей вакцинации примерно с таким же темпом, как она будет реализовываться. И здесь воздушный транспорт обязан сыграть ту роль, которую он довольно плохо сыграл в начале пандемии. Мы понимаем, что всеобщая вакцинация означает в реальных цифрах, что нужно доставить от производства к центрам вакцинации примерно 3–4 миллиарда доз вакцины. Вот после того, как эта вакцинация пройдет, можно надеяться, что страхи уйдут хотя бы частично. И дальше мы будем смотреть.

Вообще от психологии зависит очень много. Мы все вроде как научились работать удаленно. Это не всем нравится, прямо скажем. Я работаю удаленно откуда угодно уже почти 12 лет. Я уничтожил свой кабинет, отдал его людям, которые работают, а не болтают, и стараюсь в офисе появляться как можно реже, чтобы не мешать опять же людям работать. И всё, что мне нужно делать, я могу делать в аэропорту, я могу делать на даче, в московской квартире, где угодно. Но, повторюсь, это нравится далеко не всем. Но при этом все капиталисты увидели в одну секунду все преимущества того, чтобы орды офисных работников не ходили к ним в офис. В Европе очень многие предприниматели сказали: до Нового года не приходите и даже не проситесь. Это может, действительно, несколько поменять конфигурацию мобильности и дальнейшей мобильности. Мы вместе с нашими партнерами на протяжении последних 20 лет проводили огромное количество профессиональных мероприятий, по преимуществу конференций. Они у нас очень интересные, людям нравятся, участники реально со всего земного шара прилетают. Мы в октябре должны вернуться снова к этой деятельности. Мы хотим к ней вернуться, мы соскучились. Реакцию, я думаю, мы поймем только к концу года, потому что наиболее преданные, наиболее отчаянные готовы на всё. Работодатели многих наших делегатов говорят, что не нужно: во-первых вирус постоянный и повсеместный.

А во-вторых, будешь две недели сидеть в карантине. И это создает новый климат в профессиональных сообществах. Мы все прекрасно знаем: что-то более полезное, чем живое общение, обсуждение, обмен мнениями, трудно себе просто придумать. И кстати говоря, вот этот вот сектор давал огромную дополнительную загрузку для воздушного транспорта. По моим личным наблюдениям, в бизнес-классе только две категории пассажиров: либо богатые на отдых, либо все остальные на конференцию или по каким-то профессиональным мероприятиям.

Бодрунов: Да, совершенно верно.

Рыбак: Богатые, может, останутся или как-то изменят привычки, а вот с конференциями, профессиональными мероприятиями, массовыми другими мероприятиями — это вопрос.

Бодрунов: Да, я могу сказать на примере нашего Вольного экономического общества, что многие наши конференции — весной мы проводили Московский академический экономический форум, проводили мероприятия и летом, на осень у нас запланирована масса мероприятий, и из них небольшая часть будет идти в формате не онлайн, всё остальное будет идти в онлайн. Соответственно, ученых, специалистов мы уже не перевозим сюда, не размещаем здесь, не предоставляем здесь транспорт на месте и так далее. Это и авиационные перевозки, это автомобильные перевозки, это автобусы, которые мы не заказываем.

Рыбак: В масштабах планеты — это колоссальная деятельность, это миллионы людей, которые, действительно, много раз в год используют транспорт и создают этот трафик. Поэтому, возвращаясь к вопросу о том, что это будет означать для обыкновенных пассажиров. Это 100% будет означать рост цен, меньшую доступность воздушного транспорта по разным обстоятельствам, включая внутренние психологические.

Бодрунов: Да, психологические, ментальные моменты очень важны для принятия решения, лететь или не лететь.

Рыбак: Да, люди должны хотеть летать. Кстати говоря, есть интереснейшая особенность — путешественнические привычки миллениалов. Что ребята делают. Они с удовольствием выполняют профессиональные задания в командировках, прибавляют выходные и получают себе отпуск в интересных местах. Пара, скажем, полетела в Италию. Честно отработала там четверг и пятницу...

Бодрунов: Да, но при этом посмотрела памятники культуры...

Рыбак: Да, а воскресенье-субботу взяли для себя. Прекрасно совершенно. Это очень стимулирует развитие. Поэтому любая изоляция — плохая, это очевидно и для науки, и для производства.

Бодрунов: Да, Борис Борисович. Но очень важно также понимать, что многое зависит от того, как мы сегодня, пассажиры, будем относиться к проблеме транспорта. Понятно, что каждый у нас думает в первую очередь о себе, но в то же время нужно думать и о том, что, если мы будем относиться к авиационной отрасли, к перевозкам, как к чему-то чуждому, не своему, мы лишимся авиационного транспорта. Мне кажется, что очень важно, чтобы это понимала и общественность, и власти, которые, мне кажется, должны быть озабочены ситуацией с авиационной отраслью, вообще с перевозками, с транспортной отраслью в стране.

В апреле 2020 года

Международная ассоциация воздушного транспорта прогнозировала падение рынка по отношению к прошлому году на 46%. По актуальным прогнозам оно может достигнуть 55%. Это связано с такими тенденциями, как медленное сдерживание распространения коронавируса в США и развивающихся странах, сокращение корпоративных поездок из-за финансового давления на бизнес, слабым потребительским интересом из-за роста безработицы и рисков заразиться вирусом. В первом квартале 2020 года мировой ВВП сократился примерно на 1,7%. По данным консалтинговой компании «Оксфорд экономикс», к концу 2020 года этот показатель достигнет 5%. С 2021-го ожидается постепенное восстановление экономики, однако развитие авиоперевозок всегда отстает от роста ВВП. Это связано с тем, что потребительский спрос не сможет восстановиться так быстро. Поэтому в мае этого года министры 12 стран Европы обратились к Еврокомиссии с просьбой внести изменения в новый закон, обязывающий компании вернуть деньги пассажирам за билеты, не использованные из-за коронавируса. Речь шла о замене денег на ваучеры или на билеты, которыми люди смогут воспользоваться, когда перелеты в полной мере возобновятся. По их мнению, это может спасти многие авиакомпании от разорения. По данным Ассоциации эксплуа-

тантов воздушного транспорта, в которую входят 35 крупнейших российских авиакомпаний, по итогам первого полугодия 2020 года получили убыток от продаж в размере 121 миллиарда рублей. По итогам всего 2020 года убытки от продаж российских пассажирских авиакомпаний могут вырасти до 250 миллиардов рублей. Это связано с тем, что высокий сезон для путешествий в этом году оказался крайне коротким. В июле общий пассажиропоток составил всего 55% по сравнению с прошлым годом, согласно данным Международной ассоциации аэропортов. Также не известно, как дальше поведут себя потребители ввиду снижения доходов и неопределенности с полноценным возобновлением полетов за границу. К тому же четвертый квартал традиционно бывает убыточным для авиаотрасли. По прогнозу «Оксфорд экономикс», в декабре внутренние перевозки могут восстановиться до 65–75% от уровня 2019 года. Лишь в 2021-м Международная ассоциация воздушного транспорта прогнозирует рост пассажиропотока на 62%, что по-прежнему будет ниже показателей 2019 года на 30%. Полное восстановление рынка ожидается только к 2023 году, годом позже, чем ожидали ранее. В истории коммерческой авиации это первый случай такого глубокого кризиса.

Рыбак: На сегодняшний день единственный действенный способ сохранить то, что было, — это прямые финансовые инъекции в размере, примерно сопоставимом с выручкой в «довоенный» период. Так американцы сделали. Но они научены жутким опытом последствий сентябрьских терактов. В нашей стране «Аэрофлот» вместе с правительством придумал схему, как действительно восполнить эти неполученные доходы — это дополнительная эмиссия бумаг, которые, очевидно, госбанки выкупят. Это прямая помощь, относительно небольшая, но всё равно примерно миллиард долларов пришел. Наверное, оно так и будет. Я хочу сказать, мне кажется, что в эти времена очень важна моральная поддержка, в том числе и научного сообщества, потому что, как я говорил, на сегодняшний день экономическое, научное обеспечение воздушного транспорта в определении того места, которое он занимает вот во всей этой пандемической истории, равно нулю. Западные производители авиационной техники в первую очередь предпринимают, как мне кажется, очень позитивные усилия, рассказывая о том, как устроен самолет, что там невозможно заразиться, — это техническая вещь и это действительно так. Но, скажем, то, что в аэропортах у нас сегодня происходит, очень плохо и по организации, и по информированию. Нужно не только принимать меры санитарной защиты, но и информировать население о том, что самолет — безопасное место.

Бодрунов: Я считаю, что это очень важная рекомендация, на которую всем следовало бы обратить серьезное внимание. Если позволите, я бы добавил пару слов по поводу развития сети региональных аэропортов, сети региональных станций управления — это очень важное, на самом деле, направление. Почему? Потому что это, во-первых, позволяет за счет такой инфраструктуры наращивать объем региональных перевозок. А во-вторых, может тоже способствовать улучшению ситуации в отрасли. Я, Борис Борисович, благодарю Вас за Ваше исследование положения в авиации, мне кажется, достаточно глубокое и интересное. Всего доброго и до новых встреч.

КАК ПАНДЕМИЯ ПОВЛИЯЛА НА ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ

Неэкономические факторы и общественные настроения, как известно, серьезно влияют на экономическую ситуацию. Этому посвящено немало научных работ, за эти исследования были вручены и Нобелевские премии. Бесспорно, события 2020 года обострили ситуацию в этом плане, сильно изменили образ жизни людей, их планы на будущее. Об этом — очередная беседа в «Доме экономиста».

По материалам программы «Дом Э», ОТР, 3 октября 2020 г.

СОБЕСЕДНИКИ

*Лора Юрьевна Накорякова,
директор*

*Центра социально-экономических исследований
Центра стратегических разработок,
к. э. н.*

Виктор Семёнович Вахштайн,

*декан факультета социальных наук Московской высшей
школы социальных и экономических наук, заведующий
кафедрой теоретической социологии и эпистемологии
РАНХиГС, к. с. н., профессор*

*Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России,*

*президент Международного союза экономистов,
директор ИНИР им. С. Ю. Витте,
д. э. н., профессор*

Бодрунов: Сегодняшняя пандемия породила, а скорее, усугубила проблему доверия в обществе. Мы не знаем сегодня, на что ориентироваться, какие прогнозы будут правильные, какие — нет. Отсюда и наша неуверенность в том, что мы будем делать завтра, наша неуверенность в том, как поступить, — накопить или потратить. Инвестор беспокоится о том, вернутся ли его инвестиции. И подобных факторов, которые влияют на повседневную жизнь и экономическое поведение, наверное, очень много. Общественное настроение, общественное сознание меняется, и от него сильно зависит наша экономика.

Опросы, которые проводят

отечественные аналитические центры, коммерческие компании и научные структуры, не претендуют на точную реконструкцию экономического и социального ландшафта, но, возможно, помогут приблизиться к отражению реальности, в которую страну погрузил кризис. Согласно исследованию Центра стратегических разработок (ЦСР), ценностные ориентиры россиян и их соответствия приоритетам развития государства в ситуации с коронавирусом отразились на каждом россияnine, а точнее, на 9 из 10. ЦСР опросил 5 тысяч человек, чтобы понять настроение россиян, и выяснил, что моральное состояние населения ухудшается. Если в марте 2020 года в начале эпидемии в России 64% россиян были уверены, что ситуация разрешится, то к середине лета оптимизм постепенно уменьшался. Так, к июлю всего 44% россиян ожидали улучшения ситуации. Россияне обеспокоены риском роста цен, недоступностью медицины, обесцениванием собственных накоплений и возможным заражением. Одна из задач, которую ставили перед собой аналитики ЦСР, определить, какие изменения востребованы обществом, что важно для реализации национальных проектов как драйверов развития страны. Так, оказалось, что о нацпроектах знают или слышали

всего 47% россиян, причем хорошо проинформированы только 8%. 22% россиян отметили, что нацпроекты им вообще не интересны. Любопытно, что, чем лучше материальное положение россиян, тем больше они интересуются этой темой. Чаще россияне осведомлены о нацпроектах «Демография», «Здравоохранение» и «Образование». О таких нацпроектах, как «Культура», «Наука» и «Экология», знает менее трети населения. Большинство россиян полагают, что национальный проект «Демография» должен быть направлен в первую очередь на поддержку семей с детьми, нацпроект «Образование» — на обеспечение равных возможностей образования для всех, а «Здравоохранение» — на обеспечение доступности медицинской помощи для всех. По результатам исследования также был составлен топ жизненных ценностей россиян. Большинство проголосовало за самоуважение. Для россиян также важны свобода, диалог, эмпатия и сотрудничество. Ценностным приоритетам общества и связанным с ними приоритетам развития России было уделено такое внимание в исследовании, потому что стратегические перемены всегда имеют ценностную окраску, отметили в ЦСР.

Бодрунов: Лора Юрьевна, согласно исследованию вашего Центра стратегических разработок, если в марте этого года 64% россиян были уверены, что ситуация, которая сложилась из-за пандемии, вскоре разрешится, и можно будет вернуться к нормальной жизни, и всё пойдет, как было, то сегодня таких людей всего 44%. С чем Вы связываете такое снижение оптимизма наших граждан?

Накорякова: В марте 2020 года оптимистов оказалось 64% в связи с тем, что люди просто не ожидали подобного масштаба последствий пандемии коронавируса. И уже в апреле доля оптимистов начала сокращаться. К августу, как вы верно заметили, оптимисты, которые считают, что через 2–3 месяца ситуация разрешится, стало 44%, то есть прежде всего сыграл роль неожиданный размах последствий. Но есть еще и, так скажем, более экономический характер настроений — это всё, что связано с ухудшением материального положения и благосостояния населения. Мы видим при изучении и социальных настроений, и бизнес-климата, что компании сталкиваются с большими трудностями, абсолютное большинство из них оптимизирует фонд оплаты труда — это одна из важных стратегий минимизации издержек. Это касается и трудоустройства, и заработных

плат. И, по нашим данным, абсолютное большинство — 57% россиян — сегодня говорят о том, что их доходы заметно сокращаются. Но помимо факторов риска, связанных с ухудшением материального положения, есть еще одна особенность кризиса 2020 года — это страхи в обществе, связанные с возможностью заражения. У нас на сегодняшний день 57% россиян боятся заразиться коронавирусом, и эта доля не снижается с марта 2020 года. 6 из 10 человек в марте боялись заражения, и до августа эта доля остается актуальной — никакого снижения волнений, связанных с коронавирусом заражением, не происходит. Отсюда — боязнь и недоступности медицины, это впервые появилось в нашем обществе и сохраняется по сей день. В процентах более половины россиян обеспокоены тем, что медицина может стать недоступной. Это влияет и на настроения по поводу будущей ситуации.

Бодрунов: Вы имеете в виду, что по материальным причинам медицина может стать недоступной или по технологическим?

Накорякова: Да, верный вопрос. Речь идет о том, что медицина станет вообще инфраструктурно недоступна: простыми словами, кому-то не хватит места. Мы не говорим о том, что эта проблема уже есть, но это волнует общество.

Бодрунов: Страхи, ожидания новых неприятностей, конечно, никуда не делись и вызывают растущую неуверенность. Мы попросили прокомментировать эту ситуацию Виктора Семёновича Вахштайна.

Виктор Семёнович Вахштайн:

Доминирующим страхом, который фиксируется самыми разными социологическими исследованиями последних нескольких месяцев, остается страх безработицы и всё то, что связано с исчерпанием доходов. Но тут надо добавить важный момент, что страх безработицы, страх потери дохода не является новым и абсолютно исключительным

для пандемии. Первый очень серьезный всплеск этого страха был в 2014–2015 году, но тогда он сопровождался одновременно ростом экономического оптимизма. То есть, с одной стороны, гораздо больше людей стало говорить, что они боятся потерять работу в этом году, но при этом верили, что в следующем году всё наладится. Этот оптимизм

плавно сходил на нет, и к началу пандемии страх потери работы уже никак не компенсировался. Причем если в 2014 году он был куда сильнее у бюджетников и работников государственных предприятий, то сейчас мы впервые видим такого рода резкий всплеск страха потери дохода в бизнесе, в частном секторе.

Бодрунов: Лора Юрьевна, значительная часть социального мониторинга Центра стратегических разработок посвящена ожиданиям россиян от реализации национальных проектов. Я смотрел недавно эту статистику и убедился, что национальные проекты действительно породили в обществе и в конце прошлого года, и особенно в начале этого года, когда на пост премьера был назначен Михаил Мишустин, сформировалось новое правительство, ожидания более стремительного продвижения к решению задач, на которые нацелены национальные проекты. Затем появилась программа целей национального развития, это сработало ободряюще, и у людей настроение, мне кажется, очень сильно улучшилось. Это видно было и по некоторым опросам. Но кризис, конечно, мощно ударил и по национальным проектам, и по другим факторам оптимизма. Сейчас идет переформатирование национальных проектов. Президент поручил премьеру этот вопрос в ближайшее время рассмотреть на правительстве и предложить свои изменения. И мы, экономисты, занимаемся тем, что исследуем эти вопросы, готовим свои предложения. Скажите, пожалуйста, ожидания россиян от этих корректировок изменились? Какие они сейчас?

Накорякова: Важно отметить, что на сегодняшний день информированность россиян о нацпроектах, на самом деле, на среднем уровне, большинство людей что-то о них слышали. Но с точки зрения детального понимания, осознания контента нацпроектов есть над чем работать. Сегодня треть россиян заинтересованы в том, чтобы узнать о нацпроектах больше, то есть интерес к этой теме есть. Более того, мы выявили топ-3 нацпроектов, про которые чаще всего россияне слышали, — это «Демография», «Здравоохранение» и «Образование». И есть топ-3 нацпроектов, про которые россияне хотели бы больше узнать, это совершенно другие нацпроекты — это «Культура», «Наука» и «Экология». Кстати, интерес к экологии — вообще очень любопытная тема, она отображает ту трансформацию в общественном сознании в сторону ответственного развития, которая происходит в последние два года, а на фоне пандемии актуализируется. И, возвращаясь к нацпроектам, что важно: на фоне пандемии изменилось отношение к собственному участию человека в реализации нацпроектов. В обществе появилось желание быть услышанными и активно участвовать в том числе в выборе приоритетов этих нацпроектов. И сегодня на первом месте — вопросы доступности медицины. Как мы говорили, это результат страхов и волнений в обществе. На втором месте по приоритетности — поддержка семей с детьми. И на третьем месте — образование. Всё вполне логично. Опять же это все отражает сложности, с которыми столкнулось современное общество, — страхи за собственное здоровье и внимание к собственному здоровью, вопросы образования, переквалификации, дальнейшего трудоустройства людей, которые пополняют рынок труда. Эти вопросы определенно должны быть приоритетными с точки зрения и стратегического управления государства.

Бодрунов: Это очень важное наблюдение, потому что когда я смотрю на эту ситуацию с точки зрения рядового человека среднего возраста, работающего, может быть, не в самой прибыльной сфере деятельности: условно, водителем, рабочим промышленного предприятия или специалистом, который сидит в каком-то статистическом управлении, то никакого оптимизма не возникает. А эти люди пока составляют экономическую основу общества.

Накорякова: К сожалению, они попадают в зону риска потери труда. Мы сейчас видим по исследованиям, изучая портрет россиян, которые попали под сокращение, что это прежде всего занятые в производственной сфере, административный персонал и люди, которые занимают позицию в сфере продаж.

Бодрунов: Я посмотрел статистику сокращений, которые произошли за май–июль. Понятно, что страдает сервисная отрасль, куда люди легко набираются, легко уходят, и квалификация их, может быть, не столь велика. Но, что печально, уходит так называемый офисный планктон, но в данном случае мне не кажется, что это люди, которых можно легко заменить. Это вовсе не так. Это всё-таки люди с достаточно хорошей квалификацией, владеющие компьютерной техникой, навыками общения, коммуникациями и так далее. Уходят работники промышленных предприятий. Но одно дело — кризис 2008–2009-х годов, когда сокращались на производственных предприятиях 1–3% людей. Это было даже на пользу в какой-то мере, но сейчас другая ситуация. Уходят в первую очередь люди, которые ищут, где бы можно было найти занятие более прибыльное, потому что на предприятиях идет сокращение доходов. И, соответственно, люди такими действиями и решениями реально начинают влиять на экономику. Во-первых, доходы сократились, даже те деньги, которые есть, необходимо придержать, потому что никто не знает, что будет дальше. Если это инвестор, он задумается над тем, надо или не надо инвестировать, надо ли сохранять работников на несколько месяцев или стоит уже всё закрывать. Вот эти процессы, как вы полагаете, сильно влияют на настроение людей?

Накорякова: Мы эту тему трудовой трансформации очень детально изучаем, опять же через настроения социума и через бизнес-климат, как мы его называем. И что мы видим сегодня. Как я уже сказала, компании оптимизируют фонд оплаты труда. Если говорить об офисных сотрудниках, есть возможность перевести их на удаленный режим работы, и чаще всего компании так и делают, и это позволяет им минимизировать издержки, например, на арендные платежи. Что касается занятых на производстве, то

здесь уже более сложная история, так как удаленный режим для них не применим, производственные мощности сокращаются, вводится режим экономии, и, естественно, люди попадают под сокращение. Важно то, что высвободившиеся кадры не могут так быстро и гибко найти новую сферу деятельности. И мы видим, что треть людей, которые потеряли работу, планируют сменить сферу деятельности кардинально, то есть трудоустроиться в новой отрасли. Они нуждаются в переобучении и переквалификации. Плюс важно то, что сегодня на рынке труда спрос и предложение очень разнятся. Сейчас запрос компаний — на кадры в IT, юристов и маркетологов, а кадры, которые высвобождаются, это прежде всего люди, занятые в реальном производстве, как мы уже говорили, это продажи, это административные функции. Поэтому вопрос, как трансформировать и переквалифицировать те трудовые ресурсы, которые на данный момент появились на рынке труда. Это могут быть не обязательно люди пенсионного возраста. Это чаще всего люди 30–45 лет.

Бодрунов: Да, это вообще на самом деле серьезная проблема уже для людей не только предпенсионного возраста. В ситуации пандемии стало ясно, что очень важная проблема — трудоустройство людей среднего возраста, самого экономически активного, из реального сектора экономики, которые не находят себя в сегодняшней экономике, ведь за ними стоят их семьи. И то, что я не вижу сегодня мощных государственных усилий в решении этого вопроса, вызывает опасения. У каждого человека есть страх того, что будет дальше, как получить вторую профессию, иметь какие-то возможности зарабатывать. А для этого им нужны знания, нужно переобучиться, и это не так просто сегодня. Нужны средства не только для того, чтобы что-то заплатить за обучение. Нужна инфраструктура переобучения.

Накорякова: Из позитивного хочу отметить, что компании готовы к структурному и системному подходу в этом направлении, и абсолютное большинство предприятий, несмотря на наличие материальных сложностей и ожидание сокращения выручки и прибыли к концу 2020 года, в 2021-м готово инвестировать в кадры и поиск высококвалифицированных сотрудников, которые в дальнейшем будут развивать коллег, которые уже работают в этой компании.

Бодрунов: Это по вашим данным Центра стратегических разработок?

Накорякова: Да.

Бодрунов: Я хотел бы задать такой вопрос: когда вы проводите такого рода исследования, мы эти исследования активно используем, и, думаю, для многих они интересны не только с познавательной точки зрения, но и с точки зрения планирования: как нам устраивать нашу жизнь. Какие выводы вас поразили как неожиданные и какие были ожидаемы? И какие выводы нам можно было бы извлечь, чтобы откорректировать правильно наши национальные проекты, чтобы подумать о том, куда правильно вложить государственные средства, в какие отрасли их направить, каких людей и в каком количестве поддержать.

Накорякова: Мы мониторинг ведем с марта 2020 года, и нас уже удивить сложно, но есть стратегически важные моменты, которые я бы отметила.

Первое, это то, как проводить любые изменения. Если в 2014 году был такой показатель, как риск-аппетит, — готовность к риску, он у нас есть и в бизнесе, и в социуме и состоит в том, например, что компании готовы принять рискованные решения, быстрые решения, которые повлияют непосредственно на их капитал, и люди, соответственно, тоже готовы рисковать для того, чтобы улучшить качество своей жизни. И, если вспомнить кризис 2014 года, риск-аппетит был очень высок. Но в 2020-м, на сегодняшний день, на начало осени уже, этот риск-аппетит очень низкий. Поэтому и общество, и бизнес ожидают, что все перемены, которые будут происходить, будут проходить взвешенно и безопасно, без каких-либо форсажей и без неопределенности. Это очень важно, и это касается любых изменений, не важно, в образовании, здравоохранении, безопасности дорог, строительстве — абсолютно любые перемены. Второй, наверное, важный момент касается гибкости рынка труда. Люди действительно намного чаще и активнее говорят про то, что готовы развиваться в других сферах. Это как правило не характерно для кризисного периода. Обычно люди, наоборот, боятся перемен и стараются найти работу, похожую на свою предыдущую. Сегодня ситуация иная. Более того, у большинства HR-специалистов крупных компаний была гипотеза, что на фоне роста безработицы люди будут чаще соглашаться на более низкие зарплатные ставки. Но эта гипотеза не подтвердилась, и на сегодняшний день россияне не склонны к быстрому поиску работы на условиях более низкой заработной платы. То есть пока мы видим, что население всё-таки не готово к совсем драматичному исходу. Что, может быть, еще интересно — это обеспокоенность экологическими проблемами, мы уже об этом говорили. То есть наш менталитет встроился в мировые тренды. И это очень важный индикатор для управленческих решений, в том числе для национальных целей. Экология сегодня входит в топ-3

приоритетов, связанных с тем, как улучшить качество жизни россиянина. И когда человек говорит о себе, он подчеркивает, что рациональное, экологичное потребление соответствует его образу жизни. Но, когда он говорит про то, как живет общество, мнение радикально иное. Этот дисбаланс показывает нам корректный вектор, как работать с обществом, с нашей культурой, с нашей инфраструктурой для того, чтобы сделать и качество жизни лучше, и, соответственно, повысить удовлетворенность населения. Наверное, необходимо государству уделить особое внимание инфраструктурным возможностям для того, чтобы повысить корректное поведение россиян в экологии. Наверное, это важный момент с точки зрения нацпроектов. Также есть интересные наблюдения, связанные с производительностью труда. Многие обсуждают удаленный режим работы, что это является одним из инструментов. Но пока всё же мы видим по нашим данным: чаще компании отмечают, что удаленный режим работы снижает производительность труда, и те, кто переводит сотрудников полностью либо частично на удаленную работу, через полгода этот формат будут еще раз пересматривать. По нашим данным, на настоящий момент в процентах производительность труда снижается от 7 до 15% из-за удаленного режима. Еще один момент — из-за финансовых сложностей, которые сейчас возникают у 70% компаний, есть тренд к 2021–2022 году перейти с общеналоговой системы на упрощенную систему налогообложения.

Бодрунов: Да, есть такая тема.

Накорякова: И мы количественно постарались последствия этого тренда рассчитать. Так, 22% компаний, у которых сейчас общая система налогообложения, планируют переход на упрощенку. Высокая вероятность перехода в этой доле предприятий только в десятой части, то есть мы можем сказать, что 10% компаний из этого числа с высокой вероятностью действительно перейдут на упрощенный режим. И в денежном эквиваленте это может означать выпадающие доходы в районе 255 миллиардов рублей.

Бодрунов: Вы этим примером прекрасно проиллюстрировали, насколько реально можно посчитать те потери или те достижения, которые можно получить, если правильно использовать такого рода исследования и анализ. Очень важно, чтобы такого рода исследования были в центре внимания всех, кто занимается реальной экономикой, кто занимается экономическими прогнозами и так далее. Спасибо большое, Лора Юрьевна, за то, что Вы смогли прийти к нам. Всего доброго и до новых встреч.

КАК ИЗМЕНИТСЯ РЫНОК ТРУДА ПОСЛЕ КОРОНАКРИЗИСА?

Уже в течение ряда лет тысячи компаний переводят своих сотрудников на дистанционный способ работы. И пандемия резко усилила этот тренд. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, число граждан, работающих вне офиса, за период карантина выросло почти в восемь раз. Как дистанционная занятость изменит вообще рынок труда? И что еще его ждет?

По материалам программы «Дом Э», ОТР, 29 августа 2020 г.

СОБЕСЕДНИКИ

*Константин Николаевич Корищенко,
заведующий кафедрой финансов и банковского дела
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской
Федерации, д. э. н.*

---

*Максим Вячеславович Бувев,
проректор
Российской экономической школы*

---

*Сергей Дмитриевич Бодрунов,
президент ВЭО России,
президент Международного союза экономистов,
директор ИНИР им. С. Ю. Витте,
д. э. н., профессор*

Бодрунов: Константин Николаевич, эксперты полагают, что пандемия нас неизбежно приведет к переформатированию рынка труда. Вы с ними согласны?

Корищенко: Мне кажется, сейчас ответ на этот вопрос уже получен. Если до этого кризиса, до пандемии еще можно было считать некоторые тренды экспериментальными, то теперь они превратились в реальность. И у этой реальности есть целый ряд последствий. И, как ни странно, экономические последствия не являются, пожалуй, самыми главными. Наиболее важными являются последствия социальные и, если хотите, политические, и психологические тоже. Но всё-таки я бы хотел начать с экономических, потом мы можем перейти уже ко всем остальным. Если посмотреть на затратную часть практически любой компании, то мы увидим, что статьи расходов этой компании в основном связаны либо с заработной платой, либо с арендой офисов, либо с различного рода использованием средств связи, доставки, сервиса и так далее. И при переходе на удаленную работу, а фактически этот вынужденный эксперимент сегодня на себе провели все без исключения, я думаю, экономики мира, может быть, всё-таки за исключением Швеции и еще двух-трех стран, выяснилось, что переход на этот режим приводит к серьезной экономии на затратах.

Более того, помимо того, что эта экономия связана с тем, что вы не то чтобы не платите за аренду — вы можете не платить за аренду, если вы не будете пользоваться офисом, но вы еще и получаете возможность перестроить, скажем так, рабочие отношения, начиная от самого механизма этих отношений и заканчивая количеством людей, вовлеченных в процесс. Фактически в офисе есть, скажем так, вербальное, невербальное общение, есть некие устоявшиеся привычки и так далее. На удаленке эти неписанные правила фактически не работают. Вам нужно запланировать мероприятия, видеоконференции, переговоры, вам нужно обеспечить соответствующий обмен информацией с помощью почты или совместного использования облачных хранилищ и так далее, то есть работа на удаленке значительно более организована и значительно более, скажем так, связана с установленными процедурами. А в этих условиях выясняется, что часть сотрудников, которая участвовала в работе, вдруг из этого процесса выпала. И, собственно, одна из таких первых и не самых приятных реакций для работников со стороны работодателей, и сейчас это видно по интервью, по заявлениям, при удаленной работе сократить сотрудников. И получается, что для бизнеса, для менеджмента, в конечном счете и для акционеров, если мы говорим про акционерные компании, выгода становится уже не однократной, а многократной, то есть от того, что вы не платите за аренду, вы сокращаете затраты на персонал, вы сокращаете затраты, связанные, не знаю, с используемой бумагой, питанием и так далее, всем тем, что сопровождает офис. Поэтому компании, столкнувшиеся с этим режимом, выяснили, что экономически он достаточно привлекателен. И сейчас вместо разработки так называемого плана В, что делать с бизнесом, когда он вынужден уехать из офиса, когда офис недоступен, это превращается в план А, когда компании рассматривают этот вариант уже как главный.

И вот здесь можно говорить уже о других последствиях, которые вытекают из этого финансово-экономически мотивированного решения руководителей бизнеса.

Бодрунов: А социальные последствия какие могут быть?

Корищенко: Давайте мы начнем со второго последствия. Мне кажется, это всё-таки психологические проблемы.

Бодрунов: Да, давайте посмотрим.

Корищенко: Мы понимаем, что мы все разные. И, работая в офисе, мы выстраиваем свои взаимоотношения с нашими коллегами не только на основании того, что мы принимаем какие-то правильные решения, готовим какие-то хорошие документы, делаем какие-то рациональные предложения и доклады, но в том числе выстраиваем личные отношения, пользуемся так называемой харизмой, и, в общем, есть люди, про которых мы говорим, вот с ним приятно работать, а вот с ним — неприятно. И на основании того, что с кем-то приятно, а с кем-то неприятно, выясняется, что часть людей, может быть, не являющихся самыми, так сказать, эффективными сотрудниками, удерживается в коллективе. Про них говорят: может быть, он, конечно, не такой уж профессионал, но человек хороший. Вот это всё, скорее всего, на удаленке исчезает. Потому что воспользоваться своими психологическими преимуществами, эмоциональным воздействием на других людей на удаленной работе значительно сложнее. И на передний план выходят люди, если хотите, сухие, дисциплинированные, организованные, способные делать всё, что нужно, может быть, не более того, но в четко установленных рамках, в четко выраженной форме. То есть, если хотите, люди, чем-то похожие на роботов. И я вот вспоминал в одном разговоре, что, занимаясь в детстве очень активно шахматами и даже мечтая о том, чтобы стать гроссмейстером, я практически расстался с этой мечтой в тот момент, когда компьютерная программа Deep Blue обыграла Каспарова. С того момента я к шахматам полностью остыл. И вот я боюсь или предполагаю, что в отношении целого ряда видов деятельности исчезновение человеческого фактора, когда алгоритм, программа, процедура могут заменить человека и, собственно, это единственное, что требуется, очень сильно будет воздействовать на нас, на людей, привыкших всё-таки работу рассматривать не только как работу, но и как разновидность просто человеческого общения и, если хотите, социализации. Поэтому психологический фактор будет очень сильно менять наш режим как работы, так и жизни. И дальше можем переходить уже к социальным последствиям.

Бодрунов: Да, нас это очень интересует, конечно.

Корищенко: Социальные последствия, с моей точки зрения, связаны с одним экспериментом, который, так получилось, по времени совпал с этой работой на удаленке. Это так называемый безусловный базовый доход, о котором говорили в последние, не знаю, 3–5 лет очень активно, но практически нигде не были готовы вводить его. А вот сейчас мы видим, что та социальная помощь, которая фактически предоставляется государством людям, является разновидностью этого безусловного базового дохода.

Бодрунов: Во всяком случае, очень похоже на это.

Корищенко: Да. И если мы это совместим с тем, что в производственном процессе возможно высвобождение ощутимого количества рабочих рук за счет автоматизации, потому что удаленная работа связана со значительно лучшей автоматизацией, чем работа из офиса, — там всё жестко регламентировано, без этой жесткой регламентации на удаленке работать сложно. Соответственно, это позволит вводить те или иные алгоритмы, и вот я очень хорошо помню, поскольку застал, как в финансовых институтах сначала трейдеры были, что называется, королями, про них ходили легенды, они делали огромные деньги для себя и для других, правда, некоторые проигрывали огромные деньги. А уже лет как, наверное, 10 мы видим, что человеческих трейдеров практически не осталось.

Бодрунов: Да, роботы.

Корищенко: На большинстве бирж, по статистике, больше 80% оборота генерируется роботами. И точно так же, как еще, там, лет 10-15 назад в любом крупном финансовом институте, я вот ходил на всякие экскурсии и в Нью-Йорке, и в Лондоне, и видел эти залы, заполненные людьми...

Бодрунов: Вы были заместителем председателя Центробанка...

Корищенко: Торговые залы были заполнены людьми, этими трейдерами, то сейчас даже без всякой пандемии эти залы существенно опустели. Мы можем увидеть похожую картину и в наших офисах. И отсюда возникает серьезный социальный вопрос: если значительное количество людей, даже получая, в общем, достаточно хорошую компенсацию в виде безусловного базового дохода, вдруг окажется в ситуации, когда ему или ей в возрасте 30–50 лет скажут, дорогой или дорогая, ты очень хороший, правильный человек, поэтому у тебя всё будет нормально, у тебя будут деньги на более-менее нормальную жизнь, ты только не ходи на работу. В каком-то смысле кто-то когда-то об этом мечтал, и разные социалистические, коммунистические идеи были с этим связаны. Но реально это большая потенциальная социальная проблема. Переход на удаленную работу и алгоритмизация рабочих процессов, высвобождение какого-то количества людей, при том что далеко не каждый сможет переqualificироваться — это будет или может стать серьезной социальной проблемой. И каким образом вовлечь в социальную и производственную, если хотите, жизнь тех людей, которые окажутся в такой ситуации. Вторым фактором является проблема, которая, на самом деле, в новой ситуации оказывается, скорее, даже не проблемой, а, наоборот, преимуществом — выход на пенсию

и активное участие человека, который уже имеет пенсионный возраст, в производственном процессе. Поэтому, я думаю, этот переход на дистанционную работу, он еще за собой повлечет серьезный пересмотр ситуации вообще с пенсионной системой, пенсионным обеспечением, участием пенсионеров в работе.

Бодрунов: Вы развернули такую многоплановую картину изменения не просто рынка труда, но всей нашей жизни. Мы попросили проректора Российской экономической школы Максима Вячеславовича Буева поделиться своим мнением по этому поводу, какие изменения на рынке труда видит он.

Максим Вячеславович Буев:

Я бы выделил пять основных трендов. Первое — это географическая релокация работ, поскольку во многом, что уйдет в онлайн, так или иначе появится реальная конкуренция между работниками в разных странах. Теперь не обязательно айтишнику, условно, ехать на работу в Лондон. Он может сидеть в Москве или Новосибирске и получить работу в Лондоне.

Второй тренд — рынок труда станет более гибким. Это означает, что чаще станут использовать временные контракты или частичную занятость, неполную неделю и так далее.

Дальше — секторный сдвиг. Пандемия в первую очередь

ударил по туризму, сервисной индустрии, путешествиям, покупкам, развитию больших торговых центров. Вот из этой всей части экономики, которая сейчас схлопнулась и не восстановится полностью — по всему миру все говорят, что минимум 30% из этих бизнесов не выживут, — перейдет сдвиг к новым вещам вроде телемедицины, развития логистики, автоматизации работ, онлайн-сервиса, доставок, дистанционного обучения и так далее.

Четвертый тренд — это трансформация рынка труда в плане возраста. И как мы это на собственном опыте знаем, люди за 50 оказываются уязвимой группой, их чаще увольняют, им чаще

срезают зарплату. И то же самое происходит уже сейчас по всему миру: и в Америке, и в России, и где угодно. Это негативное влияние. Но если вы работаете онлайн и происходит массовый сдвиг в работе на удаленку, то в общем-то не важно, какого вы возраста, если вы по другую сторону компьютерного экрана сидите.

И последний тренд — это трансформация навыков. Онлайн-работа потребует совершенно новых навыков для людей, которые как бы откладывали глубокое изучение работы на компьютере, многим придется освоить и азы программирования, и сложные программы. И это больше нельзя откладывать.

Бодрунов: Я бы коснулся чуть-чуть другой темы. Мы под всю нашу сегодняшнюю жизнь выстраиваем свое рабочее время и многие другие вещи, связанные с занятостью. А что будет вот с этими всеми аспектами трудового законодательства?

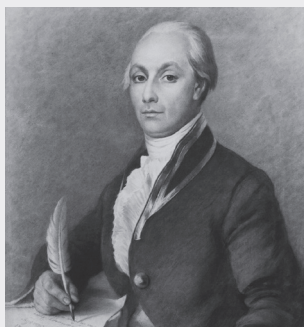
Корищенко: Начнем с, может быть, немножечко курьезных историй, но в последние два месяца очень большой популярностью в Калифорнии, в Кремниевой долине пользуются два стартапа программистов, создавших программное обеспечение, которое подключается к камерам в офисе и измеряет концентрацию людей в том или ином месте, именно концентрацию, то есть сколько людей приходится на квадратный метр. Если количество людей, концентрация превосходит определенный предел, то идет сигнал, что есть нарушение. То есть, на самом деле, регулирование, о котором вы говорите, в период пандемии, а не после нее, сейчас, скажем так, требует отслеживать концентрацию людей в одном месте, в компаниях требуется установление соответствующих перегородок. Сейчас, не в будущем, эти изменения в контексте организации труда уже происходят.

Если мы говорим о рабочей неделе, то опять все те, кто учился еще в Советском Союзе помнят, как во времена Ленина, РСДРП и так далее рабочий класс боролся за шестидневную рабочую неделю. Все, кто учился во второй половине XX века, помнят, как школа переходила на пятидневку, как родители тоже имели свою пятидневку. То есть изменение самой рабочей недели за последние 100 лет происходило кардинальнейшим образом. Вот сейчас мы пришли, наверное, к тому, что само понятие рабочей недели, возможно, просто или исчезнет, или будет как-то сильно переформатировано. Потому что очень многие работодатели сейчас и официально, и неофициально заявляют, что не видят смысла пяти дней в неделю по восемь часов человека держать в офисе. Есть высказывания, что из 40 часов, которые человек сидит в офисе, половину этого времени он там, извините за выражение, не нужен.

Бодрунов: У нас в Вольном экономическом обществе России мы не далее как на днях обсуждали очередной вариант, как нам дальше жить и работать. Пришли к убеждению, что идея расширения площадей, которые можно было бы использовать, устаревает, потому что многие работники могут свою работу выполнять удаленно, и, что показала пандемия, общество работало, практически не выходя в офис. И при этом мы и провели научные конференции, и провели массу мероприятий и плановых, и внеплановых, и сверхплановых, и книги издавались, и всё, что необходимо, делалось практически без выхода в офис. Так что это действительно живой пример вопроса проблемы труда, трудового законодательства, условий труда.

Эти проблемы всегда волновали наше Вольное экономическое общество. В этом году нам — 255 лет. Это одна из старейших организаций в России, ну и, пожалуй, наверное,

одна из старейших в мире. Сегодня я предлагаю вспомнить об Александре Радищеве. Александр Николаевич Радищев — член Императорского Вольного экономического общества, прозаик, поэт, философ, мы знаем его по «Путешествию из Петербурга в Москву». Но мало кто знает, что он был де-факто руководителем Петербургской таможни, а также участником комиссии по составлению законов при Александре Первом. Александр Николаевич Радищев также был в свои непростые времена человеком, который ставил вопросы улучшения условий труда, внес немалый вклад в становление трудового законодательства того времени.

Поэт и философ Александр Николаевич был образованнейшим человеком своего времени. В числе лучших учеников Пажеского корпуса он был отправлен в Лейпцигский университет, где получил блестящее образование. Вернувшись на родину, Радищев поступил на государственную службу в Сенате, где познакомился с делами о злоупотреблениях и жестокости помещиков. Эти страшные материалы раскрыли ему глаза на жизнь народа в России. В 1765 году в Петербурге было основано Императорское Вольное экономическое общество, которое ставило перед собой цель — развитие и улучшение сельского хозяйства в России.

Александр Николаевич Радищев

Обществом был объявлен конкурс на лучшее сочинение на тему «Что полезнее для общества, чтобы крестьянин имел в собственность землю или токмо движимое имение. И сколь далеко его права на то или иное имение простираются должны». Радищев, как и членов общества, в деятельности которого он принимал живое участие, волновал вопрос о положении крестьян в России. Он обосновывал экономическую несостоятельность крепостного труда. Крестьяне обрабатывают чужую землю, что лишает их стимулов к труду. Именно он, просвещенный писатель, встал на защиту простого народа, заговорил от его лица. В книге «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищев описал бедствия крепостных крестьян, виденные им на пути, и злоупотребления, и грабежи чиновников. Зная, что ему не позволят опубликовать эту книгу, он напечатал ее в своей потайной типографии и распространил. Императрица гне-

валась. Она называла автора «Путешествия» бунтовщиком хуже Пугачева. За книгу, разрушающую покой общественный, Уголовная палата лишила писателя чинов и дворянства и вынесла Радищеву смертный приговор, который был впоследствии заменен императрицей на ссылку в Сибирь. Простил Радищев император Павел. Он позволил писателю вернуться и жить под надзором в имении под Москвой. А еще через три года император Александр Первый воплотил в жизнь мечту Радищева о работе. Писатель был назначен членом Комиссии по составлению законов. Он был рад благородной задаче — исправлять законы и составлять новые. Радищев получил возможность продолжать ту борьбу, которую начал молодым человеком, взявшись за перо, чтобы написать свою обличительную книгу. Перед смертью Радищев сказал: потомство за меня отомстит. Возможно, он рассматривал свою смерть как завершающий акт борьбы.

Бодрунов: Я думаю, что в завершение мы можем поговорить еще о том, что сегодня возникла ситуация, которая позволяет людям, уходя из рынка труда, находить себя заново, ведь эта проблема очень острая, и это проблема, я бы сказал, не столько даже безработицы, сколько неприкаянности.

Корищенко: В Советском Союзе были такие люди, которых называли тунеядцами.

Бодрунов: Да. Вот известный поэт Бродский, недавно был юбилей...

Корищенко: Я как раз и хотел сказать, что в новой ситуации — это не про тунеядство, это не про то, что человек хочет или не хочет работать, или уваливает и так далее. В новой ситуации, скорее, речь идет о том, что из трех основных элементов капитала, то есть промышленного, финансового и человеческого, в новом, современном мире человеческий капитал становится ключевым. И, собственно, это, по сути, единственный капитал, который человеку дается, что называется, даром, по факту рождения.

И вот задача развития этого капитала, с тем, чтобы потом с этим капиталом, как говорится, пройти по всей жизни и не оказаться вне тех процессов, которые будут развиваться, — это, по-моему, самая важная на сегодня задача. И вот тут мы подходим к еще одной большой теме, которой, я думаю, нужно посвятить отдельный разговор, — это проблема обучения. Я могу привести пример со своими студентами. Я вижу достаточно часто такую интересную реакцию. Когда задаешь человеку вопрос, мой студент, который сдает мне экзамен, говорит: вы мне скажите, из каких вариантов выбрать, я выберу.

Бодрунов: Я могу сказать, что я с этим сталкивался еще 10–15 лет назад во время обучения за рубежом, где предлагался набор ответов и надо было выбирать. И мне тогда уже это, честно говоря, не нравилось, потому что ответы гораздо шире могут быть и могут быть совершенно иные, чем в этих вариантах, потому что не факт, что из этих вариантов что-то верное есть. В конце концов, у меня может быть другое представление. Это абсолютно не творческий процесс, ничему толком не обучающий. Это просто, как я полагал, начётничество. И сегодня это распространенная вещь: многие подобные вещи ругают, например, ЕГЭ именно по такой причине, что да, в какой-то мере это начётничество. Наверное, здесь надо искать компромисс.

Корищенко: На самом деле, этот процесс развивается именно так во многом потому, что это быстрее, эффективнее, дешевле и считается менее, так сказать, коррупционным. Но, мне кажется, что это требует отдельной дискуссии, я не предлагаю ее сейчас затевать. Но вот удаленная работа, переход на этот новый режим, он просто еще более остро ставит вопрос о том, а кто будет тот новый специалист, который вот в этом удаленном режиме будет у нас работать.

Бодрунов: Да, вы подняли огромный пласт вопросов и проблем, которые стоит обсуждать, и еще, видимо, мы к этой теме будем возвращаться. Сегодня происходят изменения в трудовой сфере, которые влияют на нашу жизнь в целом, и мне кажется, что мы еще далеко не всё разгадали, не всё еще ощутили, что называется, на своей шкуре. Первые шаги какие-то, да, мы начинаем делать, но не факт, что наша реакция на эти изменения сегодня адекватная. Мы должны еще очень много и серьезно думать и извлекать уроки из этой пандемической ситуации. Я благодарю Вас, Константин Николаевич, за то, что Вы поделились своим видением текущей ситуации. Всего доброго и до новых встреч.

СОБЕСЕДНИКИ

*Алексей Леонидович Ведев,
заведующий лабораторией
финансовых исследований Института
имени Е. Т. Гайдара,
д. э. н.*

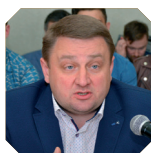
*Дмитрий Евгеньевич Сорокин,
вице-президент
Вольного экономического общества России, руководитель
департамента
экономической теории Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
член-корреспондент Российской академии наук*

КАК СПАСТИ РОССИЙСКУЮ ЭКОНОМИКУ?

Конечно, это утрирование — говорить о том, что нашу экономику надо спасать, но ситуация действительно, мягко говоря, непростая и в связи с пандемией, и в связи с тем, что очередной, очень сложный, глубокий экономический кризис поразил мир и, естественно, не обошел стороной и российскую экономическую систему. В дискуссии анализируются задачи по восстановлению экономики и национальный план, который на это направлен.

По материалам программы «Дом Э», ОТР, 12 сентября 2020 г.

Роман Сергеевич Голов,

член Президиума Вольного экономического общества России, заведующий кафедрой «Менеджмент и маркетинг высокотехнологичных отраслей промышленности» МАИ, член экспертного совета по высшему образованию при Комитете Государственной Думы по образованию и науке, главный редактор журнала «Экономика и управление в машиностроении», д. э. н., профессор

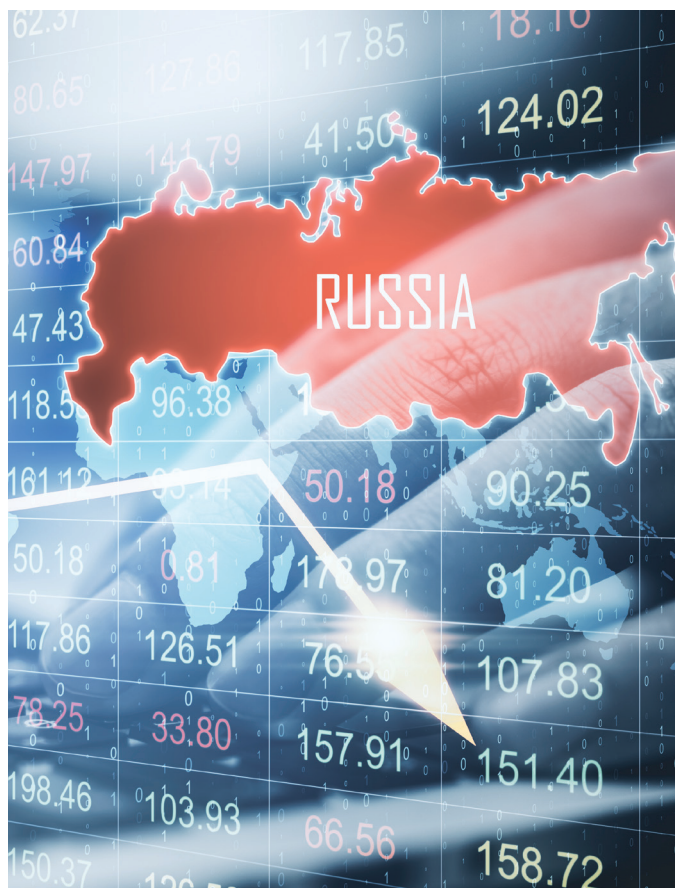

Сергей Дмитриевич Бодрунов,

президент ВЭО России, президент Международного союза экономистов, директор ИНИР им. С. Ю. Витте, д. э. н., профессор

Бодрунов: Алексей Леонидович, в правительственном плане восстановления экономики не только стабилизировать ситуацию, но и поддержать граждан, предприятия, бизнес на этапе выхода из кризиса, добиться долгосрочных структурных изменений в экономике. И понятно, что есть определенные этапы этого плана. Скажите, вы анализировали то, что получилось на выходе?

Ведев: Я принимал небольшое участие в создании этого плана, достаточно много его анализировал и в общем критиковал отчасти. Чем мне этот план нравится — мы имеем сейчас в виду план по состоянию на 30 июля, который озвучен председателем правительства Мишустиним, и он пока особых изменений не претерпел. Этот план мне понравился тем, что там содержится достаточно большое количество разнообразных мероприятий. И это важно. То есть это не только финансирование экономики. Это и налоговые каникулы, и отсрочки — совершенно разнообразные меры, которые, на мой взгляд, очень полезны, и я думаю, что очень важно мониторить, насколько эффективны будут какие-то из мер и неэффективны другие.

Теперь, что мне не понравилось. У нас черные лебеди прилетели в этом году. И вот этих черных лебедей я бы всё-таки разделил на две стаи, потому что они разные. Один черный лебедь — это коронавирус. Это на самом деле форс-мажорное обстоятельство. Это означает, что просто у нас есть кризис, мы упали вниз и за это кто-то должен заплатить. Лучше, конечно, если это произойдет из общественных денег. Потому что у нас источники — это либо государство, либо бизнес, либо домашние хозяйства, население.

Бодрунов: Собственно, других источников и не существует.

Ведев: Да, других у нас нет. Поэтому коль скоро это форс-мажор, то лучше, конечно, это компенсировать из каких-то накоплений, из государственных денег. В этом плане, я считаю, достаточно компромиссная вот эта программа восстановления, потому что она дает и отсрочки, и льготы, то есть она как-то смягчает последствия, по сравнению с Америкой и с Германией, которые просто колоссальные деньги тратят напрямую.

Вторая стая лебедей — это, первое, падение цен на нефть и, второе, снижение темпов роста мировой экономики и, соответственно, снижение спроса на продукцию российского экспорта. И третья проблема, которая на самом деле от нас никуда не ушла и по которой велась дискуссия осенью 2019 года, это низкие темпы роста ВВП. И как только мы восстановим нашу экономику — имеется в виду, выйдем на уровень 2019 года, — эта проблема выхода на траекторию устойчивого роста от нас никуда не уйдет. И с этой точки зрения, я считаю, основной недостаток в правительственном плане восстановления экономики в том, что необходимо разделить меры на две категории. Первые — это меры восстановления, которые потом будут сняты. И вторые — это меры стимулирования. Это разные вещи. Вот я, например, не верю, что черный лебедь коронавируса принесет структурные изменения в экономику. Может быть, они могут возникнуть из-за того, что население будет более осторожным, только с этой точки зрения, потому что никаких других стимулов для реструктуризации экономики я, честно говоря, не вижу.

Бодрунов: Если смотреть на план восстановления экономики, в какой-то мере можно согласиться, потому что он осторожный, и очень хорошо, что там есть много комплексных вещей, которые позволяют сделать более эффективными финансовые вливания. Но при этом нет направленности на более или менее стремительный взлет после того, как экономика восстановится. Там, помните, стабилизация ситуации конца 2020-го, дальше — восстановление с начала 2021 года, потом переход к устойчивому росту, но это не значит, что к стремительному, быстрому росту. С одной стороны, понятно, почему так. Потому что предсказать, что будет дальше, как ситуация в мировой экономике будет развиваться в ближайшие месяц, два, три, пять, шесть мы не можем, потому что тот самый черный лебедь под названием «коронавирус» продолжает хлопать крыльями. И кто его знает, будет ли вторая волна, будет ли третья волна, будет ли он мутировать, будет ли он влиять дальше на принятие решений людьми, работать — не работать, бизнесу инвестировать — не инвестировать: вся наша экономическая

жизнь от многих вещей зависит. А решения государства общество ждет, решение принимать надо. Поэтому, конечно, осторожность тут понятно, откуда проистекает. Но, с другой стороны, кризис — это всё-таки возможности. Возможности хотелось бы предусмотреть, чтобы всё-таки они могли нам позволить куда-то пойти чуть-чуть быстрее, чем просто черепашью шагом. Вы знаете, риски — тоже очень важная вещь. Кто не рискует, как говорится в известной поговорке, тот не пьет шампанское. Хотелось бы, чтобы это шампанское в нашу экономику пришло хотя бы в 2020-х годах. Так вот, стоит ли в этих условиях ждать от реализации этого плана особых результатов в каких-то, может быть, областях, отраслях, может быть, сенсационных результатов? Или мы всё-таки замерли и сидим, ждем?

Ведев: Я думаю, что замерли и сидим, ждем. И здесь я еще хотел бы на одной проблеме остановиться. Это проблема статистики и краткосрочного прогнозирования. И вот здесь, конечно, у меня очень много вопросов есть, которые требуют ответов. Потому что, я считаю, это крайне важная проблема, мы должны правильно диагностировать у больного температуру, показатели крови и так далее для того, чтобы эффективно применять какие-то действия. Сейчас, по оценкам, в этом году российская экономика сократится на 4–4,5%, тогда как прогнозы падения американской и европейской экономик находятся на уровне 12–20%. Скорее всего, этот прогноз строится, исходя из положения крупных и средних предприятий. Малый бизнес у нас, скорее всего, будет досчитываться какими-то коэффициентами в середине 2021 года. То есть у нас есть картина, что всё хорошо. Но в эту картину мало кто верит. При этом если у нас, грубо говоря, 100 триллионов ВВП, то падение на 4% — это 4 триллиона, которые вполне укладываются в компенсации правительственного плана — и как бы проблемы нет.

Но, скорее всего, может возникнуть такая ситуация, она уже как раз структурная, когда всё компенсируется крупным и средним предприятиям, которые, в общем, и так стоят на ногах, а малый бизнес, естественно, подсядет. С каждым кризисом у нас доля государства растет. И у многих есть понимание, что одна из ключевых задач обеспечения темпа роста — это, конечно, приватизация, это снижение доли государства, снижение доли больших государственных, неповоротливых, низкоэффективных компаний, которых достаточно много. Но ситуация сейчас складывается таким образом, что у нас позиции госбанков усиливаются, позиции госкорпораций усиливаются и, в общем, во многом план направлен на их поддержку.

Бодрунов: Вы знаете, вот этот тренд укладывается в общее понимание ситуации, которую я считал бы не особенно перспективной, но на коротком промежутке времени вроде бы понятной. Вероятно, правительство исходит из того, что надо стабилизировать ситуацию, устойчиво повышать темпы и в связи с этим убирать моменты, которые могут вызывать какие-то флюктуации. Поэтому давайте больше государственного контроля над банковской системой, больше государственного контроля в экономике в целом, в промышленности, в частности, особенно в инфраструктурных секторах и так далее и тому подобное. С одной стороны, да, в этом что-то есть. При этом часто кивают на Китай и говорят, посмотрите, крупнейшие китайские корпорации — они все государственные. Но я могу сказать, что там мощнейший негосударственный сектор, и это как бы вторая нога, на которой развивается экономика Китая. Эта вторая нога позволяет не стоять, а ходить. Вот эту вторую ногу, то есть негосударственный сектор, тоже стоило бы, конечно, стимулировать. При том что к государству в кризисной ситуации мы всегда обращаемся, но обращаемся поневоле, потому что этой второй ноги нет.

Ведев: Я активно работал, еще в Министерстве экономического развития, с Центром стратегических разработок, и мы готовили свои предложения по выходу на траекторию роста. Большая часть этих предложений не была принята. И вот в данном контексте, мне кажется, эти предложения должны сейчас учитываться с точки зрения дальнейшего восстановления. Потому что, по моему прогнозу, мы на уровень 2019 года выйдем в конце 2022-го — начале 2023 года. То есть у нас типичный затяжной кризис. И никакого быстрого отскока я не жду, ну, в силу даже и внешней ситуации, не только внутренней, плюс изменение модели поведения населения на очень осторожное и так далее. То есть кризис такой вязкий.

Бодрунов: Да, не только бизнес осторожничает в этой ситуации, не только правительство осторожничает, но и население, потому что, с одной стороны, нет уверенности в том, что будет дальше, с другой — люди не уверены в дальнейшем экономическом положении. Идет сокращение доходов, это раз, уже вот Минэкономразвития объявило, что доходы упали на 8%. При том что за предыдущие пять лет на 5% снижение было. И меры правительства должны были бы содержать в том числе и решения, направленные на продвижение вперед, на развитие. Это придало бы оптимизма и бизнесу, и населению. Поэтому, мне кажется, что при следующих корректировках планов необходимо будет при первых же признаках, условно говоря, стабилизации вот эту направленность показать. И, может быть, какие-то средства, реальные средства, у нас есть определенные резервы, всё-таки на это направлять.

Ведев: Первые признаки стабилизации уже появились...

Бодрунов: Да.

Ведев: Валютный резерв у нас превысил 600 миллиардов долларов — тоже странный рекорд...

Бодрунов: Несмотря на эту сложную ситуацию.

Ведев: Да, несмотря на черный день — странный рекорд. И что, наверное, тоже важно, по сравнению с осенью 2019 года, сблизилась существенно позиции экономических министерств. Вы помните, что Министерство финансов настаивало на профицитном бюджете. А это означало, что Министерство финансов собиралось больше изымать денег, чем тратить. Соответственно, Центральный банк настаивал на 2–3% реальных ставок, сейчас, конечно, говорят о нулевых уже. То есть тоже уже совершенно изменилась риторика в сторону стимулирующей политики, что, наверное, тоже достаточно важно, и бюджетной, и кредитно-денежной. А Министерство экономического развития, за что бы я их похвалил, предложило комплекс разнообразных мер по регулированию экономики. Как всё это работает, неизвестно, потому что ключевые вопросы пока не содержатся в плане.

Бодрунов: Алексей Леонидович, как Вы оцениваете мероприятия плана с точки зрения заложенных расходов? Я вот смотрю: Европа тратит около 10% ВВП, у нас по всем оценкам, которые есть, это примерно вдвое меньше. Скажите, а достаточно ли будет этих средств для того, чтобы хотя бы если не стабилизировать экономику, то решить первоочередные задачи?

Ведев: А этого пока никто не знает. Но оптимизм у меня состоит в том, что я вижу потенциальную готовность правительства увеличивать эти расходы. И как раз увеличивать расходы прямые и комбинировать меры поддержки, то есть, может быть, какие-то там налоговые каникулы продлить на третий-четвертый квартал. Я думаю, что такие меры будут оперативно рассматриваться. После анализа того, насколько эффективно каждая мера работает.

Бодрунов: Может быть, тогда надо рассматривать эту ситуацию с расходами следующим образом: не полагать, что 5%, условно говоря, нашего ВВП мы отрядили и всё, и больше ничего. А рассматривать как некий такой первый уверенный шаг, что вот эти деньги мы тратим сейчас, а есть сейчас и другие задачи, мы с вами об этом только что гово-

рили, на которые потребуются новые деньги. И здесь уже ничего не сократить, как говорится, ни убавить, ни прибавить. Недавно президент дал поручение, и, наверное, это очень логичное поручение, переформатировать национальные проекты. Сменилось правительство, появились очень активные надежды, что, да, всё, жизнь пошла, и тут, пожалуйста, помните, как в известном фильме, вторая смена, опять лебеди прилетели. Поэтому логично, что дали поручение их переформатировать. Однако мы думаем теперь, как же это сделать с учетом национального плана восстановления экономики, с учетом необходимости разогнать экономику дальше и с учетом того, что по срокам цели национального развития должны быть достигнуты в те же самые сроки, что и раньше. Вот каким это переформатирование могло бы быть?

Ведев: Все как бы недопонимают частично ключевую задачу нацпроектов. 27 триллионов рублей на нацпроекты казалось много на шесть лет. Но в год это 3–4 триллиона. А инвестиции в основной капитал — 20–21 триллион,кратно выше. И основная задача нацпроектов, на мой взгляд, была в том, чтобы быть мультипликатором, стимулировать частные и другие инвестиции. Думать, что нацпроекты решат проблемы, неправильно. Там просто нет денег, чтобы решить все проблемы. Я думаю, что нацпроекты, как и инфраструктурные проекты, они должны пойти на важнейшие направления, может быть, наиболее рискованные, может быть, наименее, но при этом важнейшие и наименее окупаемые — то, на что должны тратиться общественные деньги. Например, дороги, как правило, всегда общественные, а не частные.

Бодрунов: Да, и условия нашего достаточно мощного бизнеса таковы, что только государство может быть драйвером и главным финансовым агентом, который и свои деньги потратит, и привлечет частные деньги на эту государственную задачу. Таких средств, как американский бюджет, мы не имеем ни в бюджете, ни у частного сектора, поэтому необходимо выбирать, на что потратить. Вы абсолютно точно заметили, что национальный проект — это не панацея, это триггер. Представьте себе, я — предприниматель. Мне нужна надежда, как предпринимателю, мне нужно понимание, куда лучше инвестировать. Мне нужно понимание общеэкономической ситуации, предметной ситуации. Если мы говорим о том, чтобы вернуться к задаче пойти дальше, чем 3% роста, то этой цели можно достигнуть только тогда, когда надежда у людей воскреснет, появится уверенность в том, что мы правильно инвестируем. А правильно — значит, и экономика растет, и я инвестирую в правильную отрасль. И здесь бизнес будет задавать такие

вопросы: а что государство думает по поводу национальных проектов, куда оно смотрит, на что обращает внимание? И возможно, там будут инвестиции, возможно, там будет какая-то поддержка, может быть, там будут какие-то льготы и так далее и тому подобное. Как на это смотрите?

Ведев: Сейчас я сделаю короткое замечание по поводу роста. Хотелось бы напомнить, что с 2008-го по 2019 год у нас средний темп роста...

Бодрунов: 1%.

Ведев: 0,8. А с учетом 2020-го будет еще ниже. Поэтому, когда мы говорим о выходе на 3% роста, вы представляете, у нас задача — пятикратно увеличить темпы роста.

Бодрунов: Да. А что делать...

Ведев: Да. Надо понимать, что это задача-то сложная. С точки зрения государства, я думаю, что, наверное, есть четкое понимание, что драйверами роста будут вклады в человеческий капитал...

Бодрунов: В первую очередь.

Ведев: В первую очередь. Я думаю, что успехи по созданию вакцины будут дополнительным стимулом для того, чтобы увеличить вложения в образование, здравоохранение и так далее. Я не люблю кампанейщину, но у нас, вы помните, была и биотехнология, потом и нанотехнология, сейчас цифровая экономика. Но объективно это, в общем, неплохая цель, в которую можно инвестировать, можно давать им льготы, создавать условия для роста IT-компаний. Я не жду никакого революционного реформирования нацпроектов. Но, без сомнения, будет учитываться то, что ряд отраслей пострадали сильно, вся добыча у нас переходит в другую ценовую категорию, и коридор 45–55 долларов за баррель — это надолго, и все остальные, связанные с этим цены, я имею в виду и газ, и всё, что с этим связано. То есть определенная новая реальность появляется. И то, что потенциально будет снижаться спрос на товары российского экспорта, сырьевой, внешний спрос, — это тоже реальность.

Бодрунов: Это объективная ситуация, да.

Ведев: И конечно, нужны тоже какие-то деньги, видимо, на реформирование этих отраслей. У нас добыча в июле на 15% упала.

Бодрунов: Да, и это не только из-за сделки ОПЕК+, сделка тоже не просто так родилась.

Ведев: Спрос падает, конечно.

Бодрунов: Да, мировой спрос падает на энергетические ресурсы. И я хотел бы предложить послушать мнение еще одного нашего эксперта — Дмитрия Евгеньевича Сорокина, и еще один эксперт у нас из авиационной отрасли — Роман Сергеевич Голов.

Роман Сергеевич Голов:

В качестве основного драйвера мы рассматриваем, безусловно, реиндустриализацию экономики. Дело в том, что еще со времен Советского Союза у нас сформирован солидный задел. И задача наша, как экономистов, постараться этот задел эффективно использовать. Эта реиндустриализация должна быть основа-

на на 5-м и 6-м технологических укладах. К сожалению, в настоящее время доля вот этих технологических укладов, 5-го и 6-го уровня, в российской экономике недостаточно высока. Вторым драйвером, который можно рассмотреть, является цифровизация российской экономики. Процесс цифровизации уже достаточно

длительное время происходит. И пандемия послужила своего рода еще одним импульсом, толчком для активизации процесса цифровизации экономики во всех сферах. И третий драйвер, который, на мой взгляд, тоже достаточно важен и актуален, — это повышение энергоэффективности экономики.

Дмитрий Евгеньевич Сорокин:

Тут надо говорить о драйверах, которые преодолеют стагнацию, что гораздо сложнее, потому что по науке легче из кризиса выходить, чем выходить из стагнации. Правильно сейчас говорят, что для того, чтобы решить задачи, которые стоят перед экономикой, нужно прежде всего ее техническое перевооружение. Это говорят не первый год, вся

наша история об этом говорит: Пётр Первый, Столыпин, Витте, ГОЭЛРО столетие отмечает в этом году — это все рывки технологического перевооружения. Не случайно известный майский указ президента начинается со слов о том, что нам необходим технологический прорыв. Я еще раз говорю, у нас всё для этого есть. Но есть еще

четвертый фактор — фактор доверия и фактор честности. Это не экономическая проблема, это широкая общественно-экономическая проблема, включить ее за полгода, за год невозможно. Но без нее, без этого фактора — фактора честности и доверия — никакие другие драйверы не сработают. Это доказано и историей России, и других стран.

Бодрунов: Как видите, мнения, в общем-то, разные, но в целом мы должны, наверное, сказать, что все ждем восстановления нашей экономики, надеемся на то, что она будет в ближайшие годы стабилизирована на хорошем уровне и продолжит рост, потому что рост экономики — это и доходы населения, это то, что можно вложить в человеческий капитал, в развитие, решение социальных задач. А это самое главное в целях национального развития, о которых говорил наш президент России и которые стоят сегодня перед нашим российским обществом. Я благодарю Вас, Алексей Леонидович, за участие в нашей беседе. Всего доброго и до новых встреч.

HOW CAN THE RUSSIAN ECONOMY BE SAVED?

Of course, it's an exaggeration – to say that our economy needs saving, but the situation is really difficult, to put it mildly, both in connection with the pandemic and due to the fact that another, very complex, deep economic crisis has hit the world and, of course, did not bypass the Russian economic system either. The discussion analyzes the tasks and the national plan of economic recovery.

Based on the TV show House E, OTR, September, 12, 2020

PANELISTS

Aleksey Leonidovich Vedev,
*Head of the Financial Research Laboratory
of the Gaidar Institute,
Doctor of Economics*

Dmitry Evgenievich Sorokin,
*Vice-President of the Free Economic Society of Russia, Head of
the Department of Economic Theory of the Financial University
under the Government of Russia, Corresponding Member of the
Russian Academy of Sciences*

Roman Sergeevich Golov,
*Member of the Presidium of the Free Economic Society of Russia,
Head of the Department of Management and Marketing of High-
Tech Industries of the MAI, Member of the Expert Council on
Higher Education under the State Duma Committee on
Education and Science, Editor-in-Chief of the journal
“Economics and Management in Mechanical Engineering”,
Doctor of Economics, Professor*

Sergey Dmitrievich Bodrunov,
*President of the VEO of Russia,
President of the International Union of Economists,
Director of the S.Yu. Witte INID,
Doctor of Economics, Professor*

A

Bodrunov: Alexey Leonidovich, the Government's plan is only about stabilizing the situation but also about supporting individuals, enterprises, and businesses at the stage of overcoming the crisis, achieving long-term structural changes in the economy. And it is clear that there are certain stages of this plan. Can you tell us if you have analyzed the results?

Vedev: I took a small part in creating this plan, analyzed it a lot and, in general, criticized it, in part. What I like about this plan, and we are now referring to the plan as of July 30, which was announced by Prime Minister Mishustin, and so far it has not been changed to any significant degree. I liked this plan because it contains a fairly large number of various activities. And it is important. It is not only about financing the economy. It also includes tax holidays and grace periods – completely different measures that, in my opinion, are very useful, and I think it is very important to monitor how effective some of the measures will be and how ineffective others will be.

Now the things I didn't like. We have black swans arriving this year. And I would still divide those black swans into two flocks, because they are different. One black swan is the coronavirus. It is, in fact, a force majeure circumstance. This means that we just have a crisis, we dropped down, and someone has to pay for it. Better, of course, if it comes from public money. Because our sources are either the state, businesses or households, the population.

Bodrunov: Actually, there are no other sources.

Vedev: Yes, we have no other sources. Therefore, since this is a force majeure, it is better, of course, to compensate for it from some savings, from public money. In this regard, I believe the recovery program is quite a compromise, because it provides both grace periods and benefits, i.e. it somehow mitigates the consequences, compared to America and Germany which simply spend colossal amounts of money directly.

The second flock of black swans is, firstly, a drop in oil prices, and, secondly, a slowdown in the growth of the global economy and, accordingly, a decrease in demand for Russian exports. And the third problem, which, in fact, has never left us and which was discussed in the fall of 2019, is the low GDP growth rate. And as soon as we restore our economy – I mean, when we reach the level of the year 2019 – the problem of entering the trajectory of sustainable growth will not go away. And from this point of view, I believe the main flaw in the government's economic recovery plan is that it is necessary to divide the measures into two categories. The first ones are recovery measures which will then go away. And the second ones are incentives. They are different. For example, I do not believe that the coronavirus black swan will bring any structural changes to the economy. Perhaps those changes will arise due to the fact that the population will be more cautious because, frankly, I do not see any other stimuli for restructuring the economy.

Bodrunov: If you look at the plan for economic recovery, to some extent you can agree, because it is cautious, and it is very good that there are many complex things that make it possible to make financial injections more effective. But at the same time, there is no focus on a more or less rapid take-off after the economy recovers. The plan has a stabilization of the situation by the end of the 20th, and then recovery at the beginning of 2021. Then a transition to sustainable growth, but this does not mean to rapid growth. On the one hand, it is clear why this is so. Because we cannot predict what will happen next, how the situation in the global economy will develop in the next month, two, three, five or six months, because that black swan called the coronavirus continues to flap its wings. And who knows if there will be a second wave, a third wave, if it will mutate, if it will further influence people's decision-making: to work or not to work, to invest in business or not to invest: our entire economic life depends on many things. And the society is waiting for a decision from the government, and such decision must be made. Therefore, of course it clear where the caution comes from. But, on the other hand, a crisis is still an opportunity. It would be nice to foresee those opportunities so that they could still allow us to proceed a little faster than just a snail's pace. You know, risks are also a very important thing. He who does not take risks, as the famous saying goes, does not drink champagne. I would

like this champagne to come to our economy at least by the 2020s. So, under these conditions, is it realistic to expect specific results from the implementation of this plan in any areas, industries, perhaps even sensational results? Or are we going nowhere or just sitting there and waiting?

Vedev: I think we just sit there and wait. And I would also like to draw your attention to a particular problem. It's the problem of statistics and short-term forecasting. And in this connection, of course, I have a lot of questions that need answers. Because, I believe, it is an extremely important problem: we must correctly measure the patient's temperature, blood counts and so on in order to effectively apply treatment. According to estimates, this year the Russian economy will contract by 4-4.5%, while the American and the European economies are predicted to contract by about 12-20%. Most likely, this forecast is based on the state of large and medium-sized enterprises. Russia's small businesses will most likely be additionally taken into account using some coefficients in mid-2021. That is, we have a picture that everything is fine. But few people believe in this picture. At the same time, if we have, roughly speaking, a 100 trillion worth of GDP, then a 4% drop equals 4 trillion, which is well within the compensation offered by the government plan – so there is no problem.

But, most likely, a situation may arise, and it is a structural one, when all compensation goes to large and medium-sized enterprises, which are well off anyway, and small businesses, of course, will suffer. With each crisis, the share of state-owned enterprises is growing in Russia. Many specialists understand that one of the key tasks of ensuring a high growth rate is, of course, privatization, i.e. a decrease in the presence of the state, a decrease in the number of large state-owned, clumsy, low-performing companies of which there are quite a few. But the situation is now developing in such a way that the positions of state-owned banks are strengthening in Russia, the positions of state-owned corporations are strengthening and, in general, the plan is largely aimed at supporting them.

Bodrunov: You know, this trend fits into the general understanding of the situation, which I would consider not particularly promising, although it seems to be understandable in the short term. Probably, the Government proceeds from the assumption that it is necessary to stabilize the situation, steadily increase the pace and, in this regard, remove anything that may cause fluctuations. Therefore, let's give more state control over the banking system, more state control over the economy as a whole, over industry, in particular, especially in the infrastructure sectors, and so on and so forth. On the one hand,

yes, there is something in this. At the same time, they often nod at China and say: look, the largest Chinese corporations – they are all state-owned. But I can say China also has a powerful non-government sector, and it is, as it were, the second leg on which the Chinese economy stands. This second leg allows them not only to stand, but to walk. This second leg, i.e. the non-government sector, should also be stimulated, of course. Granted, we always turn to the government in a crisis situation, but we do it perforce, because there is no second leg.

Vedev: Back in the day when I was an official with the Ministry of Economic Development I worked with the Center for Strategic Research, and we prepared our proposals for entering the growth trajectory. Most of those proposals were not accepted. And in this context, it seems to me that those proposals should now be taken into account in terms of further recovery. Because according to my forecast, we will reach the level of 2019 at the end of 2022 or at the beginning of 2023. We are experiencing a typical protracted crisis. And I don't expect any quick rebound, particularly due to the situation abroad, not only the domestic situation, plus a change in the behavior of the population which will become more cautious, and so on. This is a very sticky crisis.

Bodrunov: Yes, not only business is cautious in this situation, not only the government is cautious, but also the population, because, on the one hand, there is no certainty about what will happen next, on the other hand, people are not sure about the future economic situation. First, there has been a reduction in income, already the Ministry of Economic Development announced that incomes fell by 8%. Given the fact that there was a 5% decrease over the previous 5 years. And the Government measures should have included, among other things, decisions aimed at moving forward, at development. It would give optimism to both business and the population. Therefore, it seems to me that the next adjustments to the plans will need to show those decisions at the very first signs of stabilization. And, perhaps, we should allocate some funds to it, actual funds, we do have certain reserves.

Vedev: The first signs of stabilization have already appeared ...

Bodrunov: Yes, they have.

Vedev: Our foreign exchange reserves exceeded \$600 billion – also a bizarre record...

Bodrunov: In spite of the difficult situation.

Vedev: Yes, despite the rainy day – a bizarre record. And what is probably also important, compared to the fall of 2019, the positions of the economic ministries have become more alike. You will remember that the Ministry of Finance insisted on a surplus budget. This meant that the Ministry of Finance was going to extract more money than it was prepared to spend. Accordingly, the Central Bank insisted on 2-3% actual rates, now, of course, they are already talking about a zero percent rate. The rhetoric has also completely changed in favor of a policy of budgetary and monetary incentives, which is probably also quite important. And the Ministry of Economic Development, and I would praise them for that, has proposed a set of various measures to regulate the economy. How all this will work is not known yet, because the key issues have not yet been included in the plan.

Bodrunov: Alexey Leonidovich, how do you assess the measures included in the plan from the point of view of the planned expenses? Let me see: Europe spends about 10% of its GDP; according to all the estimates we have we spend about half that. Can you tell if those funds be enough to solve the priority tasks if not to stabilize the economy?

Vedev: Nobody knows it yet. But I'm optimistic in that I see the government's willingness to increase those expenditures. And to increase direct spending and combine support measures – maybe tax holidays will be extended to the 3rd and the 4th quarters. I think that such measures will be promptly considered after analyzing the effectiveness of each measure.

Bodrunov: So, then maybe we should consider this situation with expenditures as follows: let's not assume that if, relatively speaking, we have sent 5% of our GDP, then nothing else is needed. We should consider it as a first confident step, that we are spending the money now, but there are some other tasks as well, we have just talked about it, for which more money will be required. And there's no room for any reduction. Recently, the President gave an instruction, and probably a very logical one, to reformat the national projects. A new government was appointed, we had great hopes that everything will be fine from now on, and then, like they say in that movie, bad things happened again, and black swans flew in. It was logical to issue an instruction for reformatting the projects. However, we are now pondering how to do it taking into account the national plan for economic recovery, taking into account the need to accelerate the economy further and taking into account the fact that in terms of time, the goals of national development should be achieved within the same timeframe as before. How could the reformatting have been achieved?

Vedev: Everybody seems to partly misunderstand the key goal of the national projects. 27 trillion rubles for the national projects seemed like a lot for a 6 year period. But it's 3-4 trillion a year. And investments in fixed assets are worth 20-21 trillion, many times higher. And the main role the national projects should have played, in my opinion, was the role of a multiplier to stimulate investments, private and otherwise. It is wrong to think that the national projects will solve problems. There is simply no money to solve all the problems. I think that the national projects, like infrastructure projects, they should have been implemented in the most important areas, maybe the riskiest ones, maybe the least risky ones, but in any event the most important ones and the least recoupable, that's what public money should have been spent on. For example, roads are usually always public and not private.

Bodrunov: Yes, and the state of our rather powerful businesses is such that only the government can be the driver and the main financial agent which would spend its own money and attract private investment for this public task. Neither the Russian budget nor the private sector have such funds as the US budget, so it is necessary to choose what to spend on. You definitely noticed that the national project is not a panacea, it is a trigger. Imagine I'm an entrepreneur. I need hope as an entrepreneur, I need an understanding of where to invest. I need an understanding of the general economic situation, the exact situation. If we are talking about returning to the goal of going further than 3% growth, then this goal can be achieved only when hope is revived in people, when there is confidence that we are investing correctly. And if we are, it means that the economy is growing and I am investing in the right sector. And then businessmen will ask the following questions: what does the government think about the national projects, where does it direct its gaze, what does it pay attention to? And maybe there will be investments, maybe there will be some kind of support, maybe there will be some benefits, and so on and so forth. What do you think about it?

Vedev: At this point I'd like to make a short comment on growth. I would like to remind you that from 2008 to 2019 we had the average growth rate...

Bodrunov: Of 1%.

Vedev: 0.8%. And taking into account 2020, it will be even lower. Therefore, when we talk about reaching a 3% growth, can you imagine that our ultimate goal is to quintuple the growth rate.

Bodrunov: Yes. But what else can we do?...

Vedev: Yes. One needs to understand that this is a difficult task. From the point of view of the government, I think that there is probably a clear understanding that growth will be driven by investments in human capital...

Bodrunov: As a matter of priority.

Vedev: As a matter of priority. I think that the success in vaccine development will be an additional incentive to increase investment in education, health care and so on. I don't like campaigning, but you might recall we've already had a biotechnology campaign, a nanotechnology campaign, now we are in the middle of a digital economy campaign. But, objectively, it is generally a worthy goal in which you can invest, you can dole out benefits, create conditions for the growth of IT companies. I do not expect any revolutionary reformatting of the national projects. But, without a doubt, it will be taken into account that a number of industries have suffered greatly, all our oil production is moving to a different price category, and the \$45-55 per barrel corridor is here to stay, including all the other prices associated with it, I mean gas and everything connected with it. A new reality has emerged. And the fact that the demand for Russian exports, commodities will potentially decrease is also a reality.

Bodrunov: It is an objective situation, yes.

Vedev: And, of course, we also need some money, apparently, to reformat those industries. Oil production dropped 15% in July.

Bodrunov: Yes, and not only because of the OPEC+ deal, the deal was made for a reason.

Vedev: Demand is shrinking, of course.

Bodrunov: Yes, global demand for energy resources is shrinking. And I would like you to listen to the opinion of another of our experts, Dmitry Evgenievich Sorokin, and yet another expert from the aviation industry, Roman Sergeevich Golov.

Roman Sergeevich Golov:

Of course, we consider the reindustrialization of the economy to be the main driver. The fact is that since the Soviet era we have formed a solid groundwork. And our task, as economists, is to try to use this groundwork effectively. This reindustrialization should be based on the 5th and 6th

technological modes. Unfortunately, at present the share of those technological modes, the 5th and the 6th, in the Russian economy it is not high enough. The digitalization of the Russian economy can be considered as the second driver. The digitalization process has been going on for quite a long

time. And the pandemic served as a kind of another impetus, an impetus for the intensification of the digitalization of the economy in all areas. And the third driver, which, in my opinion, is also quite important and relevant, is the increase in the energy efficiency of the economy.

Dmitry Evgenievich Sorokin:

Sorokin: At this point we need to talk about drivers that will help overcome stagnation, which is much a more difficult task, because in science it is easier to get out of a crisis than to get out of stagnation. Nowadays they say that in order to solve the problems facing the economy, the economy needs to be retooled. They have been saying it for years, our entire history points

to it: Peter the Great, Stolypin, Witte, GOELRO (the state commission for electrification of Russia) celebrates its 100th anniversary this year – those are all leaps in technological makeover. It is no coincidence that the well-known May presidential decree proclaims from the outset that we need a technological breakthrough. I'll say it again: we have everything for it. But there is

also a fourth factor – the factor of trust and the factor of honesty. It is not an economic problem, it is a broad social science problem, and it is impossible to solve it in six months or in a year. But until it is solved, until the factor of honesty and trust comes into play – no other drivers will work. This has been proven by the history of Russia and other countries.

Bodrunov: As you can see, dear viewers, opinions differ, but generally we can probably say that everyone is waiting for the recovery of our economy, we hope that it will stabilize on a decent level in the coming years and will continue to grow because economic growth means higher incomes of the population. It is something that can be invested in human capital, in development, in solving social problems. And it's the most important thing for the national development goals which our President spoke about and which are set before the Russian society today. I thank you, Alexey Leonidovich, for participating in our program. All the best and see you again.

УДК 33
ББК 65

«Беседы об экономике», 2020, Москва
Научно-популярное издание

Том VII

Под редакцией С.Д. Бодрунова, д. э. н.

© Институт нового индустриального развития (ИНИР)
им. С.Ю. Витте,

© Сергей Дмитриевич Бодрунов

Подписано в печать: 19.10.2020, тираж 500 экз.

№ заказа 6736

Отпечатано в типографии ООО «ГДДС-Столица-8»
111024, г. Москва, шоссе Энтузиастов, д. 11А, корп. 1

ISBN 978-5-00020-070-4